

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Мухина З.З.

**Семейный быт
и повседневность
крестьян
Курской губернии:
традиции
и динамика перемен
в пореформенной России**

Москва
2012

УДК 392
ББК 63.5.
М 925

Ответственный редактор:
Н.Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор

Рецензенты:
О.Е. Казьмина, доктор исторических наук, профессор
С.С. Крюкова, кандидат исторических наук

Мухина 3.3.

Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России / М.: ИЭА РАН, 2012. – 299 с.

ISBN 978-5-4211-0066-9

Книга посвящена исследованию семейного быта и повседневности русских крестьян Курской губернии во второй половине XIX – начале XX века. В монографии на основе обширного комплекса источников рассматриваются особенности хозяйственных традиций крестьян, быта и досуга, структуры семьи, семейно-бытовых отношений, положения женщины-крестьянки в зависимости от возрастной и социально-семейной стратификации. Большое внимание автор уделяет обрядам и обычаям, связанным с рождением и социализацией детей.

Издание предназначено для этнографов, историков и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-4211-0066-9

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2012
© Мухина 3.3., 2012
© Орлова Е.В., художественное оформление, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Хозяйственные традиции крестьян	31
Среда обитания сельского населения	31
Земледелие и крестьянское землепользование	34
Занятия кустарными промыслами	55
Распределение работ и распорядок дня	68
Глава II. Быт и досуг	75
Крестьянская усадьба и жилище как жизненная среда крестьянина	75
Одежда крестьян: традиции и новые тенденции	89
Традиции питания	111
Досуг крестьян	120
Глава III. Традиционная крестьянская семья	139
Типология и структура семьи	139
Брачные традиции	152
Репродуктивное поведение	173
Женщина в крестьянской семье	181
Глава IV. Обряды и обычаи, связанные с рождением и социализацией детей	205
Родильная обрядность	205
Социализация детей в традиционном обществе	230
Заключение	266
Список использованных сокращений	272
Список использованных источников и литературы	273

ВВЕДЕНИЕ

Трудное и болезненное обновление России настоятельно требует переосмысления нашего прошлого и настоящего на основе серьезного научного анализа. Для нашей страны с ее многовековой аграрной доминантой особое значение имеет изучение крестьянского мира, его системы ценностей, конституирующей и структурирующей его повседневность.

Термин «повседневность» имеет различные толкования: Повседневная жизнь – это реальность, интерпретируемая людьми и имеющая для них субъективную значимость в качестве цельного мира (П. Бергер и Т. Лукман¹); повседневность – человеческая жизнь, рассмотренная с точки зрения тех функций и ценностей, которые плотно заполняют жизнь личности, включая труд, быт, отдых, передвижения и т.д. (А.С. Ахиезер²); повседневность – базисная сфера реальности «жизненного мира» (Н. Смирнова³); повседневность – это быт, бытовая сторона жизни, осуществляемая изо дня в день (С.И. Ожегов⁴).

Под термином «повседневность» автор понимает обыденный мир обычных людей, имеющий временные и пространственные рамки.

Само поле повседневности не является однородным и статичным. Оно меняется непредсказуемым образом со временем, зависит от не поддающихся сколько-нибудь полному учету многообразия факторов: экономических, социальных, административных, религиозных, ритуальных, эмоционально-психологических и т.п. Изучение повседневности, выявление сложнейшей динамики многообразия факторов, на первый взгляд могущих казаться мелкими и незначительными, дает возможность прояснить такие стороны крестьянского пространства, которые оставались незамеченными при традиционном этнографическом изучении быта. Показательны в этом отношении слова английско-

---

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 38.

² Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурный словарь). Т. 3. М., 1991. С. 244.

³ Смирнова Н. Классическая парадигма социального знания и опыт феноменологической альтернативы // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 133.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1993. С. 467.

го историка Робина Коллингвуда. В своем труде «Идея истории» он задавался вопросом о том, можно ли написать историю так, какой она была в действительности, «на самом деле»? И отвечал, что это было бы возможно, если бы мы могли проникнуться мыслями и чувствами тысяч и миллионов людей, живших в описываемую эпоху⁵. Конечно, такая сверхзадача никогда не может быть решена, но любое к ней приближение позволит не только добавить отдельные фрагменты, но и представить всю картину в целом.

История повседневности находится в русле тех же идей. Современная российская историческая наука с конца 1980-х годов все чаще обращается к «истории повседневности» как направлению исторических исследований⁶. В центре внимания истории повседневности – не только быт в его этнографическом смысле, но и те переживания, эмоциональная и мировоззренческая составляющие, которые этот быт опосредовали. История повседневности акцентирует внимание, таким образом, не только на быте, но и на отношении к нему тоже, на жизненных проблемах индивидов и на осмыслении всего комплекса вопросов ушедшими поколениями⁷.

Рассмотрение крестьянского семейного быта и повседневности в прошлом позволяет заглянуть в глубины народной жизни. Крестьянская семья являлась первичной хозяйственной единицей. В семье со-

---

⁵ Цит. по: *Лебедев В.* Подлинная история // Вопросы философии. 1996. № 11. С. 142.

⁶ См., например: *Лелеко В.Д.* Эстетика повседневности. СПб., 1993; Российская повседневность. 1921–1941. Новые подходы. СПб., 1995; *Пушкарева Н.Л.* «Живя и трудясь в подвиги окольным людям» (Женский труд и женские занятия в российской повседневности X – XVII вв. // Женщина в российском обществе. 1996. № 2. С. 18-27; *Она же.* Частная жизнь женщины в доиндустриальной России X – начала XIX в.: невеста, жена, любовница. М., 1997; *Она же.* Частная жизнь и проблемы повседневности глазами историка // Социальная история. 2003. М., 2003. С. 15-32; *Она же.* Предмет и методы изучения «истории повседневности» // ЭО. 2004. № 5. С. 3-19; *Лебедева Л.В.* Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М., 2009; *Белова А.В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010.

⁷ См.: *Пушкарева Н.Л.* Предмет и методы изучения «истории повседневности»... С. 3-19.

хранялись и передавались от поколения к поколению традиции – элементы социокультурного наследия, многие из которых сохраняются до настоящего времени и являются составной частью повседневной жизни современной русской деревни. Через призму повседневной жизни крестьян, погружения в его внутренний мир можно постараться понять устроения, ощутить атмосферу, почувствовать «аромат» той эпохи. Фактов повседневной жизни существует неисчислимо множество. Отдельные конкретные факты позволяют воспринимать не с точки зрения стороннего наблюдателя, а в какой-то степени дают возможность прикоснуться к личностному восприятию, посмотреть на явления глазами людей, живших в ту эпоху. В этом ценность изучения обыденной жизни, связей между людьми. Только факты, «мелочи дают настоящую атмосферу подлинности: цвет, вкус и запах каждой эпохи»⁸.

В связи с этим особый интерес представляют исследования на региональном уровне, которые способствуют уточнению и конкретизации общих тенденций и закономерностей, эволюции микро- и макромира крестьянской семьи, помогают расширить общие представления о духовном облике российской деревни.

В монографии предпринята попытка реконструкции семейного быта и повседневности русских крестьян сельских поселений Курской губернии в условиях трансформирующейся социокультурной среды русской деревни второй половины XIX – начала XX в.

В предлагаемой читателю книге исследованы хозяйственные традиции крестьян (занятия земледелием и кустарными промыслами, сельскохозяйственные орудия, распределение работ и распорядок дня); показаны особенности бытового уклада (жилые и хозяйственные постройки, одежда, традиции питания и домашняя утварь). Особое внимание автор уделяет типологии и структуре крестьянской семьи, брачным традициям, религиозным воззрениям; репродуктивному поведению крестьянства и положению женщины в семье; обрядам и обычаям, связанным с беременностью женщины, рождением и воспитанием детей. В ходе исследования были выявлены особенности отношения русских крестьян к окружающей их действительности в зависимости от половых, возрастных и социальных особенностей; выясне-

---

⁸ Бердинских В. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011. С. 11.

на динамика развития повседневной семейной жизни крестьян – устойчивость традиций и механизмы проникновения новаций. Следует отметить, что не все указанные проблемы раскрыты автором достаточно полно в связи с широким пониманием повседневности и отсутствием или недостаточностью источников.

* * *

Курская губерния в пореформенный период включала в себя территорию современных Курской и Белгородской областей, двух районов Орловской и одного района Сумской области.

Курская губерния была организована в 1802 году из Курского наместничества, а в 1838 году расширена и окончательно утверждена в составе 15 уездов: Белгородского, Грайворонского, Дмитриевского, Корочанского, Курского, Львовского, Новооскольского, Обоянского, Путивльского, Рыльского, Старооскольского, Суджанского, Тимского, Фатежского, Щигровского. Площадь губернии в конце XIX века составляла 65 913, 6 кв. км. Численность населения по данным переписи 1897 г. была 2 396 577 человек, из них 2 149 485 человек проживало в сельской местности⁹.

Национальный состав Курской губернии был сравнительно однороден. Преобладающую часть населения составляли русские (76,4%). Второе место по численности занимали украинцы (22,9%), затем белорусы – 25 000 человек, цыгане – около 1000 и евреи – около 1500 человек. Русские жили во всем пространстве губернии. Украинцы проживали в основном в южной ее части¹⁰.

В конфессиональном отношении русское сельское население относилось к православной церкви.

Уезды Курской губернии по составу населения делились на три группы. Первую группу составляли уезды с абсолютным преобладанием бывших государственных крестьян – однодворцев – потомков «служилых людей по прибору» и «детей боярских». Это уезды: Фатежский, Щигровский, Тимский, Курский, Старооскольский и Суджанский. Во вторую группу входили Обоянский, Белгородский, Новооскольский и

---

⁹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб., 2008. С. 13.

¹⁰ Там же.

Львовский уезды, в которых преобладали государственные крестьяне. В Новооскольском уезде большинство государственных крестьян прежде принадлежали крупным частным владельцам. Последнюю группу составляли уезды, в которых более половины населения состояло из помещичьих крестьян. К этой группе можно отнести следующие уезды: Дмитриевский, Рыльский, Путивльский, Грайворонский, Корочанский¹¹. Преобладающим сословием среди сельского населения губернии были крестьяне – около 97%.

***

Историография исследуемой проблемы представлена в различных работах, выполненных дореволюционными, советскими и современными исследователями.

В дореволюционной историографии специальных работ по истории повседневности не было. Однако различные аспекты повседневности освещались в работах крупнейших историков России (Н.И. Костомарова, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и др.). Например, в работах В.О. Ключевского были заложены основы российской методологии изучения повседневной жизни. В работе Н.И. Костомарова «Домашняя жизнь и нравы великорусского народа» приведены интересные факты из традиционного повседневного быта крестьян¹². Отдельные вопросы, касающиеся семейного быта, рассматриваются в работах И. Тютрюмова¹³, В.С. Лазовского¹⁴, А.Я. Ефименко¹⁵, А.Ф. Мейендорфа¹⁶, кн. А.А. Васильчикова¹⁷, А.А. Бронзова¹⁸. Так, роль официального

---

¹¹ Итоги статистического исследования. Курск, 1887. С. 7.

¹² *Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

¹³ *Тютрюмов И.* Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Июль. С. 123-156.

¹⁴ *Лазовский В.С.* Личные отношения супругов по русскому обычному праву // Юридический вестник. 1883. № 6–7. С. 358–414.

¹⁵ *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. Обычное право. Изд. 2. М., 2011.

¹⁶ *Мейендорф А.Ф.* Крестьянский двор в системе русского крестьянского законодательства и общинного права и затруднительность его применения. СПб., 1909.

¹⁷ *Васильчиков А.А.* Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб., 1881.

законодательства в регулировании сфер жизнедеятельности крестьянского двора описана в труде А.Ф. Мейендорфа.

Положению женщины в крестьянской семье посвящены исследования А. Филиппова¹⁹, И. Харламовой²⁰, А.П. Шапова²¹, А.Я. Лудмер²², Д. Азаревич²³, С.С. Шашкова²⁴, в которых определены статус, права, обязанности и роль женщины в крестьянской семье. Одни авторы признавали женщину-крестьянку равной мужчине, как в личных, так и в имущественных правах, другие отмечали жесткое давление на женщину со стороны православной церкви, что способствовало безраздельному господству мужчины над женщиной.

Вопросы семейной повседневности (семейно-бытовые отношения, календарная и семейная обрядность и др.) рассматриваются в обобщающих работах по этнографии. Это, прежде всего, труды А.В. Терещенко, Е.В. Аничкова²⁵ и др.

Многообразная хозяйственная деятельность русских крестьян в малой и большой семье рассмотрена в публикациях Г. Успенского, А. Филиппова, А.И. Шингарева, С.Т. Семенова, Ф. Щербины²⁶.

---

¹⁸ *Бронзов А.А.* О крестьянской семье и связанных с нею вопросах. СПб., 1901.

¹⁹ *Филиппов А.* Женщина в крестьянской семье // Русское богатство. 1880. № 3–4. С. 59–107.

²⁰ *Харламова И.* Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 3–4. С. 59–107.

²¹ *Шапов А.П.* Значение народной женщины в антропологическом и социальном развитии русской народности // Шапов А.П. Сочинения. Т. 2. СПб., 1906. С. 31–55.

²² *Лудмер Я.А.* Бабы стоны (Из записок мирового судьи) // Юридический вестник. 1884. № 11. С. 446–467.

²³ *Азаревич Д.И.* Семейные и имущественные отношения по русскому праву // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. № 4. С. 33–46.

²⁴ *Шашков С.С.* История русской женщины: От эпохи древних славян до второй половины XIX века. Изд. 3-е. М., 2011.

²⁵ *Терещенко А.В.* Быт русского народа. СПб., 1848; *Аничков Е.В.* Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. Ч. 1-2. СПб., 1903–1905; *Он же.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.

²⁶ *Успенский Г.* Крестьянские женщины // Русская мысль. 1890. № 4. С. 137–154; *Филиппов А.* Женщина в крестьянской семье // Русское богатство. 1880. № 3–4. С. 4–13; *Шингарев А.И.* Положение женщин в крестьянской среде // Медицинская беседа. 1889. № 19. С. 280–284; *Семенов С.Т.* Из истории

Значительное место в публикациях дореволюционного периода занимали вопросы деторождения, акушерской помощи, родильной обрядности²⁷. В книге Г.И. Попова «Русская народно-бытовая медицина» собран обширный и ценный этнографический материал о быте и жизни крестьян²⁸. Споры и дискуссии вызвала книга земского врача А.И. Шингарева «Вымирающая деревня», в которой он указывает, что без изменения общих условий русской действительности проблема деторождения и смертности детей не может быть решена²⁹.

В конце XIX в. широкому обсуждению подверглись проблемы венерических заболеваний, прерывания беременности, детоубийства и незаконнорожденных детей среди крестьянских женщин³⁰.

одной деревни // Русская мысль. Кн. I. 1902. С. 62-63; *Щербина Ф.* Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900.

²⁷ См.: *Славянский К.Ф.* К учению о физиологических проявлениях половой жизни женщины-крестьянки // Здоровье. 1874-1875. № 10; *Григорьев И.* О половой деятельности женщин Мышкинского уезда Ярославской губернии // Врачебные ведомости. 1883. № 21-23; *Соколов Н.* К характеристике половой деятельности женщины-крестьянки // Протоколы заседаний и труды IV Московского губернского съезда женщин-врачей. М., 1880; *Олихов С.* К вопросу о плодовитости крестьянок Кинешемского уезда // Земский врач. 1890. № 52. С. 142-153; *Успенский Д.И.* Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным. (По материалам, собранным в Тульском, Веневском и Каширском у. Тульской губ.) // ЭО. 1895. № 4 (кн. 27). С. 71-95; *Харузина В.Н.* Несколько слов о родильных, крестинных обрядах и об уходе за детьми в Пудожском уезде Олонецкой губернии // Этнографическое обозрение. 1906. № 1/2 (кн. 68/69). С. 88-95; *Сумцов Н.Ф.* О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1880. № 11. С. 68-94; *Афиногенов А.О.* Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению: Медико-статистическое исследование. СПб., 1903.

²⁸ *Попов Г.И.* Русская народно-бытовая медицина. По материалам Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. Репринт. Рязань, 2010.

²⁹ *Шингарев А.И.* Вымирающая деревня. СПб., 1907. С. 12.

³⁰ *Богданов П.* К статистике и казуистике болезней половых органов у крестьянок Кирсановского уезда. Тамбов, 1889; *Гернет М.Н.* Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М., 1911; *Бородаевский С.* Незаконнорожденные в крестьянской среде // Русское богатство. 1898. № 10. С. 233-251.

Вопросы хозяйственной деятельности крестьян, санитарно-гигиенических условий жизни в деревне оставались актуальными и в первые годы XX в.³¹

В дореволюционной историографии появляются исследования локальных проблем повседневного поведения крестьянства (проституция, алкоголизм, пьянство)³².

В начале XX в. аспекты повседневной жизни русского крестьянского населения рассматривались в исследованиях этнографов: свадебные обряды³³, родильная обрядность³⁴, женская одежда³⁵.

Можно сказать, что среди предметов рассмотрения российской исторической науки начала XX в. находились различные аспекты повседневной жизни крестьян, в том числе вопросы о социальном, правовом, имущественном и семейном статусе членов семьи, внутрисемейных отношениях, трудовой и духовной сторонах их жизни. Для указан-

---

³¹ *Бржеский Н.К.* Очерки аграрного быта крестьян. Земледельческий центр России и его оскуднение. СПб., 1908; *Прокопович С.* Крестьянское хозяйство (по данным бюджетных исследований и динамических переписей). Ростов-на-Дону, 1905.

³² *Балов А.* Проституция в деревне // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1906. № 12. С. 1864-1868; *Первушин С.А.* Влияние урожая в связи с другими экономическими факторами на потребление спиртных напитков в России. М., 1909; *Воронов Д.Н.* Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 г. Пенза, 1913; *Озеров И.Х.* Алкоголизм и борьба с ним (Атлас диаграмм по экономическим вопросам). Вып. VII. М., 1914.

³³ См.: *Соловьева Л.И.* Свадьба (быт) // Курский сборник / Под ред. Н.И. Златоверховникова. Вып. 7. Курск, 1907. С. 31-43; *Буромская Е.Д.* Свадебные песни и обычаи в Рыльском и Львовском уездах Курской губернии. Харьков, 1916; *Астров Н.* Крестьянская свадьба в с. Загоскине Пензенского уезда (Бытовой очерк) // Живая старина. 1905. Вып. 3-4. С. 415-458.

³⁴ См.: *Соболевский А.* Обряды и обычаи при рождении младенца и колыбельные песни Владимирской губернии (Труды Владимирского общества любителей естествознания). Прилож. к т. 3. Вып. 2. Владимир, 1912; *Степанов В.* Сведения о родильных и крестильных обрядах в Клинском у. Московской губернии // ЭО. 1906. № 3-4. С. 221-234; *Абрамов И.С.* Обряд повивания в Курской губернии // Живая старина. Вып. 1, отд. V. 1906. С. 1-2.

³⁵ *Богданов В.* Из истории женского южновеликорусского костюма // ЭО. 1914. № 1-2. С. 127-155.

ного периода было характерно многообразие тем исследования. В то же время отсутствовал обобщенный, концептуальный подход изучения истории повседневной семейной жизни русских крестьян в целом с единых позиций.

Проблемы повседневной жизни крестьян получили отражение в дореволюционной региональной историографии. К вопросам крестьянской семейной повседневности обращались в своих публикациях местные общественные деятели, сельские священники, учителя, просто любители старины (А.И. Дмитриуков³⁶, М. Бойков³⁷, А.И. Орглет³⁸, А.С. Машкин³⁹, В.И. Резанов⁴⁰, Г.И. Булгаков⁴¹), которые собрали и осуществили первичную обработку еще свежего тогда фактического материала, «живой старины». Описания семейных отношений обычно имели остро публицистический характер, часто сводились к так называемому «женскому вопросу». Свадебные обряды чаще всего описывали отдельно, а родильно-крестильную и похоронную обрядность, как правило, включали в общие описания или статьи по народным верованиям, народной медицине и т.п. Следует отметить работы А.С. Машкина «Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда» и Г.И. Булгакова. А.С. Машкин детально описал хозяйственную деятельность, бюджет, семейно-бытовые условия, одежду, пищу, обычаи и обряды обоянских крестьян. Г.И. Булгаков на основе этнографического материала рассматривает семейную бытовую культуру русского крестьян-

---

³⁶ *Дмитриуков А.И.* Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде Курской губернии // Московский телеграф. 1831. Ч. 39. № 10. С. 255-271; № 11. С. 359-377.

³⁷ *Бойков М.* Краткое обозрение Курской губернии в географическом и историческом отношении. Белгород, 1879.

³⁸ *Орглет А.И.* Медико-топографическое и статистическое описание сл. Головчины, с. Антоновки и д. Тополей Грайворонского уезда Курской губернии. СПб., 1898.

³⁹ *Машкин А.С.* Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник. Вып. V. СПб., 1862. С. 1-119.

⁴⁰ *Резанов В.И.* Материалы по этнографии Курской губернии. Курск, 1902.

⁴¹ *Булгаков Г.И.* Схематический обзор Курского края в этнографическом отношении // Курский край. Сборник по природе, истории, культуре, экономике Курской губернии / Под ред. С.В. Иванова, Е.К. Введенского и др. Вып. I. Курск, 1925. С. 93-111.

ства Курской губернии, отмечая наиболее характерные черты данной местности в бытовом отношении.

Посвященные отдельным проблемам повседневной семейной жизни русских крестьян, работы дореволюционных исследователей базируются в основном на богатом фактическом материале и являются результатом непосредственных наблюдений их авторов за различными сторонами жизни пореформенной деревни. В большинстве они носят описательный характер. Вместе с тем, следует отметить, что отдельным авторам удалось показать влияние на структуру повседневности природно-климатических условий, которые непосредственно определяли сферы хозяйственной деятельности крестьян, распорядок дня в семье, пищу, досуг и др., отразить в своих работах противоречивость условий развития семьи крестьян после отмены крепостного права, выявить влияние денежных отношений на различные стороны их семейно-хозяйственной жизни.

Дореволюционные исследования позволили нам проследить различия, возникавшие в крестьянском хозяйстве и семейном быту в результате модернизационных процессов во второй половине XIX в.

В советской историографии повседневность крестьянства не являлась темой специального научного исследования. В первые советские годы исследователи основной акцент делали на критике патриархальных устоев крестьянской семьи. Сельская молодежь как носительница идей нового быта противопоставлялась старшему поколению (Ф. Кретов⁴², Н. Яковлев⁴³, С. Дубровский⁴⁴, Р. Внуков⁴⁵).

В этот период в советской историографии мало внимания уделялось изучению этнографии русского населения в целом, несмотря на то, что русское крестьянство в 1920-е – 1930-е годы переживало радикальное изменение образа жизни. Это можно объяснить, с одной стороны, тем, что много внимания стало уделяться изучению многочисленных (нерусских) народов страны, которые до того времени в значительной степени оставались вне поля зрения этнографической науки.

---

⁴² См.: Кретов Ф. Деревня после революции. М., 1925.

⁴³ Яковлев Н. Наша деревня в новом и старом. М., 1925.

⁴⁴ Дубровский С. Крестьянский двор и семейно-имущественные разделы. М., 1926.

⁴⁵ Внуков Р.Я. Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929.

С другой стороны, в тот момент смены идейных ориентиров отсутствовало четкое понимание задач этнографии как науки⁴⁶. Вместе с тем следует отметить, что исследованию крестьянского быта второй половины XIX – начала XX в. посвящена классическая работа крупнейшего русского этнографа Д.К. Зеленина «Восточнославянская этнография», но она была издана в 1927 г. на немецком языке. Издание этой книги на русском языке осуществлено только в 1991 г.⁴⁷ В «Предисловии» Д.К. Зеленин обращает внимание на то, что «невозможно понять сущность современной русской деревни без знания традиционной культуры народа, описанной в этой книге»⁴⁸. В книге представлен обширный фактический материал о хозяйственной деятельности женщины-крестьянки (прядание, ткачество, плетение, приготовление пищи, изготовление одежды), дано подробное описание женской крестьянской одежды (понева, юбка и сарафан, верхняя одежда, головные уборы, обувь и др.), прически, женской косметики и гигиены. Автор касается вопросов народной медицины, уделяя особое внимание родам женщины-крестьянки, роли повитухи, семейной обрядности.

В 1950-е – 1980-е годы повседневная семейная жизнь крестьянства рассматривалась историками лишь в контексте решения других задач: в связи с изучением вопросов реализации реформы 1861 г. (В.А. Федоров⁴⁹, Б.Г. Литвак⁵⁰, Н.М. Дружинин⁵¹). Так, Н.М. Дружинин в монографии «Русская деревня на переломе 1861-1880 гг.», исследуя сложные социально-экономические процессы в деревне в первое двадцатилетие после отмены крепостного права, показывает, с одной стороны, изменения, произошедшие в экономической жизни отдельных крестьянских хозяйств, с другой – сохранение феодальных пережитков в быту.

---

⁴⁶ Токарев С.А. Ранние этапы развития советской этнографии (1917 - середина 1930-х годов) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971. С. 111-120.

⁴⁷ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

⁴⁸ Там же. Предисловие. С. 8.

⁴⁹ Федоров В.А. Падение крепостного права в России. Документы и материалы. Вып. II. М., 1967.

⁵⁰ Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр 1861–1895 гг. М., 1972.

⁵¹ Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М., 1978.

С целью сбора материалов по истории пролетариата и крестьянства России конца XIX – начала XX в. в 1951-1953 гг. были организованы экспедиции в Курскую губернию. Результаты работы были опубликованы в сборнике «Историко-бытовые экспедиции. 1951-1953: материалы по истории пролетариата и крестьянства России конца XIX – начала XX века»⁵². Для создания историко-этнографического атласа «Русские» в 1954 г. в нескольких районах Курской и Белгородской областей работала экспедиция Института этнографии Академии наук. По результатам полевых работ этнографов были опубликованы «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР» и статьи в журнале «Советская этнография». В них представлены фактические материалы и выводы по сельскому хозяйству, жилищицу, одежде населения бывшей Курской губернии. Полевые исследования проводились и в последующие годы в сельских населенных пунктах Белгородской области, которые в исследуемый нами период относились к Курской губернии⁵³.

Разные аспекты повседневной семейной жизни крестьян получили отражение в книге «Фольклор и действительность» В.Я. Проппа⁵⁴.

В середине 1980-х годов в трудах И.М. Милоголовой нашли отражение проблемы экономики крестьянской семьи, семейных разделов в русской пореформенной деревне, эволюции форм семьи и особенностей распределения ролей в традиционной русской семье⁵⁵. Изучение

---

⁵² Историко-бытовые экспедиции. 1951-1953: материалы по истории пролетариата и крестьянства России конца XIX – начала XX века / Под ред. акад. А.М. Панкратовой. М., 1955.

⁵³ *Чижикова Л.Н.* Традиционная женская одежда русских в Белгородской области // Полевые исследования института этнографии. 1977. М., 1979. С. 9–18; *Чижикова Л.Н.* Развитие жилища в селах Белгородской области // Полевые исследования института этнографии. 1979. М., 1983. С. 3-12; *Чижикова Л.Н.* Этнические аспекты материальной культуры населения юго-западных районов Курской области // СЭ. 1978. № 4. С. 76–88; *Чижикова Л.Н.* Этнические традиции в современной свадебной обрядности сельского населения этноконтактной зоны (на примере Белгородской области) // СЭ. 1980. № 2. С. 10–25.

⁵⁴ *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.

⁵⁵ *Милогорова И.М.* Семейные разделы в русской пореформенной деревне (На материалах центр. губерний) // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1987. № 6.

проблем повседневности крестьянства проводилось и на региональном уровне. Это, прежде всего, исследования обобщающего характера по истории Курского края (В.В. Докучаев⁵⁶). В них рассматриваются элементы традиционной культуры крестьян.

Важное значение имеют работы Т.А. Листовой⁵⁷. Главной источниковедческой базой ее исследований являются сообщения корреспондентов Русского географического общества, Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, Общества любителей естествознания, археологии и этнографии. Материалы собирались и самой Т.А. Листой, в частности, во время экспедиций в 1980-1987 гг. в Курскую и Белгородскую области.

Особое значение по рассматриваемой проблематике имеют работы М.М. Громько⁵⁸. Исследователь изучала русскую деревню XIX века по достоверным историческим материалам: архивным данным, описани-

---

С. 37-46; *Она же*. Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1998. № 2. С. 61-76; *Она же*. О праве собственности в пореформенной крестьянской семье. 1861–1900 гг. // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1995. № 1. С. 22-31; *Она же*. Распределение хозяйственных функций в крестьянской семье (На материалах центральных губерний) // СЭ. 1991. № 2. С. 93-100; *Она же*. Экономика пореформенной крестьянской семьи // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1997. № 5. С. 32–49.

⁵⁶ *Докучаев В.В.* Русский Чернозем. Отчет Вольному экономическому обществу. Изд. 2-е. М., 1952; *Он же*. Из истории культуры Курского края. Сборник документов и материалов. Курск, 1965.

⁵⁷ *Листова Т.А.* Кумовья и кумовство в русской деревне // СЭ. 1991. № 2. С. 37–51; *Она же*. Народный православный обряд создания семьи // Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 7-35; *Она же*. Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год жизни // Русские. М., 2005. С. 500–516; *Она же*. Религиозно-нравственное отношение к деторождению в русской семье // Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 36–52; *Она же*. Ткачество и вышивка в некоторых районах Курской и Белгородской областей // Полевые исследования института этнографии. 1977 г. М., 1979. С. 19–28; *Она же*. Трудовое воспитание в крестьянской среде // Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 182-201.

⁵⁸ *Громько М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.; *Она же*. Мир русской деревни. М., 1991.

ям современников, решениям общинных сходок, прошениям и письмам крестьян. Ее исследования отличаются глубоким анализом обширного фактического материала. Она осуществила перемещение исследовательских интересов от изучения макроуровневых структур, предполагавшего оперирование глобальными понятиями, к антропологизации понимания культуры и социальной истории.

В советской исторической науке был накоплен достаточно обширный методологический и фактический материал о крестьянстве как классе, его экономической, социальной, культурной жизни после реформы 1861 г.⁵⁹

Особое место в исследованиях 1970-х – начала 1980-х годов принадлежало выдающимся историкам-аграрникам В.А. Александрову, А.М. Анфимову, В.А. Федорову, В.А. Звереву, В.П. Данилову⁶⁰. Наряду

---

⁵⁹ *Кабытов П.С.* О некоторых характерных чертах духовного облика русского крестьянства начала XX в. // В кн.: Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX – начале XX в. Куйбышев, 1986. С. 60-70; *Кабытов П.С.* Русское крестьянство в начале XX в. Куйбышев, 1990; *Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г.* Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988; *Фурсов В.Н.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в 60 – 70-е гг. XIX века (социально-психологические аспекты). Воронеж, 1984.

⁶⁰ *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в. М., 1984; *Александров В.А.* Семейно-имущественные отношения по обычному праву в русской крепостной деревне XVIII – начала XIX вв. // История СССР. 1979. № 6. С. 37–54; *Александров В.А.* Черты семейного строя у русского населения Енисейского края XVII – начала XVIII вв. // Сибирский этнографический сборник. Т. III. М.; Л., 1961. С. 3-26; *Александров В.А.* Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 78-96; *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1861–1904. М., 1980; *Он же.* Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962; *Зверев В.А.* Роль семьи в закреплении и передаче опыта хозяйственной деятельности русских крестьян Сибири (конец XIX - начало XX в.) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. Новосибирск, 1985. С. 114-122; *Он же.* Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма. Историко-демографический анализ. Новосибирск, 1991; *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.

с традиционными вопросами исследователей стали привлекать и проблемы общественного сознания деревни, крестьянского менталитета⁶¹.

В советский период учеными выполнен историографический анализ специальных исследований по вопросам теории структуры и функций семьи, в которых даны концептуальные обобщения по проблемам семьи в философском, социологическом, психологическом и историческом аспектах (А.Г. Харчев⁶², З.А. Янкова⁶³, О.А. Ганцкая⁶⁴, Б.Н. Миронов⁶⁵, О.М. Вербицкая⁶⁶ и др.)

Однако вопросы всесторонних изменений в повседневной семейной жизни крестьян не были представлены в виде самостоятельных специальных исследований. Необходимо отметить и то, что на этом этапе исчерпавшие себя методологические конструкты не позволяли осуществлять выход на уровень социальных, национальных, политических обобщений. На базе старого теоретического инструментария, жесткой идеологизации науки в нашем обществе восполнить существующий пробел в истории крестьянства России было невозможно.

Постсоветская историография (с 1991 года). Осознание многогранности истории повседневности, ее междисциплинарности потребовали применения для исторических исследований методов различных областей научного знания: социологии, психологии, сексологии, философии и др. Появилась возможность привлечь закрытые до того источники и ввести в сферу научных исследований прежде «запретные» темы. В российской историографии, в том числе по рассматриваемой про-

---

⁶¹ См.: *Миронова Т.П.* Политическое сознание советского доколхозного крестьянства в обществоведческой литературе 70–80-х гг. // Проблемы историографии и истории культуры народов СССР. М., 1988; *Кузнецов И.С.* Письма селькоров как массовый источник изучения социальной психологии сибирского крестьянства 1920-х гг. // Массовые источники по истории Сибири. Новосибирск, 1989.

⁶² Харчев. А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1964.

⁶³ Янкова З.А. Городская семья. М., 1979.

⁶⁴ Ганцкая О.А. Семья: структура, функции, типы // СЭ. 1984. № 6. С. 16–28.

⁶⁵ Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: Сб. ст. / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 1977. С. 83-104.

⁶⁶ Вербицкая О.М. Российская семья в 1897-1959 гг. (историко-демографический аспект). М.; Тула, 2009.

блематике, наметился отход от традиционных социально-юридических аспектов и узконаправленных этнографических исследований, появились такие научные направления, как социально-психологическое, изучение православной духовности, формируются новые подходы и методы осмысления минувших эпох. В новой отечественной истории центральное место начинает занимать антропологически ориентированная история, в центре которой находятся люди. Как в современной российской, так и в зарубежной историографии изменился сам предмет исследования, внимание стало концентрироваться на мало затрагиваемых прежде аспектах: социально-психологические приоритеты, мотивы поведения, мировосприятие, установившиеся привычки, внутренний мир индивидов из других социокультурных общностей.

Период 1990-х годов становится временем возрождения лучших традиций отечественного крестьяноведения. Российские историки приобщаются к непрерывавшейся на протяжении всего XX века культурно-антропологической традиции изучения крестьянства на Западе⁶⁷.

В этот период наблюдается резкий рост исследовательского интереса к проблемам повседневной жизни. Внимание акцентируется на сфере «человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах». Эти исследования приобретают широкий размах, выполняются работы как общего, так и специального характера⁶⁸. При этом охватываются разные периоды российской истории, различные регио-

---

⁶⁷ См.: Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар) // Отечественная история. 1992. № 5; 1993. № 2, 6; 1994. № 2, 4-5, 6; 1995. № 3, 4, 6; 1996. № 4.

⁶⁸ См.: *Рабинович Е.Г.* Риторика повседневности: Филологические очерки. СПб., 2000; *Лелеко В.Д.* Указ. соч.; *Николаева Е.В.* Исторические традиции в культуре повседневности: Россия на рубеже XX-XXI веков // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. М., 2001. С. 189-198; *Новикова Н.Л.* Повседневность как феномен культуры. Саранск, 2003; *Новикова Н.Л.* Культура повседневности: теоретический аспект: Учебник. Саранск, 2004; *Поляков Ю.А.* Человек в повседневности (исторические аспекты) // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 125-132; *Пушкарева Н.Л.* Предмет и методы изучения «истории повседневности»...; *Она же.* «История повседневности» и «история частной жизни»...; *Савченко Л.А.* Социология повседневности. Ростов-на-Дону, 2000.

ны, классы и сословия, горожане и сельские жители⁶⁹. В качестве самостоятельных, наиболее исследованных направлений можно выделить повседневность жителей отдельных городских или сельских поселений и сословий (в частности, семейно-брачные отношения, нормы поведения, праздничную культуру, одежду). В то же время такие составляющие повседневной жизни, как среда обитания, духовные аспекты, исследованы еще гораздо в меньшей степени. Можно утверждать, что к настоящему времени история повседневности формируется как новая область российской исторической науки.

Исходя из того, что «повседневная жизнь» включает многие составляющие, в историографический обзор постсоветского периода вошли работы по широкому кругу проблем. Наиболее многочисленную группу составляют исследования по традиционной культуре⁷⁰, проблемам семьи и быта⁷¹, религиозности и ментальности⁷².

---

⁶⁹ См.: Российская повседневность 1921–1941 гг.: Новые подходы. СПб., 1995; *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь города. 1920-1930 годы. СПб., 1999; *Беловинский Л.В.* Изба и хоромы: из истории русской повседневности. М., 2002 и др.

⁷⁰ Восточные славяне. Очерки традиционной культуры. М., 1987; *Круглый год. Русский земледельческий календарь.* М., 1991; *Зорин Н.В.* Русский свадебный ритуал. М., 2001; *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005.

⁷¹ Русские: семейный и общественный быт. М., 1989; Семейный быт народов СССР. М., 1990; *Крюкова С.С.* Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994; *Шабалина Л.П.* Современная семья народов Среднего Поволжья: традиции и новации, этнические взаимовлияния. Ульяновск, 2002; *Привалова Т.В.* Быт русской деревни (медико-санитарное состояние деревни Европейской России) 60-е гг. XIX – 20-е гг. XX в. М., 2000; *Лещенко В.Ю.* Русская семья (XI – XX вв.). СПб., 2004.

⁷² *Громыко М.М., Кузнецов С.В., Буганов А.А.* Православие в русской народной культуре. Направление исследований // ЭО. 1993. № 6. С. 60–68; Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001; *Воронина Т.А.* Пост в жизни русских // Православие и народная культура. Кн. 5. М., 1995. С. 5–89; *Дынин В.И.* Когда расцветает папоротник... Народные верования и обряды южно-русского крестьянства XIX – XX вв. Воронеж, 1999; *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2000; *Листова Т.А.* Народные представления о душе, связанные с деторождением // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках. М., 2002. С. 10–37.

Схожесть социокультурных процессов современности и отстоящего на сто лет назад исторического периода усилила интерес к событиям XIX - начала XX в., в частности, к русской пореформенной деревне. В центре внимания оказались проблемы культуры и быта, духовной жизни крестьянского населения. В 1991 г. вышла монография М.М. Громыко «Мир русской деревни», в которой она утверждает, что «настало время сказать правду о русских крестьянах»⁷³.

Заметным событием в историографии стало появление комплексного исследования по социальной истории России Б.Н. Миронова⁷⁴. Автор поставил и решил очень современную и сложную задачу – переосмыслить уже имеющиеся материалы как отечественных, так и зарубежных историков по периоду XVIII – начала XX в. с точки зрения современной социальной науки. Б.Н. Мионов отдельно рассматривает развитие малой семьи и трансформации внутрисемейных отношений в крестьянской среде, деревню в процессе урбанизации, благосостояние и менталитет сельского населения, демографические проблемы и вопросы обычного права в крестьяноведении и др.

Значительный вклад в исследование повседневной жизнедеятельности русской женщины и гендерного равноправия внесла Н.Л. Пушкарева⁷⁵. Автор опровергает устоявшийся тезис о безысходности, забитости и духовной подавленности русской женщины, в том числе и крестьянки, в досоветской истории.

---

⁷³ Громыко М.М. Мир русской деревни... С. 8.

⁷⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб., 1999-2000.

⁷⁵ Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. М., 2002; Она же. Женская история в России: приоритеты, направления, методы // Женщина в российском обществе. 1996. № 4. С. 11-24; Она же. Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме: перспективы сравнительного подхода // ЭО. 1995. № 3. С. 14-21; Она же. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996; Она же. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997; Она же. Женская история: итоги и перспективы развития в России // Российская академия наук. Труды отделения историко-филологических наук. 2006. М., 2007. С. 64–82; Она же. Женщина в русской семье (X – начало XX вв.) // Русская народная культура (история и современность). М., 2000. С. 41–54; Она же. Позорские наказания для женщин в России XIX – начала XX века // ЭО. 2009. № 5. С. 120-134.

Современные работы в области гендерных исследований позволили выяснить роль женщины в процессе сохранения и трансформации семейного уклада. Анализ повседневности крестьянки, особенности распределения ролей в традиционной (неразделенной) русской семье, труде подростков существенно расширил научные представления о содержании деревенских будней⁷⁶.

Представляется актуальным анализ социокультурной среды русской деревни, которая оказывает влияние на повседневную жизнь крестьян. Среди исследований в этой области истории можно отметить статьи и монографию С.В. Кузнецова⁷⁷.

В современной историографии усилилось внимание к региональным проблемам повседневной жизни сельского населения⁷⁸. Предметом специальных исследований стали семейные традиции, обряды и народный костюм крестьян (М.С. Жиров, О.Я. Жирова⁷⁹, Т.П. Беликова и М.И. Емельянова⁸⁰, В.П. Кичигин⁸¹ и др.).

---

⁷⁶ См.: *Тульцева Л.А.* Вдовья доля // ЭО. 1995. № 3. С. 23–35; *Федоров В.А.* Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX вв.) // Вестн. МГУ. 1994. № 4. С. 3–21.

⁷⁷ *Кузнецов С.В.* Религиозно-этические взгляды крестьян на землю и труд // Русские. М., 2005. С. 189–197; *Он же.* Вера и обрядность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996. С. 285–293; *Кузнецов С.В.* Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских (XIX – начало XXI в.). М., 2008.

⁷⁸ Вопросы истории и краеведения / Под ред. проф. А.Ю. Друговской. Курск, 1994; Из истории культуры Курского края / Под ред. проф. А.Ю. Друговской. Курск, 1995; *Фурсов В.Н.* Крестьянское землевладение и землепользование Центрально-Черноземных губерний во второй половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья. Липецк, 1991. С. 21–31; *Никулов А.П.* Старый Оскол (Историческое исследование Оскольского края). Курск, 1997; *Курцев А.Н.* Миграция сельского населения Центрального Черноземья в конце XIX века // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. М.; Курск, 1994. С. 121–136.

⁷⁹ *Жиров М.С.* Народная художественная культура Белгородчины. Белгород, 2000; *Жиров М.С., Жирова О.Я.* Традиционные народные праздники и обряды Белгородчины. Белгород, 2002.

⁸⁰ *Беликова Т.П., Емельянова М.И.* Живые родники Староосколья. Старый Оскол, 2003; *Емельянова М.И.* Эволюция русской народной одежды Оскольского края (2-я половина XIX – начало XX века). Старый Оскол, 2008.

Для изучения повседневной истории важное значение имеют научно-популярные работы новой серии под общей рубрикой «Повседневная жизнь человечества». Эти работы российских и зарубежных авторов объединяет стремление проникнуть в загадочный мало исследованный мир повседневного бытия.

В 1990-е годы увеличилось число научных разысканий в связи с новым этапом развития краеведческой историографии в рамках регионов. Отдельные стороны крестьянской повседневности получили отражение в новейших работах, главным образом в диссертационных исследованиях по смежной тематике: А.В. Третьякова⁸², С.В. Бережной⁸³, С.И. Тарасовой⁸⁴, Т.П. Мамаевой⁸⁵, С.П. Шаповаловой⁸⁶, В.В. Гловой⁸⁷.

Особый интерес представляют работы В.Б. Безгина, в которых дается представление о типологических особенностях крестьянской по-

---

⁸¹ *Кичигин В.П.* Народная культура юга России: Белгородская область. Опыт систематизации этнофольклорного материала. Белгород, 2000.

⁸² *Третьяков А.В.* Низшая сельскохозяйственная школа России в конце XIX – начале XX веков. Курск, 1998; Он же. Низшая сельскохозяйственная школа России в конце XIX – начале XX веков: историография, источники, методология. Курск, 2001.

⁸³ *Бережная С.В.* Народная культура русского и украинского населения Курской губернии в конце XVIII – XIX веках: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000.

⁸⁴ *Тарасова С.И.* Духовное воспитание детей в русской народной педагогике: Дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 2003.

⁸⁵ *Мамаева Т.П.* Курское губернское земство и народное образование в губернии во второй половине XIX – начале XX века. Старый Оскол, 2008.

⁸⁶ *Шаповалова С.П.* Крестьянская женщина Центрального Черноземья в 60–90-е годы XIX века (исторический портрет): Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003; *Шаповалова С.П.* Развод в судьбе крестьянской женщины Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Материалы международной научно-практической конференции «Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура». Белгород, 2006. С. 164-171; *Она же.* Цветовая символика, сюжеты и мотивы орнаментации женской одежды в Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Межнациональные отношения в южнорусском порубежье. Материалы областной научно-практической конференции. Белгород, 2006. С. 73-76; *Она же.* Досуг крестьянской женщины Курской губернии в пореформенный период // Белогорье. Краеведческий альманах. Белгород, 2006. № 5. С. 64-68.

⁸⁷ *Глова В.В.* Крестьянская семья во второй половине XIX века (на материалах Курской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003.

вседневной жизни. Он исследует сельские традиции в период модернизации страны, проблемы хозяйственной деятельности, общинного уклада, правовых воззрений, духовных традиций, семейного быта русского крестьянства, положение крестьянки, проблемы аборта и детоубийства⁸⁸.

Проведенный историографический анализ свидетельствует об устойчивом исследовательском интересе к проблеме повседневности семейной жизни. Однако работы по данной тематике носят разрозненный, фрагментарный характер и не дают целостного представления о взаимодействии основных компонентов, составляющих повседневную жизнь семьи. В качестве самостоятельных, наиболее исследованных направлений можно выделить семейно-брачные отношения, положение женщины в семье, нормы поведения сельского населения, традиционную культуру, отклоняющиеся формы поведения (алкоголизм, пьянство, проституция).

Источниковая база исследования позволяет углубить сложившиеся представления о процессах, наблюдавшихся в повседневной семейной жизни крестьян сельских поселений в новых социально-экономических условиях. В соответствии с общепринятой в источниковедении видовой классификацией выявленные источники мы условно разделили на три группы: 1) опубликованные, 2) архивные, 3) материалы этнографических экспедиций.

Среди первых, опубликованных материалов, важнейшее значение имеют законодательные акты, собранные в «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗ РИ), нормативно-правовые акты Российской империи и административно-распорядительные материалы местного происхождения. Они дали возможность увидеть изменения в социально-экономическом положении крестьян в условиях хозяйственной модернизации, процесс регулирования крестьянских семейных разделов. Так, 18 марта 1886 г. вышел закон об ограничении крестьян-

---

⁸⁸ *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность. (Традиции конца XIX – начала XX вв.). М.; Тамбов, 2004; *Он же.* Детоубийство и плодизгнание в русской деревне (1880-1920-е гг.) // *Право и политика.* 2010. № 5. С. 972–977; *Он же.* Положение женщины в крестьянской семье конца XIX в. // *Семья в ракурсе социального знания: Сборник научных статей.* Барнаул, 2001. С. 204-212; *Безгин В.Г.* Скрытая повседневность (половые отношения в русской деревне конца XIX – начала XX в. // *Клио.* № 3 (26). 2004. С. 103-107.

ских семейных разделов⁸⁹, так как дробление крестьянских семей подрывало их хозяйственную состоятельность.

Комплексный анализ документов данного вида показал, что в дореволюционный период в России достаточно много внимания уделялось регулированию семейных и семейно-брачных отношений. Так, «Свод гражданских законов» открывался специальным разделом «О правах и обязанностях семейственных». Особое внимание уделялось правам на землю, недвижимое имущество, праву его закладывать.

Законодательные акты отражают реальную практику развития семейных отношений. В специальных разделах закона закреплялись права родителей и детей на имущество, права и обязанности родителей и детей, личная родительская власть.

Существенное значение для раскрытия темы имеют материалы статистики общегосударственного и регионального уровня: «Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России»⁹⁰, «Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.»⁹¹, «Курская губерния. Итоги статистических исследований»⁹² (16 выпусков), «Материалы по крестьянскому и частному землевладению в Курской губернии»⁹³.

Статистические материалы дали возможность проследить и увидеть изменение производственного, бытового и социокультурного уровня сельского населения⁹⁴.

---

⁸⁹ ПСЗ РИ. Собр. Третье. Т. 6. № 3578.

⁹⁰ См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 1. СПб., 1903.

⁹¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XX. Курская губернии / Под ред. Н.А. Троицкого. СПб., 1904.

⁹² Курская губерния. Итоги статистических исследований. (Материалы подворной переписи 1882–1885 гг.). Курск, 1887.

⁹³ Материалы по крестьянскому и частному землевладению в Курской губернии. Курск, 1908–1909.

⁹⁴ Курская губерния. Итоги статистического исследования. (Материалы подворной переписи. 1882–1885 гг.) Курск, 1887; Липинский А. Материалы для географии и статистики России. Ч. 2. СПб., 1868.

Отдельную группу опубликованных материалов составляют «Обзоры Курской губернии за 1890–1899 гг.»⁹⁵, в которых уточняются или сообщаются официальные сведения об отдельных сторонах жизни сельского населения в новых условиях.

Важные сведения содержатся в материалах периодической печати исследуемого периода. Известную ценность представляют статьи, выходившие в «Курских губернских ведомостях», в которых современники наглядно описывали культурно-бытовые стороны жизни сельского населения разных уездов Курской губернии. Мы попытались собрать воедино этот материал, ставший хорошей иллюстрацией различных сторон крестьянской повседневности. Газетные публикации конца XIX века не только оживили монографию, но и позволили понять психологию людей того времени, причины бедственного положения сельского населения. Нами было отмечено, что неурожаи, пожары, плохое состояние государственного хозяйства, безземелье отрицательно отражались на повседневной жизни крестьянства.

С 1901 г. по 1912 г. выходят в свет семь выпусков «Курского сборника» под редакцией Н.И. Златоверховникова. Большое значение собранных в этом сборнике материалов заключалось в том, что они стали неоценимым источником по культуре курских крестьян XIX века.

В 1965 г. издан сборник документов и материалов «Из истории Курского края», где приводятся сведения по народному быту, сельскому хозяйству, промыслам курских крестьян.

Самостоятельную группу опубликованных источников составляют «Памятные книжки», сборники пословиц и поговорок, календари, справочные книги, энциклопедии, словари. Так, например, с середины XIX в. под редакцией Т.И. Вержбицкого начинают издаваться «Памятные книжки Курской губернии»⁹⁶, где содержится информация, без которой невозможно охарактеризовать социально-экономическое и культурное развитие Курской губернии в исследуемый период.

---

⁹⁵ Обзор Курской губернии за 1890-1900 гг., Курск, 1891-1900.

⁹⁶ Памятная книжка Курской губернии на 1890-1894 гг. / Сост. Т.И. Вержбицкий. Курск, 1892-1894.

Пословицы и поговорки русского народа собраны в трудах В.И. Даля⁹⁷, И.М. Снегирева⁹⁸, Я. Кузнецова⁹⁹. Большое количество пословиц и поговорок русского населения разных регионов России содержится в материалах Архива «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Эти источники представляют собой кладезь народной мудрости, накопленной веками. В пословицах и поговорках в лаконичной форме выражались не только нормы обычного права¹⁰⁰, но и в целом представления крестьянского видения мира, отношения крестьян к власти, законам и судопроизводству, к религии, историческим событиям, «кормилице-земле» и т.п. Богатый их потенциал был использован при рассмотрении вопросов о деторождении в крестьянской семье, взаимоотношениях в семье, о положении женщины, отношении крестьянина к труду и трудовом воспитании детей и др. Ценным источником являются сообщения А.Н. Энгельгардта¹⁰¹, которые печатались с 1872 по 1882 г. и в 1887 г. в журнале «Отечественные записки». В них дается подробное и объективное изображение быта и воззрений крестьян (хозяйственная деятельность, пища, народная медицина, положение женщины, суеверия и др.). Одним из ярчайших исследователей крестьянского быта стала О.П. Семенова-Тян-Шанская. Ее книга «Жизнь «Ивана»»¹⁰² – это ценнейший источник о жизненном укладе русского крестьянства одной из черноземных губерний.

В монографии для анализа повседневной семейной жизни и развития семьи проводилось историко-архивное исследование документов шести архивов: Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного исторического архива (РГИА),

---

⁹⁷ *Даль В.И.* Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. М., 1984; *Он же.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1-4. М., 1978-1980.

⁹⁸ *Снегирев И.* Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках. Кн. 1-4. М., 1831-1834; *Он же.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1848.

⁹⁹ *Кузнецов Я.* Положение членов крестьянской семьи по народным пословицам и поговоркам. СПб., 1909.

¹⁰⁰ *Тенишев В.В.* Правосудие в русском крестьянском быту. Изд. 2-е. М., 2010. С. 177.

¹⁰¹ *Энгельгардт А.Н.* Письма из деревни. М., 2010.

¹⁰² *Семенова-Тян-Шанская О.* Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. Репринт. М., 2010.

архива Русского географического общества (АРГО), архива Российского этнографического музея (АРЭМ), а также материалов Государственного архива Белгородской области (ГАБО) и Государственного архива Курской области (ГАКО). Большой интерес представляют материалы о результатах деятельности правительственных учреждений, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. Непосредственное отношение к изучаемой проблеме имеют материалы фондов земского отдела Министерства внутренних дел (Ф. 1291), фондов Министерства земледелия (Ф. 383, Ф. 395, Ф. 398), фондов Министерства народного просвещения (Ф. 733).

Наибольшую ценность из архивных материалов представляют первичные материалы корреспондентов с мест, представленные в фонде № 19 архива Русского географического общества (АРГО) и фонде № 7 архивохранилища Российского этнографического музея (АРЭМ). Эти фонды содержат обширный материал, затрагивающий различные аспекты крестьянской повседневности (хозяйственный уклад, состояние общинных традиций, правовые воззрения, быт, традиционная культура) сельского населения Курской губернии, Центрального Черноземья. Ценнейшим источником является Архив Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, материалы которого начали издавать с 2004 г.¹⁰³ Эти материалы содержат информацию о культуре крестьянства 23 губерний Европейской России, в том числе и Курской губернии. Материалы указанных фондов позволили нам увидеть реальное положение крестьян, проследить отношение крестьян к новым условиям жизни и изменение их ментальности в условиях развития товарно-денежных отношений во второй половине XIX в.

Сведения по тем территориям, которые впоследствии вошли в состав Белгородской области, хранятся в Государственном архиве Белгородской области (Ф. 25, 80, 90, 130, 140, 174).

Особую ценность представляет информация, содержащаяся в фондах Государственного архива Курской области. Важное значение имеют данные универсального фонда «Канцелярия Курского губернатора» (Ф. 1), которые позволяют проследить работу Курского губернского земского собрания во второй половине XIX века среди крестьян-

---

¹⁰³ Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. (Далее РКЖБН). Т. 1-6. СПб., 2004-2008.

ского населения. Из указанного архивохранилища нами были использованы материалы губернского статистического комитета (Ф. 4), в обязанности которого входили сбор, обработка и издание статистических сведений, в том числе по сельскому хозяйству и промыслам. Материалы фонда «Курское губернское правление» (Ф. 33) содержат сведения о жестоком обращении помещиков с крестьянами, о сборе недоимок, отчеты о состоянии здравоохранения в уездах губернии, сведения об эпидемических заболеваниях. Интересные материалы обнаружены в фонде «Курское губернское по крестьянским делам присутствие» (Ф. 68.). Здесь хранятся жалобы крестьян на отобранные наделы, на малые земельные участки, на плохое качество отводимой земли, на лишение крестьян помещиками покосов и прогонов для скота, на переселение их на новые места.

Важные сведения о сельском жилище, об отпуске леса погорельцам, развитии промысловой культуры, сельского хозяйства крестьян в XIX в. содержатся в фонде «Курская палата государственных имуществ» (Ф. 153). Отдельные стороны семейного быта крестьян отражены в документах церковных заведений, в частности, здесь представлены многочисленные сведения о таких сторонах жизни крестьян, как заключение и расторжение брака, а также свидетельства о незаконнорожденных детях.

Всего в процессе исследования были использованы документы тридцати семи фондов центральных и местных архивов. Материалы, содержащиеся в них, позволили нам показать изменение хозяйственно-бытовых основ жизнедеятельности и семейного уклада крестьян в новых социально-экономических условиях, проанализировать сочетание традиций и новаций в крестьянской повседневности, выявить влияние социокультурных факторов на эволюцию ментальности крестьян.

В целях более объективной характеристики и уточнения отдельных сторон крестьянской повседневности привлечены сведения об особенностях одежды, жилища, питания, семейных обрядов и обычаев, полученные в ходе проведенных нами этнографических экспедиций. Это, прежде всего, устные свидетельства старожилов, по воспоминаниям которых мы постарались дополнить реконструкцию повседневной семейной жизни крестьян Курской губернии данного периода. Эти материалы хранятся на кафедре гуманитарных наук Старооскольского тех-

нологического института и в Старооскольском городском краеведческом музее¹⁰⁴.

Таким образом, используемые в монографии источники обладают многообразной по содержанию, полноте и степени достоверности информацией, которая в комплексе позволяет воссоздать целостную картину повседневной семейной жизни крестьян Курской губернии в новых социально-экономических условиях второй половины XIX – начала XX в.

---

¹⁰⁴ Архив СТИ МИСиС. Кафедра гуманитарных наук. Папка 1–4.

ГЛАВА I. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ КРЕСТЬЯН

Среда обитания сельского населения Курской губернии

Для исследования повседневной семейной жизни крестьянства необходимо определить факторы, влияющие на динамику ее исторического развития, важнейшим из которых является среда обитания. Под средой обитания понимаются как природно-географические, так и исторические (социальные, политические, экономические) условия бытия народа. Именно среда обитания определяет тип хозяйствования и технологии, т.е. природная составляющая среды обитания влияет на основные элементы повседневной жизни: орудия труда, жилище, одежду, пищу, домашнюю утварь и т.п., которые, прежде всего, способствуют сохранению и воспроизводству народа.

Курская губерния – одна из центральных губерний Европейской России, входила в состав Центрально-Черноземного региона. Она располагалась на юге Европейской части России между верхним течением реки Дона и рекой Десной. С запада на восток губерния имела протяженность 282 версты, с севера на юг – 215 верст «в самой широкой ее части». На севере Курская губерния граничила с Орловской, на востоке – с Воронежской, на юго-западе – с Харьковской и частично с Полтавской, на западе и северо-западе – с Черниговской губерниями.

Курская губерния входит в южнорусскую историко-этнографическую зону. Однако традиционная культура ее русского населения имеет ряд особенностей, обусловленных длительным миграционным движением населения из разных мест России и Украины, неоднородного по своему этническому составу и социально-сословной принадлежности.

Чтобы показать глубину и характер перемен, происходивших в повседневной жизни русского крестьянства на рассматриваемой территории в пореформенный период необходимо дать социально-экономическую характеристику этого периода.

Эмансипация крестьянства привела к неизбежным переменам во всех сферах жизни российского общества. Россия вступила в эпоху крупных и динамичных перемен. Однако уже с 1870-х годов в развитии русской экономики нарастают признаки острой диспропорции. При явном подъеме русской промышленности наблюдается крайне тяжелое положение российского крестьянства земледельческого центра России. Развитию земледельческого капитализма в деревне препятство-

вало, прежде всего, общинное земледелие, поддерживавшее мелкотоварность сельскохозяйственного производства, распыленность, раздробленность крестьянских хозяйств. Крестьяне не могли порвать с общиной даже после столыпинской реформы.

Социально-экономические процессы, происходившие в целом по всей России, были характерны и для Курской губернии. Несмотря на это, в конце XIX века капиталистические отношения стали проникать во все сферы хозяйственной и общественной жизни русской деревни. Развитие капитализма в деревне отразилось на всем укладе общественного и семейного быта русского крестьянства Курской губернии.

Основным занятием населения Курской губернии в рассматриваемый период было земледелие. Из 369 267 крестьянских дворов 329 464 были заняты сельским хозяйством¹⁰⁵. Этому способствовали благоприятные естественные условия, в которых находилась губерния, прилегающая к южной полосе России и представляющая собой на всем значительном своем пространстве в 40 853 кв. верст почти сплошной чернозем глубиной от 4 вер. до 2 арш. Пашни занимали здесь 79,9% всех земель. Среди земледельческих занятий на первом месте стояло полеводство. Экономическое состояние крестьян всецело обуславливалось степенью урожайности хлебов и промышленных растений¹⁰⁶. В материалах Первой Всеобщей переписи населения 1897 года отмечается, что «...в отношении главных занятий население Курской губернии принадлежит к коренным земледельческим, так как почти 83 % всего населения показали себя существующими от земледелия и промыслов тесно с ним связанных, как-то: лесоводство, животноводство, рыболовство и т.п.»¹⁰⁷. Однако следует отметить, что преобладание занятия земледелием было обусловлено не только природно-географическими и климатическими условиями, но и слабым развитием в Курской губернии промышленности. Так, например, на рассматриваемой территории имелись в основном те предприятия, которые имели непосредственную и тесную связь с сельским хозяйством: свеклосахарные, винокуренные, маслобойные заводы, мельницы.

---

¹⁰⁵ Материалы по крестьянскому... С. 11.

¹⁰⁶ См.: РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4858. Л. 3.

¹⁰⁷ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XX. Курская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. 150.

Сельское население кроме земледелия занималось и другими видами деятельности, в частности, кустарными и отхожими промыслами.

Все население Курской губернии распределялось в 366 149 хозяйствах различного типа. По нашим подсчетам в среднем на одно хозяйство приходилось 6,5 человек¹⁰⁸.

Типы хозяйств в селах Курской губернии в 1897 году были представлены следующим образом: семейные составляли – 97,14%, одиночные – 2,25%, общежития – 0,59%, учреждения – 0,02%¹⁰⁹.

Сельские семейные хозяйства на 97,55% состояли из членов семей и только 2,45% были посторонними (нахлебники, прислуга, гости и т.п.)¹¹⁰.

Семейные хозяйства по количеству лиц, постоянно проживавших в данном хозяйстве, распределялись следующим образом: 2 чел. – 5,50%, 3 чел. – 8,47%, 4 чел. – 12,20%, 5 чел. – 14,96%, 6–10 чел. – 49,08% и более 10 чел. – 9,79%¹¹¹.

Таким образом, в сельской местности около 60% семейных хозяйств состояли из 6 и более человек, которые одновременно являлись и членами семей. Количество посторонних лиц было незначительным.

Следует отметить, что распределение наделной землей между отдельными уездами, разрядами крестьян, отдельными поземельными общинами и, особенно, отдельными семьями было крайне неравномерным¹¹². В рассматриваемом регионе оно было представлено в двух формах – общинной и подворной. Причем общинная форма всюду являлась преобладающей. В Курской губернии общинное землевладение составляло 69,7%, а подворное 30,3%¹¹³. Если в среднем по губернии на каждый крестьянский двор приходилось почти 9,0 десятин земли, то, например, крестьян Льговского, Рыльского, Путивльского уездов можно причислить к малоземельным, так как у них на один двор приходилось значительно меньше земли, чем в Тимском, Обоянском и др. уездах.

---

¹⁰⁸ Там же. С. 14.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Материалы по крестьянскому... С. 27.

¹¹³ Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. Губернии черноземной области. СПб., 1880. С. 33, 163.

Земледелие и крестьянское землепользование

Повседневная жизнь русских крестьян включает, прежде всего, хозяйственные традиции в земледелии: приемы обработки земли, цикл земледельческих работ, уход за посевами, жатву и проч., а также определенные формы организации крестьянского труда¹¹⁴. Как указывалось ранее, Курская губерния находилась в зоне черноземных почв, где «чернозем глубиною в полтора аршина»¹¹⁵.

Составной частью земледельческой культуры русской деревни являлись приемы обработки земли. Основной системой земледелия в крестьянских хозяйствах Курской губернии была паровая зерновая, в которой применялся трехпольный севооборот с зеленым паром¹¹⁶. «В распределении посевов *крестьяне держатся трехпольной системы*: после озимого хлеба – ржи или пшеницы на следующий же год сеют яровой хлеб – овес, гречу, просо, следующий после ярового посева год земля отдыхает под паром – “она год перпаруя”, после чего сеют опять озимый хлеб»¹¹⁷, поэтому поля у крестьян были трех видов: озимое, яровое, и «парина» («идет под пар»)¹¹⁸. Одна треть пахотной земли, находившаяся под паром и получавшая удобрения, восстанавливала плодородие почвы, но исключала введение в севооборот новых культур. Об «исключительно трехпольном» севообороте у курских крестьян говорилось в ежегодных отчетах курского губернатора императору. Но в виде исключения в некоторых уездах использовалось многополье¹¹⁹.

В конце XIX века трехпольная система земледелия стала тормозом дальнейшего развития сельского хозяйства. Она заставляла пустовать значительные площади и без того ставшей к тому времени недостаточной земли. Пустующие земли зарастали сорными травами, иссуша-

---

¹¹⁴ См.: Кузнецов С.В. Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских (XIX – начало XXI в.). М., 2008. С. 13.

¹¹⁵ РКЖБН. Т. 6. С. 31.

¹¹⁶ Сборник статистических сведений по Обоянскому уезду (Курской губернии). Земская сельско-хозяйственная статистика. Ч. II. М., 1884. С. 17.

¹¹⁷ РКЖБН. Т. 6. С. 22.

¹¹⁸ РКЖБН. Т. 6. С. 31.

¹¹⁹ См.: Сабурова Л.М., Торэн М.Д. Системы земледелия и сельскохозяйственной культуры у русских крестьян в середине XIX – начале XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 19.

ли почву, понижали ее плодородие. Наиболее часто встречающимися сорными травами были осот и татарка. Обработка земли проводилась самым примитивным способом при помощи неусовершенствованных орудий труда. При трехполье не разрешалась и кормовая проблема, что губительно сказывалось на развитии животноводства.

С середины XIX века в регионе активно шел процесс вырубки лесов, что привело к значительному сокращению к концу века лесных массивов. В результате истребления лесов население столкнулось с проблемой оврагообразования. Так, например, в Корочанском уезде вследствие образования оврагов культурная площадь каждое десятилетие уменьшалась на 2 %, в некоторых волостях под оврагами числилось 2/5 всех площадей¹²⁰. Для крестьян борьба с оврагами в большинстве случаев была невысказима. В 1889 году земство предприняло активную попытку в борьбе с оврагами, сыпучими песками. Для укрепления оврагов были посажены деревья (сосны, тополя, березы). Предпринятые меры благоприятно сказались на улучшении местности и увеличении пахотных земель¹²¹.

Плохое состояние земледелия у крестьян усугублялось также крайней неравномерностью расположения крестьянских усадеб. Дальность расположения наделных земель была характерной чертой общинного землевладения. Чрезвычайная скученность населения делала невозможным каждому домохозяину иметь приуроченный к жилью участок. Поля, находящиеся далеко от жилья, оставались без удобрений и в большинстве случаев не обрабатывались даже собственниками, а отдавались в аренду. Так, в конце XIX – начале XX вв. в Курской губернии 27 % крестьянских общин имели земли, отстоящие от усадьбы на расстоянии пять и более верст, а, как показывала практика, наиболее тщательная обработка земли и вывоз навоза производились на расстоянии не далее трех верст¹²². Другой причиной слабого удобрения полей являлся недостаток навоза, который возник по причине сокращения поголовья скота в крестьянских хозяйствах. Крестьяне понимали, что хороший урожай можно получить, лишь удобрив землю. Одни-

---

¹²⁰ См.: *Бржецкий Н.* Указ. соч. С. 19.

¹²¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4858. Л. 9.

¹²² Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 19. Курская губерния. СПб., 1903. С. 21.

ми из первых стали удобрять землю бывшие владельческие крестьяне в Обоянском уезде¹²³. Как свидетельствуют архивные источники, истощение почвы стало главной проблемой, с которой столкнулось крестьянство Курской губернии в начале 1890-х годов¹²⁴.

Наряду с дальнотемельем и истощением почвы бичом деревни была чересполосица, приводившая к причудливому чередованию крестьянских наделов в зависимости от качества почвы, местоположения земли и других факторов. В итоге наделная земля оказывалась разрубленной на множество клочков, полос такой величины, при которой трудно обрабатывать землю. Так, в Дмитриевском уезде в 20 общинах пашня была расположена в 5–40 отдельных местах; в 32 общинах прогон скота частично был стеснен, частично прекращен совсем. Например, участок одного из крестьян села Верхний Ольшаней Корочанского уезда размером в 4,5 дес. расположен в 57 кусках разной величины, разбросанных на протяжении 5 верст, причем отдельные куски достигали одной сажени в длину¹²⁵.

Следует отметить, что во второй половине XIX в. в связи с ростом численности крестьянства уменьшилось количество земли и посевов на душу населения. Так с 1861 года по 1900 год в Курской губернии количество земли и посевов на душу населения сократилось на 27,4%¹²⁶. Размеры крестьянских наделов были предельно малы. Большинство крестьян имело надел менее 3 десятин на душу. Существующий надел не гарантировал условия физического выживания сельской семьи. Обработка такого надела не окупала затраченных на него средств. Сносное существование крестьянского двора в регионе мог обеспечить только надел в 10 десятин¹²⁷, т.е. размер надела яв-

---

¹²³ *Воронцов В.П.* Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892. С. 21–22.

¹²⁴ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4859. Л. 7.

¹²⁵ *Соковнин П.* Длиннотемелье и чересполосность крестьянских наделов в Курской губернии // *Сельское хозяйство и лесоводство.* 1902. № 11. С. 27.

¹²⁶ *Овчинников В.В., Тройно Ф.П.* История Белгородчины. Краеведение. Белгород, 2003. С. 125.

¹²⁷ См.: *Жегалова С.К., Шмакова В.Т., Попова И.А.* Разложение крестьянства в Курской губернии // *Историко-бытовые экспедиции 1951-1953.* Материалы по истории пролетариата и крестьянства России конца XIX – начала XX века.

лялся одним из главных условий, определяющих благосостояние семьи. Поэтому недостаток земли заставлял крестьян искать заработки на стороне, которые чаще всего были случайными. «Четвертая часть всех крестьянских семей Курской губернии, – отмечается в Материалах подворной переписи 1882–1885 г., – принуждена снискивать себе существование при помощи личных заработков, так как хозяйство на собственных наделах у них прекращено или приходит в окончательный упадок»¹²⁸.

Таблица 1. Распределение наделной земли по уездам Курской губернии¹²⁹.

Уезд	Сколько земли (в десятинах) приходилось		
	на наделный двор	на душу мужского пола	на работника
Тимский	11,7	3,1	6,5
Обоянский	11,5	3,4	7,1
Фатежский	10,5	3,1	6,1
Корочанский	10,2	2,7	5,6
Старооскольский	9,4	2,6	5,4
Дмитриевский	9,3	2,7	5,1
Щигровский	9,2	2,5	5,2
Курский	9,1	2,8	5,5
Новооскольский	9,1	2,6	5,5
Суджанский	8,7	2,6	5,2
Белгородский	8,3	2,4	4,9
Грайворонский	7,7	2,4	4,8
Льговский	6,8	2,0	4,1
Рыльский	5,8	1,7	3,5
Путивльский	5,6	1,7	3,5
В целом по губернии	8,9	2,6	5,2

Эти условия порождали среди крестьянского населения стремление к переселению¹³⁰. «Стремление же крестьян к переселению в мно-

---

Под ред. академика А.М. Панкратовой. М., 1955. С. 160; *Бржеский Н.* Указ. соч. С. 11.

¹²⁸ Курская губерния. Итоги... С. 103.

¹²⁹ Подсчитано по: Курская губерния. Итоги... С. 97.

гоземельные губернии и области следует считать весьма естественным при малоземелье Курской губернии относительно цифры крестьянского населения», – сообщал курский губернатор в своем отчете императору в 1884 году¹³¹.

Разборкой подаваемых крестьянами заявлений о переселении занимались крестьянские учреждения. Переселенцы разделялись на три категории, шедших: 1) за ходоками; 2) по письму; 3) по слухам. Более половины крестьянских дворов шли за ходоками, т.е. были информированы определенным лицом, которое от одного или нескольких крестьянских дворов специально посылалось для ознакомления с возможным устройством на новых местах. «Переселенческое движение с каждым годом принимало более широкие размеры, так как вышедшие отсюда ранее переселенцы, устроившись на новых местах, увлекали своих односельчан письмами о выгодности переселения»¹³². Два последних источника являлись наиболее ненадежными и рискованными, в особенности слухи, которые часто не были достоверными.

Архивные материалы¹³³ и литературные источники показывают, что стремление к переселению крестьян в другие губернии особенно усилилось к концу 1889 г. Если в 1886 г. переселенцев насчитывалось всего 3000 душ, то в 1889 г. – 11 533 душ. Крестьяне преимущественно направлялись в Томскую губернию. В отдельных уездах крестьяне начали подниматься целыми обществами. Административные власти губернии принимали все меры к тому, чтобы переселение происходило законным образом и чтобы правом переселения пользовались только действительно в нем нуждающиеся. В связи с этим в июле 1889 г. вышел Закон о добровольном переселении сельских обывателей на казенные земли, который регулировал переселенческое движение¹³⁴.

Принятие закона способствовало в некоторой степени ослаблению стремления у крестьян к переселению. Если в 1889 г. переселился 13 261 двор, то в 1890 г. только 11 512 дворов. Поступала масса заяв-

---

¹³⁰ РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5231. Л. 11.

¹³¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4454. Л. 4.

¹³² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4858. Л. 5.

¹³³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4858. Л. 6.

¹³⁴ Там же.

лений об отказе от переселения даже от тех, кто получил на это разрешение¹³⁵.

В изучаемом нами регионе господствовала, как отмечалось выше, трехпольная система земледелия. Структура посевов в крестьянских хозяйствах была достаточно гибкой. Благодаря многовековому хозяйственному опыту в области земледелия крестьянин при определении структуры посевов учитывал качество почвы, местные климатические условия, размеры хозяйства, степень обеспеченности его рабочей силой и пр. Главное, что наши предки бережно относились к земле – «кормилице».

Основным направлением полеводства в Курской губернии было возделывание зерновых культур и, прежде всего, озимой ржи и овса¹³⁶. Ржи высевали так много, что Курскую губернию иногда называли «ржаным краем». Засеяно ею было 32 986 дес., 419 919 четвертей¹³⁷. Озимая рожь была самой надежной культурой, приносящей в среднем урожаем больше, чем другие зерновые культуры, в 7 раз¹³⁸. Причем в Старооскольском, Новооскольском и в некоторых других уездах сеяли обычно озимую рожь, т.к. яровой «понеже в лето от служившихся жаров, а особливо, что песковые места урожаю мало бывает»¹³⁹. Предпочтение этой зерновой культуре, служащей главным средством питания земледельческого населения, было обусловлено ее неприхотливостью. Рожь хорошо переносила капризы погоды, недостаток влаги, засоренность почв. В отличие от пшеницы рожь менее восприимчива к болезням и более устойчива к полеганию. Плотный ржаной колос не осыпался во время жатвы, а зерно легко хранилось в бытовых условиях. Самое главное, рожь не требовала многократной вспашки под посев, и убирать ее можно было вплоть до выпадения снега. Ее отличала стабильная урожайность, что имело особое значение для крестьянина, существование которого зависело от того, что родит нива. Таким образом, господство ржи как основной зерновой культуры, как отмеча-

---

¹³⁵ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4859. Л. 13.

¹³⁶ РКЖБН. Т. 6. С. 22, 31; АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 23. Л. 3. об, 4. об.

¹³⁷ ГАКО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 139. Л. 36.

¹³⁸ См.: Материалы по крестьянскому... С. 11.

¹³⁹ ГАКО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 74. Л. 77.

ет Л.В. Милов, итог многовекового воздействия на агрокультуру русского земледелия – критерия целесообразности¹⁴⁰.

Устойчивым к погодным условиям был также овес (на 17 712 дес. засеяно 212 115 четвертей)¹⁴¹. Его высевали преимущественно на корм скоту. Овес при своей неприхотливости к почвам и агротехнике выступал одной из главных товарных культур. Его продажа в крестьянских хозяйствах составляла главный источник денежных средств.

Кроме этого сеяли просо, гречку, горох¹⁴², пшеницу сеяли немногие и, большею частью, для себя, а не для продажи¹⁴³. Как свидетельствуют архивные источники, пшеницей засеяно было всего 35 952 четв.¹⁴⁴ Как известно, «...пшеница требует для себя земель хорошо удобренных, здесь же, хотя почва и черноземная, однако значительно уже истощенная, а удобрение в надлежащей степени невозможно за недостатком развития скотоводства»¹⁴⁵.

На самых худших землях многие сеяли гречиху¹⁴⁶, практически не применяя удобрения: считалось, что она – малотребовательное растение и может расти даже на истощенных почвах. Гречиху сеяли к югу – в Белгородском, Корочанском и Суджанском уездах. Крестьяне признавали гречиху полезной еще и потому, что она заглушает сорные травы и делает почву более рыхлой. Кроме вышеперечисленных злаковых растений в Курской губернии высевали просо, кукурузу, подсолнух, мак, чечевицу¹⁴⁷. Возделывали крестьяне и полбу, которая шла в пищу, но давала зерно худшего качества, чем пшеница. Повсеместно сеяли горох. Он ценился не только как продовольственная культура, но и как хороший предшественник для злаковых растений.

---

¹⁴⁰ См.: *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 39.

¹⁴¹ ГАКО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 139. Л. 36.

¹⁴² См.: Сборник статистических сведений по Обоянскому... С. 18.

¹⁴³ РКЖБН. Т. 6. С. 22; *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 94.

¹⁴⁴ ГАКО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 139. Л. 36.

¹⁴⁵ *Бойков М.* Указ. соч. С. 16.

¹⁴⁶ РКЖБН. Т. 6. С. 22; АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 23. Л. 5 об.

¹⁴⁷ Курский край в период развития капитализма в России. Воронеж, 1965. С. 133; Курский сборник / Под ред. Н.И. Златоверховникова. Вып. 3. Курск, 1902. С. 118.

С глубокой древности в Курской губернии возделывали лен и коноплю, дающую волокно и масло. Несложная в технологии возделывания конопля привлекала крестьян тем, что продукты ее переработки (масло и пенька) пользовались устойчивым спросом. Следует отметить, что русский лен и пенька из конопли еще ранее были известны далеко за пределами России¹⁴⁸. В Курской губернии коноплю возделывали обыкновенную – до 1,5 метров высотой. Мужские стебли конопли давали грубое волокно, женские шли на изготовление пеньки. Из семян конопли делали масло, которое как и льняное, употребляли в пищу. Обработка конопли начиналась летом. Коноплю обычно выдергивали по одному стеблю, «отчего и получило название “брать коноплю”»¹⁴⁹. Затем их сушили. Для просушки при хорошей погоде стебли расстилали на траве, сушили на печке во время дождей или замачивали в «копанке». Когда стебли доходили до нужного состояния, их мяли, толкли, чтобы отделить «кострыку» и получить чистое волокно, прочесывали через гребень. Чистое волокно называлось «замашки»¹⁵⁰.

В Дмитриевском, Фатежском и Льговском уездах коноплю выращивали в промышленных целях. В неурожайные годы, например в 1898 г., крестьяне испытывали большую нужду, поэтому с доходов от ее продажи уплачивали все лежащие на них повинности¹⁵¹. Эта культура в регионе сохраняла товарный характер на протяжении всего XIX века¹⁵².

В западных уездах (Суджанский, Путивльский, Грайворонский, Рыльский, Обоянский) курские крестьяне сажали сахарную свеклу¹⁵³. Ее выращивали не только для корма скота, но и на продажу хозяевам сахарных заводов. Сахарная свекла была весьма доходной культурой. Так, с десятины посевов получали от 80 до 120 берковцев: за один берковец на сахарных заводах платили от 90 коп. до 1 руб. 20 коп., в зависимости от качества свеклы. В крестьянских хозяйствах Курской

---

¹⁴⁸ См.: *Милов Л.В.* Указ. соч. С. 156; *Народы России: Энциклопедия* / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994. С. 286.

¹⁴⁹ РКЖБН. Т. 6. С. 32.

¹⁵⁰ См.: *Ботова С.И., Приставкина Т.А., Рябчиков А.В.* Рукотворная краса земли Белгородской. Белгород, 2000. С. 175.

¹⁵¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5571. Л. 5.; РЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1161. Л. 1.

¹⁵² РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 122. Л. 32 об.

¹⁵³ *Добротворский Н.А.* Кустарные промыслы Курской губернии. Курск, 1886. С. 249.

губернии посевы сахарной свеклы составляли до 0,5 дес.¹⁵⁴. В Курской губернии сахарных заводов было наибольшее число по сравнению с другими губерниями Центрального Черноземья.

Курские крестьяне также выращивали «мужицкий» табак (махорку) в Белгородском, Грайворонском, Дмитриевском, Корочанском, Новооскольском и Старооскольском уездах¹⁵⁵, но в основном для удовлетворения своих потребностей.

Из вышеизложенного материала следует, что повседневные потребности крестьянской семьи связаны с сельскохозяйственными культурами, которые производили земледельцы. Их выбор зависел от качества почв, погодных условий, урожайности и т.п. Производство «рыночных» культур было обусловлено нуждой крестьян в средствах, необходимых для уплаты налогов и приобретения промышленных товаров.

Большое значение в земледельческой деятельности крестьянина имели традиции, основанные на многовековом опыте. «День год кормит» – говорится в деревенской пословице, т.е. для получения хорошего урожая нужно было правильно выбрать сроки пахоты и сева.

Сроки сельскохозяйственных работ зависели от многих условий: времени наступления весны, температуры воздуха и земли, влажности земли. Зависимость от природы заставляла земледельца тщательно изучать окружающий его мир, примечать «мельчайшие подробности случайностей природы», улавливать закономерности и связи одних явлений с другими. Это вылилось в целый свод правил, примет, тонких и верных наблюдений. Показательно, что знание земледельческого календаря сохраняется в народной памяти и в наши дни.

Сроки сельскохозяйственных работ были тесно связаны с народным календарем. В основе крестьянского календаря лежали святцы. Они служили точкой отсчета для определения аграрных циклов, знаменовали начало и окончание земледельческих и других работ¹⁵⁶. Посев и уборка урожая производились в большинстве своем с «известно-

---

¹⁵⁴ Овчинников В.В., Тройно Ф.П. Указ. соч. С. 133.

¹⁵⁵ ГАКО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 20. Л. 25.

¹⁵⁶ См.: Чичеров С. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI – XIX веков: Очерки по истории народных верований. Тр. института этнографии. Новая серия. Т. 40. М., 1957. С. 10.

го дня, преимущественно какого-то святого»¹⁵⁷. Г.И. Булгаков так описывает цикл земледельческих работ в Курском крае: «Парину пашут “у Петровки”. Сеют озимое “у Спасовки”. Весной (“в пост или после святой”) пашут и сеют после дождя овсы, гречихи, горохи, чечевицы, просо, сажают картофель и др. овощи на огороде. Навоз в поле вывозят “по Троицкой неделе”. Урожай убирают “от Казанской до Ильина дня” (8–20 июля)»¹⁵⁸.

Полевые работы в крестьянских хозяйствах начинались ранней весной. В апреле, «как только сойдет снег», пахали яровое поле, 23 апреля засевали овес, затем полбу, просо, ячмень, гречиху, 10–23 мая – пшеницу. В конце сентября – начале октября «крестьяне по большей части убирают не только весь хлеб, но и огородные овощи»¹⁵⁹. Молотьба хлеба проводилась до октября. Для посева озимых существовали три периода: Фроловский сев – с 18 августа, Спасский – с 25 августа и Ивановский – с 1 сентября. В южных уездах предпочитали Фроловский сев, причем некоторые крестьяне начинали сеять даже с 10 августа¹⁶⁰. Пахота под весенний посев проводилась до октября.

Степень готовности земли к весенней пахоте крестьяне определяли на основе выработанных многими поколениями способами. Прежде всего, крестьяне внимательно следили за тем, чтобы земля просохла настолько, чтобы под сохой могла рассыпаться, а не резаться пластами, но и не настолько бы затвердела, чтобы соха не могла ее взять¹⁶¹. «Спелость земли, – пишет В.В. Селиванов, – узнается еще таким образом: когда возьмешь в горсть земли и, крепко сжав ее в кулаке, выпустишь, и земля рассыпается при падении, то значит она уже готова для пахоты; но ежели она упадет комком, то еще не поспела»¹⁶². Крестьяне любили свою землю: «Перед севом старики выйдут в поле и

---

¹⁵⁷ См.: ГАКО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 144. Л. 117–118.

¹⁵⁸ Булгаков Г.И. Указ. соч. С. 105–106; РКЖБН. Т. 6. С. 32.

¹⁵⁹ РКЖБН. Т. 6. С. 32.

¹⁶⁰ Сборник статистических сведений по Курской губернии. Вып. 10. Курск, 1885. С. 136–137.

¹⁶¹ См.: Кузнецов С.В. Хозяйственные... С. 44.

¹⁶² *Цит. по:* Кузнецов С.В. Хозяйственные... С. 44.

“разговаривают с землей” – мнут в руках, приложат к губам и скажут потом, можно начинать сеять или нет»¹⁶³.

Годовой аграрный цикл учитывал как календарные сроки сельскохозяйственных работ, так и народные приметы¹⁶⁴, а также трудовые возможности крестьянских семей.

Информатор РГО по Курской губернии А. Дмитриуков отмечает: «Для обрабатывания поля выезжают в поле иногда до двух недель и более... Накладенная вокруг повозок солома составляет тогда убежище от непогоды, а суконный чекмень защищает от ночной стужи, бывающей в весеннее и осеннее время. При продолжительной же непогоде, препятствующей уборке сенокосов, живя в поле, они упражняются в каких-либо посторонних занятиях, например: женщины шьют, а мужчины плетут лапти, кочуя в маленьких шалашах, и не съезжая домой, пока настанет ведро и кончится уборка сена»¹⁶⁵.

Земледельческая деятельность крестьянского хозяйства не может осуществляться без определенных орудий труда. В историко-этнографической литературе¹⁶⁶ содержатся сведения о сельскохозяйственных орудиях крестьян, бытовавших в Центрально-Черноземной части России во второй половине XIX века. Основным пахотным орудием являлась соха¹⁶⁷ с перекладной полицей – приспособление для отваливания поднятого сохой слоя земли. Соха была удобна для работы на узкой полоске крестьянина; «с другой стороны, имела значение и глубина вспашки; этой сохой можно было углубиться в почву не больше чем на 3 вершка. При отсутствии удобрения более глубокая вспашка не только не имела смысла, но, наоборот, вела к снижению урожая, так как при этом тонкий слой перегноя запахивался в землю и пропал»¹⁶⁸. Поэтому отсутствие плугов в большинстве крестьянских хозяйств в конце XIX века было не бедой, а благом для русской деревни. В противном случае истощение почв, падение естественного плодородия земли, с которыми столкнулось крестьянство в конце XIX века,

---

¹⁶³ Бердинских В. Указ. соч. С. 104.

¹⁶⁴ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 23. Л. 1-20.

¹⁶⁵ Дмитриуков А. Указ. соч. С. 268-269.

¹⁶⁶ Зеленин Д.К. Восточнославянская... С. 37–77.

¹⁶⁷ Дмитриуков А. Указ. соч. С. 268; Машкин А.С. Указ. соч. С. 94.

¹⁶⁸ Жегалова С.К., Шмакова В.Т., Попова И.А. Указ. соч. С. 166-167.

наступило бы значительно раньше. «Крайне мелкая пахота, истощающая верхний почвенный слой, сберегает производственные силы нетронутого грунта. Если бы крестьяне давно обрабатывали свои наделы плугом и вели теперешнее экстенсивное хозяйство без удобрений, то наш чернозем, в самом деле, был близок к банкротству»¹⁶⁹ – писал В.К. Головин еще в 1887 году.

В то же время в отдельных зажиточных крестьянских хозяйствах применялись усовершенствованные пахотные орудия. Например, наряду с немецкими плугами, которые усиленно распространяло земство, имелись и плуги местного изготовления, приспособленные к местным почвам.

Кроме пахотных орудий для обработки земли применялись орудия, рыхлящие почву – бороны. Для рыхления почвы русские крестьяне в Курской губернии применяли деревянную борону¹⁷⁰.

«Сеяли вручную из лубяного или соломенного лукошка, – отмечали корреспонденты Этнографического бюро В.Н. Тенишева, – а в ряде сел даже из мешка»¹⁷¹.

В Курской губернии, как и в соседних губерниях¹⁷², распространенными орудиями уборки урожая были серп и цепь¹⁷³. Серпами жали густые хлеба, которые полегли, либо были опутаны травами. Хлеб сушили в овинах, молотили цепями на гумнах. Молотилки были большой редкостью. Сельские корреспонденты Этнографического бюро в конце XIX века упоминали о наличии молотильных машин лишь у отдельных зажиточных крестьян¹⁷⁴. Вейание зерна осуществляли при помощи лопаты в специальном помещении для просушки.

Главным орудием уборки зерновых культур были серп и обычная коса. «Рожь и пшеница жнуты серпами и всегда почти одними женщинами, а прочие хлеба косят»¹⁷⁵. Некоторые приспособления к косам

---

¹⁶⁹ Головин В.К. Община в литературе и действительности. СПб., 1887. С. 141.

¹⁷⁰ Машкин А.С. Указ. соч. С. 94.

¹⁷¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1161. Л. 1.

¹⁷² Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958. С. 21.

¹⁷³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1161. Л. 1.

¹⁷⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1276. Л. 2.

¹⁷⁵ Машкин А.С. Указ. соч. С. 95.

(крюк), «литовка» позволяли производить уборку тех или иных культур наиболее эффективно. Вилы и грабли были общераспространенного типа. Использовали также каток, мялку, крюк для таскания пеньки¹⁷⁶.

Известный исследователь русского крестьянства М.М. Громыко указывала на многообразие приемов жатвы, гибкого чередования уборки крестьянами в зависимости от времени суток, культуры, зрелости зерна¹⁷⁷ и т.п.

Урожайность была непостоянной, часто случались недороды и неурожаи. «Недороды хлеба находятся в постоянной зависимости от первобытного способа ведения крестьянских хозяйств и крайне неудовлетворительной обработки земли сохой, – пишет курский губернатор в годовом отчете. – Немалое влияние оказывает и слабость хозяйственного инвентаря, а также измельчение породы лошадей»¹⁷⁸. Оснащенность крестьянских дворов инвентарем во второй половине XIX века была крайне низкой и не позволяла вести интенсивное производство. «В хозяйственном инвентаре чувствовался большой недостаток»¹⁷⁹.

Таким образом, разнообразные традиционные сельскохозяйственные орудия были приспособлены к местным почвенным условиям и продолжали оставаться прежними и в начале XX в., хотя некоторые из них усовершенствовались, либо появлялись новые.

В системе хозяйственных традиций русских крестьян особое место занимало удобрение крестьянских полей. Крестьяне понимали, что «на удобренной земле урожай бывает много лучше, чем на неудобренной»¹⁸⁰. Хотя Курская губерния относилась к черноземной зоне, где вопрос об удобрениях не стоял так остро, как в других регионах России, тем не менее и здесь возникала необходимость уваживания земли¹⁸¹. Вся посевная площадь данного региона получала удобрение один раз в 30 лет¹⁸². В статистическом отчете Обоянского уездного

---

¹⁷⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1276. Л. 3.

¹⁷⁷ См.: Громыко М.М., Буганов А.В. Указ. соч. С. 288–289.

¹⁷⁸ Обзор Курской губернии за 1891 г. Курск, 1892. С. 54.

¹⁷⁹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5231. Л. 4.

¹⁸⁰ РКЖБН. Т. 6. С. 22.

¹⁸¹ ГАКО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 20. Л. 16.

¹⁸² Курская губерния. Итоги... С. 28.

земства за 1882 г. указывалось, что «крестьянский пар никогда ничем не удабривается»¹⁸³. Причину этого информаторы объясняли тем, что «в поле крестьяне не могут вывозить много навозу, так как у них мало скота»¹⁸⁴. В то же время в отчете земства этого же уезда указывается: «...навоз же вывозится частью на огороды, частью на окопы или просто вываливается в ближайший ров... и, наконец, в селениях близко расположенных к экономиям, скупающим хлевный навоз, его продают от 5-12 копеек за одноконный воз с вывозкой на помещичье поле»¹⁸⁵. Были и крестьянские хозяйства, где весь навоз вывозился на свои поля, и на этой земле выращивали пшеницу¹⁸⁶.

На урожаях сказывались и неблагоприятные климатические условия в отдельные годы. Например, ранняя весна 1891 г. «подтвердила опасения хозяев: озимые поля во многом пришлось перепахать и пересеять яровыми. Едва окончился посев овса, как началась засуха, и оставшиеся не пересеянными озимые хлеба начали гибнуть. В конце мая, по состоянию хлебной растительности, можно уже было судить о предстоящем неурожае, особенно в восточной части губернии»¹⁸⁷.

Население края по традиции занималось и огородничеством, которое имело в основном потребительский характер. На огороде крестьяне выращивали только самые необходимые овощи: лук, чеснок, морковь, капусту, редьку, репу. Огурцы вместе с арбузами и дынями¹⁸⁸, которые мочили, вялили, сушили, квасили и даже отправляли в другие губернии, выращивали на вновь распаханых участках из-под леса или выгона, называвшихся бахчи. На усадебной земле у крестьян на грядках росла клубника и земляника¹⁸⁹.

В основном огородничеством занимались для удовлетворения потребностей семьи и домашнего хозяйства. Так, например, жители с. Стригуны и соседних с ним деревень Грайворонского уезда, с. Ра-

---

¹⁸³ Сборник статистических сведений по Обоянскому уезду... С. 17.

¹⁸⁴ РКЖБН. Т. 6. С. 22.

¹⁸⁵ Сборник статистических сведений по Обоянскому уезду... С. 17.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 163.

¹⁸⁸ РКЖБН. Т. 6. С. 31; АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 23. Л. 6. об.; Сборник статистических сведений по Обоянскому уезду... С. 18.

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 404. Л. 17; РКЖБН. Т. 6. С. 22.

зумного Белгородского уезда и ряда других сел успешно занимались разведением лука, не только для нужд семьи, но и на продажу¹⁹⁰. Всеми работами по разведению лука занимались женщины. На одной десяatine высаживалось обычно около 50 пудов этой культуры. Урожай в среднем определялся в 1200 пудов с десятины. Крестьяне-«луководы» собирали обычно до 300 тыс. пудов лука¹⁹¹. Через посредников лук сбывали на вес или «венчиками» во многие южные губернии России, на Дон, в Одессу, в Турцию и Иран¹⁹². За 1000 «венчиков» (90–100 пудов) просили 30–45 руб. А в неурожайные годы цена на лук могла быть вчетверо больше¹⁹³.

На усадебной земле крестьяне предпочитали разводить конопляники: семя и треста шла на продажу¹⁹⁴. В каждой крестьянской семье выращивали капусту, которую солили на зиму и заготавливали впрок. В конце XIX века разведением капусты на продажу славился Суджанский уезд и прилегающие к г. Судже слободы и селения – Замостенская, часть Заолешенской, Гончарная, Подол, Махновка, Забродск. С ранней весны и до глубокой осени местные крестьянки занимались сначала разведением рассады, затем свежей капусты, а с начала Филиппова поста приступали к продаже квашеной капусты. Продавали квашеную капусту ведрами, от 8 до 18 коп.¹⁹⁵

В некоторых селах выращивали в промышленных целях пряности. Так, например, в селах Корочанского уезда выращивали на продажу тмин, анис и мяту.

К середине XIX в. происходит резкое увеличение посевов картофеля на огородах¹⁹⁶, что свидетельствует, прежде всего, о его возросшем продовольственном значении. А в конце XIX в. картофель занял видное место среди огородных культур. С огородов постепенно посевы картофеля были перенесены в поле и обычно размещались в яровом

---

¹⁹⁰ РКЖБН. Т. 6. С. 16.

¹⁹¹ См.: *Плаксин И.М.* Торговля Курской губернии во второй половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1997. С. 100.

¹⁹² РКЖБН. Т. 6. С. 16.

¹⁹³ См.: *Плаксин И.М.* Указ. соч. С. 100.

¹⁹⁴ РКЖБН. Т. 6. С. 16.

¹⁹⁵ См.: ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 22. Л. 50–51 об.

¹⁹⁶ ГАКО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 44. Л. 114.

клине поближе к селению. Картофель выращивали в крестьянских семьях не только для питания, но и как техническую культуру для получения крахмала и спирта на винокуренных заводах.

В крестьянских хозяйствах исследуемой губернии навозное удобрение применялось для унаваживания огородных культур. Информаторы Этнографического бюро из Курской губернии объясняли это тем, что «огороды унаваживаются каждый год, в противном случае, урожай будет очень плох»¹⁹⁷.

При общих благоприятных почвенных и климатических условиях садоводство являлось исконным занятием сельского населения и имело важное значение в экономической жизни края. В садах выращивали яблоки, груши, вишни, сливы, черную и красную смородину, крыжовник и даже терн. В отдельных селах оно приобретало с конца XIX века товарное значение. В среднем ежегодный вывоз из губернии свежих и переработанных плодов и ягод на внешние рынки был до 600 000 пудов. Особенно много было садов в Белгородском, Дмитриевском, Корочанском, Новооскольском, Рыльском, Суджанском, Фатежском и Щигровском уездах. В этих уездах даже существовали садовые школы (Корочанский уезд, с. Нижне-Теребуж, Щигровский уезд)¹⁹⁸. Однако более широкому распространению садоводства среди крестьянского населения мешали семейные разделы, малоземелье и недостаток средств.

Отрицательно сказывались на урожайности культур неблагоприятные природные условия: ветры-суховеи, эрозия почв, заморозки, градобития, затяжные дожди и грозы. Борьба с ними крестьяне были бесильны. Например, в отчете губернатора императору за 1884 г. сообщается, что «1884 год был обилён градобитиями. В течение весны и лета в разных местах губернии было выбито градом 31 825 дес. разного рода хлебов и огородных овощей на сумму свыше 866 000 р.»¹⁹⁹.

Еще одной стороной годового цикла была его ритмичность. В ней точно устанавливалась оправданная для труженика-земледелца последовательность праздников и будней, работы и отдыха, постов и дней неумеренного приема сытной еды. Православные праздники в

---

¹⁹⁷ РКЖБН. Т. 6. С. 22.

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 404. Л. 15.

¹⁹⁹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4454.

аграрном труде хлеборобов являлись своеобразными *вешками*, определяющими временные границы земледельческих операций.

В периодической печати иногда дается негативная оценка сельских праздников, которых было довольно много, что оказывало отрицательное влияние на состояние крестьянского хозяйства²⁰⁰. В праздничные дни не проводились пахота, сев, уборка урожая с полей, сенокос. Конечно, нельзя считать, что в праздничные дни крестьяне совсем не работали. Повседневная работа по уходу за скотом и птицей происходила ежедневно. Не считалось работой ходить в лес на охоту, по грибы, ягоды. Кроме того, опросы местных жителей свидетельствуют, что запрет на сельскохозяйственные работы действовал лишь в первой половине дня, т.е. «до обеда»²⁰¹.

Кроме земледелия, являвшимся главным занятием, в Курской губернии крестьяне занимались животноводством, птицеводством, пчеловодством и рыболовством²⁰².

Животноводство по отношению к земледелию играло подчиненную роль и имело преимущественно домашний характер. В каждом крестьянском хозяйстве имели лошадей, коров, свиней, овец, коз, птицу²⁰³. В продажу шли только лошади, рогатая скотина, другую живность крестьяне в основном выращивали для собственных нужд. Прежде всего, скот применялся в хозяйстве в качестве тягловой силы для обработки полей, был поставщиком продуктов питания, материала для одежды, давал удобрения.

Наибольшее значение в крестьянском хозяйстве имела лошадь, представлявшая основную тягловую силу²⁰⁴. Кроме того, в крупных крестьянских хозяйствах держали волов. Количество лошадей в хозяй-

---

²⁰⁰ КГВ. 1880. № 31.

²⁰¹ См.: Архив СТИ МИСиС. Папка 2. Из беседы с уроженками с. Каплино Старооскольского района Белгородской области.

²⁰² Мухина З.З, Пивоварова Л.Н. Некоторые аспекты хозяйственной деятельности крестьян Курской губернии в конце XIX века // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. В 2 т. Сб. науч. тр. IV Междунар. науч. конф. / отв. ред. И.Т. Шатохин (г. Белгород, 8 декабря 2006 г.). Т. 2. Белгород, 2007. С. 179.

²⁰³ РКЖБН. Т. 6. С. 16, 31.

²⁰⁴ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 33. Л. 6; КГВ. 1895. № 229.

стве являлось показателем его самостоятельности. Но даже рабочими лошадьми крестьянские хозяйства были обеспечены неравномерно. Так, в Белгородском уезде в 1885 году на 2047 крестьянских дворов приходилось 31 952 лошади, т.е. по 1,5 головы на двор. С такой обеспеченностью тягловой силой массе крестьянских семей не представлялось никакой возможности преодолеть нужду и нищету. А в Краснянской волости из 1434 домохозяев 378 имели одно животное²⁰⁵. По данным военно-конской переписи за 1899-1901 гг. число безлошадных дворов в губернии составляло 25,6 % ²⁰⁶. Известно, что местные породы лошадей были малорослыми и недостаточно сильными, «весьма низкой породы»²⁰⁷. Однако лошади курского крестьянина отличались неприхотливостью и выносливостью, что при плохой обеспеченности кормами имело немаловажное значение. В большинстве хозяйств в зимний период лошадей кормили соломой, а сено и, тем более, овес давали лишь перед дальними поездками и тяжелыми работами.

О состоянии животноводства в Курской губернии в начале XIX века губернские чиновники писали: «Скотоводство находится в самом дурном состоянии, скот по большей части мелкий и худой, что происходило от недостатка корма и от неумения крестьян ухаживать за скотом. Стада крестьянские большую часть года с ранней весны и поздней осени находились на подножном корме, сухого же корма для скота недостаточно заготавливается и оттого скот малосилен и малоценен»²⁰⁸. Другой причиной являлось «отсутствие хороших производителей»²⁰⁹.

В архивных материалах отмечается, что имело место конокрадство²¹⁰. В газете «Курские губернские ведомости» в каждом номере печаталось от 2 до 10 сообщений о краже лошадей²¹¹.

---

²⁰⁵ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5248. Л. 5.

²⁰⁶ См.: Материалы Высочайше... С. 205–214.

²⁰⁷ Сборник статистических сведений по Обоянскому уезду... С. 19.

²⁰⁸ Краинский В.Е. Сравнительная организация хозяйства Курской губернии Белгородского уезда, Тульской губернии Богородицкого уезда и Смоленской губернии Дорогобужского уезда. СПб., 1878. С. 6.

²⁰⁹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5231. Л. 4–5.

²¹⁰ РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5327. Л. 10.

Однако во второй половине XIX века в связи с изменением социально-экономических условий в деревне лошади и скот улучшенной породы постепенно появляются не только у многих помещиков, но даже и у некоторых крестьян²¹². Например, в Белгородском уезде выращивали в основном лошади украинской породы, широко применявшиеся не только в крестьянском хозяйстве, но и в русской кавалерии того времени.

Крупный рогатый скот служил в основном источником мясомолочных продуктов. Продуктивный же скот разводили главным образом для удовлетворения внутренних потребностей семьи. Следует отметить, что малоземелье, следствием которого был недостаток кормов, приводило к исчезновению хороших пород крупного рогатого скота. «Приспосабливаясь к скудным кормовым условиям, породы эти вырождались, утрачивали свои отличительные черты – рост, вес, масть, продуктивность и приобретали одно общее отличительное свойство – замечательную выносливость. Маленькие уродливые коровенки, получившие здесь юмористическое название “тасканок”, представляют собой незаменимую в крестьянском хозяйстве породу; они в высшей степени выносливы и неприхотливы, все лето толкутся на выбитом выгоне, - по голому паровому полю, или на жнивье; зимою исключительно кормом для них является солома и притом ржаная»²¹³.

С развитием капиталистических отношений в конце XIX века Курская губерния вошла в состав районов, специализировавшихся на развитии торгового мясомолочного животноводства²¹⁴.

Кроме крупного рогатого скота крестьяне Курской губернии разводили овец, в основном простых грубошерстных пород. Овцы помимо мяса давали шерсть и овчину, крайне необходимые в крестьянском быту. Из шерсти изготавливали пряжу, сукно, валяли валенки и шляпы. Овчина шла на изготовление зимней одежды: полушубков, тулупов. По

---

²¹¹ КГВ. 1870. № 41; КГВ. 1870. № 62; КГВ. 1882. № 51; КГВ. 1882. № 41; КГВ. 1895. № 109.

²¹² См.: ГАКО. Ф.153. Оп. 1. Д. 144. Л. 119 об., 120.

²¹³ Обзор Курской губернии за 1891 г. Курск, 1892. С. 148.

²¹⁴ См.: Народы России... С. 288.

данным источников наибольшей численности овцы достигали в Белгородском, Суджанском, Новооскольском и Старооскольском уездах²¹⁵.

С ранней весны и до поздней осени скот содержался на подножном корму. В качестве выгонов использовались луга и пар. Различные виды скота паслись в общем стаде, для чего на весь период за определенную плату нанимались пастухи. В зимнее время скот содержался в специальных срубных помещениях, в загонах. В сильные морозы молодняк пускали в избу.

Основными кормами домашнего скота являлись яровая солома и мякина, сено давали только лошадям и стельным коровам. Недостаток кормов, плохое содержание скота, как в поле, так и дома вызывали падежи скота. Резко тормозили развитие животноводства частые эпизоотии (широко распространенные инфекционные заболевания животных, значительно превышающие уровень обычной заболеваемости на данной территории)²¹⁶. «Что же касается эпизоотий, то первое место среди заболеваний крупного рогатого скота занимала – чума. Главная причина появления и распространения этой болезни – соседство с постоянно зачумленными южными губерниями, земствами которых не были приняты меры обязательного убоя зачумленных животных из местного рогатого скота»²¹⁷.

Из-за острого недостатка земли крестьяне распахивали луга под зерновые, что приводило к сокращению кормовой базы и поголовья скота. Например, вследствие неурожайных лет и сокращения кормов количество лошадей в Старооскольском уезде понизилось в конце XIX в. с 64 тысяч до 25 тысяч, коров с 44 до 35 тысяч голов. С каждым годом увеличивалось количество безлошадных хозяйств.

Таким образом, состояние крестьянского животноводства определялось, прежде всего, размерами надела и характером крестьянского земледелия и землепользования.

Большим подспорьем в хозяйстве служило птицеводство. В каждом домашнем крестьянском хозяйстве разводили домашнюю птицу: кур, гусей, уток, индеек обыкновенных пород²¹⁸. Особого ухода за ними не было.

---

²¹⁵ ГАКО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 20. Л. 69.

²¹⁶ Словарь иностранных слов. 17-е изд., испр. М., 1988. С. 589.

²¹⁷ РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5327. Л. 13.

²¹⁸ *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 98.

Мясо птиц употребляли в пищу, а пух, перья, яйца шли для семейных нужд или на продажу. Например, из Корочанского уезда яйца отправляли на продажу в Москву²¹⁹. Яйца служили также меновой единицей: на них у разъездных торговцев можно было купить различные товары, поэтому даже в бедных хозяйствах старались иметь больше кур.

Пчеловодство в крестьянских хозяйствах являлось дополнением к продуктам земледельческого хозяйства²²⁰ и доставляло «многим значительную выгоду в хозяйстве»²²¹. Оно было «широко распространено по всей губернии: каждый крестьянин имел небольшую пасеку из трех-четырех ульев. Однако особенно оно было развито в Курском, Белгородском и Путивльском уездах»²²². Рост интереса к пчеловодству обусловливался развитием садоводства и увеличением посевов гречихи и бахчевых культур, которые при цветении давали прекрасный медосбор. Небольшие пасеки размещались на огородных и садовых участках. Для больших пасек выбирали обычно специальные места на лесных полянах, реже в лощинах, балках. Первоначально на пасеках использовались колодные ульи, а в конце XIX в. постепенно начали заменяться рамочными ульями. Сбор меда проводился традиционно в конце лета. Отпугивание пчел при сборе меда производилось при помощи дыма, кроме того, применялись защитные приспособления: волосяные сетки, капюшоны. Мед и воск шли на изготовление свечей, медовых вин, а также экспортировались за пределы губернии. «Действенным средством для того, чтобы лучше водились пчелы, – пишет один из корреспондентов Этнографического бюро, – крестьяне считали благотворительство медом в пользу стариков и детей (а они Бога помнят)»²²³.

Древнейшей формой хозяйственной деятельности у крестьян Курской губернии, как и в других губерниях Центральной России, являлось рыболовство²²⁴. Оно носило потребительский характер и служило под-

---

²¹⁹ См.: *Бойков М.* Указ. соч. 1879. С. 18.

²²⁰ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 33. Л. 6; РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 5076. Л. 275. 376.; ГАКО. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 60. Л. 18 об.

²²¹ *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 98.

²²² РКЖБН. Т. 6. С. 16.

²²³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 72. Л. 14–15.

²²⁴ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 33. Л. 6. об.; *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 99.

спорьем в обеспечении крестьянской семьи продуктами питания²²⁵. Ловля рыбы для личных нужд производилась либо в одиночку, либо небольшими группами односельчан²²⁶. Корреспонденты Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева информировали: «Часть крестьян ловит рыбу индивидуально летом и зимой, выручая от продажи по 50 и более рублей в год»²²⁷. Ловили в основном леща, щуку, сома, сазана, судака, окуня²²⁸, используя удочки, бредни, плавные сети, неводы. В зимнее время проводили подледный лов.

Источником крестьянских доходов был также сбор грибов, ягод и орехов. «Грибы и ягоды крестьянки носят продавать помещику (земскому начальнику), а орехи продают на ярмарках в слободе Медвенке. В нынешнем 1898 году был большой урожай на орехи, и некоторые крестьянки продали пуда по четыре орехов»²²⁹, – сообщает корреспондент из Обоянского уезда Курской губернии.

Таким образом, во второй половине XIX в. основой крестьянского землепользования являлись надельные земли, но в конце XIX в. обострилась проблема малоземелья основной массы крестьянства. Крестьяне вынуждены были искать пути рационализации своей хозяйственной деятельности, совершенствовать приемы обработки земли и другие виды занятий. Кроме земледелия – главного занятия – крестьяне продолжали заниматься животноводством, рыболовством, пчеловодством и, особенно, кустарными и отхожими промыслами. Участие крестьян в последних видах деятельности вело к перераспределению хозяйственных работ между отдельными членами семьи.

Занятия кустарными промыслами

Особое место в хозяйственной деятельности крестьян Курской губернии наряду с земледелием занимали народные промыслы, обычно как подсобное занятие при основном, сельскохозяйственном производстве, удовлетворявшие потребности сельского населения в предметах бытового обихода. «Некоторые в придачу к земледелию зани-

---

²²⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 32. Л. 27.

²²⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 43. Л. 7.

²²⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 72. Л. 13–14.

²²⁸ АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 33. Л. 6. об.

²²⁹ РКЖБН. Т. 6. С. 22.

маются каким-либо ремеслом: один башмашник, другой кузнец, третий столяр, печник, слесарь, мельник и пр., но занимаются этим урывками в свободное время»²³⁰, – сообщает корреспондент Этнографического бюро. Ремесленники работали в пределах своего села и окрестных деревень, реже – волости. В конце 1860-х – 1870-х годов в селах Курской губернии стали развиваться кустарные промыслы. Толчком к этому послужило малоземелье, все увеличивавшееся в связи с ростом населения, недостаточная доходность земледелия, наличие в зимний период свободного от сельскохозяйственных работ времени и политика государства, направленная на поощрение кустарной промышленности.

Крестьяне занимались местными и отхожими промыслами. Местные промыслы большей частью были традиционными и культивировались издавна. Ими занимались преимущественно в осенне-зимнее время. По Курской губернии на местные промыслы приходилось 90% кустарей-производителей²³¹. Отхожие промыслы были связаны с уходом крестьян на заработки на чужой стороне.

Крестьяне южных и западных районов Курской губернии занимались чаще всего организованными промыслами, в результате чего имели прочно установившиеся заработки, а в северных и северо-восточных частях занятия промыслами были эпизодическими²³². Наиболее привержены были к занятиям различными промыслами крестьяне Курского, Белгородского, Грайворонского, Дмитриевского, Корочанского, Львовского, Новооскольского, Обоянского, Путивльского, Рыльского, Старооскольского, Суджанского, Фатежского, Щигровского уездов²³³. Особенно активно участвовало население в различных кустарных промыслах там, где этому способствовали уездные земства.

В Курской губернии в начале XX века существовал 21 промысел. Основными видами кустарных промыслов были кожевенный, деревообрабатывающий, ткацкий, веревочный, гончарный. Часть продукции домашних промыслов, таких как сукноделие, изготовление телег, деревянной и глиняной посуды, ткачество, вязание, бондарный, скорняж-

---

²³⁰ РКЖБН Т. 6. С. 32.

²³¹ *Добротворский Н.А.* Указ. соч. С. 56.

²³² Курская губерния. Итоги... С. 9.

²³³ Обзор Курской губернии за 1893 год. Курск, 1894. С. 54.

ный, кузнечный промысел – удовлетворяли собственные нужды крестьян²³⁴.

В начале 1890-х годов на рассматриваемой территории было 15 477 кустарей, работавших на дому и в мастерских. Мастерские представляли собой небольшие предприятия по обработке продуктов сельского хозяйства и изготовлению предметов бытового обихода²³⁵. В конце XIX в. в некоторых селах возникло крупное кустарное производство, развившееся из местного ремесла²³⁶. В ежегодных отчетах курского губернатора императору отмечалось, что кустарные промыслы находятся в губернии в слабом развитии. Тем не менее, поставка продукции на рынок способствовала наполнению семейных бюджетов. Так, например, за 1892 год промыслы дали кустарям 100 000 р. заработка, что стало хорошим подспорьем в тяжелом положении населения²³⁷. В 1900 г., по сообщениям уездных исправников, кустарными промыслами занималось уже «19 775 человек, которыми в общем было заработано 1 242 835 руб. По сравнению с данными за предыдущий год число кустарей увеличилось на 4 853 чел., а общая сумма заработка увеличилась почти на 50%»²³⁸.

Кустарные промыслы на исследуемой территории имели гендерную направленность²³⁹.

Мужчины были заняты главным образом в кожевенно-сапожном, деревообрабатывающем, гончарном производстве, валяльном промысле.

По влиянию на благосостояние населения первое место занимал кожевенно-сапожный промысел²⁴⁰. Н.А. Добротворский указывал на

---

²³⁴ См.: Ботова С.И., Приставкина Т.А., Рябчиков А.В. Указ. соч. С. 128–129.

²³⁵ РКЖБН. Т. 6. С. 17.

²³⁶ Там же.

²³⁷ РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5009. Л. 6.

²³⁸ Златоверховников Н. О кустарных и отхожих промыслах населения Курской губернии (краткий обзор за 1900 г.) // Курский сборник / Под ред. Н.И. Златоверховникова. Вып. II. Курск, 1902. С. 184.

²³⁹ См.: Мухина З.З., Шестакова С.В. Традиционные женские промыслы в Курской губернии в конце XIX – начале XX в. // Образование, наука, производство и управление: сборник научных и научно-методических докладов международной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов. Старый Оскол, 2010. С. 210–213.

этнографические истоки этого промысла: «... можно с большей или меньшей степенью достоверности сказать, что промысел принесен сюда первоначальными заселенцами края – казаками, украинцами и литвинами, которые стали заселять нынешнюю южную часть Курской губернии с самого начала XVII столетия»²⁴¹. Наиболее распространен был этот промысел в Белгородском, Грайворонском, Новооскольском, Старооскольском, Суджанском, Корочанском, а также в Курском, Рыльском, Путивльском уездах.

Селились кожевенники обычно близ воды. Грязная и вредная для здоровья работа проводилась у зажиточных крестьян в особых местах, у бедных – в жилой избе. В 70-е годы XIX века сельское кожевенное производство обогнало городское²⁴². Известно, что в 1887 году кустари Новооскольского земства должны были поставить 5000 пар сапог для армии²⁴³. Позже Новооскольское земство организовало мастерскую и осуществило подряд военному ведомству на 15 000 пар сапог. В 1889 г. в Новооскольском уезде в разных селениях уже насчитывалось 62 небольших кожевенных завода, годовой оборот которых по изготовлению кож и сапог простирался до 237 000 руб., а овчин и полушубков до 40 000 руб. В этом же году овчин и полушубков было сбыто на сумму 446 000 руб.²⁴⁴. Этот промысел развивался не только в Новооскольском уезде, но и в Курском, Белгородском, Грайворонском, Новооскольском, Старооскольском, Корочанском, Рыльском, Путивльском и в Суджанском уездах²⁴⁵. В 1889 г. Министерство командировало в Суджанский уезд специалиста по кожевенному промыслу. Он в течение 6 месяцев проводил показательные опыты по выделке кож на земском кожевенном заводе в Мирополье. По указанию специалиста этот завод был снабжен всеми необходимыми принадлежностями и инструментами²⁴⁶. В 1890 году миропольские кустари Суджанского уезда хлопотали о взятии под-

---

²⁴⁰ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4594. Л. 2.

²⁴¹ *Добротворский Н.А.* Указ. соч. С. 168.

²⁴² *Лаптев Р.А.* История кожевенно-обувной отрасли российской индустрии: конец XVIII – начало XX веков (на примере Курского региона): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005. С. 15.

²⁴³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4655. Л. 2.

²⁴⁴ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4858. Л. 2.

²⁴⁵ См.: *Курский сборник*. Вып. II. С. 13.

²⁴⁶ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4858. Л. 3.

ряда на поставку сапог в войска для солдат русской армии. «Земство охотно разрешило им ассигновку до 3000 р. – ссуду для образования сапожной артели с целью ведения подряда на артельных началах, как более выгодных»²⁴⁷. В конце XIX – начале XX вв. кожевенный промысел давал крупный заработок нескольким тысячам кустарям – сапожникам, работавшим при посредстве земства на военное производство.

В 1895 г. по инициативе земства в селе Орлик Старооскольского уезда была открыта кустарная сапожная мастерская, которая в том же году заключила контракт с Московским окружным интендантским управлением на поставку 5 тысяч пар сапог из казенных материалов по цене 1,45 руб. за пару²⁴⁸. Перед русско-японской войной интендантство предоставляло земству подряды на 15 тысяч пар сапог в год, а после окончания войны – от 40 до 100 тысяч пар в год²⁴⁹. Усилиями земских деятелей был организован сбыт сапог не только военному ведомству, но и отправка их на рынки Южной России и Новороссии²⁵⁰.

Широкое развитие в курских селах получила обработка дерева. Крестьяне изготовляли средства для передвижения (сани, телеги, тарантасы, лодки), орудия сельскохозяйственного труда (сохи, бороны, дуги, сита, лукошки, грабли, ручки для кос, лопат, оглобли, веялки, молотилки и др.), предметы домашнего обихода (ложки, миски, корыта, бочки, кадки, ушаты, столы, мебель, сундуки и пр.). В 1900 г. в деревообрабатывающем производстве было занято 2991 человек²⁵¹. Для этого производства характерна была специализация. Так, например, в селениях Дмитриевского, Обоянского, Суджанского, Тимского, Рыльского уездов делали *сани, телеги*; Новооскольского, Корочанского, Белгородского, Щигровского, Грайворонского – *дуги*; Старооскольского, Фатежского, Щигровского – *прялки*; Новооскольского – *сундуки*; Грайворонского, Корочанского, Новооскольского, Обоянского, Суджанского, Старооскольского, Тимского, Фатежского – *бочки, кадки, бочонки, ушаты*; Белгородского (д. Ясеньевый Колодезь Шопинской волости)

---

²⁴⁷ РГИА. Ф. 1263. Оп.1. Д. 4859. Л. 3.

²⁴⁸ Краткий очерк деятельности Старооскольского земства за 50 лет (1864–1914 гг.). Курск, 1914. С. 31–32.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ РКЖБН. Т. 6. С. 17.

²⁵¹ *Златоверховников Н. О кустарных и отхожих промыслах... С. 179.*

– курительные трубки и т.д.²⁵² В немногих селениях Корочанского, Курского, Суджанского и Фатежского уездов занимались плетением корзин и мебели²⁵³. Кстати, данный промысел был принесен в Курскую губернию крестьянами, уходившими на заработки в южные губернии. Так, в 1900 году в с. Гуйве Миропольской волости была открыта корзиночная мастерская для мальчиков²⁵⁴. В некоторых селах занимались жжением угля на продажу²⁵⁵.

В селах Грайворонского, Рыльского, Суджанского уездов был развит валяльный промысел: изготовление войлоков, грубых сукон и валенок²⁵⁶; выделкой овчины занимались более всего в деревнях Дмитриевского, Фатежского, Суджанского, Щигровского уездов²⁵⁷.

В некоторых селениях Львовского, Новооскольского, Старооскольского, Дмитриевского, Грайворонского, Корочанского уездов крестьяне занимались гончарным промыслом. Изготавливали, большей частью, простую глиняную посуду, которую сбывали на местных базарах и ярмарках²⁵⁸. Любопытный факт: «Летом 1900 г. Суджанской земской управой были командированы в Полтавскую губернию два крестьянина для ознакомления, в разных кустарных-гончарных мастерских, с состоянием местного гончарного производства и наилучшими способами выделки гончарных изделий»²⁵⁹.

В селе Борисовка Грайворонского уезда все население было занято производством икон для Богородско-Тихвинского женского монастыря. Из монастыря ежедневно отправлялось два вагона икон в южные города

---

²⁵² См.: *Тинякова Е.Л.* Народные промыслы в Курской губернии (Исторический очерк) // *Культура Курского края (лингво-этнографические очерки)*. Курск, 1995. С. 90-91; *Ботова С.И., Приставка Т.А., Рябчиков А.В.* Указ. соч. С. 128–129.

²⁵³ См.: *Естественные и производительные силы Курской губернии и экономическая деятельность населения*. Курск, 1912. С. 41; *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 100.

²⁵⁴ *Златоверховников Н.* О кустарных и отхожих промыслах... С. 180.

²⁵⁵ *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 100.

²⁵⁶ РКБЖН. Т. 6. С. 17.

²⁵⁷ О кустарных промыслах Курской губернии. Курск, 1885. С. 177.

²⁵⁸ О кустарных... С. 153–154. *Златоверховников Н.* О кустарных и отхожих промыслах... С. 181.

²⁵⁹ *Златоверховников Н.* Указ. соч. С. 181.

России. Эта деятельность полностью вытеснила земледелие: «не только надел свой никто не обрабатывал, но и огород даже не сажали»²⁶⁰.

Женские промыслы в Курской губернии были развиты несравненно слабее мужских и, прежде всего, связаны с возделыванием конопли и льна, их переработкой, прядением, домашним ткачеством, вязанием. Основная часть продукции женских домашних промыслов удовлетворяла собственные нужды крестьян. Привлечение женщин к производственной деятельности (ремеслу) было, как правило, эпизодическим и чаще всего носило характер помощи.

С давних пор в Курской губернии возделывали коноплю и лен, дающие волокно и масло. Технологии возделывания этих культур подробно рассмотрены в монографии известного этнографа Д.К. Зеленина «Восточнославянская этнография»²⁶¹. Лен выращивали в основном для своих нужд, а если и продавали, то небольшими партиями. После обработки льна получали льноволокно, из которого изготавливали пряжу, а из льняных ниток на домашнем ткацком стане ткали холсты. Избыток льняного холста продавали, как правило, между собой в деревнях. Широкое распространение льноделия в домашнем быту определялось потребностями населения в одежде и предметах быта. Важную роль в сохранении льноделия и домашнего ткачества сыграла также приверженность крестьян традициям, не допускавшим изготовления обрядовых и праздничных полотенец из покупных тканей. С сакральными причинами было связано и сохранение домотканнины в похоронных и свадебных обрядах.

Курские крестьянки выращивали также коноплю. В тех местах, «где имелись конопляники... в их [женщин – З.М.] обязанности входили уборка, вымочка, сушка и другие операции, необходимые для производства пеньки и сукна»²⁶². Несложная в технологии возделывания конопля привлекала крестьянок тем, что продукты ее переработки пользовались устойчивым спросом²⁶³. Часть производимой конопляниками пеньки составляла предмет сбыта и шла на продажу в виде верёвок. Веревоочным промыслом занимались кустари Курского, Староскольского, Тимского, Щигровского, отчасти Дмитриевского, Льговско-

---

²⁶⁰ См.: Жегалова С.К. и др. Указ. соч. С. 174–175.

²⁶¹ См.: Зеленин Д.К. Восточнославянская... С. 178–181.

²⁶² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1088. Л. 12.

²⁶³ Милов Л.В. Великорусский пахарь... С. 156.

го, Путивльского, Суджанского и Фатежского уездов²⁶⁴. Например, в Старооскольском уезде веревочным промыслом был занят 151 двор, центром производства являлись села Каплино (100 дворов) и Ездоцкая (39 дворов) Казацкой волости. Кроме этого по 1-2 двора занимались в селах: Орлик, Осколе²⁶⁵. Веревоочные изделия были отличного качества и пользовались спросом не только в Старом Осколе, но и в Воронеже, Харькове, Курске, Екатеринославле, Ростове-на-Дону, куда отправляли их местные купцы, скупщики²⁶⁶. В неурожайные годы, например, в 1898 году, когда крестьяне испытывали большую нужду, они оплачивали все лежащие на них повинности с доходов от продажи веревок²⁶⁷. Эта культура в регионе сохраняла товарный характер на протяжении всего XIX века²⁶⁸.

Из льна, конопли, а также шерсти женщины на простых ручных станках изготавливали холсты, сукна, ковры, поневы, ткани не только для домашнего употребления, но и на продажу²⁶⁹. Ткацкий кустарный промысел был распространен в Стригуновской, Борисовской, Высоковской и др. волостях Грайворонского уезда, а также в сл. Орлик Старооскольского уезда, где функционировала кустарная ткацкая мастерская финляндского типа, в которой «вырабатываются фартуки, полотенца, коврики и проч. Изделия эти сбываются местному населению и в городе Старом Осколе»²⁷⁰. Для развития данного кустарного промысла в Курской губернии в 1911 г. были открыты ткацкие школы в сл. Белая и с. Боршня, д. Касторная с отделениями в Судже и Мирополье²⁷¹.

---

²⁶⁴ *Златоверховников Н.* Кустарные и другие промыслы населения курской губернии в 1899 году и краткий обзор их за предшествовавшее время // Курский сборник. Вып. I. Курск, 1901. С. 209.

²⁶⁵ Кустарные промыслы Старооскольского уезда, Курской губернии / Сост. Ф.И. Заикин. Курск, 1904. С. 44.

²⁶⁶ Архив СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 16.

²⁶⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1161. Л. 1.

²⁶⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 122. Л. 32 об.

²⁶⁹ ГАКО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 144. Л. 122.

²⁷⁰ *Златоверховников Н.* Кустарные и другие промыслы... С. 209; *Антипов М.* Ткацкий промысел в Курской губернии // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1885. № 8. С. 294.

²⁷¹ Естественные и производительные силы Курской губернии... С. 39.

Специальным традиционным женским промыслом было производство ковров. Тканые ручные ковры выделялись из пряденой шерсти и непряденой – войлока. В Курской губернии данный промысел особо выделялся в Щигровском уезде. Ковровый промысел получил такое распространение, что им стали заниматься профессиональные ткачи в крупных слободах – Велико-Михайловке, Борисовке, Рацитной, Ольшанке и др. В 1900 г. в д. Косторной Суджанского земства была открыта «коверная мастерская в помещении, безвозмездно уступленном местным землевладельцем А.А. Гридиным. Для заведывания мастерской организован особый местный комитет, а для преподавания ученицам мастерства приглашена местная уроженка Долженкова, окончившая С.-Петербургскую Мариинскую школу коверщиц и кружевниц»²⁷². Также изготовлением ковров, попонок и дорожек занимались в селах и деревнях – Бобрышево, Троицкое Обоянского уезда, Сергиевское Фатежского уезда, Винникова, Воробьевка, Артюховка, Долгое, Переверзевка Курского уезда, Крутыя, Троицкая Щигровского уезда, в селениях, прилегающих к реке Сейм Льговского уезда²⁷³ и др. Курские ковры славились далеко за пределами края. Хотя данный тип ковров производился не только в Курской, но и в Орловской и Тамбовской губерниях, он был назван «курским», потому что Курская губерния стала наиболее крупным центром этого производства²⁷⁴. Однако к концу 80-х годов XIX в. ткацкий промысел стал сокращаться²⁷⁵.

Наряду с ковроткачеством женщины занимались производством полотенец и различных поясов для одежды. Изготовлением полотенец (рушников) занимались в каждой семье. Тканье поясов было особенно распространено в трех уездах: Суджанском, Фатежском и Щигровском²⁷⁶.

---

²⁷² Там же. С. 182.

²⁷³ Антипов М. Указ. соч. С. 294.

²⁷⁴ См.: Шанина Л.Ф. Ковроткачество – гордость Курских мастеров // Культуры Курского края (лингво-этнографический очерк). Курск, 1995. С. 98.

²⁷⁵ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4858. Л. 5-6.

²⁷⁶ Златоверховников Н. Кустарные и другие промыслы... С. 211; Промыслы и грамотность центрального района Курской губернии. Промыслы и внеземледельческие занятия населения центрального района Курской губернии / Сост. Н.А. Добротворский. Курск, 1883. С. 153.

Изготовлением скатертей занимались в селах Грайворонского, Дмитровского, Курского, Львовского и Фатежского уездов²⁷⁷. Е.Л. Тинякова отмечает, «что в связи с трудоемкостью изготовления скатертей, большинство ткачей были мужчины»²⁷⁸.

Однако издавна существующие в Курском крае промыслы ткачества (скатертей, полотенец, поясов) в конце XIX века стали исчезать²⁷⁹. Таким образом, для кустарей Курской губернии ткацкий промысел не приобрел серьезного экономического значения, а остался формой обыкновенного занятия в крестьянском обиходе.

Женщины-крестьянки Курской губернии занимались чулочновязальным промыслом²⁸⁰. Так, например, среди женского населения пригородных слобод города Белгорода – Старого Городища, Пушкинской, Михайловской, Казацкой, Ездоцкой, Ямской получило широкое развитие вязание из шерсти варежек, носок, чулок. В этом промысле было занято 800 женщин и 600 подростков²⁸¹. Н. Златоверховников отмечает, что данный промысел «имеет экономическое значение для отдельных селений»²⁸². В конце XIX в. в некоторых селах из местного вязального промысла возникло крупное кустарное производство.

Плетение кружев и вышивание не занимало большого места в занятиях женщин Курской губернии, но все же, помимо удовлетворения собственных нужд, приносило небольшой доход в семью. Обучали плетению кружев девочек с 6-7 лет бабушки, тети, старшие сестры, реже матери. Манеру плетения, искусство составлять узоры передавали внутри семьи из поколения в поколение. Плетение кружев и вышивание больше всего было развито в Щигровском, Фатежском, Грайворонском (сл. Борисовка), Суджанском (сл. Белая) уездах. В 1905 г. в Щиграх при содействии местного земства была устроена школа кружевниц²⁸³. Исследователи обратили внимание на то, что в ходе промышленного развития в пореформенный период с укреплением меж-

---

²⁷⁷ Там же. С. 150-151.

²⁷⁸ Тинякова Е.Л. Указ. соч. С. 95.

²⁷⁹ Златоверховников Н. Кустарные и другие промыслы... С. 211.

²⁸⁰ Тинякова Е.Л. Указ. соч. С. 86.

²⁸¹ РКЖБН. Т. 6. С. 17.

²⁸² Златоверховников Н. Кустарные и другие промыслы... С. 211.

²⁸³ Курский сборник. Вып. V. Курск, 1907. С. 28.

региональных торговых связей меняется и характер народной вышивки, являющейся неотъемлемой частью украшения льняных изделий. Под влиянием городской моды и фабричных образцов вышивка приобретает чисто декоративный характер. Стало забываться смысловое значение традиционных мотивов. Однако орнамент народной вышивки продолжает сохранять древние мотивы и является наиболее архаичной знаковой системой, дошедшей до наших дней.

Женщины участвовали и в других промыслах, но не в качестве основных работников. Так, например, в войлочном производстве, имевшем место в селе Снагость Рыльского уезда, хуторе Городище Корочанского уезда, в слободе Орлик Старооскольского уезда они помогали мужчинам при катании войлока²⁸⁴.

Участие женщин в гончарном промысле в основном ограничивалось стружкой глины, глазированием посуды и переноской ее из мастерской к горну и обратно. Однако выделкой плит для выстилки печей занимались исключительно женщины²⁸⁵. В некоторых местностях женщины занимались и производством горшков. Например, в Великой Михайловке и Борисовке Белгородского уезда, женщина-поденщица производила до 4000 горшков²⁸⁶. Гончарный промысел оказывал вредное влияние на здоровье женщин.

Женским занятием было и изготовление глиняной игрушки, в частности, свистулек для детей. Гончарный промысел в начале XX в. наиболее производительным был в Грайворонском, Лиговском, Новооскольском, Старооскольском и Суджанском уездах²⁸⁷.

Таким образом, женские промыслы в Курской губернии в конце XIX – начале XX в. включали в себя, в первую очередь, т.н. «женские производства»: возделывание конопли и льна, их переработку, прядение, ткачество, ковроткачество и др. Однако по мере проникновения в деревню фабричной продукции и городской моды, женские традиционные промыслы стали исчезать. Несмотря на попытки государства и местных управлений содействовать развитию кустарных промыслов

---

²⁸⁴ Кустарные промыслы Старооскольского уезда... С. 54.

²⁸⁵ Кустарные промыслы Старооскольского уезда... С. 42; *Добротворский Н.А.* Указ. соч. С. 162–165.

²⁸⁶ О кустарных промыслах Курской губернии. Курск, 1885. С. 171.

²⁸⁷ Курский сборник / Под ред. Н.И. Златоверховникова. Вып. II. С. 181.

среди сельского населения, по мере развития капитализма они постепенно приходили в упадок.

В конце XIX – начале XX в. в Курской губернии наблюдается спад в занятиях кустарными промыслами крестьянского населения в целом. Основными причинами были следующие: сокращение лесных площадей, истощение глиниц, понижение производительности скотоводства, конкуренция со стороны крупной капиталистической промышленности, усиление отхода на дальние заработки²⁸⁸.

Особое место в хозяйственной деятельности крестьян заняло отходничество, которое стало интенсивно развиваться в пореформенный период в связи с развитием товарно-денежных отношений. В 1880-е годы отхожими промыслами в Курской губернии занимались более 60 тыс. чел. (2,6% населения губернии)²⁸⁹. Так, например, по Обоянскому уезду к началу XX в. число отходников, в том числе и женщин, в сравнении с 80-ми годами XIX в. увеличилось. Так, например, за 1898–1902 гг. по Курской губернии среднегодовой отход составил 212 188 мужчин и 42 645 женщин. К 1904 г. в Курской губернии отхожими промыслами занимались 10,03% мужчин и 5,47% женщин²⁹⁰.

Отхожие промыслы предполагали уход крестьян и работу по найму в пределах своей губернии или на чужой стороне. Основной причиной отходничества являлось малоземелье, истощение почв, снижение урожайности земледельческих культур, а также рост населения. В середине 1880-х годов в Белгородском уезде промыслами было занято 69,6% взрослого мужского населения, в Грайворонском – 72,5%, в Корочанском – 60,7%, в Новоскольском – 69%, в целом по Курской губернии – 54,6%²⁹¹. Согласно данным последующих лет, число отходников все увеличивалось²⁹².

Более 6000 курских крестьян работали на сахарных плантациях и заводах Курской губернии, около 6000 – на винокурных заводах губернии, более 4000 – на больших водяных и паровых мельницах. На свекловичных плантациях главным образом работали женщины и де-

---

²⁸⁸ Естественные и производительные силы Курской губернии... С. 121.

²⁸⁹ Памятная книжка Курской губернии на 1890 год. Курск, 1891. С. 215.

²⁹⁰ Курская губерния. СПб., 1904. С.17.

²⁹¹ Овчинников В.В., Тройно Ф.П. Указ. соч. С. 139.

²⁹² Жегалова С.К. и др. Указ. соч. С. 160.

ти. Так, например, «в южные земледельческие губернии России, преимущественно Таврическую и Екатеринославскую, только из Обоянского уезда в 1882 г. отправились 2798 косарей на косовицу»²⁹³; в период переработки свеклы число наемных рабочих только из местных крестьян селений Головчино, Антоновки и Тополей достигало в 1894 г.: мужчин – 513, женщин и девушек – 800²⁹⁴. В зимний период курские крестьяне, как и крестьяне соседних губерний²⁹⁵, занимались санным извозным промыслом²⁹⁶ – «ползуны», а некоторые, кроме саней имели еще рессорные дрожки – «ваньки». Средний заработок «ванька» составлял от 50 до 100 руб., а «ползуна» от 10 руб.²⁹⁷

Местные и ближайшие заводы давали заработок более чем 20 000 крестьян²⁹⁸.

Армия отходников была чрезвычайно неоднородна в социально-бытовом и половом отношении. Большую часть отходников составляли мужчины. Массовый отход женщин был связан с развитием текстильной промышленности. Интересен факт, который приводит американский исследователь Стив Френк. Он пишет, что в 1889 г. земские начальники получили право выдавать паспорта женщинам для ухода на заработки в город, независимо от разрешения мужа²⁹⁹.

Практику отходничества нельзя рассматривать однозначно. Для одних отход давал необходимые средства, без которых хозяйство пришло бы в упадок, для других – возможность накопить деньги и отделиться от семьи, построить новый дом или справиться приданое, например, для девушек. «Одни находились в отходе практически всю свою трудовую жизнь, другие – до замужества или до женитьбы, в случае острой необходимости»³⁰⁰. Отход на заработки преобладал в Корочанском, Грайворонском, Дмитриевском уездах. Так крестьяне Кур-

---

²⁹³ Сборник статистических сведений по Обоянскому уезду... С. 49.

²⁹⁴ Жегалова С.К. и др. Указ соч. С. 164.

²⁹⁵ Село Вирятино... С. 30.

²⁹⁶ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 33. Л. 6 об.

²⁹⁷ Сборник статистических сведений по Обоянскому уезду... С. 53-54.

²⁹⁸ Курский край в период развития капитализма... С. 294.

²⁹⁹ *Цит. по: Попова А.Д.* «Правда и милость да царствуют в судах» (Из истории реализации судебной реформы 1864 г.). Рязань, 2005. С. 204.

³⁰⁰ Народы России... С. 292.

ской губернии уходили на заработки на свекловичные плантации Харьковской и Киевской губерний, в губернии Новороссийского края³⁰¹.

Отхожие промыслы не всегда положительно сказывались на благосостоянии и жизнедеятельности крестьянских семей. Они не поддавались никакому регулированию, в нередких случаях вместо заработка влекли за собой только непроизводительные траты на передвижение, приучали крестьян к бродяжничеству и, отучая от семьи, являлись в то же время источником развития в селах и деревнях разного рода заразных болезней. Однако, как свидетельствуют архивные материалы, к концу XIX века уход крестьян в отход в южные губернии для выполнения полевых работ начинал терять свое значение в связи с увеличением в хозяйстве южных губерний применения машин и уменьшения вследствие этого спроса на рабочие руки³⁰². «Сельскохозяйственные рабочие, отправляющиеся на дальние заработки, обыкновенно идут или едут большей частью без заранее определенной цели и часто возвращаются в деревню не найдя работы и проживши последние достатки»³⁰³.

Отхожие промыслы, несомненно, оказывали отрицательное влияние на сельское хозяйство Курской губернии, так как вели к оттоку рабочей силы. Единственной возможностью удержать уход на сторону крестьян было развитие кустарных промыслов на местах³⁰⁴. Занятия крестьян местными и отхожими промыслами, прежде всего, были связаны с необходимостью уплаты государственных податей и платы за аренду помещичьих земель³⁰⁵.

Распределение работ и распорядок дня

Всю свою жизнь русский крестьянин проводил в труде, который осуществлялся в рамках народной хозяйственной культуры. Крестьянская жизнь была упорядоченной и единой: труд, отдых, будни, праздники были закономерны и естественны в своей очередности.

Будние дни мало чем отличались друг от друга. Распорядок трудового дня в семье определялся вечером предыдущего дня.

---

³⁰¹ Тинякова Е.Л. Указ. соч. С. 85.

³⁰² См.: РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5327. Л. 17.

³⁰³ См.: РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4858. Л. 16.

³⁰⁴ См.: РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5571. Л. 18.

³⁰⁵ Сборник статистических сведений по Обоянскому уезду... С. 46.

Весной и летом трудоспособные члены семьи большую часть времени проводили в поле, лугах, огородах. В этот период взрослые вставали очень рано, стараясь использовать как можно полнее световой день и более удобное для выполнения тяжелых работ утреннее время. Раньше всех (в 3-4 часа) поднимались женщины, на которых лежала обязанность растопки печи, приготовления пищи. Затем, около 5 часов, вставали остальные члены семьи, за исключением детей, которым разрешалось поспать подольше. Сразу же после подъема все взрослые члены семьи умывались, молились, завтракали и принимались за работу³⁰⁶.

В период напряженных сельскохозяйственных работ обедали прямо в поле. Обедали обычно в 12 часов (в полдень). Обед в поле приносили дети или кто-либо из женщин³⁰⁷. В тех случаях, когда дома никто не оставался, еду брали с собой. В 5-6 часов вечера «полдничали»³⁰⁸. Ужинали («вечеряли») в 8-9 часов вечера. Летом в страдное время ужинали позже, после окончания работы.

Характер будущих занятий и загрузка каждого члена крестьянской семьи были строго ориентированы на естественное половозрастное разделение труда между мужчинами и женщинами, с одной стороны, и лицами разных возрастных категорий – с другой³⁰⁹.

Мужскими считались работы в поле и лесу (заготовка дров, строительного материала), женскими – домашние работы, уход за скотом, некоторые полевые занятия, а также домашние ремесла (ткачество, прядение, шитье, вышивка, плетение кружев). Дети привлекались к выполнению как хозяйственных, так и домашних работ (подробно об этом представлен материал в III главе данной книги).

Основные полевые работы начинались ранней весной и продолжались до поздней осени. Мужчины выполняли почти все работы в поле: пахали, жали, косили, удобряли поля и т. д. Кроме того, они должны были ухаживать за лошадьми, заниматься строительством и ремонтировать постройки, инвентарь, заготавливать дрова и т. п. «После тяжких

---

³⁰⁶ См.: *Булгаков Г.И.* Указ. соч. С. 105.

³⁰⁷ См.: *Ефименко А.Я.* Исследования... С. 79.

³⁰⁸ См.: *Булгаков Г.И.* Указ. соч. С. 104; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 32. Л. 38.

³⁰⁹ См.: *Лещенко В.Ю.* Русская семья (XI – XX вв.) СПб., 2004. С. 415; АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 352. Л. 11; Д. 100. Л. 20–21.

летних занятий, – пишет А. Дмитриюков, – они в это время [зимой – З.М.] обмолачивают хлеб, возят оный в Черниговскую, Орловскую и другие губернии, где только есть значительные цены; делают сани (называемые здесь: *дровни*), колеса, самопрядки, плетут лапти, и занимаются в извоз, во все места в России, и даже за границей»³¹⁰.

Каких-либо существенных различий в распределении работ между взрослыми мужчинами одной семьи не было. Они выполнялись по указанию главы семьи, который учитывал нужды хозяйства и индивидуальные особенности работника. Но трудовая нагрузка у мужчин, по сравнению с женщинами, в течение недели распределялась более или менее равномерно. «Деление работ по принципу только мужские или женские – пишет В.Ю. Лещенко, – ограждалось от нарушений и сохранялось предписаниями, основанными на взглядах о ритуальной нечистоте и греховности женщин. Одно присутствие женщины при выполнении ряда земледельческих работ способно погубить будущий урожай»³¹¹.

Выполнять мужчине, даже мальчику, женскую работу по дому считалось зазорным. Жители села в повседневной жизни старались придерживаться этих неписаных правил из-за боязни осуждения и насмешек со стороны односельчан. Нарушение этих правил допускалось лишь для холостяков и вдовцов.

Материалы исследований показывают, что в крестьянской семье, в отличие от мужчин, женский труд мало ценился, хотя роль женщины в крестьянском хозяйстве второй половины XIX в. оставалась существенной. На долю женщины приходились наиболее тяжелые и трудоемкие работы по домашнему хозяйству: распределение и ведение домашних работ, приготовление пищи, обработка и заготовка сельскохозяйственных продуктов как для повседневного употребления, так и впрок, уход за скотом и птицей, доение коров, огородничество, содержание жилища и т.д.³¹²

В летнее время крестьянки принимали участие и в полевых работах: в заготовке корма для скота, в уборке урожая, молотье, в обработке льна и конопли и других работах³¹³.

---

³¹⁰ Дмитриюков А. Указ. соч. С. 269.

³¹¹ Лещенко В.Ю. Указ. соч. С. 422.

³¹² См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1276. Л. 13–14.

³¹³ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 23. Л. 5; Машкин А.С. Указ. соч. С. 100–101.

Корреспондент Этнографического бюро сообщает, что летом во время тридцатиградусной жары «хорошая рабочая баба может нажать пять копён и навязать десять копён хлеба в продолжение дня. (В каждой копне по 52 снопа. – Прим. корр.)³¹⁴ В тех местах, «где имелись конопляники или посева льна, в их обязанности входили уборка, вымочка, сушка и другие операции, необходимые для производства пеньки и сукна»³¹⁵. Весной и осенью крестьянки «стригут овец»³¹⁶.

После окончания работ в поле, женщины, вернувшись домой, выполняли все необходимые ежедневные работы по хозяйству и дому (дойка коров, кормление скота, подноска воды и т. п.).

Девушки должны были следить за чистотой в доме, помогать матери и невесткам по дому (подметать пол в комнате, убираться, ставить самовар)³¹⁷, за исключением приготовления пищи и выпечки хлебов, которыми занимались в семье другие женщины. Девушка-невеста к этому времени должна была усвоить все обязанности замужней женщины и приобрести необходимые для этого трудовые навыки, овладеть опытом матери в отношении ведения домашнего хозяйства. Одной из основных обязанностей незамужних девушек было приготовление приданого: нужно было прясть, ткать, шить и вышивать³¹⁸. Им необходимо было подготовить много подарков для раздачи во время свадьбы родственникам жениха, а также своим родным. Невеста, не имевшая положенного по традиции приданого, считалась лентяйкой.

К выполнению работ по дому и хозяйству привлекались и старики. Они выполняли подсобные работы во дворе и доме, были помощниками женщин. Обычно старуха присматривала за детьми, качала люльку с младенцем, кормила цыплят и домашнюю птицу, приглядывала за печкой, а старик был постоянным сторожем в доме, присматривал за лошадьми, иногда правил борону и плел лапти детям. Так, корреспондент Этнографического бюро из Курской губернии сообщает: «По большей же части старики, старухи, достигнув пятидесятилетнего возраста, считают вправе устранить себя от тяжелой работы, если

---

³¹⁴ РКЖБН. Т. 6. С. 30.

³¹⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1088. Л. 12.

³¹⁶ Булгаков Г.И. Указ. соч. С. 106.

³¹⁷ См.: ГАКО. Ф. 68. Оп. 11. Д. 44. Л. 4.

³¹⁸ Краеведческие записки. Вып. 2. Курск, 1963. С. 180.

есть кому заменить их в семье. Старуха, удалившись таким образом от дел, хозяйничает дома: топит печку, метет пол, доит коров, смотрит за детьми, а в долгие зимние вечера прядет красна (*Красна это полотно, которое ткут на ткацком стане, длиною в 70 локоть – Прим. корр.*)»³¹⁹. Старики и старухи работали в доме пока хватало сил³²⁰.

Участь неизлечимо больных и дряхлых стариков была незавидной, особенно летом. В такую пору их оставляли на печи с краюхой хлеба и кружкой воды до вечера. «Есть старик, так бы убил, а нет старика, так бы купил»³²¹, – говорилось в народной пословице

Следует отметить, что четкое распределение работ в основном соблюдалось в больших семьях. В малых семьях муж, жена и дочь нередко подменяли друг друга: девушки при необходимости косили, молотили, пахали³²².

Некоторые виды работ выполняли все члены семьи вместе. Так, обычно вывозили на паровые поля навоз, накопленный в крестьянских дворах: мужчины «наметывали» навоз на телеги, дети отвозили их на лошадях на поля, там женщины сгребали его с телег железными крюками и раскидывали вилами по полоскам поля. Мужчины «заваливали» навоз, повторно распахивая свой наделный участок. Коллективными были работы и на сенокосе. Разделение труда между мужчинами и женщинами нашло отражение в народных пословицах: «От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки дымом», «Жена пряди рубашки, а муж тяни гуж»³²³ и др.

Осенью и зимой характер трудовой деятельности членов семьи менялся. Большинство мужских работ было сосредоточено около дома (молотьба, обработка зерна, подвоз корма для скотины и т. д.). Исклю-

---

³¹⁹ РКЖБН. Т. 6. С. 30.

³²⁰ Народные судебные обычаи по указаниям судебной практики // Сборник народных юридических обычаев / Под ред. С.В. Пахмана. Т. 2. СПб., 1900. С. 317.

³²¹ См.: Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия / Авт.: Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб., 2005. С. 191.

³²² См.: Лещенко В.Ю. Указ. соч. С. 416.

³²³ Даль В.И. Пословицы... Т. 1. С. 290.

чение составляли только те виды работ, которые были связаны с заготовкой или подвозом дров, извозом и другими работами на стороне³²⁴.

Это накладывало определенный отпечаток на распорядок дня крестьянских семей. Распорядок дня в крестьянских семьях Европейской части России, включая Курскую губернию, был почти одинаковым.

В осенне-зимний период женщины все свободное время занимались домашними работами. Наиболее тяжелым днем у женщин была суббота. В этот день топили баню или мылись в печи, убирали помещение, стирали и т. п.

В осенне-зимний период в связи с сокращением продолжительности дня подъем, завтрак и начало трудового дня смещались по сравнению с летом часа на три: время обеда оставалось неизменным, а ужинали значительно раньше, в 6-7 часов. После ужина дети и старики обычно ложились спать. Перед сном любимым занятием детей было слушать сказки, которые им рассказывали старики.

Трудоспособные члены семьи после ужина занимались различными работами, которые, как правило, продолжались до полуночи. Мужчины в это время ремонтировали сброю, инвентарь, изготавливали посуду. В их обязанность входило также обеспечение всех членов семьи верхней одеждой. Каждый мужик в селе обладал навыками плотницкого, слесарного, гончарного, скорняжного ремесел. И только для изготовления сложных деталей, осуществления работ, требующих профессионального мастерства, он обращался к сельским умельцам: кузнецу, печнику и т. п.

Кроме обычных работ по дому и хозяйству каждая замужняя женщина должна была еще работать на свою семью, одевать своего мужа и детей³²⁵. Иногда им приходилось «одевать свекра или неженатого деверя или какого-нибудь другого члена семьи из холостых»³²⁶. Они также должны были заготавливать для всей семьи нижнюю одежду. Женщины в вечернее время пряли, ткали, шили или вязали на потребности своей семьи³²⁷. Женщины часто собирались вместе на «попря-

---

³²⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 439. Л. 1; Д. 446. Л. 1.

³²⁵ Ефименко А.Я. Исследования... С. 79; Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 197.

³²⁶ Там же. С. 79-80.

³²⁷ См: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 451. Л. 3.

духи»³²⁸, чтобы было легче выполнять бесконечно однообразную работу. Надо иметь в виду, что процесс ткачества требовал от крестьянки огромных физических сил. «Прилежные крестьянки» в среднем за три зимних месяца ткали от 50 до 80 аршин холста (т.е. от 36 до 57,6 м)³²⁹. Обычно на изготовление рубахи уходило не меньше, а иногда и больше месяца³³⁰.

Девушки проводили длинные, осенние вечера на посиделках, где они совмещали свои работы с играми, песнями, танцами.

Несмотря на то, что зимой и осенью в распорядке дня не было той напряженности, какая отмечалась летом, трудовая нагрузка членов семьи была весьма значительной. Многочисленные обязанности выполняли весь день.

Распорядок дня в крестьянской семье менялся в предпраздничные и праздничные дни. Объем работ у всех членов семьи увеличивался: необходимо было вымыть избу, приготовить пищу, закончить необходимую работу, так как в праздничные дни и воскресенье работать запрещалось.

Материалы исследования показывают, что повседневная хозяйственная жизнь крестьян Курской губернии была ритмичной, распределение работ и распорядок дня в семьях не отличались от повседневной жизни крестьян других губерний России, основным занятием которых являлось земледелие.

---

³²⁸ Зотова И.П. Ремесла и костюм // Прекрасна ты, моя сторонка... / Народные традиции села Подольхи Прохоровского района: сборник статей и материалов. Белгород, 2004. С. 33.

³²⁹ Милов Л.В. Великорусский пахарь... С. 352.

³³⁰ Зотова И.П. Указ. соч. С. 33.

ГЛАВА II. БЫТОВОЙ УКЛАД

Жилище как жизненная среда крестьянина

Как отмечают исследователи, жилище относится к тем компонентам культуры, которые особенно подвержены воздействию окружающей естественно-географической среды, отражают социально-экономические условия жизни населения. Еще в середине XIX в. Ф. Энгельс отмечал: «То, как удовлетворяется потребность в жилье, может служить мерилом того, как удовлетворяются все остальные потребности»³³¹.

Народная культура крестьянского жилища русского населения, в том числе Курской губернии, освещена в научной литературе достаточно хорошо³³², поэтому здесь мы ограничимся кратким описанием существовавших типов сельского жилища в данном регионе.

Повседневная жизнь крестьянской семьи тесно связана с жилищем, представляющим собой комплекс хозяйственных и жилых строений. В Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в. крестьянский двор огораживался изгородью – «плетнем из хвороста, ...во многих селениях [дворы – З.М.] обносятся валом из соломы, земли и хвороста»³³³ или в южных районах тыном из вертикально или горизонтально переплетенных стеблей орешника, ракиты и др. «Двор гарадили плитнём али тынам, адинакава. Убивали колья и миж йими уплитали хварост»³³⁴. Иногда плетень обмазывали глиной, смешанной с навозом. Для некоторых сел Суджанского района Курской губернии были характерны массивные деревянные ворота с дощатой или соломенной крышей³³⁵.

---

³³¹ Энгельс Ф. Большие города // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 2. С. 302.

³³² См.: Народы Европейской части СССР. М., 1964.; Русские: историко-этнографический атлас. М., 1967; Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987; Русские. М., 2005.

³³³ Машкин А.С. Указ. соч. С. 2.

³³⁴ См.: Волкова Н.А., Бабичева С.Г. Крестьянское подворье южных районов Курской области // Культура Курского края (лингво-этнографические очерки). Курск, 1995. С. 63.

³³⁵ Стоюшкина В.А., Нижник Л.Д. Крестьянский быт (этнографическая экспедиция по сбору материалов о быте крестьян Курской губернии середины XIX – начала XX вв. // Краеведческие записки. Вып. 2. Курск, 1963. С. 180-181.

В каждом крестьянском дворе были подворные строения, соответствовавшие экономическому состоянию семьи. Каждая хозяйственная постройка имела свои функции. Во дворе, около избы небедного хозяина имелись следующие хозяйственные постройки: 1) рубленый амбар (анбар) для ссыпки хлеба; 2) рубленая клеть для хранения «худобы» (имущества: мужское и женское праздничное платье) хозяев, скрины (сундуки) и лазбени (лубочные сундуки или деревянные кадки с крышками) с холстами и пр. домашней рухлядью; 3) пунька (кладовая из плетня) для разных хозяйственных вещей. Пунька и клеть иногда служили для сна некоторых членов семьи не только в летнее, но и зимнее время: «там спят мужья с женами, особенно молодые, а потому в больше-семейных крестьянских дворах бывает две, три и более пунек; у бедных же поселян, за неимением клетки и анбара, в пуньках хранится имущество и ссыпается хлеб»; 4) сарай или навес, где хранятся от непогоды средства транспорта (телеги, сани) и сельскохозяйственный инвентарь (сохи, бороны и др.); 5) погребница – навес над погребом; 6) конюшня для лошадей с яслями и комягою (большим корытом, в котором дают лошадям овес); 7) овчарух (хлев для овец); 8) свинух (хлев для свиней); 9) курник (помещение для кур); 10) один или два ворка (места, отгороженные на дворе для загона скота на день)³³⁶.

В размещении надворных построек у крестьян общего плана не было, каждый строил их по своему усмотрению. Однако хороший хозяин старался обнести хозяйственными постройками двор своей кругом.

За двором располагались огороды и гумны, «а там, где селения тянутся в один ряд, огороды расположены впереди дворов, против каждого домовладельца»³³⁷. В конце огородов разбивали небольшие садочки. За огородом располагалась еще одна хозяйственная постройка – клуны³³⁸, где хранили сено, мякину, корм для скота. Рядом делали ток³³⁹ для обмолачивания урожая зерна. В богатых крестьянских хозяйствах имелись ветряные или водяные мельницы³⁴⁰.

---

³³⁶ См.: *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 7-8.

³³⁷ Там же. С. 2.

³³⁸ Это легкая постройка, иногда строилась без стен, стропила соломенной кровли стояли просто на земле. (См.: *Ботова С.И., Приставка Т.А., Рябчиков А.В.* Указ. соч. С. 47).

³³⁹ Площадка длиной до 15 м, шириной около 5 м, плотно убитая и смазанная жидкой глиной (См.: Там же).

³⁴⁰ См.: *Волкова Н.А., Бабичева С.Г.* Указ. соч. С. 63-67.

Основой крестьянского подворья является жилой дом. Основное функциональное назначение жилища – создание, обеспечение условий повседневной жизни, ежедневного удовлетворения основных потребностей, существенную часть которых составляют потребности в пище, сне, продолжении рода. Именно с жилищем любой народ связывал свое представление о традиционно-национальном доме (ставшее воплощением понятий «семейный очаг», «домашнее хозяйство») как некоем центре, вокруг которого существует весь остальной мир. Для взрослого человека дом означал широкий круг понятий: кров, семью, некое определенное место на земле. В этом смысле слово «дом» традиционно используется как синоним слова «родина».

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля также отмечается, что слово «дом» рассматривалось в традиционной народной культуре как воплощение своего, родного, безопасного пространства, а привязанность к нему считалась добродетелью. Слово «дом» в русском языке означает не только «строение для житья» или «избу со всем хозяйством», но и «семейство, семью, хозяев с домоладцами»³⁴¹.

Мы не будем останавливаться на типах жилых изб, характерных особенностях постройки и планировки крестьянского жилища, дворовых построек, а постараемся лишь проследить, как в повседневной жизни размещались члены семьи во внутреннем пространстве избы в зависимости от положения в семье и времени года.

Избу крестьяне обычно строили среди двора. На тип крестьянского дома оказывали влияние многие факторы: географическое и экономическое положение, строительные традиции, степень развития кустарных и отхожих промыслов.

В Курском крае во второй половине XIX – начале XX в. типичным жилищем для крестьян являлась изба³⁴². Изба была ориентирована на юго-восток, в три окна на улицу и одно-два – во двор. Подобная ориентация связана не только с практическими соображениями – лучшей освещенности дома, но и с мифологическими представлениями. Считалось, что ориентация на юго-восток является «красной стороной», обращением к Богу.

---

³⁴¹ См.: *Даль В.И. Толковый словарь...* Т. 1. М., 2002. С. 427.

³⁴² См.: *Волкова Н.А., Бабичева С.Г. Указ. соч.* С. 63.

Избы курских крестьян были деревянные, покрывали их соломой, пригнетая «притугами (жердями, полагаемыми на крыше); основания их обносятся завалиною»³⁴³. Наиболее распространенным типом избы был сруб из круглых, очищенных от коры, но неотесанных бревен. Избы бедняков были из самого дешевого и плохого леса, для тепла снаружи их обмазывали глиной и белили³⁴⁴. Пол обычно был земляной, его промазывали красной глиной, смешанной с навозом.

Там, где население было побогаче, избы строили на два отделения, «разделенные сенями, из которых налево и направо двери: одни ведут в освещенную двумя красными и одним или двумя волоковыми окнами светлицу – комнату более чистую, иногда разделенную тонкою досчатою стеною, образующую другой небольшой покой, называемый комнаткою; другая дверь из сеней ведет собственно в избу, где готовится кушанье и живет семья крестьянина»³⁴⁵.

Дома зажиточных крестьян отличались своим внешним видом от домов бедняков. Это были обычно большие пятистенки из хорошего леса, из нескольких жилых помещений, крытые железом. В таких домах имелись деревянные полы. «Мощные полы имеют только зажиточные крестьяне и те моются не более двух раз в году»³⁴⁶. К некоторым домам со стороны фасада пристраивали крылечко, переходившее внутри двора в галерею с крышей на столбах³⁴⁷. Крыльцо в домах было редкостью. Обычно его заменял «толстый обрубок дерева или большой камень»³⁴⁸.

Во второй половине XIX в. жители русских деревень начинают строить трехкамерное жилище, состоящее из избы, сеней и клетки³⁴⁹, позднее, к концу XIX в. клеть-комора у зажиточных крестьян замещается на «светлицу»³⁵⁰, иногда на пятистенку. В зависимости от эконо-

---

³⁴³ *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 2.

³⁴⁴ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 11. Л. 10.; Д. 10. Л. 1; *Жегалова С.К. и др.* Указ. соч. С. 167.

³⁴⁵ *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 2-3.

³⁴⁶ Там же. С. 2.

³⁴⁷ *Стоюшкина В.А., Нижник Л.Д.* Указ. соч. С. 180.

³⁴⁸ *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 3.

³⁴⁹ *Жегалова С.К. и др.* Указ. соч. С. 167.

³⁵⁰ *Бломквист Е.Э., Ганцкая О.А.* Типы русского крестьянского жилища середины XIX – начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. С. 136.

мического уровня жителей в деревнях были избы «без дымовых труб и с дымовыми трубами; в первом случае они называются черными, а в последнем – белыми»³⁵¹. Во второй половине XIX в. начинают распространяться «белые» печи с трубой, которая выводилась непосредственно через потолок избы на улицу. Сени были без потолков и с земляными полами.

Повседневная жизнь крестьянской семьи протекала в ритуализированной, исполненной символического содержания пространственной среде дома. Каждая деталь и все жилище в целом были связаны с ежедневным существованием семьи.

Рассмотрим внутреннее убранство крестьянского жилища Курской губернии. Центральное место в избе занимала большая глинобитная печь. «Печь нам мать родная»³⁵², - говорили крестьяне. Она обычно помещалась в одном из углов избы и играла главную роль во внутреннем пространстве крестьянского жилища. Печь служила и для отопления, и для приготовления пищи, и для сушки одежды, продуктов, с ней был связан весь быт крестьянина от рождения до смерти³⁵³. В деревнях Курской губернии, как и в других южнорусских селениях, нередко мылись и лечились в печах³⁵⁴. С русской печью было связано много поверий и обрядов³⁵⁵.

Поддержание домашнего огня и приготовление пищи было специфически женским занятием, что нашло отражение в поговорках и загадках: «Жена – что хате труба; муж – что на церкви глава», «Мать толста, дочь красна, а сын под облака ушел» (печь, огонь, дым). Они подчеркивают женское начало и закрепляют связь родственных и семейных отношений. Печь использовалась также в качестве спального места, закрепленного в крестьянской традиции за стариками и детьми, в качестве бани; с ней преимущественно была связана народная медицина³⁵⁶. «Она грела и кормила, и лечила его»³⁵⁷. Хороший печник

---

³⁵¹ Машкин А.С. Указ. соч. С. 3.

³⁵² Даль В.И. Пословицы... С. 82.

³⁵³ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 11. Л. 10.

³⁵⁴ См.: Баня и печь в русской народной традиции / отв. ред. В.А. Липинская. М., 2004. С. 174-175.

³⁵⁵ См.: Там же. С. 98.

³⁵⁶ См.: Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 364.

знал все секреты «жизнедеятельности» печи. Поэтому при кладке печи хозяйка старалась задобрить печников, чтобы печь не дымила, хорошо выпекала хлеб, долго держала тепло и мало требовала топлива.

Около устья печи был кухонный угол³⁵⁸ – бабий кут, здесь готовили пищу. В белых избах иногда отделялась досчатой перегородкой часть против печи, где происходила стряпня; этот небольшой отдел назывался «топлюшкою»³⁵⁹. Однако это было редким явлением и встречалось в более крепких крестьянских хозяйствах.

Возле печи проходила большая часть повседневной жизни крестьянки. Она стряпала, готовила для многочисленной семьи. Поэтому в бабьем куту было сосредоточено основное количество столовой посуды, большей частью деревянной: «ставец (блюдо без закраины), миска (блюдо с плоскими краями), плоская тарелка, на которой режется мясное, несколько ложек, половник и солонка; один или два ножа с деревянными рукоятками», а также кухонная посуда: «несколько горшков различной величины, один или два чугуна, калгушка (выдолбленное из чурбана блюдо, в котором расталкивается сало для щей), одна или две сковороды; около печи в углу стоят рогачи (ухваты), чапля (сковородник)»³⁶⁰. Сковородки были чугунные и глиняные.

Кухонный инвентарь был прост, изготовлялся он большей частью в домашнем хозяйстве («самоделковые») или приобретался на рынке у местных кустарей. Самоделковыми были корец (ковш), солотовка с толкушей (для толчения лука и сала для борща), дежа (кадка, в которой заквашивалось тесто – квашня) с веселкою, сито, решето, квасничка (кадка с квасом), корец для муки, маслобойка.

Для выпечки хлеба употреблялись деревянные лопаты, деревянные или плетеные из лыка плошки. Пищу готовили в печи, в чугунных котлах, глиняных плошках «на весь день». Воду впрок держали в кадках, деревянных ведрах, ушатах, глиняных кувшинах, бочонках. Молочные продукты, масло хранили в глиняных кринках, корчажках, «гле-

---

³⁵⁷ Архив СТИ МИСиС. Папка 2. Из беседы с уроженками с. Каплино Старооскольского района Белгородской области.

³⁵⁸ Баня и печь... С. 76.

³⁵⁹ Машкин А.С. Указ. соч. С. 5.

³⁶⁰ Там же. С. 7.

чиках»³⁶¹. Для сбивания сливочного масла использовали пахталки. Пиво и квас хранили как в больших глиняных корчагах, так и в дубовых бочках. Пили квас и воду железными или деревянными ковшами – «корцами», деревянными чашками³⁶². Для хранения сыпучих и мучных продуктов, а также для овощей широко использовались разнообразные плетеные емкости – корзины, лукошки, коробка, наполь (деревянные кадки), которые стояли в сенях или клети; мед, соленые овощи, грибы – в кадках. Глиняные миски (тарелки) на каждого человека семьи были только в состоятельных крестьянских семьях, но выставлялись они только в праздники, дни семейных торжеств, приема гостей.

Основной запас хлеба и круп хранился в амбаре, а небольшая часть находилась в сенях в деревянных ларях. Для размола муки в домашних условиях применялись жернова. Они стали выходить из употребления в начале XX в.

С помощью кочерги хозяйка выгребала золу из печи, ухватом цепляла горшки и ставила их в печь, а затем вынимала из нее. В ступе толкла зерно, очищая его от шелухи, а потом на ручной мельнице перемалывала муку. Помело и лопату хозяйка использовала при выпечке хлеба: помелом подметала пол печи, а лопатой сажала на него каравай. Посуда стояла на полках, прикрепленных к стене и в деревянном шкафчике.

В конце XIX века в деревню начали проникать самовары, фарфоровая, стеклянная, металлическая посуда и т.д. Но они были достоянием лишь зажиточной верхушки крестьянства, сельской интеллигенции. Их появление в доме означало повышение статуса крестьянской семьи. И. Столяров в «Записках русского крестьянина» вспоминал: «У нас для продажи с торгов за недоимки можно взять свинью и самовар. Об их существовании начальство знало. Родители мои считали позором лишиться их и принимали всегда меры к их спасению. В первую очередь прятали самовар. Отец ехал взять займы деньги, свинью прятали в соседнем селе»³⁶³.

---

³⁶¹ См.: Жегалова С.К. и др. Указ. соч. С. 168; Беликова Т.П., Емельянова М.И. Указ. соч. С. 34.

³⁶² См.: Беликова Т.П., Емельянова М.И. Указ. соч. С. 34.

³⁶³ Столяров И. Записки русского крестьянина. Париж, 1986. С. 65.

Постепенно, начиная с конца XIX в., самоделковая деревянная утварь в крестьянской семье заменялась покупной, сначала тоже деревянной, но уже сделанной местным мастером-специалистом, а затем и привезенной из Центрально-промышленных районов. Однако такой посуды было немного. Различные приспособления для ведения домашнего хозяйства оставались прежними.

Выше, на уровне полавочников, размещался печной брус, на который укладывались разнообразные хозяйственные принадлежности. «Подле палатей печь; отсюда лазят прямо на палати. ...Между палатами и полом устроен еще для спанья большой примост [*что-то вроде кровати* – З.М.] или нары»³⁶⁴.

От положения печи и направления ее устья зависело расположение других частей интерьера избы³⁶⁵. По диагонали от печи находился «красный угол» (наиболее ценная и почетная часть жилища), носил он и другие названия: «передний», «старший», «святой», «божий». «С красным углом связывалась вся жизнь крестьянина – рождение, свадьба и похороны», – пишет К.А. Соловьев³⁶⁶. Под образами стоял обеденный стол. Совершенно разную знаковость представлял красный угол при свадьбе, похоронах, рождении ребенка, в повседневной жизни. К красному углу были обращены изголовья постелей, головой к иконам клали покойников, несколько позже в этом углу стали вешать фотографии умерших членов семьи. Под образами обычно сидел во главе семейства хозяин. Здесь молились Богу. «Любопытно, что положение икон в избе русского крестьянина строго противоположно положению топора. Топор кладется под лавку “лицом” к стене, а обухом (спиной) к избе, в то время как повернуть икону “лицом” к стене считается кощунством»³⁶⁷. Чистили иконы два раза в год: перед Рождеством и Пасхой. «Передний угол в доме – святое место»³⁶⁸, – сообщали корреспонденты Этнографического бюро В.Н. Тенишева из разных уголков России. Во время пира в доме, плясок и других развлечений, бож-

---

³⁶⁴ Машкин А.С. Указ. соч. С. 4.

³⁶⁵ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 71. Л. 6–7.

³⁶⁶ Соловьев К.А. Жилище крестьян Дмитровского края. Вып. 6. Дмитров, 1930. С. 179.

³⁶⁷ Байбурин А.К. Жилище... С. 185.

³⁶⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 39. Л. 9–10; Д. 71. Л. 1–6.

ницу с иконой занавешивали³⁶⁹. Иконы (нередко их количество доходило до 10–20, а в некоторых селениях они занимали всю переднюю стену) украшали тканями или вышитыми полотенцами, нередко и цветной бумагой. Именно иконы старались перенести в новый дом в первую очередь.

Важнейшим элементом не только красного угла, но и всего жилого помещения был стол. Его место в пространстве дома было постоянным. Стол составлял неотъемлемую принадлежность дома, не случайно при продаже дом обязательно передавали новому владельцу вместе со столом³⁷⁰. Символическое осмысление стола в народной традиции во многом определялось его уподоблением церковному престолу. Считалось, что стол – это то же, что в алтаре престол, а поэтому сидеть за столом и вести себя нужно так, как в церкви. В связи с этим не разрешалось помещать на столе посторонние предметы, так как это место самого Бога. Здесь постоянно находился хлеб, чтобы обеспечить достаток и благополучие в доме³⁷¹. «Хлеб на стол, так стол престол, а хлеба ни куска – так и стол доска»³⁷², – говорили в народе.

Место, занимаемое за столом, – важнейший показатель семейного и социального положения человека. В традиционной крестьянской культуре место стола и членов семьи было фиксированным не только во время праздничной, но и повседневной трапезы. Стол объединял семью, родственников, был одним из способов сохранения определенного стереотипа поведения. Стол – это один из значимых, с обрядовой точки зрения, предметов крестьянского быта. Ему принадлежало значительное место в свадебном и похоронном обрядах³⁷³.

Мебель в домах была однотипной и почти вся неподвижной. Вдоль передних стен неподвижно укреплялись лавки, над ними полки, стояли табуреты и обязательно – сундук (укладка)³⁷⁴. Под лавками хранили

---

³⁶⁹ См.: Балов А. Следы древних верований в народном иконопочитании // Живая старина. 1890. № 3. С. 218.

³⁷⁰ См.: Львов А. «Вот тебе бог, а вот и порог...» // Родина. 1994. № 5. С. 120.

³⁷¹ Там же.

³⁷² Даль В.И. Толковый словарь... Т. 2. С. 714.

³⁷³ См.: Пермиловская А.Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века). Архангельск, 2005. С. 222.

³⁷⁴ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 51. Л. 7.

различные предметы, которые в случае необходимости было легко достать – топоры, инструменты, обувь. «Особым статусом, – отмечает А.К. Байбурин, – обладала лавка у двери, так называемая “нищая лавка”, получившая свое название потому, что на нее позволялось садиться нищим и любому другому неприглашенному человеку даже без разрешения хозяев»³⁷⁵. Она могла также служить рабочим местом хозяина дома. Ближе к передней стене ставили ткацкий станок, и, сидя на лавке, идущей вдоль стены, женщины ткали, пряли, шили³⁷⁶.

«Отапливались зимой дома деревом: у зажиточных – дровами, у крестьян меньшего достатка – сучьями и дровами, у самых бедных – только сучьями»³⁷⁷, – пишет один из корреспондентов Этнографического бюро. Летом топили хворостом, соломой, сушняком³⁷⁸. Начинали заготавливать отопление для изб по окончании полевых работ.

Освещались избы главным образом зимой. Весной и летом освещение почти не практиковалось. Зажигали огонь лишь во время ужина³⁷⁹ (за исключением кустарей, которым свет нужен был для работы). «Начиная с Благовещения (25 марта старого стиля) и до Ильина дня (20 июля старого стиля) местами и до Успения (15 августа старого стиля) избы не освещались, так как по старинному поверью “после Благовещения грех зажигать огонь”», – пишет исследователь восточнославянской культуры Д.К. Зеленин³⁸⁰.

Для освещения помещения служила лучина или плошка с маслом. Лучины горизонтально закреплялись на переносных или вбитых в стену стационарных светцах. Во избежание воспламенения стена вокруг светца обмазывалась глиной, а внизу под ним ставили наполненное водой деревянное корытце, куда попадали горячие угольки. Чтобы свет не погас, надо было часто обламывать обгоревший конец, а догоревшую лучину заменять новой. Только в конце XIX в. в отдельных домах, в основном у зажиточных крестьян, стали появляться керосиновые лампы³⁸¹.

---

³⁷⁵ Байбурин А.К. Жилище... С. 186.

³⁷⁶ См.: Русская изба, внутреннее пространство, мебель и убранство. СПб., 1999. С. 10.

³⁷⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 88. Л. 14–17.

³⁷⁸ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

³⁷⁹ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 43. Л. 9.

³⁸⁰ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография... С. 312.

³⁸¹ Жегалова С.К. и др. Указ. соч. С. 168.

Первое время керосиновую лампу употребляли лишь в торжественных случаях, но постепенно они заменили лучины и свечи, которые использовались лишь для освещения погреба, бани, мельницы и т.п. Во многих деревнях керосин широко употреблялся уже в 1870–1880-х годах, а в 1890-е годы он распространился повсюду и к началу XX века остальные способы освещения сошли почти на нет³⁸².

В русской деревне особенно привилась висячая лампа с большим жестяным колпаком – рефлектором – сверху с полоской 14, 10 или 5-линейной горелкой. Лампа подвешивалась на крюк, винченый в потолок в переднем углу над столом. Широко были распространены коптилки – гасники в виде маленькой жестяной лампочки с тонким, круглым фитильком без стекла. Чуть мерцающее пламя распространяло едкую удушливую копоть, давало мало света, так что с трудом можно было различать очертания предметов, но зато на коптилку шло очень мало керосина³⁸³.

На распространении керосинового освещения сильнейшим образом сказывалось классовое расслоение русской деревни: все зависело от покупательной способности крестьянина, и даже при всеобщем употреблении керосиновой лампы лучина в бедняцких домах держалась очень долго.

Изба служила основным местом размещения членов семьи, особенно в осенне-зимний период. Здесь готовили и принимали пищу, пряли, ткали, выполнялись многие, особенно женские работы и работы, связанные с кустарными промыслами. Здесь члены семьи спали. Зимой в избе содержали телят, поросят, ягнят, коз и птицу, а в сильные морозы нередко загоняли коров для дойки³⁸⁴. В избах, где зимовала скотина, на пол стелили солому. В помещении создавались антисанитарные условия, господствовали сырость, смрад, грязь. В этих условиях развивались и распространялись заразные болезни. Тараканы, мухи, блохи, клопы не были редкостью в крестьянских жилищах. «Мухи и блохи встречаются во множестве», – писали корреспонденты Этнографического бюро В.Н. Тенишева о крестьянских избах³⁸⁵. Полы мы-

---

³⁸² См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 8. Л. 3 об.; Д. 71. Л. 7.

³⁸³ Зеленин Д.К. Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 86.

³⁸⁴ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 51. Л. 7; Дмитриуков А. Указ. соч. С. 264.

³⁸⁵ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 4. Л. 17–18.

лись лишь перед большими престольными праздниками, к Пасхе, Рождеству. Пасха в деревне традиционно являлась праздником, к которому сельские жители приводили свое жилище в порядок. «Почти каждый крестьянин, даже бедный, – писал сельский учитель, – перед Пасхой непременно зайдет в лавку, купит 2-3 куска дешевеньких обоев и несколько картин. Перед этим тщательно вымывают потолок и стены дома»³⁸⁶. Однако нельзя говорить об одинаковом санитарно-гигиеническом состоянии жилища в селах Курской губернии.

Сельские жители Курской губернии, как и других Черноземных губерний, мылись дома в корыте, ушате, летом – на речке. «К глубокому сожалению, – указывалось в материалах VII съезда земских врачей и представителей земств Курской губернии, – сельское население совсем не знает бань»³⁸⁷, типичных построек для северных и среднерусских губерний России. В связи с этим во многих местностях, удаленных от водоемов, у крестьян тело мыли при рождении, браке и после смерти; широко была распространена чесотка. Так, например, в 1891 г. к врачам Курской губернии (по неполным данным) обратилось за помощью 45 тысяч чесоточных больных, в 1892 г. – более 46 тысяч. В Суджанском уезде обращались целыми семьями³⁸⁸.

Специальных мест для сна большинство членов семьи не имело. Практически не было и постельного белья, на примост – деревянное возвышение над полом – укладывалась солома, покрывавшаяся сверху «редном» или попоной, вытканными из «хлопьев» (отходов конопляной пряжи). Если в доме была перина, то ее укладывали на попону, сверху – подушки, длинные, по ширине примоста³⁸⁹. Постоянное, традиционное место занимали лишь глава семьи и его жена, которые спали на лавках или деревянной кровати. Кровати, изготовлявшиеся в основном кустарями, появились у состоятельных крестьян в конце XIX – начале XX вв.³⁹⁰.

---

³⁸⁶ Тульцева Л.А. Община и аграрная обрядность рязанских крестьян на рубеже XIX – XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 47.

³⁸⁷ Труды VII съезда земских врачей и представителей земств Курской губернии 28 мая – 4 июня 1899 г. Курск, 1900. С. 229.

³⁸⁸ Там же.

³⁸⁹ Зотова И.П. Указ. соч. С. 33.

³⁹⁰ См.: Беликова Т.П., Емельянова М.И. Указ. соч. С. 33.

Более или менее постоянные места для сна имели старики и дети, которые располагались на печи и полатах. Взрослые члены семьи и подростки спали «где попало», на лавках или просто на полу³⁹¹. Для грудных детей около примоста к матице подвешивалась люлька. Над примостом обычно делали полку для повседневной одежды. Остальная одежда членов семьи хранилась в сундуках или просто на вешалках в чулане.

В качестве постельных принадлежностей использовались матрацы, набитые соломой, стеганые, ватные или сделанные из льняных очесов одеяла, войлок и перьевые подушки. Очень часто взрослые члены семьи спали на соломе или соломенных циновках, которые сверху покрывались войлоком или тканым пологом. По рассказам информаторов, в крае был распространен обычай «...под Благовещенье выбрасывать старые соломенные тюфяки, на которых спали всю зиму, и менять их на новые». В бедных крестьянских семьях постелью часто служила верхняя одежда (кафтаны, полушубки, зипуны и тулупы). «В чем ходили, в том и спали»³⁹². На день постельные принадлежности выносили в сени, клеть или другие подсобные помещения, а солому либо сжигали, либо выносили во двор.

В избе размером в 16–20 метров проходила жизнь крестьянской семьи, которая могла состоять из 7-8 чел. (малая), и из 15-20 человек (большая неразделенная).

Летом размещение членов семьи существенно менялось. Они собирались в избе только на завтрак, обед, ужин. Днем здесь обычно находились женщины, занятые приготовлением пищи. Для сна использовались подсобные помещения. Спали в сенях, клетях, на сеновалах, в амбарах и т.п. Во двор выносились многие производственные процессы.

В конце XIX в. в результате перепланировки избы меняется строго функциональное назначение определенных мест в избе. Под влиянием городской культуры, в частности, в связи с отходничеством крестьян в интерьере крестьянских домов появляются зеркала, лубки, комнатные цветы, на окнах занавески и т.п. Почти каждый отходник увозил с собой в деревню лубочные картинки. В конце XIX – начале XX в.

---

³⁹¹ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

³⁹² См.: Архив СТИ МИСиС. Папка 2. Из беседы с уроженками с. Каплино Старооскольского района Белгородской области.

производство лубка было ориентировано главным образом на деревенские вкусы. Лубочные картины были «божественные», т.е. духовного содержания, как, например, «Смерть грешника», «Вид Афонской горы» и пр. В семьях отходников избы «всегда чистые, высокие, светлые. На стенах вы увидите несколько картин, и духовных, и светских... Тут и Аника-воин, беседующий со смертью, и Бова-Королевич, метлою побивающий целое войско. Но тут же вы встретите и героев последней турецко-русской кампании: Гурко, Скобелева и т.д. и даже Бисмарка», – пишет Н.А. Добротворский³⁹³.

Следует остановиться еще на одном аспекте, связанном с жилищем. В связи с тем, что крестьянские избы в основном были деревянные, то часто они подвергались пожарам. Пожары издавна были для русской деревни громадным злом. Убытки крестьянских погорельцев были значительны по сумме и трагичны по результатам. Общая сумма пожарных убытков составляла, например, в 1884 году – 2 098 156 рублей в год. Наибольшее количество убытков, причиненных пожарами, выпадает на сельские пожары и в пополнении этих убытков погорельцам выдавалось вознаграждение из сумм взаимного земского страхования. Первое место среди пожарных случаев занимали пожары от неосторожного обращения с огнем. Причиной тому также служило наличие в своем большинстве домов с соломенной крышей. Вместе с этим в массовом сознании сохранялось стереотипное представление о том, что нет смысла предотвращать стихийные бедствия, так как все равно сгорим, если на то воля Божья. Часто организованные в деревнях пожарные обозы в момент пожара всегда оказывались в неисправности. Пожары приводили к полному обнищанию крестьянской семьи.

Материалы исследования показывают, что не только отдельные хозяйства, но и целые деревни начисто, дотла разорялись пожарами. И погорельцу-крестьянину нужно было затратить массу невероятных усилий в течение долгого времени, чтобы снова встать на ноги. Так, например, самый значительный пожар по числу сгоревших построек и количеству убытка произошел 23 августа 1890 г. в с. Русском Поречном Суджанского уезда, где от неосторожности сгорело 182 крестьянских двора с хлебом и имуществом. Сумма убытков составила 150 000 р.³⁹⁴

---

³⁹³ Добротворский Н.А. Указ. соч. С. 226.

³⁹⁴ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4859. Л. 5–6.

На рубеже XIX-XX вв. состояние усадьбы, планировка жилища, его внутреннее убранство изменились незначительно. Вместе с тем улучшились санитарно-жилищные условия в результате раздела больших семей и выдела малой семьи. В избе проживало уже не 11 и более человек, а только члены малой семьи – 4-6 человек. Да и скота содержалось в зимнее время меньше – воздух становился чище³⁹⁵. Появились новые элементы бытовой культуры. Наличие в доме мебели, самовара, фарфоровой и стеклянной посуды, лубков, зеркал и т.п. создавали впечатление зажиточности хозяйства. Семейный достаток крестьяне стремились демонстрировать ежедневно, как подтверждение хозяйственного благополучия. Элементы новой городской культуры были характерны, прежде всего, для зажиточных крестьянских семей и семей отходников.

Одежда крестьян: традиции и новые тенденции

Одежда также помогает глубже проникнуть в повседневную жизнь и духовный мир человека. Она отражает экономическую жизнь народа, процессы культурных трансформаций в истории его развития, социальные различия людей, их национальные и местные особенности, в ее компонентах проявляются религиозные воззрения населения. Помимо своего основного назначения – защищать человека от отрицательных воздействий окружающей среды – одежда выполняет важные религиозно-магические, символические, эстетические функции. В силу этого ей принадлежит значительная роль в семейных и общественных обрядах.

Одежда русских крестьян Курской губернии была тесно связана с историей заселения края, характером чересполосности проживания русских и украинцев, влиянием процессов урбанизации, военнополитических событий, со всем многовековым укладом, обычаями русской деревни. Крестьянский традиционный костюм сохранял свою самобытность на протяжении длительного времени. Наиболее отчетливо это прослеживается в традиционной женской одежде. Следует отметить, что в данном исследовании не ставилась задача выявления этнокультурных особенностей одежды локальных групп Курской губернии, что требует тщательного изучения всех компонентов традиционной одежды.

---

³⁹⁵ Внуков Р.Я. Указ. соч. С. 21.

Женская одежда

Во второй половине XIX – начале XX в. в народном женском костюме четко соблюдалось деление на будничный, рабочий, праздничный и обрядовый. Традицией было установлено, какую одежду носить в будни, какую – по воскресеньям, в престольные праздники, на свадьбу, при сборе урожая, по случаю похорон и траура.

Будничная одежда предназначалась для работ по дому и в поле, поэтому ее чаще всего делали из домотканых тканей – холста, сермяги, пестряди, сукна. Широко использовали для пошива ткани из льна, конопли. Эти жесткие ткани грубой выделки обладали прочностью и устойчивостью к стиранию. Для будничной одежды крестьяне предпочитали темные цвета – синий и черный³⁹⁶. Просторный покрой распространенных видов будничной, как женской, так и мужской одежды, указывал на необходимость активных и широких движений во время работы. Будничный костюм орнаментировался скромнее.

К праздничной одежде относится и обрядовая одежда: просватанной девушки, свадебная, погребальная³⁹⁷ и др. Обрядовая одежда дольше сохраняла традиции, а праздничная видоизменялась под влиянием моды. Праздничная одежда по покрою не отличалась от будничной. Она лишь украшалась вышивкой, и для ее пошива использовались ткани более яркого цвета, а в конце XIX в. в связи с развитием текстильного производства в России иногда фабричные. В праздничной одежде, в отличие от будничной, чаще использовали красный и белый цвета³⁹⁸. По справедливому замечанию П.Г. Богатырева, «будничная одежда является прежде всего вещью, праздничный же костюм – преимущественно знаком»³⁹⁹.

Одежда подчеркивала и семейно-возрастные отличия: у девушки был один костюм, у замужней женщины – другой, у старухи – третий. У молодых в костюме преобладали яркие тона, у пожилых – темные.

Комплекс крестьянской женской одежды Курской губернии второй половины XIX в. включал следующие составные части: 1) длинную

---

³⁹⁶ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

³⁹⁷ Панькова И.С. Южнорусский народный костюм // Роль народной культуры в духовном возрождении России. Курск, 1995. С. 41.

³⁹⁸ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

³⁹⁹ Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 353.

холщовую рубаху; 2) сарафан; 3) поневу; 4) передник, завеску; 5) пояс; 6) головной убор; 7) обувь; 8) различные шейные украшения.

Рубаха. Основным элементом традиционной одежды русской крестьянки была рубаха, которая в конце XIX в. была как нательной, так и выходной одеждой. Ее надевали на сенокос, жатву и другие работы.

Основным материалом для рубахи являлся холст домашнего изготовления – конопляный («замашный») или льняной. Льняные рубахи часто служили и праздничными. Во II-ой половине XIX в. стан рубахи стали шить из фабричных тканей – ситца, сатина, миткаля, коленкора, кисеи. В начале XX в. в процессе тканья в пряжу стали добавлять хлопчатобумажные нити⁴⁰⁰.

Просторная, часто с широким воротом, она не стесняла движений при работе, легко и быстро одевалась. Ворот бесполой рубахи был настолько широк, что ее можно было надеть, не расстегивая пазуху. Соразмерность рубахи фигуре достигалась подпоясыванием, т.е. сохранялась древнейшая конструкция, в основе которой было прямоугольное полотнище холста⁴⁰¹. Для свободы движений рук во время работы рукава шили с ластовицами под мышками. Вероятно, ластовицы предотвращали также быстрое истирание одежды. Рукава будничных рубах шили из пестряди, затканной красной бумажной нитью, а стан из более грубых износостойких тканей – белого холста, набойки, пестряди. Южнорусским рубахам был свойственен обильный декор из растительного орнамента, сохранявший магическое значение и в то же время придававший нарядность всему костюму в целом⁴⁰². Сочетание покроя и декора рубахи во многом отличалось не только по уездам, но и селам⁴⁰³.

В зависимости от покроя исследователи выделяют несколько типов женской рубахи: туникообразную, с поликами, с цельнокроеным рукавом, на кокетке⁴⁰⁴.

---

⁴⁰⁰ Панькова И.С. Указ соч. С. 4.

⁴⁰¹ См.: Емельянова М.И. Указ. соч. С. 55.

⁴⁰² См.: Шаповалова С.П. Цветовая символика... С. 73-76.

⁴⁰³ Фольклорные традиции села Мощное Яковлевского района / Сост. М.С. Жиров, О.Я. Жирова, О.И. Алексеева. Белгород, 1998. С. 12.

⁴⁰⁴ Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX – XX в.) Определитель / отв. ред. А.А. Лебедева. М., 1971. С. 175–176; Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // Русские: Историко-этнографический атлас / Под ред. В.А. Александрова [и др.] М., 1967. С.

На территории Курской губернии бытовали все типы женской рубахи. Наиболее распространенными во второй половине XIX – начале XX в. были рубахи с поликами (прямыми или косыми) – плечевыми вставками, соединявшими полочку и спинку по линии плеча. Наряду с рубахой с поликами в конце XIX – начале XX в. под влиянием городской культуры появляется новый тип женской рубахи – рубаха на кокетке⁴⁰⁵. Такой тип рубахи в указанный период отмечается в южнорусской полосе⁴⁰⁶.

Рубаха была самой нарядной частью традиционного женского костюма. Своеобразие украшений на женской рубахе зависело от ее назначения (повседневная, праздничная, обрядовая); от возраста (девичья, молодой женщины, старушечья); от социальной принадлежности, а также от трудолюбия и мастерства женщины. Праздничные рубахи украшались по вороту, плечам и у края рукавов тканьем, вышивкой⁴⁰⁷. Подробный анализ убранства женской рубахи русского населения Курской губернии дан в работах М.И. Емельяновой⁴⁰⁸, С.В. Бережной⁴⁰⁹ и Л.Н. Чижиковой⁴¹⁰. Рубахи курских, как в целом южнорусских крестьянок, обильно декорировались, что придавало праздничность всему женскому костюму. В основном украшались ворот, оплечья, рукава и подол. Ворот обычно украшался узкой полоской ткани или вышивкой. Иногда расшивалась плотным орнаментом вся нагрудная часть рубахи. В праздничных рубахах орнаментом покрывали весь рукав. Причем у замужних женщин, в отличие от девичьих, рукава рубахи украшались ярче и богаче. Вставной полник рукава делался из многоцветного заборного тканья, покрывался разнообразной по технике вышивкой, узорами, бисером, тесьмой, лентами⁴¹¹ и пр. Следует отметить, что в

213-220; Якубенко Л.В. Женская рубаха Белгородского региона // Белгородский краеведческий вестник. Белгород, 2002. Вып. 2. С. 59-61.

⁴⁰⁵ См.: Емельянова М.И. Указ. соч. С. 55-63; Якубенко Л.В. Указ. соч. С. 59.

⁴⁰⁶ Маслова Г.С. Одежда // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / отв. ред. К.В. Чистов. М., 1967. С. 267; Шмелева М.Н. Русская одежда // Русские / Под ред. В.А. Александрова [и др.]. М., 2005. С. 337.

⁴⁰⁷ Стоюшкина В.А., Нижник Л.Д. Указ. соч. С. 183.

⁴⁰⁸ См.: Емельянова М.И. Указ. соч. С. 65-68.

⁴⁰⁹ Бережная С.В. Народная культура...

⁴¹⁰ См.: Чижикова Л.Н. Традиционная женская одежда...; Она же. Русско-украинское пограничье...

⁴¹¹ Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Указ. соч. С. 163.

отдельных уездах, в частности в Старооскольском, весь рукав вышивали черным узором – чисто местный декор, который нигде больше в русской вышивке не встречался⁴¹². А в Грайворонском уезде встречались рубахи со съёмными брыжами (манжетами)⁴¹³.

Украшение рубахи имело магическое значение. Так, например, украшение на рубахе в виде вышивки, тканых узоров, кружева или тесьмы располагалось в традиционных местах, через которые, считалось, может проникнуть к телу злой дух. По поверью, нечистая сила не могла ни войти, ни выйти через отверстие, защищенное украшением. Поэтому в женской одежде большое значение придавалось декорированию обшлагов, полочек, подола и ворота⁴¹⁴.

Каждая крестьянка в своем сундуке имела целый набор рубах на все случаи жизни: повседневную, праздничную, свадебную, подвенечную, траурную.

В конце XIX – начале XX в. под влиянием городской одежды рубаха в традиционном русском костюме распалась на две самостоятельные части – кофту и юбку («парочка»). Народный костюм стали шить из фабричных тканей, которые были гораздо шире, чем полотнища холста⁴¹⁵.

Поверх рубахи крестьянки надевали поневу или сарафан, передник и пояс.

Юбка-понёва была важным компонентом южнорусского женского костюма. Она восходит к одежде исконно славянского земледельческого населения. Первоначально в Курской губернии, как и в других южнорусских губерниях, надевание поневы на девушку символизировало ее совершеннолетие. Обычно девушки до 15 лет ходили в одних рубахах с поясами. С 15 лет девушки надевали поневу и после этого они считались невестами. Обряд надевания поневы совершался до венца и происходил так: девушка в одной белой рубахе бегала по лавкам вокруг стола, а мать (родная или крестная) ходила за ней с поневой и приговаривала: «Сигни, сигни дочка в свой вечный хомут». А

---

⁴¹² Жиров М.С. Указ. соч. С. 200.

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ Панькова И.С. Указ. соч. С. 43-44.

⁴¹⁵ Пармон Ф.М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М., 1994. С. 251.

девушка отвечала: «Хочу – вскочу, не хочу – не вскочу»⁴¹⁶. И так несколько раз. После этого невеста надевала поневу и садилась к жениху. Начинался пир. Это было до венчания. Но на венчание в большинстве русских сел невеста ездила в сарафане, украшенном парчой, и в белой полотняной рубашке⁴¹⁷. Следует отметить, что «вековуха», например, во владельческих оскольских селениях не имела права надевать поневу, она всю жизнь вынуждена была носить сарафан или домотканную юбку⁴¹⁸.

Но в XIX в. этот обычай начинает исчезать. Девушки стали носить сарафан и этим отличались от замужних женщин, носивших почти повсеместно поневу. Понева стала знаком замужества⁴¹⁹.

Поневу носили и в будни, и в праздники. Понева как часть традиционной женской одежды крестьян Курской губернии подробно описана в работах Л.Н. Чижиковой⁴²⁰, С.В. Бережной⁴²¹, Е.А. Андрусенко, З.З. Мухиной, Л.Н. Пивоваровой⁴²², М.И. Емельяновой⁴²³ и др.

Как показывают исследования, каждая женщина в Курской губернии имела несколько понев. По клеткам поневы можно было определить уезд, деревню, возраст, социальное и семейное положение женщины-крестьянки. Самые яркие и нарядные поневы носили молодницы – молодые «бабицы»⁴²⁴.

К концу второй половины XIX века понева становится одеждой пожилых крестьянок, «молодицы» стали отдавать предпочтение юбке с кофтой. Поневный комплекс одежды был характерен не только для отдель-

---

⁴¹⁶ Емельянова М.И. Указ. соч. С. 68.

⁴¹⁷ Панькова И.С. Указ. соч. С. 45.

⁴¹⁸ Емельянова М.И. Указ. соч. С. 66.

⁴¹⁹ Там же. С. 69.

⁴²⁰ Чижикова Л.Н. Традиционная женская одежда... С. 9-18.

⁴²¹ См.: Бережная С.В. Указ. соч. С. 71.

⁴²² См.: Андрусенко Е.А., Мухина З.З., Пивоварова Л.Н. Праздничная женская одежда на территории Белгородской области во второй половине XIX – нач. XX веков / Народный костюм и обрядность на Русском Севере. Материалы VIII Каргопольской научной конференции. Каргополь, 2004. С. 284–292.

⁴²³ Емельянова М.И. Указ. соч. С. 68-72.

⁴²⁴ См.: Чижикова Л.Н. Традиционная женская одежда... С. 114.

ных уездов Курской губернии⁴²⁵, но и для других южнорусских регионов. В частности, в соседней Воронежской губернии понева была основной поясной одеждой у всех категорий крестьянства – бывших однодворцев, помещичьих, государственных и монастырских крестьян⁴²⁶.

Поневный комплекс, бытовавший в исследуемом районе в XIX в. и сохранившийся в отдельных сельских семьях до настоящего времени, поражает своим великолепием, яркими красками и старинным ярким геометрическим орнаментом.

Сарафан – длинная женская одежда на лямках или широких проймах без рукавов, был широко распространен среди русского крестьянского населения на всей территории России. В тех уездах Курской губернии, в которых еще сохранялась понева, сарафан считался девичьей одеждой, но носили сарафаны и женщины⁴²⁷. Существовали будничные и праздничные сарафаны. Он кроился в виде юбки из прямых полотнищ, доходящей до подмышек, и придерживаемой на туловище помочами⁴²⁸. Дополнительную ширину сарафану придавали клинья и сборки. Просторный длинный сарафан не сковывал движений женщины. Будничные сарафаны чаще всего шились из холста, окрашенного в черный цвет⁴²⁹, что символизировало связь селян с землей, плодородным черноземом⁴³⁰. Черные девичьи сарафаны отделялись яркой контрастной декорировкой. При хранении подол сарафана обычно туго связывали таким образом, что, когда сарафан надевали, подол лежал свободными складками⁴³¹.

«Лучший наряд девки состоит из черного шерстяного сарафана с золотными позументами (мишурные ленты)»⁴³², – сообщает корреспондент из Курской губернии. Праздничные сарафаны из домотканой

---

⁴²⁵ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 5; *Емельянова М.И.* Указ. соч. С. 66-72, 88-89, 91-92.

⁴²⁶ См.: *Емельянова М.И.* Указ. соч. С. 70.

⁴²⁷ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 16. Л. 9; *Тинякова Е.Л.* Курский вариант народного костюма // *Культура Курского края (лингво-этнографические очерки)*. Курск, 1995. С. 24.

⁴²⁸ РКЖБН. Т. 6. С. 44.

⁴²⁹ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 16. Л. 10.

⁴³⁰ *Фольклорные традиции села Мощеное...* С. 12.

⁴³¹ См.: *Жегалова С.К. и др.* Указ. соч. С. 170.

⁴³² РКЖБН. Т. 6. С. 44.

черной шерсти нарядно декорировали. В гардеробе девушек из состоятельных крестьянских семей были сарафаны, украшенные по подолу полосами позумента, парчи, золотой нитью⁴³³, красного или зеленого бархата, золотого кружева с бахромой. Иногда украшали только верхнюю планку и лямки позументом, бархатным кантом и золотым шнуром. «Молодые бабы “молодайки” наряжаются также как и девки за исключением головного убора. ...Пожилые бабы редко надевают сарафаны с позументами, разве только те, которые “хварсят” (молодятся), а больше надевают сарафаны, отделанные по подолу “перевивкой” (шнурочком, перевитым золотой мишурой)... Старухи носят простые толстого сукна сарафаны...»⁴³⁴.

В конце XIX в. праздничные сарафаны стали шить из фабричных тканей – ситца, сатина, атласа, штофа, тафты. Праздничные сарафаны надевали без передника и подпоясывали широким домотканым шерстяным поясом, который завязывали спереди.

Декор сарафанов в Курской губернии отличался не только по уездам, но и по селам. Так, в Белгородском уезде бытовал глухой косоклинный сарафан на лямках, в Грайворонском – аналогичный, но с крупными (примерно в два пальца) фалдами, в виде современных гофр от пояса до низа спереди и сзади⁴³⁵.

В некоторых селах была особая манера ношения сарафана – «с подтыканием»: переднюю часть подола подворачивали вверх, подтыкали под пояс, выпускали уголок на пояс и расправляли его веером. Видимо, такая манера ношения сарафана связана с тем, чтобы не замарать его, так как, например, в церковь носили сарафан без подтыкания.⁴³⁶

На рубеже XIX-XX вв. старинный сарафан, как понева, окончательно заменяется юбкой, а затем и городским типом костюма – «парочкой»⁴³⁷.

Овдовев, даже молодые женщины светлую и яркую одежду больше не надевали, носили только темную. Темную одежду носили также пожилые женщины и старухи.

---

⁴³³ Фольклорные традиции села Мощеное... С. 12.

⁴³⁴ РКЖБН. Т. 6. С. 45.

⁴³⁵ Жиров М.С. Указ. соч. С. 200.

⁴³⁶ Зотова И.П. Указ. соч. С. 35.

⁴³⁷ Емельянова М.И. Указ. соч. С. 84.

Передник. Часть традиционного женского костюма составлял передник (фартук, завеса, завеска, запон). Он мог быть будничным и праздничным. По своей конструкции передник в Курской, как и в других губерниях, был нескольких типов: наплечный, нагрудный и поясной⁴³⁸. Передник надевали поверх рубахи с поневой, сарафаном или юбкой.

Будничный передник, который надевали при выполнении черной работы для предохранения одежды от загрязнений, шили из тканей темных расцветок, чаще без украшений, иногда его по низу прошивали рядами цветных нитей. Но существовали и праздничные передники. У молодых женщин они были богато украшены лентами, кружевом, бахромой, блестками, аппликацией.

Украшение и материал завески строго соответствовали ансамблю костюма (с белой холщовой рубахой надевали белый домотканый передник, с красной рубахой – красную завеску, с шелковым сарафаном – шелковую завеску).

Свое основное функциональное назначение – предохранять одежду от загрязнения – повседневный передник сохраняет и в настоящее время⁴³⁹.

В юго-западных уездах Курской губернии поверх сарафана в летнее время надевали душегрею (верхняя утепленная короткая нагрудная одежда)⁴⁴⁰.

На Пасху, Троицу, Петров день, Спас, Покров женщины и девушки наряжались в праздничную народную одежду: сарафаны, юбки, завески, жилетки. Весной и осенью и женщины, и девушки из богатых семей в праздники носили синие суконные кафтаны со сборками, а те, кто были победнее, носили свиты и балахоны. Зимой носили овчинные тулупы и полшубки, а богатые крестьянки – «польские шубы» на овчинном меху с лисьими воротниками, лифом и глухими карманами по бокам. В праздничной одежде женщины и девушки посещали церковь, ходили в гости. В отличие от будничной одежды она украшалась мехом, тесьмой, лентами, которые, за исключением кружев, покупались на базарах и ярмарках.

---

⁴³⁸ См.: Тинякова Е.Л. Курский вариант... С. 34-37.

⁴³⁹ Емельянова М.И. Указ. соч. С. 84.

⁴⁴⁰ Там же. С. 124.

В конце XIX – начале XX в. идет заимствование городской одежды⁴⁴¹. Об изменениях, происшедших в женской одежде в начале XX в., свидетельствует воспоминание одной из крестьянок Курской губернии: «Одна из богатых в прошлом крестьянок села Крюкова, А.Н. Попова (1892 года рождения), рассказывала, что ее мать венчалась в сарафане, она же – в голубом шелковом, отделанном кружевами платье, сшитом по городской моде. В приданое ей было дано, кроме холста и домотканой одежды, три хлопчатобумажные рубахи, три юбки (шелковая, шерстяная и ситцевая), три шерстяных подшальника, покупное “марселевое” (то есть тканьевое) одеяло. Самой большой ценностью в ее приданом была шубка “калтан” из покупного сукна»⁴⁴².

Пояс. Неотъемлемой частью одежды русских крестьянок Курской губернии были пояса. Поясом подпоясывали рубахи, укрепляли набедренную одежду, подпоясывали распашную верхнюю одежду, которая иногда не имела застежки.

Пояса были узкие – покроя – от 1 до 10 см шириной, их носили поверх рубахи, сарафана, и широкие – кушаки (от 20 до 40 см шириной), которые носили с верхней одеждой. Пояса были двух видов техники: плетения и ткачества. Женские пояса ткали сами или покупали на Коренной ярмарке, проходившей недалеко от Курска⁴⁴³.

Повседневный пояс отличался от праздничного меньшей длиной и скромной отделкой. Праздничные пояса иногда были длиной 3-4 метра, ширина их достигала от 2 до 9 и даже 22 см. Значительная длина пояса давала возможность несколько раз обернуть себя вокруг талии, подоткнув концы под покроя по бокам⁴⁴⁴. Концы поясов украшали пышными разноцветными кистями. Особенно нарядными были тканые пояса-покроя, которые надевались с женской праздничной одеждой. Ткали пояса на домашних деревянных станках. В отличие от девушек и молодых женщин, старухи носили «поясочки» из простой шерсти⁴⁴⁵. Пояс был не просто деталью одежды, он являлся отражением миропонимания наших предков. Люди считали, что как круг, кольцо, обруч, так

---

⁴⁴¹ Там же. С. 87.

⁴⁴² См.: Жегалова С.К. и др. Указ. соч. С. 173.

⁴⁴³ Стоюшкина В.А., Нижник Л.Д. Указ. соч. С. 183.

⁴⁴⁴ Фольклорные традиции села Мощеное... С. 12.

⁴⁴⁵ РКЖБН. Т. 6. С. 45.

и пояс защищают человека от недобрых сил, являются оберегом⁴⁴⁶. Недаром говорили: «Подпоясанного человека бес боится». Женщины не снимали пояс даже на ночь. Пояс широко использовался в народных обрядах, особенно в свадебном обряде.

Украшения. В крестьянском женском костюме Курской губернии, как и других регионов России, важную роль играли украшения, которые имели весьма многообразный характер. Их можно разделить на четыре вида: нагрудные, шейные, височные и наспинные. Нагрудные и шейные украшения: разнообразные бусы, цепочки, ленты, ожерелья. Излюбленным украшением были бусы – «монисты», из нескольких ниток разноцветного бисера, дутые стеклянные или янтарные бусы⁴⁴⁷. Височные и ушные украшения были связаны с головными уборами. Характерными были шаровидные подвески из пуха (ткани) – «пушки»⁴⁴⁸. Крестьянки повсеместно носили металлические серьги с подвесками из цветных бусинок, разноцветной шерсти, на пальцах – кольца и перстни⁴⁴⁹.

Головные уборы. Важным элементом женской одежды были головные уборы, которые зависели от возраста и семейного положения женщины. Они делились на девичьи и женские. Женские были трех видов: женские головные уборы до рождения ребенка; собственно женские; старушечьи. Именно головной убор придавал женщине особую величавость и законченность образа.

Девичий головной убор. По обычаю девушки оставляли волосы непокрытыми, заплетая их в одну косу или распуская (обрядовая прическа), в косу вплетали ленты, называемые «косником». Голова повязывалась большим шелковым платком с бахромой, а сверху накрывалась небольшим шелковым платком, называемым «шалкой»⁴⁵⁰, большим платком («бухаркой»), завязывали его спереди, под подбородком, или сзади, под косой⁴⁵¹. В Курской губернии девушки носили также свернутый полосой платок наподобие повязки, подкладывая картон или бе-

---

⁴⁴⁶ Даль В.И. Толковый словарь... Т. 3. С. 376.

⁴⁴⁷ См.: Жегалова С.К., и др. Указ. соч. С. 171.

⁴⁴⁸ См.: Жиров М.С. Указ соч. С. 200–201.

⁴⁴⁹ Машкин А.С. Указ. соч. С. 13.

⁴⁵⁰ РКЖБН. Т. 6. С. 45.

⁴⁵¹ Фольклорные традиции села Мощеное... С. 12.

ресту для придания формы, завязывали сзади. После 12 лет девушка надевала головной убор – венец. Девочки могли ходить и работать с непокрытой головой. Существовал определенный порядок причесывания волос: сначала делали прямой пробор от лба до макушки, затем волосы зачесывали назад, за уши. Девушки заплетали волосы в одну косу, «заплетенную частым плетеньем»⁴⁵². Выйдя замуж, девушка заплетала не одну, а две косы и прятала их под головной убор⁴⁵³. А.С. Машкин описывает три способа заплетания кос: 1) простой – в три пряди; 2) «в дробнушку» – нечетным числом прядей (от 5 до 15); 3) «лопатно» - четным числом прядей (от 4 до 18). Женщины заплетали волосы первым способом, а девушки всеми тремя.

Женские головные уборы. В Курской губернии во второй половине XIX века известно было несколько разновидностей женских головных уборов: кичка, сорока, чепец, кокошник и богатый набор платков, шалей и подшальников⁴⁵⁴.

Обычай закрывать волосы замужней женщины – очень древний. Замужние женщины тщательно убрали волосы под головной убор. Волосы, по народным поверьям, обладали колдовской силой и могли принести несчастье семье женщины: неурожай хлеба, падеж скота и т.п. «Простоволосая» женщина не только не показывалась на людях, на улице, но даже и дома. Показаться с простым волосом (непокрытой) считалось грехом. Женский головной убор связывался народом с подчинением мужу, его семье⁴⁵⁵.

Кичка (рога, «волосник») – лубочный каркас, привязываемый к прическе женщины веревочками⁴⁵⁶, как самостоятельный головной убор не использовалась, а была лишь основой для верхнего убора – сороки (в праздник) или платка (в будни). Верхнюю и боковые части сороки шили из ткани, покрытой кумачом, шелком или бархатом. Передняя часть сороки – очелье – украшалась вышивкой золотой нитью или делалась

---

⁴⁵² РКЖБН. Т. 6. С. 45.

⁴⁵³ Машкин А.С. Указ. соч. С. 13; РКЖБН. Т. 6. С. 45.

⁴⁵⁴ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 15. Л. 10; Тинякова Е.Л. Курский вариант... С. 39-43; АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 120-121.

⁴⁵⁵ Панькова И.С. Указ. соч. С.47.

⁴⁵⁶ Нижник Л.Д., Петрова Р.Н. По следам этнографической экспедиции // Краеведческие записки. Воронеж, 1968. Вып. 3. С. 136.

из галуна. Во второй половине XIX в. этот головной убор редко кто носил, хранили сороки в сундуках из-за дорогой вышивки.

Крестьянки Курской губернии к праздничному наряду надевали кокошник округлой формы с возвышающимся тыльным прямоугольным гребнем. В Старооскольском, Суджанском, Обоянском, отдельных селах Грайворонского уезда носили специфический двугребенчатый или седлообразный кокошник. Весь кокошник богато украшался серебристым или золотым галуном⁴⁵⁷. «На голову у них надевают “златоглавый”, то есть мишурный, кокошник (у некоторых сохранились старинные, чистого серебра кокошники), повязывают его кругом головы “бухрамистым”, а коса подвертывается в кокошник»⁴⁵⁸. Каждому комплексу женской одежды соответствовал свой головной убор: с поневой носили сороку с кичкой, а с сарафаном и юбкой – кокошник.

В начале XX в., когда женские кичкообразные головные уборы и кокошники ушли из повседневной жизни крестьянок Курской губернии, голову молодой (невесты) укрывали небольшим нарядным платком, завязав его под подбородком. Сверху накидывали большую праздничную шаль с длинными кистями (шелковую или шерстяную)⁴⁵⁹. «Пожилые бабы ...повязываются и накрываются ситцевыми красными с яркими цветами, “заграничными» платками”, старухи повязываются черным платком»⁴⁶⁰. Русские крестьянки исследуемого региона носили также разнообразные мягкие женские головные уборы в виде небольшой шапочки-чепца, сшитой из легкой фабричной ткани с завязочками сзади. В конце XIX в. они получают широкое распространение, заменив кичкообразный головной убор⁴⁶¹.

В повседневной жизни крестьянки в качестве головных уборов использовали платки⁴⁶². Они были очень удобны и практичны⁴⁶³. Под

---

⁴⁵⁷ См.: Жегалова С.К. и др. Указ. соч. С. 171; Емельянова М.И. Указ. соч. С. 118-120.

⁴⁵⁸ РКЖБН. Т. 6. С. 45.

⁴⁵⁹ Емельянова М.И. Указ. соч. С. 113.

⁴⁶⁰ РКЖБН. Т. 6. С. 45.

⁴⁶¹ См.: Емельянова М.И. Указ. соч. С. 121; Жиров М.С. Указ. соч. С. 213.

⁴⁶² Подробно о способах ношения платков см.: Лаврентьева Л.С. О платке // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. СПб., 1999. С. 44-46.

⁴⁶³ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

платок женщины надевали почепушник – чепчик, украшенный воланом из ленты. Впервые почепушник надевался во время повивания невесты⁴⁶⁴. Платок можно было носить и самостоятельно, применяя самые разнообразные приемы повязки: «...сложив на угол и завернув лентой, завязывали на узел сзади, оставляя макушку открытой... Концы платка свисали вниз по спине. Нередко платок, свернув углом, завязывали под подбородком или сзади в виде косынки, выпуская сверху свободный угол платка. Более старый способ повязывания платка – с узлом и двумя концами на затылке или на темени»⁴⁶⁵. Такой способ повязывания платка назывался «кочатком»⁴⁶⁶.

В сундуке каждой женщины было множество платков на все случаи жизни. Платок был одним из самых желанных подарков для женщин. Летом носили косынки, по основному углу которых пришивалось кружево, зимой – клетчатые шерстяные шали. Зимой такие косынки одевались под теплый платок. Праздничным головным убором женщин был нарядный шелковый платок. Девушки к платку прикрепляли бу-мажный цветок⁴⁶⁷.

В начале XX в. платок в Курской губернии становится основным, самостоятельным головным убором как девушек, так и женщин, что привело к постепенному стиранию различий в девичьих и женских головных уборах. Деревенские девушки под влиянием городской моды начинают носить шляпки, украшенные цветами и лентами.

Обувь. Одним из компонентов женской одежды является обувь. Повсеместно в Курской губернии, как и в других губерниях Центрального Черноземья, женщины носили сплетенную из древесной коры (лапти)⁴⁶⁸, валяную (валенки) и кожаную обувь.

Лапти, плетенные техникой косога плетения из липовых лент («лычные», праздничные), имели круглую головку, высокий задок и толстые борты⁴⁶⁹. Доступность, легкость, гигиеничность и удобность такой обуви в повседневной носке не требовали доказательств. Другое

---

⁴⁶⁴ Зотова И.П. Указ. соч. С. 40.

⁴⁶⁵ Емельянова М.И. Указ. соч. С. 111, 114.

⁴⁶⁶ Фольклорные традиции села Мощеное... С. 12.

⁴⁶⁷ Стоюшкина В.А., Нижник Л.Д. Указ. соч. С. 184.

⁴⁶⁸ Дмитрюков А. Указ. соч. С. 262.

⁴⁶⁹ Стоюшкина В.А., Нижник Л.Д. Указ. соч. С. 183.

дело, лапти имели малый срок службы и изнашивались за 3–10 дней⁴⁷⁰. «На малую семью в четыре человека на год требовалось до 150 пар лаптей»⁴⁷¹.

Лапти носили практически круглый год: в будни, и в праздники, венчали и хоронили в них. Под лапти на ноги наворачивали онучи – куски плотной суконной, шерстяной или холщовой ткани домашнего производства.

Бытовали и плетенные или связанные крючком из пеньки и шерсти «башмаки», «чуни», «тюни», «чувяки», используемые как домашняя и рабочая обувь, и еще несколько разновидностей – бахилы, ступни, ходоки. Широко были распространены длинные, до колена и выше колена, женские «самодельские белые чулки овечьей шерсти»⁴⁷². По своему цветовому решению чулки прекрасно гармонировали с белыми рубашками и черным полем понев и завесок⁴⁷³. Летом в будни крестьянки чаще всего ходили босиком.

Девушки-невесты надевали одновременно несколько пар чулок, так как полнота, дородность являлись в народе основным мерилом крестьянской красоты.

Зимой повсеместно женщины носили черные, коричневые, белые валенки (катанки), расшитые спереди цветными нитями. В основном валяли их из шерсти, полученной в своем хозяйстве.

В конце XIX века преобладающей стала кожаная обувь (сапоги, туфли, башмаки, черевики). Самой распространенной женской обувью в деревнях исследуемого региона были «коты» – глухие туфли с круглыми носками из грубой кожи, похожие на сапоги с обрезанными голенищами. Коты носили обычно с белыми или цветными (с орнаментом сверху) шерстяными чулками, собранными в «гармошку»⁴⁷⁴.

---

⁴⁷⁰ См.: Архив СТИ МИСиС. Папка 2. Из беседы с уроженками с. Каплино Старооскольского района Белгородской области; См.: *Жиров М.С.* Указ. соч. С. 198.

⁴⁷¹ *Милов Л.В.* Указ. соч. С. 329.

⁴⁷² РКЖБН. Т. 6. С. 45.

⁴⁷³ Феникс. Историко-этнографический вестник: Традиционный костюм Белгородчины. Вып. IV. Белгород, 2000. С. 16.

⁴⁷⁴ См.: *Емельянова М.И.* Указ. соч. С. 197.

По праздникам девушки и женщины носили черевики из черной кожи домашней выделки, на маленьком каблуке с подковкой⁴⁷⁵.

К началу XX в. по праздникам женщины стали надевать ботинки на шнурках, пуговицах, резинках, «кожаные башмаки, разукрашенные медными колечками – “пистонами”»⁴⁷⁶, зимой носили валенки-волнушки, задник которых обшивался кожей, а также бурки из сукна.

Верхняя женская одежда в Курской губернии по своему составу была весьма разнообразной. В межсезонье и зимой женщины-крестьянки носили зипуны из черного сукна, стеганки, кафтаны, чекмени, «кохты», а зимой – полушубки, шубы, «холодайки» и тулупы из овчины. Излюбленной зимней женской одеждой крестьянок Курской губернии был козух – меховая одежда типа полушубка, пониже колен, обычно крытая сукном. Будничные козухи были черного цвета, а праздничные – ярко-коричневые⁴⁷⁷.

Мужская одежда

Мужская одежда по сравнению с женской выглядела значительно скромнее и была более однотипной. «Это объяснялось рядом существенных факторов, – отмечает М.С. Жиров. – Прежде всего, условиями тяжелой физической работы под открытым небом, которая для мужчин повсеместно была одинаковой, а также их особым положением в обществе: некоторой экономической и юридической самостоятельностью. Мужчины были вынуждены ездить по хозяйственным делам, а также на заработки в отдаленные губернии, причем очень часто на длительное время»⁴⁷⁸. Все это наложило определенный отпечаток на мужскую одежду.

Основными составляющими мужского костюма были рубахи и портки (штаны).

Мужчины в деревне носили посконное белье домашнего изготовления, рубаху прямого покроя до колен, с длинными рукавами, скроенными вместе с плечевой частью, ластовицами под мышками, низким стоячим воротником, разрезом на левой стороне груди и подоплекой

---

⁴⁷⁵ См.: Жегалова С.К. и др. Указ. соч. С. 171.

⁴⁷⁶ РКЖБН. Т. 6. С. 45.

⁴⁷⁷ Емельянова М.И. Указ. соч. С. 124–126.

⁴⁷⁸ См.: Жиров М.С. Указ. соч. С. 191.

(подкладка у рубахи от плеч до половины груди и спины), подложенной на угол. Рукава со вставленными ластовицами увеличивали пространство движения руки, необходимое для физической работы⁴⁷⁹.

К концу XIX века рубахи стали делать короче. Обычно они почти не украшались. В праздничные дни надевали льняные рубахи, богато украшенные вышивкой и тканьем по подолу, краю рукавов; ластовицы у такой рубахи обычно были из кумача или узорного ситца. Зажиточные крестьяне щеголяли в рубахах из красного ситца. «По праздникам же, пожилые и не так достаточные из молодежи, – пишет А.С. Машкин, – надевают льняные и пестрядинные рубахи с цветными ластовицами, с тою разницею, что льняная рубаха у молодежи бывает расшита красною бумагою в подоле; а парни из богатых домов наряжаются в красные ситцевые и так называемые александрицкие (из александрийки) рубахи»⁴⁸⁰.

Рубаха подпоясывалась поясом. Ходить без пояса считалось зазорным. Лишить человека пояса означало обесчестить его. Неслучайно и по сей день в отношении тех, кто ведет себя несдержанно и недостойно, говорят «распоясался», то есть вышел за рамки дозволенного. Безусловно, будничные и праздничные пояса мужчин-крестьян, как и женщин, отличались качеством, формой и способом изготовления. Почти в каждом селе существовал свой вариант пояса⁴⁸¹.

Пояс сопровождал человека от рождения до смерти. Повседневная рубаха подпоясывалась тканым или «сученым из шерсти пояском»⁴⁸². К праздничным рубахам молодые парни и мужчины надевали узкие пояса переборного тканья или плетеные из цветной шерсти⁴⁸³. Красный пояс, подаренный женой мужу, охранял его от лихого ока, наговора и чужих жен⁴⁸⁴.

Основной повседневной одеждой были и портки⁴⁸⁵. Их шили из двух штанин, между которыми вставлялся клин, расширяющий шаг и позво-

---

⁴⁷⁹ См.: Жегалова С.К. и др. Указ. соч. С. 169.

⁴⁸⁰ Машкин А.С. Указ. соч. С. 9.

⁴⁸¹ См.: Жиров М.С. Указ. соч. С. 193.

⁴⁸² Машкин А.С. Указ. соч. С. 8.

⁴⁸³ См.: Жегалова С.К. и др. Указ. соч. С. 169.

⁴⁸⁴ Панькова И.С. Южнорусский народный костюм... С. 47.

⁴⁸⁵ Стоюшкіна В.А., Нижник Л.Д. Указ. соч. С. 183.

ляющий удобно ездить верхом. В верхнюю часть продевался шнурок, который держал порты на бедрах. Портки носили: пожилые – обыкновенные белые посконные, молодые – «набойчатые и тяглинные, а те, которые побогаче – китайчатые, и некоторые даже плисовые»⁴⁸⁶. Порты были чаще всего синего цвета в полоску или елочку. В начале XX в. появились штаны на поясе с пуговицами. Порты оставались в качестве рабочей летней одежды. Концы портков и штанов доходили до икр и вплоть до появления брюк, заправлялись в обувь: лапти, сапоги, валенки.

Поверх рубашки и портов при выходе на улицу надевали жилеты, кафтаны, поддевки, зипуны, халаты, а холодными русскими зимами – шубы, полушубки, кожухи и тулупы. Рабочий кафтан шили из домотканого сукна, сермяги, понитка⁴⁸⁷. В жаркое время мужчины чаще всего ходили в одном белье.

Зимняя верхняя одежда курских мужчин-крестьян практически не отличалась от женской. Зимний будничный кафтан для мужчин делали из овчины и покрывали домотканым сукном. Часто для удобства движения кафтан расширяли к подолу и вшивали внутренние карманы. «Пожилые мужики ...больше [ходят] в дублёнках (из дублёной овчины шуба покроя поддевки), лаптях и теплой шапке»⁴⁸⁸. Крестьянской зимней одеждой были также тулупы⁴⁸⁹. Зимнюю одежду шили специальные швецы на дому у заказчика. Порой, если нужно было обшить всю семью, швецы жили в доме несколько дней.

Покрой крестьянской одежды никогда не был тесным или стягивающим, мешающим работе.

Мужские головные уборы были менее разнообразными и более однотипными, чем женские. Их существовало несколько типов и разновидностей: кожаные, меховые, валяные и плетеные. Все они в основном представляли собой шапки (шапка-валенка, шапка-куркуль, шапка-ушанка, шапка-малахай)⁴⁹⁰. Летом крестьяне носили старые шапки или белые войлочные гильки – шапки-колпаки; в праздничные дни надева-

---

⁴⁸⁶ Машкин А.С. Указ. соч. С. 8.

⁴⁸⁷ См.: Машкин А.С. Указ. соч. С. 9.

⁴⁸⁸ РКЖБН. Т. 6. С. 45.

⁴⁸⁹ Дмитрюков А. Указ. соч. С. 262.

⁴⁹⁰ См.: Жиров М.С. Указ. соч. С. 195.

ли «новые шапки с суконными или плисовыми верхами и бырчатými (из овчин молодых барашков) или другими какими-либо околышами»⁴⁹¹. Молодые парни по праздникам надевали «поярчатые шляпы», которые перевязывали лентами, со стальными или медными пряжками. Зимой носили те же самые шапки, которые надевали летом.

Во второй половине XIX века из города в деревню пришел картуз из черного сукна с высокой тульей и кожаным лакированным небольшим козырьком⁴⁹².

Мужская обувь крестьян Курского региона была похожа на женскую. Различалась она лишь размерами, да особенностями отделки⁴⁹³. В будни мужчины носили «самодельские» лапти и обвертывали «ноги онучами длиною каждая в два с половиной аршина»⁴⁹⁴. В лаптях уплотняли подошву толстыми конопляными веревками – «подковыривали»⁴⁹⁵, что делало подошву плотной и менее промокаемой. Причем такие лапти носили не только летом, но и зимой, так как валенки были доступны лишь зажиточным крестьянам. Онучи делали «из самодельского толстого белого сукна»⁴⁹⁶. Праздничной обувью у мужчин были сапоги «бутылками»⁴⁹⁷, единственные на всю жизнь. «Старики никогда не надевают сапог. Богачи составляют исключение»⁴⁹⁸.

На шее мужчины носили «медный крест или образок и ладонку на гитанчиках (на бумажных снурках) или на тесьмах». Молодые неженатые крестьяне для щегольства носили медные или оловянные перстни или кольца, а богатые – серебряные⁴⁹⁹. Традиционно в деревне большое внимание уделялось показной стороне жизни семьи. В деревне хорошо помнили, что «встречают по одежке». С этой целью зажиточные хозяева и в будние дни носили высокие сапоги с бесчисленными сборками («в гармошку»), и в теплую погоду накидывали на плечи си-

---

⁴⁹¹ Машкин А.С. Указ. соч. С. 9.

⁴⁹² См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 16. Л. 10.

⁴⁹³ См.: Жиров М.С. Указ. соч. С. 196.

⁴⁹⁴ РКЖБН. Т. 6. С. 30.

⁴⁹⁵ Зотова И.П. Указ. соч. С. 41.

⁴⁹⁶ РКЖБН. Т. 6. С. 30.

⁴⁹⁷ См.: Жегалова С.К. и др. Указ. соч. С. 169.

⁴⁹⁸ РКЖБН. Т. 6. С. 45.

⁴⁹⁹ Машкин А.С. Указ. соч. С. 8–10.

ние тонкого сукна кафтаны⁵⁰⁰. «Самый лучший наряд парня, – сообщает корреспондент Этнографического бюро из Курской губернии, – состоит из кумачневой или малиновой “камишировой” (*кашмировой*) рубахи, смазных сапог, *темно-синей суконной, как они говорят, «висилькёвой»* поддевки черного картуза с разноцветными перьями или самодельскими цветами и покупного разноцветного пояса, называемого “спасёнским”»⁵⁰¹.

Детская одежда

Детская одежда (для мальчиков и девочек) была одинаковой – длинная до пят холщовая рубаха с пояском. Ворот, обшлага рукавов и подол орнаментировались скромной вышивкой. От взрослой одежды она отличалась отсутствием ярких цветов и богатых украшений. «Маленькие девочки ходят дома ... только в одних холщовых, но только длинных рубахах – непременно подпоясанные. Очень рано (лет с двух уже) стремятся к тому, чтобы “подвязаться платком” (голове). По праздникам на них надевается ситцевый сарафан. Девочки лет с десяти носят уже обыкновенно (даже и дома) шерстяную юбку. На девочек тоже при случае надевают шерстяные чулки и бахилы»⁵⁰². Мальчики и девочки-подростки донашивали одежду своих братьев и сестер – рубахи, порты, зипуны. Нередко им перешивали старую отцовскую и материнскую. Первую взрослую одежду (юноша – штаны, девушка – поневу, сарафан или юбку) они получали, достигнув возраста, когда переходили в разряд будущих женихов и невест⁵⁰³.

Головной убор девочки до 12 лет состоял (в начале XIX в.) из парчовой повязки или ленточки.

Девочки носили дешевые украшения: серьги, бусы, низанные из сухих ягод, косточек плодов, гороха⁵⁰⁴.

Подростки или девочки-молodicки повседневно носили хлопчатый сарафан. Праздничной одеждой был сарафан из ткани с шелковой вышивкой. Станок (верхняя часть женской рубахи) вышивался орна-

---

⁵⁰⁰ См.: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. III. М., 1891. С. 10.

⁵⁰¹ РКЖБН. Т. 6. С. 45.

⁵⁰² Семенова-Тян-Шанская О. Указ. соч. С. 50.

⁵⁰³ См.: Жиров М.С. Указ. соч. С. 199.

⁵⁰⁴ См.: Емельянова М.И. Указ. соч. С. 53–54.

ментом, в котором появлялись геометрические элементы в сочетании с растительными мотивами. Девочки на голову одевали «плетенок» – шнурок, плетенный из шерстяных нитей (шленки). С раннего детства девочки носили на шее монисты и в ушах серьги. Последние были самым популярным украшением не только среди маленьких девочек, но и девочек более старшего возраста.

Молодички начинали в этом возрасте носить маленькие бисерные украшения – сережки и бусы. Коса заплеталась одна. Число прядей нечетное.

* * *

В большинстве сел данного региона на рубеже XIX – XX веков носили как домотканую одежду, так одежду из фабричных тканей, но углубление товарно-денежных отношений все сильнее способствовало сокращению домашнего производства одежды. «Домотканая одежда удерживалась дольше там, где надел был больше, что позволяло сеять лен, коноплю, иметь больше скота»⁵⁰⁵. Состоятельные крестьяне чаще носили одежду из фабричных тканей. Уходящие в город и в южные губернии на заработки курские крестьяне возвращались в села с новыми представлениями об одежде. Зажиточные крестьяне начинали заказывать одежду в городах⁵⁰⁶.

Исследователи традиционной русской одежды отмечают, что в начале XX в. в крестьянских семьях Курского края стали чаще использовать не только покупные фабричные ткани, но постепенно стал распространяться «городской» покрой одежды⁵⁰⁷. Так, мужские праздничные рубахи стали шить из покупных тканей (кумача, сатина и даже шерсти). «Рукава стали делать выкройные, без ластовиц, ворот делали мягкий, стоячий, с разрезом на левой стороне груди, подоплека сохранялась, но уже иной – прямоугольной формы, причем делалась не из холста, а из узорного ситца»⁵⁰⁸. Отходники несли в деревню городскую моду: «Мастеровой ходит в чуйке из городской материи... а не из серой сермяжной ткани, какую носят здешние крестьяне, рубашка у него тонкая, не пестрядин-

---

⁵⁰⁵ Жегалова С.К. и др. Указ. соч. С. 169.

⁵⁰⁶ Горбунов М.К. Указ. соч. С. 43.

⁵⁰⁷ Якубенко Л.В. Указ. соч. С. 61.

⁵⁰⁸ Жегалова С.К. и др. Указ. соч. С. 172.

ная, а всегда ситцевая, сапоги – городской работы с бураками, приводящими в умиление и сердечный трепет всех деревенских красавиц»⁵⁰⁹. Особенно часто городские новшества использовались жителями деревни в праздники. Например, в начале XX в. «богатые крестьянки из пригородных сел из Перемышля... в праздничные дни ходили еще в рубашках с красными рукавами и сарафанах... на руки же в особо торжественных случаях натягивали нитяные перчатки»⁵¹⁰.

В первую очередь мода достаточно быстро проникала в молодежную среду. Изменения в мужской одежде происходили быстрее, чем в женской, и в молодежной одежде быстрее, чем в костюме пожилых.

Изучение традиционной одежды крестьянского населения Курской губернии свидетельствует об идентичности процессов изменения русской одежды в исследуемом регионе и в других регионах Российского государства⁵¹¹.

В конце XIX в. одежда приобрела значение одного из маркеров, указывающего место ее обладателя на социальной лестнице. Праздничные гулянья, церковь, базары и ярмарки стали местами демонстрации достатка и богатства. Крестьянин всегда стремился к тому, чтобы у него было все не хуже, чем у соседа. Даже при небольших средствах деньги вкладывались в покупку хорошей одежды. «Хороший наряд для девки и молодого парня имеет большое значение и на него тратят большие деньги. С 14-15 лет дивчата ходят на заработки и все деньги тратят на наряды в приданое»⁵¹². В базарные дни на городских площадях устраивались «выставки» – смотр невест, одетых в нарядную одежду.

Таким образом, можно констатировать, что простота, добротность, удобность и естественность – главное, что характеризовало одежду крестьян. Влияние географической среды, климатических условий, хозяйственного уклада населения, историко-социальные процессы, а также местные культурные традиции нашли прямое воплощение в крестьянской одежде. Одежда всегда подчеркивала семейные и возрастные отличия, которые проявлялись в наличии украшений, в составных элементах костюма, в орнаменте.

---

⁵⁰⁹ Добротворский Н.А. Указ. соч. С. 228.

⁵¹⁰ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977. С. 172.

⁵¹¹ См.: Село Вирятино... С. 73.

⁵¹² РКЖБН. Т. 6. С. 45.

Несмотря на то, что в конце XIX – начале XX века традиционный костюм еще не вышел из употребления, носили его в основном семейные и пожилые люди, чаще женщины, чем мужчины, - в одежде русских крестьян Курской губернии происходили большие изменения. Поневе становится одеждой только пожилых крестьянок. Новые веяния проявились в использовании фабричных тканей (ситца, сатина, атласа, штофа, тафты) и красителей, в изменении кроя, формы, составных элементов одежды. Украшение одежды вышивкой, узорным ткачеством вытеснялось вставками из фабричных тканей, лентами, бисером, готовым кружевом. Вошли в обиход готовые изделия (рубаша на кокетке, «парочка» – кофта и юбка, платья, шляпки, кожаная обувь, перчатки, пиджаки и др.). Появляется уже специальная детская одежда, сшитая также из фабричных тканей. На степень проникновения и распространения новых видов одежды оказывало влияние развитие товарно-денежных отношений, отходничество, близость города.

Исчезновение традиционной, в частности, обрядовой одежды, распространение элементов городской моды в крестьянской среде свидетельствует о постепенном размывании патриархальных устоев.

Традиции питания

Одной из составляющих повседневной жизни крестьян было питание. Потребление продуктов питания во все времена было не только физиологической потребностью человека, но и представляло одну из сфер традиционной культуры. Питание зависит от природно-климатических, социально-экономических и историко-культурных факторов.

Традиционная крестьянская пища зависела, прежде всего, от продуктов, получаемых в собственном хозяйстве. Так как основным занятием крестьян Курской губернии в рассматриваемый нами период было земледелие, а животноводство имело лишь подсобное значение, рацион питания был в основном растительным. Такое положение было характерно и для других губерний Европейской России: 84,7% получаемых калорий было растительного происхождения, причем 62,9% из них были хлебными и только 15,3% составляла животная пища⁵¹³.

---

⁵¹³ *Привалова Т.В.* Питание российского крестьянства на рубеже веков // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. С. 129.

Основную пищу сельского населения Курской губернии составлял хлеб и мучные изделия, причем на первом месте стоял «черный» хлеб из ржаной муки⁵¹⁴. «Божий хлебушко» – основа пищевого рациона крестьян, не считался скудной пищей⁵¹⁵.

Выпечка хлеба была почти непрерывным процессом, в пищу шел только хлеб из кислого теста. В доме постоянно находились остатки закисшего теста от предыдущей выпечки (закваски), которые выполняли роль дрожжей. Из пшеничного теста крестьянки делали лапшу, пампушки (испеченные на сковороде, подавались с юрдой – жареным, потом истолченным конопляный жмыхом, разведенным водой и процеженный сквозь сито)⁵¹⁶.

Крестьяне ели очень много овощей – это была основная еда. Из бобовых культур употребляли горох, из овощных – репу, капусту, морковь, лук, чеснок, выращиваемые в огородах. Член Русского географического общества Сверчковский писал о питании крестьян Курской губернии, что в пищу они употребляют «капусту во щах и с квасом, картофель, бураки, редьку, лук, хрен, квас, кашу гречневую, пшеничную, солomату, блины, галушки, горох. Хлеб, пироги, лепешки – из ржаной муки»⁵¹⁷. В рационе крестьян постоянно был тюря-хлеб, намоченный в воде или квасе, а также кисели. Картофель постепенно завоевывал себе место в питании курских крестьян. Во второй половине XIX в. картофель готовили в вареном, жареном виде, делали пюре. В летнее время употребляли картофель с огурцами, с луком и др.

Количество и качество пищи в крестьянской семье имели существенное различие в пост и скоромные дни, в зимнее и летнее время, в праздники и будни, по времени дня, а также по степени напряженности труда едоков (страдная пора) и, конечно, зависели от достатка в семье.

Состав употребляемой пищи находился в прямой зависимости от церковного календаря⁵¹⁸. А.А. Потехин пишет: «Вот плохо бывает – в

---

⁵¹⁴ См.: *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 279.

⁵¹⁵ *Милогорова И.Н.* Экономика пореформенной крестьянской семьи // *Вестн. МГУ. Сер. 8. История.* 1997. № 5. С. 46.

⁵¹⁶ КОКМ. Д. 105. Л. 14, 16.

⁵¹⁷ АРГО. Р. 19. Д. 10. Л. 3 об.

⁵¹⁸ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 33. Л. 2 – 2 об.

летние посты, особенно в Петровки, когда еще и овощи не поспели, и грибное еще не родится, а молоко есть грех, – не полагается. Вот тогда уж действительно мудрено сказать – с чего жив, чем питается крестьянин... Хорошо еще, если зеленого лука уродилось вволю, да не надо за ним на базар бежать и покупать, а свое на огороде. Зеленый лук – неоценимое подспорье в пище мужика: хорошо его есть просто с солью и с хлебом, хорошо потолочь и развести с квасом, а по нужде и водой»⁵¹⁹. К концу Петрова поста запасы продуктов почти совсем истощались, лишь у самых зажиточных крестьян их было достаточно. Так в Центральночерноземных губерниях из пшена или других круп готовили жидкую кашу с грибами, пекли пироги из ржаной муки с грибной начинкой. Иногда ели «тюрю» из хлеба, накрошенного в круто посоленную воду или квас. Очень часто ели чеснок и молодую редьку⁵²⁰. «В Успенский пост ели свежие огурцы, дыни, арбузы, молодой картофель»⁵²¹. В Курских губернских ведомостях корреспонденты с мест отмечали, что «...обоянские крестьяне держат строгий пост в отношении пищи; мяса нельзя достать ни за какие деньги. Немногие, даже очень немногие, едят рыбу. Свежей рыбы тоже достать очень трудно»⁵²².

Рацион пищи носил сезонный характер. Летом традиционными крестьянскими блюдами являлись: «похлебка» (суп), кулеши («просяной» и «крупяной»), «картохи» с огурцами и капустой, лапша, галушки, солomать (запаренное пресное гречаное тесто) с толченым конопляным семенем («с семем») или с маслом, блины «с соком» (конопляное семя, толченое, разведенное водой и пропущенное через сито), овсяный кисель, «борши», щи, «квас» (окрошка), каша, сливная каша (жидкость сливается), «червячки» – пропущенная на решето солomать, «гречушники» («гречаники», «отливники»), «солодуха» (запаренное ржаное тесто с калиной, грушами, яблоками), взвар («узвар»), кутья, тюря,

---

⁵¹⁹ Потехин А.А. Крестьянские дети // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века. М., 1986. С. 271–272.

⁵²⁰ См.: *Малыхин П.* Быт крестьян Воронежской губернии Нижнедевицкого уезда // Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом. Вып. 1. СПб., 1853. С. 211–212.

⁵²¹ *Никулов А.П.* Указ. соч. С. 406.

⁵²² КГВ. 1895. № 45.

«кишки» (колбасы из каши), «ковбасы» из мяса. Следует отметить, что в кулинарии курских крестьянок и соседних украинок было немало общего.

В страдное время питание значительно улучшалось. Изучая жизнь крестьян, А.Н. Энгельгардт обратил внимание на то, что они обладают определенными физиологическими познаниями, в частности, «различают пищу на прочную и легкую». «Прочною пищей, – пишет А.Н. Энгельгардт, – считается такая, которая содержит много питательных, но трудно перевариваемых веществ, которая переваривается медленно, долго остается в кишке, не скоро выпораживается, потому что раз кишка пуста, работать тяжелую работу нельзя и необходимо опять подъесть»⁵²³, т.е. в рационе крестьян в это время года была «прочная пища». Так, курская крестьянка готовила на завтрак вареную картошку со сметаной и суп с салом, на обед – творог со сметаной или окрошку, суп или борщ, кашу с молоком или маслом; на полдник – сало с хлебом или картошку с огурцами; на ужин – суп, кашу с молоком или картошку со сметаной. В то же время нужно помнить, что абсолютное большинство крестьян, как отмечает А. Дмитриуков, во время летних полевых работ питалось «одним хлебом с солью и водою, не употребляя ничего горячего»⁵²⁴.

Зимой основным продуктом питания была кислая капуста, щи из квашеной капусты, соленые огурцы, квас, редька с солью, репа вареная, моченая и сырая, каша гречневая с конопляным маслом, свежие, сушеные или моченые яблоки, сливы. По наблюдениям А.Н. Энгельгардта, кислая пища, в частности, щи из кислой капусты, были *необходимейшей* составной частью пищи, и наличие кислоты в пище, перечисленной выше, «отражается и на количестве работы, и на здоровье, и даже на нравственном состоянии рабочих людей»⁵²⁵.

В Курской губернии, как и во всей черноземной полосе, большое значение в питании имела тыква. Из нее готовили кашу, жарили, запекали⁵²⁶. В осенне-зимний период к рациону питания добавлялось мясо из дичи: зайцев, куропаток, гусей и уток.

---

⁵²³ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 279.

⁵²⁴ Дмитриуков А. Указ. соч. С. 268.

⁵²⁵ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 277.

⁵²⁶ Липинская В.А. Пицца (XII–XX века) // Русские. М., 2005. С. 376.

Питание крестьянской семьи выступало также отражением хозяйственной состоятельности двора. Стол зажиточного крестьянина был разнообразнее, чем у бедного⁵²⁷. Например, в скоромные дни, в зависимости от достатка семьи, были и мясные продукты: молодой поросенок, баранина, жареный гусь, вареное мясо, яичница с салом⁵²⁸. В семьях зажиточных крестьян в достаточной степени употребляли также рыбные и молочные продукты: молоко, масло, сметану, творог.

Для праздничных дней даже самые бедные припасали самую лучшую пищу⁵²⁹ и побольше, ели «до икоты и пили до обморока». Из продуктов животного происхождения в праздниках зимнего цикла главная роль отводилась поросенку. В зимние престольные праздники и в скоромные дни готовили щи со «свежатиной» или салом (кусоч сала в Курской губернии обычно называли «отщовало»). Широкое использование в селах Курской губернии получили блины (пшеничные, ржаные, гречневые). Без блинов не обходились ни один праздник, моление, семейно-родовой обряд. Блинами угощали гостей, посылали их в качестве гостинца. Подавали их к столу с маслом, творогом или сметаной. Горка блинов, уложенных друг на друга и обильно смазанных маслом, – самое необходимое блюдо на праздничном столе. Корреспондент из Курской губернии Л.И. Соловьева так описывает свою беседу с жительницей села Шелковка Медвенской волости: «Ну уж и нагулялись! – говорила мне одна девка Акулина Агеева, побывавшая в гостях у одной бабы. – Уж так угостили што мое паштение!» – «Чем же тебя угощали?» – полюбопытствовала я. – «Подали сначала ряжанные с пиченкой (Ряженный – это пирог из ржаной или пшеничной муки с какой либо начинкой, с выведенными наверху узорами, поливается маслом и обсыпается сахаром. – *Прим. корр.*), потом студинь из свижины (это свинина. – *Прим. корр.*), с бараниной, потом творох с топлежкой (топится молоко, запускается на ночь сметаной и становится в тепле место. На утро молоко скисает на подобие сметаны. – *Прим. корр.*), баранину абжаринаю (вареное мясо ставят в печь после того как она вы-

---

⁵²⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 33. Л. 10–12; Д. 32. Л. 34–35.

⁵²⁸ Пархоменко И.Г. Белгородская губерния. Белгород, 2001. С. 154.

⁵²⁹ Бердинских В. Указ. соч. С. 112.

топится и мясо сверху поджарится в собственном жиру. – *Прим. корр.*), варенаю курятину, а пад канец прянци, арбуз да арехи»⁵³⁰.

В летние праздничные дни некоторые резали «баранчиков, кур и поросят»⁵³¹. Предметом угощения были также яичница, сырники, яичник (запеченная на сковородке яичница в виде большого блина), каравай, приготовленный из пшеничной муки и др. На званых обедах кушанье, подаваемое в заключение стола, называлось «разгонщиком, потому что гости, поевши его, должны вставать из-за стола»⁵³².

Мясо употреблялось в пищу преимущественно в вареном виде. Его в качестве приправы клали в жидкие блюда: суп, борщ, щи. Из голов и ног животных крестьяне к празднику делали студень. Мясо использовалось и в качестве начинки для праздничных пирогов. Начинка крупных пирогов из кислого теста помимо кусков мяса включала крошенный лук, картофель или крупу. Начинкой мелких печеных пирогов из пресного теста являлись рубленые внутренности, смешанные с луком и крупой.

Большим подспорьем в питании, кроме перечисленных продуктов, являлись ягоды, орехи, калина, груши, терн и грибы – они во множестве росли на исследуемой территории. Лесные ягоды, орехи, грибы позволяли делать пищевой рацион курских крестьян более разнообразным. В зимне-весенний период использовали заготовленные впрок грибы, ягоды, фрукты, что восполняло нехватку витаминов, употребляли их и во время постов. Например, из моченых груш делали очень вкусный грушевый квас.

Из напитков крестьяне к праздникам готовили пиво, меды, квас и брагу⁵³³, из крепких – употребляли вино, водку. Считалось «хорошим тоном» напоить своих гостей допьяна.

Изддревле традиционным праздничным напитком курских селян являлся хмельной мед (меды, медовуха), но в исследуемый период он в качестве напитка употреблялся значительно реже, а квас и пиво постепенно начали уступать место промышленным винно-водочным изделиям.

---

⁵³⁰ РКЖБН. Т. 6. С. 34–35.

⁵³¹ *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 17.

⁵³² Там же. С. 18.

⁵³³ См.: *Булгаков Г.И.* Указ. соч. С. 104; *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 19.

Широкое распространение получили напитки из меда с ягодными добавками – мед яблочный, малиновый, смородиновый, черемуховый и т.д. Приготовление кваса календарно было регламентировано. Так, известны календарные запреты на приготовление кваса в Обоянском уезде, здесь квас не делали в понедельник, чтобы «черт не выкупал в нем своих детей». Квасом, например, окропляли посевы, чтобы повысить урожай.

Обо всех запретах забывали, когда деревню посещал голод. В условиях отсутствия в крестьянских семьях какого-либо значительного запаса продовольствия каждый неурожай влек за собой самые тяжкие последствия. В голодное время потребление продуктов крестьянской семьей снижалось до минимума, и с целью физического выживания в селе резали скот, птицу, пускали в расход семенной материал и т. п. «В голодные годы не ели хлеба без примесей: подмешивали лузгу, лебеду, траву, мякину, картофельную и свекольную ботву»⁵³⁴.

Отсутствие запасов продуктов в домашнем хозяйстве или быстрое их истощение до начала нового урожая восполняли местные базары и ярмарки, обычно приуроченные к датам церковного календаря.

Ярмарки и базары способствовали активному обмену продуктами. Корреспонденты Этнографического бюро сообщают: «В трех с половиною верстах от Саломыковой, в противоположную от Высокого сторону, расположена слобода Медвенка, где базары бывают два раза в неделю по понедельникам и пятницам, и шесть раз в год – ярмарки... Ярмарки бывают: 1 сентября («Семин день»), 26 октября («Митрев день), за две недели до Масленицы («всеедная неделя»), 9-ого мая («Миколин день»), на праздник Вознесения Господня и 8 июля (летняя Казанская). ...Салмыковские крестьяне продают на этих ярмарках домашний скот, птицу, яйца, крестьянки сбывают холсты, орехи»⁵³⁵; «Два раза в неделю в понедельник и пятницу в Медвенке [Медвенская волость Обоянского уезда – З.М.] бывают базары, куда крестьяне соседних сёл свозят для продажи дрова, солону, мясо, масло, яйца и различные овощи. Пять раз в год в Медвенке *бывают ярмарки*: «всеедная» – на всеедной неделе за неделю до масленицы, в Николин день

---

⁵³⁴ См.: Архив СТИ МИСиС. Папка 3. Из индивидуальной беседы с уроженками с. Федосеевка Старооскольского района Белгородской области.

⁵³⁵ РЖБН.Т. 6. С. 21.

– 9 мая, Казанская – 8 июля, Сёмин день – 1 сентября, и Дмитриев день – 26 октября»⁵³⁶.

* * *

Рациональному питанию способствовал четкий распорядок приема пищи. В крестьянских семьях питались обычно, ориентируясь во времени по солнцу, три-четыре раза в день (завтрак, обед, полдник и ужин).

На завтрак обычно подавали квас с картошкой, капусту, похлебку или суп с салом, иногда кашу.

Перед обедом на стол клали хлеб, нарезанный большими ломтями, ставили соль в деревянной или глиняной солонке, кувшин с квасом. Хлеб и соль не только обязательно стояли на столе каждой крестьянской семьи, но они являлись обязательными продуктами во многих народных обрядах, в частности, соль использовали для предохранения и исцеления от «сглаза, оговора» и т.п.. Люди считали, что «соль не боится ни сглазу, ни вару, ни оговору»⁵³⁷.

Обед в крестьянской семье в основном состоял из двух блюд: первое – щи, картофельная похлебка (суп), забеленная молоком, или уха, второе – картошка с капустой, огурцами или каша. Известная поговорка «щи да каша – пища наша» достаточно емко характеризует особенности русской крестьянской кухни в целом. Действительно, ни один крестьянин не обходился без щей и каши.

На полдник чаще всего ели сало с хлебом или огурцы с картошкой⁵³⁸. На ужин ели обычно то, что оставалось от обеда и полдника или арбуз с хлебом⁵³⁹.

В очень больших семьях прием пищи производился в два или даже в три приема: сначала ели мужчины, потом женщины, затем дети. Иногда в семье накрывалось два или три стола и прием пищи производился одновременно. На стол пища подавалась либо хозяйкой, либо одной из снох. В этом случае выбор снохи часто зависел от симпатий хозяина.

---

⁵³⁶ Там же. С. 31.

⁵³⁷ *Топорков А.* Хлеб да соль // Родина. 1994. № 9. С. 119.

⁵³⁸ *Булгаков Г.И.* Указ. соч. С. 104; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 32. Л. 38.

⁵³⁹ КОКМ. Д. 105. Л. 17.

За обеденным столом, согласно истари сложившемуся обычаю, семья рассаживалась в определенном порядке. В «красный» (передний) угол обычно садился глава семьи, за ним все остальные мужчины (часто тоже по старшинству), затем дети. Самый дальний от «красного» угла край стола занимали женщины. Если в семье было несколько снох, то среди них также существовал определенный порядок размещения.

Обычно за столом распорядился глава семьи. Он садился в красный угол под образами и начинал трапезу с краткой благодарственной молитвы, резал хлеб, крошил мясо, пробовал и досаливал мало посоленное кушанье, ударами ложки о чашку давал разрешение «хлебать и таскать мясо», все члены семьи ели одну и ту же пищу⁵⁴⁰. В ходе трапезы придерживались определенных нравственных и гигиенических правил. Ели из общей большой чашки⁵⁴¹ самодельными деревянными, простыми или крашеными ложками. Обычай есть из общей тарелки всей семьей сохранялся в селах Курской губернии очень долго, вплоть до середины XX века. Это во многом объясняется не только традицией, но, прежде всего, экономическим состоянием большинства крестьянских семей. Даже на семейных торжествах – свадьбах или печальных событиях – поминках – общие блюда ставились на стол так, чтобы из них могли есть несколько человек⁵⁴². Зачерпнув ложкой из общей миски, несли ее ко рту, поддерживая снизу куском хлеба. Есть над миской не полагалось. Часто черпать ложкой также было не принято. Схлебнув с ложки, ее клали выемкой вниз. Большак следил за соблюдением «приличия за столом»⁵⁴³. Хозяин следил за тем, чтобы на столе не оставалось недоеденной пищи, крошек хлеба. За нарушение порядка он наказывал провинившихся ударами ложки по лбу или выгонял из-за стола⁵⁴⁴.

---

⁵⁴⁰ Никулов А.П. Указ. соч. С. 405.

⁵⁴¹ Бердинских В. Указ. соч. С. 132.

⁵⁴² См: Архив СТИ МИСиС. Папка 2. Из беседы с уроженками с. Каплино Старооскольского района Белгородской области.

⁵⁴³ См.: Топорков А.Л. Структура и функции сельского застольного этикета у восточных славян // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 196.

⁵⁴⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1087. Л. 1.

Таким образом, в питании курских крестьян в пореформенный период преобладала растительная злаковая пища. В конце XIX в. в рационе жителей сельской местности повсеместно начинают использовать картофель. В меню русской крестьянской семьи присутствуют блюда, заимствованные у соседних народов (украинцев). На количество и качество пищи в крестьянской семье существенное влияние оказывали сезонность года (зимнее и летнее время), постные и скоромные дни, праздники и будни, время дня, а также степень напряженности труда едоков (страдная пора) и, конечно, экономическое состояние семьи. Ухудшение в рационе, происходящее в неурожайные, голодные годы, формировало в сознании крестьян представление о необходимости бережного отношения в повседневной жизни к продуктам питания, особенно к хлебу.

К началу XX в. патриархальный крестьянский быт подвергся мощному воздействию модернизационных процессов, однако полного и окончательного разрыва с прошлым не произошло.

Досуг крестьян

Досуг, развлечения и праздники являются важным элементом бытового уклада, повседневного поведения, тем, что французы называют «структурами повседневности».

Проведение досуга русских крестьян Курской губернии, как и в других регионах России, в рассматриваемый период было обусловлено во многом спецификой крестьянского труда, наличием свободного времени, полом, возрастом, семейным статусом, влиянием традиций и т.п.

Рассмотрим структуру и формы проведения досуга русского крестьянского населения по половозрастным группам.

Одной из форм проведения досуга как для молодежи, так и женщин в крестьянском социуме были посиделки. По характеру занятий посиделки делились на рабочие («прядимые», супрядки, капустники) и «с гуляньем» («игримые», игрища, беседы). Как правило, будние посиделки носили название «беседа». Собирались мужскими, женскими, а чаще смешанными компаниями. Беседы имели самое различное содержание: делились последними новостями, планами, радостями, неудачами, давали и получали советы, «обсуждали» своих односельчан. Предметом разговора могли служить житейские дела, например, чья-

либо свадьба. На смешанных посиделках обменивались различной информацией о делах общины, хозяйства, о жизни вне общины. «Отходники» приносили известия о городской жизни.

Кроме посиделок, возникающих стихийно или по приглашению хозяина какой-либо избы, происходили посиделки в каком-либо «посиделочном» месте, куда необходимо было приходиться в определенное время. Здесь обменивались опытом хозяйственной деятельности, вырабатывалось мнение о политических, социальных, местных новостях, возникали разговоры «про старину». Порой серьезные обсуждения прерывались остротами, поговорками, множеством сказок, быличек.

Особую роль выполняли посиделки в жизни молодежи. В больших деревнях и селах они устраивались для трех возрастных групп молодежи: младшей («малая беседа»), средней («средняя») и старшей («большая»). Младшую посещали дети 10-12 лет, среднюю – подростки 14-16 лет, старшую – молодежь старше 17 лет. Одной из важнейших сторон посиделок была возможность общения. Каждый из участников посиделок мог создать впечатление о себе и присмотреться к другим, что помогало формированию брачных пар. Впрочем, в некоторых деревнях посиделки могли посещать и молодожены в первый год после свадьбы или в первое воскресенье поста.

Младшие посиделки устраивались почти так же, как и взрослые, но существовали некоторые ограничения в поведении, обусловленные возрастом. Так, например, мальчики не провожали девочек домой, не выходили парочками на порог, не целовались во время игры.

Средние посиделки сочетали в себе черты младших и старших. С одной стороны, на них существовало еще много детских забав, с другой стороны – появлялись развлечения, характерные только для взрослой молодежи.

Существовали целые церемонии перехода с младших на старшие посиделки. Однако переводу нередко противились старшие сестры, так как они считали, что младшие, присутствуя на вечеринках, будут все рассказывать матери, особенно кто провожает ее (сестру). Иногда на взрослые посиделки девушку не пускала мать, если ее старшая сестра еще не вышла замуж, так как по традиции старались выдавать дочерей по старшинству. Если все-таки младшая сестра присутствовала на этих посиделках, то она не выходила плясать, пока старшая не выйдет замуж.

Нередко переход на старшие посиделки осуществлялся в результате естественной смены поколений, то есть большинство их участниц к осени выходило замуж. В этом случае средние посиделки становились старшими и оставшиеся незамужними ходили на них.

Как показывают материалы исследования, обычно местом для посиделок была изба, которую снимали у одиноких стариков, вдов, бедных людей или у хозяев, которых не пугали шумные молодежные сборища. Посиделки молодежи курских деревень мало отличались от посиделок («вечерниц») в соседней Воронежской и других губерний России⁵⁴⁵. Так, например, Н.Ф. Сумцов пишет, что «вечерницы устраиваются молодежью обоего пола, преимущественно в осенние вечера... *Вечеринки* бывают обыкновенно по вторникам и воскресеньям, а в понедельник и в среду [лишь] тогда, когда в эти дни случится праздник. Расходы на вечеринку уплачиваются парнями сообща или одним молодцем. Девушки являются с прялками. В виде дозора приходят матери, а вслед за ними и старухи-бабушки, каждая со своей работой. Старушки усаживаются в печном углу, а девушки – по лавкам. *Вечерницы* начинаются в 6 часов пополудни, а кончаются в 12, 1 или 2 часа утра»⁵⁴⁶. Как правило, договаривались с хозяевами на весь сезон. Расплачивались за это деньгами или продуктами. Частично или полностью можно было отработать плату «за квартиру», например, колоть дрова, носить воду, молотить хлеб и копать картошку, косить и жать. В целом плата зависела от количества участников посиделок и от их возраста. Посиделки иногда проводили не в избе, а в бане, которую тоже снимали у односельчан за определенную плату, в случае если не удавалось найти съемного помещения, как объясняли местные старожилы, то собирались на посиделки в своих домах по очереди⁵⁴⁷. На посиделках обычно девушки выступали в роли хозяек, а парни в качестве гостей. Парни могли за вечер побывать на нескольких посидел-

---

⁵⁴⁵ См.: Сумцов Н.Ф. Досветки и посиделки // «А се грехи злые, смертные...» Русская семейная сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века. В 3 кн. Книга 2. М., 2004. С. 238–239.

⁵⁴⁶ Там же. С. 238.

⁵⁴⁷ См.: Архив СТИ МИСиС. Папка 4. Из индивидуальной беседы с уроженками с. Никольское Горшеченского района Курской области.

ках, даже в соседних деревнях. Пока девушки занимались работой (шитьем, вязанием, прядением), парни состязались в ловкости и силе, играли в карты, заигрывали с пряжами, подшучивали над ними. Каждой девушке на рабочую посиделку мать задавала «урок» – сколько прясть или связать и т. п. Подружки соревновались друг с дружкой, старались заслужить славу рукодельной и «удалой» на работу. В отсутствие парней девушки сопровождали свои занятия тихими разговорами и пением протяжных песен⁵⁴⁸.

Посиделки с работой проводили, как правило, каждый день, кроме субботы, воскресенья или канунов праздников. В эти дни девушки надевали будничную одежду, занимались только работой и не устраивали никаких развлечений. Иногда работы нарушались соревновательными играми и забавами, связанными с прядением.

В Курской губернии, как и в других регионах России, среди русского сельского населения наиболее яркими для молодежи были воскресные и праздничные посиделки, особенно в период мясоеда – «во все велико межговинье». «На это время больше всего приходилось “гостьбищ”, т.е. угощений девушек у родственников или подруг в соседних деревнях на протяжении одной-двух недель. На праздничные посиделки молодежь одевалась в самые нарядные костюмы»⁵⁴⁹.

Хотя женщины в отличие от мужчин свободного времени почти не имели, но и они старались освободиться от хозяйственных и домашних дел. В это время женщины выходили на час-полтора за ворота, усаживались на скамейках, «завалинках» или бревнах около домов, встречались с соседками, знакомыми, говорили о хозяйственных нуждах, наблюдали, как гуляет и веселится молодежь. Часто такие беседы сочетались с рукоделием. Женщины вышивали, плели кружева, вязали крючком или на спицах, занимались шитьем одежды, белья и т.п.

Замужние женщины устраивали в свободное от полевых работ время посиделки-капустки, супрядки, толоки. *Капустки*, известные практически на всей территории расселения русских, собирались осенью. Начинались они обычно с праздника Воздвиженья (14/27 сентября), который назывался «капустным». Обычно к этому времени завершался сбор капусты, который был последним в ряду уборочных работ, и тут же на-

---

⁵⁴⁸ Там же.

⁵⁴⁹ Мужики и бабы... С. 473.

чиналась заготовка капусты на зиму. Капустки представляли собой весьма распространенный вид помочей-посиделок, на которых женщины и девушки помогали какой-либо хозяйке в заготовке на зиму овощей⁵⁵⁰. «Работа “из чести”, толокой, – пишет А.Н. Энгельгардт, – производится даром, бесплатно; но, разумеется, должно быть угощение, и, конечно, прежде всего водка»⁵⁵¹. Помочи-посиделки устраивались в различных семьях для того, чтобы не растягивать на длительный срок выполнение отдельных работ или оказания помощи тем хозяйствам, в которых не хватало рабочих рук. К вечеру обработка капусты заканчивалась, иногда за один день шинковали до пяти тысяч кочанов. Время работы не превышало одного дня; количество девушек и женщин зависело от запасов хозяина, которому они помогали. После работы устраивался «капустник» – посиделка с угощением, шутками, весельем, пением⁵⁵². Проведение капусток совпадало со временем осенних праздников, особо почитаемых женщинами и девушками, а также периодом свадеб, поэтому капустенская толока нередко превращалась в молодежную посиделку, на которой происходил смотр невест, строились планы на будущее. «Девушка прекращала ходить на молодежные посиделки, когда все ее подруги (“весь слой”) выходили замуж или когда ее просватывали. В южно-русских губерниях это обычно происходило к 25–27 годам»⁵⁵³. Тогда о таких девушках говорили: «Перестала рядиться».

На рабочие посиделки (супрядки) к старшим женщинам иногда приходили девушки, чтобы перенять приемы женского рукоделия, получая от старших необходимые разъяснения, слушали рассказы о прежней жизни, учились гадать и петь. Начинали петь крестьянки с десятилетнего возраста и даже моложе. Взрослые женщины никогда не прогоняли желающих участвовать в хорах на посиделках, если у них это получалось. Пожилые крестьянки в 40 и 50 лет также участвовали в хорах. Переставали петь женщины, у которых было много маленьких детей. «С ними не до песен», – говорили они.

---

⁵⁵⁰ См.: Терещенко А.В. Указ. соч. Ч. 5. СПб., 1848. С.136–137.

⁵⁵¹ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 58.

⁵⁵² См.: Мужики и бабы... С. 260; Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 59.

⁵⁵³ Там же. С. 469.

В летний период после ухода за скотиной и в свободные зимние дни мужчины ходили на сход, обсуждали общественные дела, а после схода беседовали, обменивались новостями, рассказывали «байки».

Особое место в повседневной жизни крестьян занимали воскресенья, праздники и семейные торжества, когда наступал кратковременный отдых. Как известно, в русской деревне существовало относительно равномерное распределение работ и отдыха: 110 дней в году приходилось на воскресные и праздничные дни⁵⁵⁴. Через праздники, праздничное мироощущение шло приобщение к образу жизни предков. Понятие праздника в крестьянской среде было неразрывно связано с понятием нерабочего дня, сами праздники были приурочены к аграрному календарю. Праздность была освящена традицией, оправдана общественным мнением. Во время традиционных праздников деревня объединялась, в эти дни вспоминали о бедных и убогих и спешили угостить их куличами и пирогами. При этом одни праздники были строгими и сдержанными, другие – полными шума, смеха и веселья, сопровождалась обильными возлияниями, и действительно, выполняли роль клапана в страдной жизни крестьянина.

Неотъемлемой частью повседневной жизни крестьян Курского края были «игрища» на улицах⁵⁵⁵, где парни и девушки пели любовные песни и вели разговоры, шутили. Молодежь любила «*водить танки*»: «Молодые крестьяне, взявшись за руки, образуют шеренгу, по краям которой протягивают пояса. С песнями и пляской они идут, проходят под эти пояса и, идя таким образом, *направляются к “карагоду” (хороводу)*, где собирается крестьянская молодежь и зрители. В середине “карагода” становятся парни, девки и бабы, играющие в самодельские дудки, “пужатки”... Девки и молодайки, взявшись за руки, поджав губы и стараясь не шелохнуться ни одним членом, вытоптывают ногами в такт музыке, а один или несколько мужиков, подвыпив ради праздника или для храбрости, выплясывают перед ними, поводя платочком и покрикивая: “Ну – шшо, а ну-ну!” (Ну еще, ну-ка, ну-ка). Некоторые из них пронзительно высвистывают. Чем пронзительнее свист и громче топот, тем считается лучше. Парни стараются плясать больше перед

---

⁵⁵⁴ См.: *Семенова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России. Л., 1982. С. 161.

⁵⁵⁵ *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 102.

теми девками, которые им больше нравятся. Эта пляска продолжается часов до двенадцати ночи, после чего с песнями все расходятся по домам»⁵⁵⁶.

На праздники девушки и парни уходили за околицу, подалее от родительских глаз, и там устраивали игры, сопровождавшиеся возней, погоней. С наступлением сумерек водили хоровод, во время которого парни брали из круга своих возлюбленных и отводили их в сторону. В Белгородском уезде Курской губернии такое интимное общение называлось «стоганием»⁵⁵⁷. Уличные сборища часто продолжались всю ночь, так что после уличного веселья молодежь отправлялась прямо в поле на работу⁵⁵⁸. В зимнее время хороводы водили на льду реки.

Исследователи Курского края отмечают, что в деревнях любили петь. Женские хоры собирались на каждый праздник (Обоянский уезд). Для местного песенного фольклора пореформенного периода характерно было присутствие в нем украинских элементов, привнесенных в конце XVI – начале XVII в. «черкасами», заселявшимися в районе Белгородской черты. Исследователи народного быта XIX века единодушно отмечают, что песни здесь «большую частью однообразны в голосе. Женщины под сии песни, с звуками гудка, а иногда с аккомпаньманом сделанных из тростника, разной длины, дудочек, называемых здесь кувичками, пляшут медленно и тихо» (Суджанский уезд)⁵⁵⁹.

Мужчины также принимали участие в хорах, но пели они в основном так называемые протяжные песни: «Заболит головушка да занойт сердечушко мово дружка», «Кавой-то нет, кавой-то жаль, уезжает мой миленький вдаль», «Што ты, милая, привныла, вой да не слышать ваших речей», «Прошли наши важные года, наставают на нас слезовыя времена»⁵⁶⁰ и др. «Праздничные», «свадьбишные», «маслинские» и другие песни мужики пели очень редко: или на престольных праздниках, или на свадьбе и т.п., словом, когда они навеселе. «Протяжные» песни часто можно было слышать летней ночью в поле, где мужики

---

⁵⁵⁶ РКЖБН. Т. 6. С. 35.

⁵⁵⁷ АРГО. Р. 19. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 1–2.

⁵⁵⁸ Машкин А.С. Указ. соч. С. 101–102.

⁵⁵⁹ Дмитрюков А. Указ. соч. С. 266.

⁵⁶⁰ РКЖБН. Т. 6. С. 35; АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–2.

пасли лошадей «на ночном», или – когда большой обоз с хлебом ехал в город (пели, чтобы не спать)»⁵⁶¹.

К концу XIX века ключевой фигурой на деревенском веселье стал гармонист. Именно им определялся порядок развлечений и плясок, именно гармонист начинал и завершал их, нередко под напором просьб и уговоров присутствующих девушек. Подобно святочным игрищам и весенне-летним гуляньям, присутствовали здесь и зрители – молодожены, женщины, мужчины, старики и дети⁵⁶².

В конце XIX – начале XX в. в курской деревне, как и в других российских регионах, в результате отходничества, проникновения городской моды⁵⁶³ и элементов городского образа жизни стали распространяться танцы: кадрили, полька, лансье, вальс, вытеснялись старинные песни и хороводы.

Среди русского сельского населения на территории Курской губернии массовый характер носили народные праздники, особенно праздники зимнего периода (святки и масленица). Они затрагивали все возрастные группы населения, сохраняли большое число традиционных действий и обрядов.

Веселым праздником, устойчиво ассоциирующимся с понятием «разгул», были святки. Во время святок крестьяне развлекались, ходили в гости к родным и знакомым, проводили время в застольях. В Курской губернии существовал обычай праздничного обхода домов⁵⁶⁴. Устраивались катания с гор на салазках с разгону на скорость. Излюбленной молодежной игрой была «Карусель на льду» («Круговая гора»).

Типичным и неотъемлемым элементом святок, широко распространенным на всей территории обитания русских, было ряжение – одна из главных и самых любимых святочных забав не только крестьян, но и других слоев «простонародья».

---

⁵⁶¹ См.: Материалы по этнографии Курской губернии // Курский сборник / Под ред. Н.И. Златоверховникова. Курск, 1902. С. 6.

⁵⁶² См.: Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX – XX вв.). М., 2004. С. 102.

⁵⁶³ Добротворский Н.А. Указ. соч. С. 228.

⁵⁶⁴ РКЖБН. Т. 6. С. 35.

Еще одним почти обязательным святочным увеселением были гадания⁵⁶⁵. Обычно девушки гадали о своей участи на следующий год: «Ходят на перекрестки, падают на землю, слушают в какой стороне лай собак или другой звук, и по этому заключают, в какую сторону выйдут замуж. Ходят также к церквам и слушают: если послышится что-либо подобное пению, то полагают, что на будущий год выйдут замуж, а если послышится плач, то ожидают смерти»⁵⁶⁶. Литературные источники позволяют говорить об исключительном разнообразии и устойчивости гаданий. Гадали в одиночку и компаниями, во время вечеринок, вперемешку с другими забавами и в виде особого действия. Следует отметить, что гаданиями на святки могли заниматься лица любого пола и возраста.

Другим любимым праздником крестьян была масленица – «сырная неделя». Масленица издавна была общенародным праздником, не имевшим каких-либо возрастных, семейных или половых ограничений⁵⁶⁷. Масленица проходила еще более шумно и весело, чем святки. Она включала в себя многие обрядовые действия и развлечения. Широкое распространение имели масленичные катания с гор на санках⁵⁶⁸. Для молодежи они считались основным и как бы исконным развлечением на масленицу. Многие крестьяне ходили и ездили на масленицу в гости к родным, близким друзьям, соседям⁵⁶⁹. Попойки и взаимные угощения не прекращались на протяжении всего праздника. К концу XIX в. масленица, потеряв аграрную направленность, полностью сохранила присущую празднику игровую сторону⁵⁷⁰.

Крестьяне Курской губернии, как и других губерний России, широко праздновали и такие традиционно народные праздники как Семик и Троица⁵⁷¹.

---

⁵⁶⁵ РКЖБН. Т. 6. С. 40; АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 51. Л. 8.; *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 103.

⁵⁶⁶ *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 105.

⁵⁶⁷ Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия / Авт.: О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб., 2002. С. 328.

⁵⁶⁸ См.: РКЖБН. Т. 6. С. 26; *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 106.

⁵⁶⁹ См.: *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 106.

⁵⁷⁰ Русский праздник... С. 333.

⁵⁷¹ РКЖБН. Т. 6. С. 35.

В праздники молодежь играла в разные уличные игры: «плетень», «мячик», «горелки», «капустку», «грачей», «кряля», «барина», «орла», «яйца»⁵⁷² и др. Одним из любимых развлечений детей и молодежи в весенне-летний период было качание на общественных качелях⁵⁷³. Д.К. Зеленин отмечает, что «... качели являются почти исключительно женским развлечением»⁵⁷⁴. Однако из других источников мы знаем, что качались и парни, обычно они «усаживали девушек ближе к середине доски, а сами раскачивали качели, стоя или сидя на ее концах»⁵⁷⁵.

Существовали и особые развлечения – кулачные бои (кулачки), которые происходили «между крестьянами двух соседственных деревень, составляющих две враждебные партии»⁵⁷⁶. В «Курских губернских ведомостях» так описывается один из кулачных боев в слободе Казацкая Старооскольского уезда: «Кулачные бои (кулачки) устраиваются каждое воскресенье, а по большим праздникам принимают довольно крупные размеры. В качестве застрельщиков являются, конечно, мальчишки... Когда побежденная сторона пускается в бега, то тут на защиту постоянно выбегают взрослые и начинается потеха. Трещат ребра и скулы, вскакивают синяки и шишки, а нередко вылетают зубы. Это дикое развлечение служит долго предметом разговоров поселян»⁵⁷⁷.

Конечно, крестьянские праздники не стоит идеализировать, они нередко заканчивались поножовщиной, потасовками, драками⁵⁷⁸.

Бытует мнение о том, что крестьяне в деревнях были неграмотными и книг не читали. Современные исследователи народного быта отмечают: «Чтение литературы... было в крестьянской среде достаточно распространенным явлением»⁵⁷⁹. Это подтверждают и материалы исследования по Курской губернии⁵⁸⁰.

В конце XIX в. важнейшей тенденцией в изменении повседневной жизни крестьян явилась тяга к знаниям. Как указывалось ранее, во мно-

---

⁵⁷² РКЖБН. Т. 6. С. 35; *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 109–111.

⁵⁷³ Там же. С. 103.

⁵⁷⁴ *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография... С. 378.

⁵⁷⁵ *Русский праздник...* С. 233.

⁵⁷⁶ *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 111.

⁵⁷⁷ КГВ. 1903. № 109.

⁵⁷⁸ *Беликова Т.П., Емельянова М.И.* Указ. соч. С. 128.

⁵⁷⁹ *Громько М.М., Буганов А.В.* Указ. соч. С. 399.

⁵⁸⁰ РКЖБН. Т. 6. С. 28, 44.

гих деревнях были открыты церковно-приходские и земские школы. Неуклонно увеличивалось число учащихся. Вообще потребность в грамотности проявлялась весьма заметно. Каждая крестьянская семья старалась обучить грамоте хотя бы одного из своих малолетних членов. Распространение грамотности способствовало открытию библиотек. В каждой из сельских школ имелись свои библиотеки, количество которых увеличивалось ежегодно по уездам. Так, в 1905 г. в селениях Курской губернии было открыто 50 библиотек. По числу библиотек выделялись Суджанский, Старооскольский и Тимской уезды⁵⁸¹.

В деревнях устраивались семейные чтения⁵⁸², публичные чтения в школах, нередко коллективная читка устраивалась на посиделках, т.е. интерес к чтению был огромный⁵⁸³. Книги для коллективного чтения брали из частных крестьянских библиотек, библиотек при школах, церквях, у учителей и священников. После коллективного прослушивания возникало обсуждение, при этом воспринятый сюжет произведения часто сопоставлялся с чисто житейской ситуацией⁵⁸⁴. Наибольший спрос был на книги духовно-нравственного и беллетристического содержания. Учительница из с. Шелковка Медвенской волости Курской губернии Л.И. Соловьева сообщала в Этнографическое бюро: «Однажды я дала своему ученику, сыну деревенского лавочника Тимофею Астанкову для домашнего чтения хрестоматию, которая начинается народными сказками. На следующий день он приносит эту книгу обратно. “Батюшка велел эту книжку отдать вам. Он сказал, што тут абы што (чепуха) написано”, – заявил мальчуган. – “А батюшка твой разве прочел эту книжку?” – полюбопытствовала я. “Да он посмотрел ее и там сказки. Вот кабы (если бы) што-нибудь бажественное или про войну?” В другой раз выдали книжку другому мальчугану рассказ Толстого “*Полукушка*” Через некоторое время приносит мальчуган книжку и говорит: “Дайте мне лучше про войну што-нибудь, а то нехорошая книжка, мужик тут повесился!”»⁵⁸⁵. Грамот-

---

⁵⁸¹ См.: Курский сборник. Вып. V. Курск, 1907. С. 112.

⁵⁸² РКЖБН. Т. 6. С. 28, 44.

⁵⁸³ Мухина З.З. Обретение социо-культурного опыта как структурообразующего фактора повседневной жизни девушки-крестьянки европейской России (вторая половина XIX – начало XX века) // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 19 (90). 2010. Вып. 16. С. 121.

⁵⁸⁴ См.: Ботова С.И. и др. С. 71–72.

⁵⁸⁵ РКЖБН. Т. 6. С. 30.

ные крестьяне в Курской губернии читали, прежде всего, религиозные, «душеполезные» книги – Библию, Евангелие, жития святых угодников⁵⁸⁶.

Крестьяне брали книги не только в деревенской школе, но и покупали у коробейников. «Есть у меня знакомый мужичок из богатеньких, Никита Ешкин, – пишет та же учительница Л.И. Соловьева. – У него своя мельница, толчея чего же больше? Но нет, не покоен мужичок. Все возится с книжками, которые покупает у коробейников»⁵⁸⁷. Постепенно книги появлялись и в крестьянских семьях.

В конце XIX в. во многих местах женатые мужчины-хозяева имели обыкновение посещать деревенский трактир по воскресеньям и праздникам.

Трактир становился местом общения мужиков, своеобразным мужским клубом, где обсуждались общественные и хозяйственные дела, решались вопросы женитьбы детей, играли в азартные игры и т.п. Парням, женщинам, девушкам ходить в кабак считалось зазорным, недостойным делом и было категорически запрещено. Подобное отношение было и к мужикам, посещавшим трактир в будни, они полностью утрачивали уважение односельчан. Будничные выпивки воспринимались как нарушение установленного Богом порядка жизни⁵⁸⁸.

А. Дмитриюков делает вывод: «К числу худых свойств низшего звания жителей уезда принадлежит вообще наклонность к хмельным напиткам, а особливо к горячему вину, или, по здешнему, *горилке*. Склонность сия, утвердившись исстари, обратилась для них как бы в принадлежность жизни»⁵⁸⁹. Подобную информацию дает по Обоянскому уезду и Е.И. Резанова⁵⁹⁰.

А. Новиков считал, что пьянство являлось одним из источников разорения народа. На основе определенных расчетов он пришел к выводу, что «вся Россия расходует на каждого жителя, включая женщин и

---

⁵⁸⁶ Благовещенский Н.А. Крестьянская грамотность и образование Центрального района Курской губернии // Промыслы и грамотность Центрального района Курской губернии. Курск, 1885. С. 26.

⁵⁸⁷ РКЖБН. Т. 6. С. 30.

⁵⁸⁸ См.: Мужики и бабы... С. 114.

⁵⁸⁹ Дмитриюков А. Указ. соч. С. 370.

⁵⁹⁰ РКЖБН. Т. 6. С. 26–27.

детей, рубля по три, а это на среднюю семью составит 15-20 рублей, – почти столько же, сколько все подати вместе взятые»⁵⁹¹.

Некоторые исследователи⁵⁹², занимавшиеся вопросами винопития, определяли его, как совокупность исторически сложившихся ритуалов, традиций, норм и форм группового и индивидуального поведения, связанного с приемом алкоголя в различных житейских ситуациях. Одной из причин пьянства были «семейные неурядицы, возникающие при жизни в большой неразделенной семье»⁵⁹³. Сведения источников о винопитии неоднозначны. Одни исследователи отмечают увлечение пьянством, другие подчеркивают воздержанность к вину в простом народе, который считал опьянение «гнусным состоянием», бражничал только в большие праздники. В праздник селом выпивалось до 100 ведер водки⁵⁹⁴. Священник А. Кудрявцев из Курской губернии в ответе на анкету Этнографического бюро в 1899 г. сообщал: «Свадьба обходится в 60 р. Самый бедный крестьянин покупает на свадьбу 4–5 ведер водки. Обильная попойка при браке поддерживается отчасти крестьянским самолюбием, старанием не ударить лицом в грязь, показать себя особенно перед новой родней, пред людьми другого прихода, другой местности: “смотри, дескать, как мы гуляем”»⁵⁹⁵. Стремление крестьянина гульнуть на «широкую ногу», отметить праздник «не хуже, чем у других» являлось доминантой в повседневном поведении крестьянина. Водку «ведрами покупали!»⁵⁹⁶.

Различные источники сообщают о том, что крестьяне устраивали выпивки даже в целях воздействия на сход для принятия нужного решения. Причем вино в данном случае покупали из «мирских сумм», но чаще всего за счет тех, кто обращался к сходу с какой-либо просьбой. Например, Н.М. Астырев описывает, как обсуждался вопрос о возможной сдаче в аренду неразделенной земли за водку. Он пишет, что су-

---

⁵⁹¹ Новиков А. Указ. соч. С. 180.

⁵⁹² См.: Бойко В.В. «Культура питья» как элемент культуры быта // Культура труда, быта и человеческих отношений. Уфа, 1980. С. 58; Прыжов И.Г. История кабаков в России. М., 1992. С. 361.

⁵⁹³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 68. Л. 13.

⁵⁹⁴ См.: Там же. Д. 28. Л. 14–15.

⁵⁹⁵ Там же. Д. 686. Л. 16–17.

⁵⁹⁶ РКЖБН. Т. 6. С. 35.

ществовала целая процедура ее раздела. После схода оставшиеся старики (старше 45 лет) принимались делить водку. Пьющие крестьяне выпивали водку здесь же, а непьющие переливали в принесенную с собой посуду и уносили домой⁵⁹⁷.

В литературе, периодической печати и в других источниках описано немало случаев, когда по поводу окончания сельскохозяйственных работ, получения выгодного заказа, с горя, с радости или просто так люди напивались до бесчувствия, полной потери человеческого облика. Так, например, в Курских губернских ведомостях корреспонденты постоянно отмечали, что «пьянство – это бич нашего сельского населения, нигде не проявляется с такой рельефностью, как в наших захолустьях»⁵⁹⁸; «Для них не существует ни приличия, ни уважения. В подобных случаях мало того, что вы бываете оскорблены нравственно за себя и за других, но можете еще остаться без руки или совсем без головы...»⁵⁹⁹; «...Пьют при выборах в общественные должности своих односельцев, опивая желającego иметь должность, пьют при разделе между собой земли, при продаже дома, домашней утвари, платья, домашних животных, где магарыч, т.е. водку, ставит обыкновенно тот, кто покупает или продает вещь, смотря по взаимному условию»⁶⁰⁰.

Один из местных корреспондентов в 1895 году описал следующий случай: «Александр Белозеров, крестьянин д. Вышне-Дреняевой Старковской волости Курского уезда гулял на свадьбе у своего однодеревенца. Гуляние на свадьбах обычно сопровождается беспросыпным пьянством, а Белозеров на свадьбе напился пьянее вина. В таком состоянии он возвратился домой и видит, что его жена и дети-малолетки, не дождавшись гулявшего отца, сели обедать. Белозеров схватывает на столе лежащий нож и швыряет им в жену, но в нее не попадает. А попадает в лампу, висевшую над столом. Лампа обрывается и падает вместе с ножом на голову полуторогодовалой девочки Веры – дочери гуляки. Нож вонзился в темя несчастного ребенка, который промучав-

---

⁵⁹⁷ См.: *Астырев Н.М.* В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1898. С. 71.

⁵⁹⁸ КГВ. 1895. № 14.

⁵⁹⁹ Там же. 1882. № 41.

⁶⁰⁰ Там же. 1870. № 21.

шись три дня, отдал Богу душу»⁶⁰¹. Корреспондент Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева сообщает: «Вообще выпивающих крестьян много, и еще они приносят много горя своим семейным. В пьяном виде они озорничают и считают своим долгом колотить свою жену»⁶⁰².

Традиционные застолья часто сопровождались пьяными скандалами, слезливыми примирениями, а нередко и смертью. Такие случаи часто описываются в местной периодической печати: «10 января 1882 года в деревне Акулиновка Грайворонского уезда крестьянин Семен Петрович Кононенков, поссорившись из-за жены, в пьяном виде нанес своему отцу Петру Кононенкову побои, от которых он умер 12 января»; «Во время Масленицы крестьянин Андрей Попов, проживающий в селе Орлик Старооскольского уезда, загулял так, что пил беспросыпно. Окончилось дело для Попова печально: он умер от излишнего употребления спиртных напитков. И трактирщику, мы полагаем, достанется, так как полиция привлекла его к ответственности по 1466 ст. улож. о нак. Почаще бы привлекали этих господ – поменьше было бы этих скончавшихся от излишнего употребления вина»⁶⁰³ и др.

Нормой была выпивка по воскресеньям, когда горячительные напитки распивали в неограниченном количестве: «В воскресенье, 15 февраля 1882 года, – пишет один из корреспондентов Курских губернских ведомостей, – к крестьянину деревни Нечаевка Путивльского уезда Николаю Соловьеву заехал его родственник Василий Сердюков с бочкою водки. Сын Соловьева Степан и крестьяне д. Нечаевка Даниил Верхошапов и Яков Васильевич Колоусов нашли в бочке маленькую дырочку и принялись потихоньку пить из бочки через камышовую дудку. В половине дня Яков Колоусов вернулся домой пьяным до бесчувствия, упал на пол и через несколько времени умер»⁶⁰⁴.

В Курских губернских ведомостях был специальный раздел «Нечаянные смертные случаи», где можно было прочитать сразу несколько сообщений о смерти от излишнего употребления спиртного. В каждом номере содержалось от 5 до 7 таких сообщений: «25 декабря 1869 г. Обоянский уезд, с. Троицкое. Умер от излишнего употребления водки

---

⁶⁰¹ Там же. 1895. № 30.

⁶⁰² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 68. Л. 12–16.

⁶⁰³ КГВ. 1895. № 47.

⁶⁰⁴ Там же. 1882. № 33.

крестьянин Гавриил Мелихов»; «3 января 1870 г. Тимский уезд, д. Бердянка. От излишнего употребления водки скоропостижно скончался крестьянин Протас Рудков, 45 лет»; «2 февраля 1870 г. Дмитриевский уезд, д. Тепловка. Скоропостижно умер от излишнего употребления горячих напитков крестьянин Павел Лазарев, 25 лет»⁶⁰⁵.

Употребление алкоголя, грубость деревенских нравов являлись причиной многочисленных драк, которые возникали в деревне по поводу и без повода. По сообщениям корреспондентов Этнографического бюро из Центральночерноземных губерний драки главным образом происходили в кабаках, во время престольных праздников. Масса драк происходила во время свадеб и разделов⁶⁰⁶. «Драки чаще всего происходили между пьяными возле кабаков. Зеваки с удовольствием собирались посмотреть на дерущихся, подбадривая их криками. Драки всегда кончались миром, который скреплялся совместно выпитым магарычом»⁶⁰⁷.

Спиртные напитки употребляли не только зрелые мужчины, но и молодые парни. Отправляясь на гулянье и желая затеять стычку с парнями других деревень, или на беседу к девушкам, а иногда и после нее, когда начиналось хождение по деревне с песнями под гармошку, парни в складчину покупали выпивку и распивали бутылочку для веселья и храбрости. Но если парень напивался до бесчувствия, девушки его не жаловали, могли не пустить на беседу, отказаться сидеть рядом с ним, а если он нарушал порядок или сквернословил, его выводили с посиделок его же товарищи. Видимо, для деревенских парней конца XIX века питье спиртных напитков на праздничных молодежных собраниях и гуляньях было одним из средств выражения возрастной самостоятельности и демонстрации удачи. Женатые крестьяне не осуждали парней за употребление некоторого количества спиртного по праздникам и не видели в таком «молодечестве» парней особого вреда. Взрослые не только признавали это право за парнями, но и сами угощали в праздники всю «парнишескую артель», зашедшую поздравить хозяев. В некоторых селениях за поздравление парни получали ведро пива и, стоя в ряд у порога избы, по очереди черпали его ковши-

---

⁶⁰⁵ Там же. 1869. № 3; 1870. № 12, 21.

⁶⁰⁶ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 450. Л. 4.

⁶⁰⁷ Там же. Д. 1215. Л. 2.

ком и пили, произнося здравицы. Часто перед взрослым застольем парней усаживали за стол и потчевали каждого «рюмочкой»⁶⁰⁸. Особенно были распространены угощения парней деревни пивом во время гуляний рекрутов⁶⁰⁹. А. Новиков отмечает случаи пьянства детей, «которым водку подносят родители»⁶¹⁰. Священник из Курской губернии Александр Балычев отмечал следующее: «Пороки, как кажется, везде одинаковы и всем известны: гордость, разврат, воровство и пьянство»⁶¹¹.

К новым явлениям в деревнях следует отнести усиление пьянства среди женщин, девушек и даже детей, что напрямую связывалось с ростом отхожих промыслов⁶¹². «Запойные» женщины в пьянстве не уступали мужчинам и не меньше их пропивали. Причем, как отмечает один из исследователей народного быта, «некоторые из них в пьяном виде буйнят и безобразят хуже даже мужиков»⁶¹³. Но это было исключением из правил. Вообще же женщины выпивали умеренно. Правила хорошего тона разрешали женщине только пригубить рюмочку. В некоторых местах хозяйке, принимающей гостей, не разрешалось пить вообще, даже если ее настойчиво угощал гость, но она должна была отказаться. В основном же женщины пили слабоалкогольные напитки или «женское» пиво – сусло без хмеля⁶¹⁴.

Крестьянам, считают исследователи, свойственен не социальный, а бытовой, обрядовый алкоголизм. Они пьют по привычке, обычаю (ибо «полагается пить»), главным образом по праздникам, на свадьбах, крестинах, похоронах, их «душевое потребление находится в явной зависимости от высоты экономического положения, в частности урожая»⁶¹⁵; «деревенское потребление определяется главным обра-

---

⁶⁰⁸ См.: Шангина И.И. Хмельные напитки // Русский праздник. СПб., 2001. С. 615–621.

⁶⁰⁹ См.: Мужики и бабы... С. 116–117.

⁶¹⁰ Новиков А. Указ. соч. С. 184.

⁶¹¹ АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.

⁶¹² РКЖБН. Т. 2. Ч. 2. С. 202–203.

⁶¹³ Жбанков Д.Н. Бабья сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома, 1891. С. 70.

⁶¹⁴ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 68. Л. 14.

⁶¹⁵ Первушин С.А. Указ. соч. С. 149.

зом обрядовыми мотивами, установившимися общественными обычаями, а не развитою личною склонностью к алкоголю»⁶¹⁶.

В.Б. Безгин среди причин сельского пьянства отмечает психологический фактор. По данным земской статистики пик потребления алкоголя в русской деревне приходился на окончание сельскохозяйственных работ и время, когда игралось большинство сельских свадеб. Вероятно, употребление алкоголя давало крестьянам возможность забыть на время о своей тяжелой обыденной жизни в деревне.⁶¹⁷,

Пагубное пристрастие к спиртному распространялось в крестьянской среде, видимо, и по причине возросшей социальной мобильности сельского населения. Процесс модернизации, сопровождающийся ломкой патриархальных устоев, наряду с позитивным началом, вносил в жизнь села далеко не лучшие черты городского быта. В условиях потери социальных ориентиров, маргинализации российского общества, алкоголизм выступал вполне закономерным следствием произошедших изменений. Столыпинская аграрная реформа дала новый толчок пьянству: среди 25 % «укрепленцев» были и те, которые пропили свои наделы немедленно по выходу из общины.

Проведенное исследование показывает, что традиция употребления спиртного в сельском быту имела преимущественно обрядовый характер и была обусловлена социальными, хозяйственными и иными причинами. Пагубное же пристрастие к спиртному являлось главным образом уделом маргинальных слоев деревни. Пьянству были подвержены в основном лица, утратившие связь с аграрным трудом.

Употребление алкоголя, грубость деревенских нравов являлись причиной многочисленных драк, семейных скандалов, несчастных случаев, которые возникали в деревне по поводу и без повода. Анализ литературных материалов и архивных источников показывает, что в конце XIX в. пьянство превращается в одно из социальных бедствий деревни. Оно оказывало существенное влияние на семейный быт, подрывало экономику семей, обостряло семейные противоречия, сопровождалось усилением грубости, деспотизма, приводило к увеличе-

---

⁶¹⁶ Воронов Д.Н. Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Исследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 г. Пенза, 1913. С. 47.

⁶¹⁷ См.: Безгин В.Б. Указ. соч. С. 118.)

нию несчастных случаев. Однако данные душевого потребления алкоголя в сельской местности в конце XIX – начале XX вв. не дают никаких оснований говорить о поголовном пьянстве жителей деревни. Сохранение традиций общинного уклада, консерватизма крестьянской жизни, особенно среди представителей старшего поколения, интересы собственного хозяйства – все это факторы, которые удерживали крестьянство от повального пьянства.

Формы крестьянского досуга в Курской губернии были сходны с досугом крестьян других губерний Центрально-Черноземного региона.

Таким образом, в повседневной жизни крестьян Курской губернии чередование труда и отдыха определялось в соответствии с сезонностью сельскохозяйственных работ. Это послужило основой формирования особых видов досуга среди разных половозрастных групп. В конце XIX – начале XX в. вместе с новыми веяниями, связанными с причастностью к иной, городской культуре, прогрессу, ставшим главной доминантой пореформенного периода, изменялись формы досуга крестьянства, особенно среди молодежи.

ГЛАВА III. ТРАДИЦИОННАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ

Типология и структура семьи

У русских в XIX веке крестьянская семья была представлена двумя основными формами: так называемой большой или неразделенной семьей и малой.

Для Курской губернии, как и в целом для Центрально-Черноземного региона, в XIX веке были характерны обе формы, но численный состав менялся. В первой половине XIX в., как отмечает А. Дмитриюков, русские жили обыкновенно большими семействами, которые иногда состояли из сорока и более человек, живших в одном дворе и составлявших одно семейство, управляемое старшим в роде, дедом или дядею, у которого все находилось в повиновении, как у отца⁶¹⁸. Начиная с середины XIX в. неразделенная семья эволюционирует в сторону уменьшения своих размеров и упрощения структурно-поколенного состава. По данным переписи 1897 г. в селах Курской губернии только 9,79% семей состояли из 11 и более человек⁶¹⁹. Состав средней семьи по всем уездам Курской губернии был равен 6,3 человека (душ обоого пола) на одну семью⁶²⁰. Однако численный состав семьи отличался, хотя и незначительно, по селам губернии: в северных уездах, с преимущественно русским населением, этот показатель был равен 6,4 чел., а в южных уездах, пограничных с Украиной, с большим или преобладающим процентом украинского населения, – 6,5 чел.⁶²¹ Такая численность крестьянской семьи была характерна и для других губерний юга России. С.С. Крюкова, исследовавшая семью русской пореформенной деревни южнорусских губерний России, отмечает, что к концу XIX в. «численный состав крестьянской семьи стабилизировался, достигнув в среднем 6-8 человек на двор, что составляло, видимо, оптимальный вариант семьи, необходимый для поддержания хозяйства в условиях сочетания земледелия с промысловыми занятиями»⁶²².

---

⁶¹⁸ Дмитриюков А. Указ. соч. С. 267.

⁶¹⁹ Борщик Н.Д. История первой Всеобщей переписи населения 1897 г. (на примере Курской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2003. С. 146.

⁶²⁰ Курская губерния. Итоги статистического исследования. Курск, 1887. С. 74.

⁶²¹ Борщик Н.Д. Указ. соч. С. 146.

⁶²² Крюкова С.С. Русская крестьянская семья... С. 71.

К концу XIX века на территории Курской губернии у русского населения бытовали как типы большой неразделенной, так и малой семьи. Как отмечают исследователи крестьянской семьи в соседней с Курской Воронежской губернии, соотношение доли малых и неразделенных семей примерно равное⁶²³. Процессы, происходившие в сфере семейно-брачных отношений в губерниях Центрального Черноземья, были в целом одинаковыми.

Что же представляет собой структура семьи в целом? По определению российских социологов, структура семьи – это, прежде всего, способ и организация связей между ее элементами (члены семьи: родители, дети, супруги и т.п.), характер их взаимоотношений в процессе социальной значимости, их поведения и сознания⁶²⁴. По мнению этнографов, «в понятие структуры семьи нужно включить и внутрисемейные отношения вплоть до характера семейной власти»⁶²⁵.

Крестьяне Курской губернии имели вполне определенные представления о родственных связях, которые делились на первостепенные, второстепенные и третьестепенные. Первостепенным родством считалось кровное родство. Все произошедшие от одной «крови» – одного родоначальника – считались близкой родней. Кровное родство определялось только по мужской линии. Второстепенное родство было представлено «свойством». К свойственникам относилась группа кровных родственников со стороны жены⁶²⁶.

К третьему виду родства относилось духовное родство – кумовство. Мужчины и женщины, принимавшие участие в крещении новорожденных в той или иной семье, становились духовной родней этого семейного коллектива⁶²⁷. Степень родства кровных родственников в семьях определялась по «коленам» (поколениям). Глава семьи – первое колено, его дети – второе колено, дети его детей (внуки) – третье, дети внуков – четвертое и т.д. Представители пятого поколения близкими родственниками не признавались⁶²⁸.

---

⁶²³ *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С.115.

⁶²⁴ См.: *Янкова З.А.* Городская семья. М., 1979. С. 24–25.

⁶²⁵ *Ганцкая О.А.* Семья: структура, функции, типы // СЭ. 1984. № 6. С. 18.

⁶²⁶ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 6. Л. 2.

⁶²⁷ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 51. Л. 1.

⁶²⁸ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 43. Л. 2.

Дети, усыновленные главой семьи, пользовались теми же правами, что и родные. Значение усыновления было чисто экономическое. Оно заключалось в том, чтобы, с одной стороны, увеличить число рабочих рук, а с другой – иметь у себя лицо, которому можно было бы передать имущество в наследство⁶²⁹.

Термины родства и свойства (свекр, свекровь, теща, тесть, сноха, зять, деверь и проч.) в Курской губернии были типичными для всей территории России⁶³⁰.

Родом крестьяне считали потомственное существование какой-либо семьи, давшей значительное количество родственных отрошков.

Состав родственников большой неразделенной, сложной семьи был следующим: родители (старшая брачная пара), женатые сыновья с детьми или без детей, неженатые и незамужние дети старшей брачной пары. Состав большой семьи чаще всего включал три поколения. Большие семьи периодически делились между отцом и женатыми сыновьями (выделялся старший сын) или между женатыми братьями⁶³¹.

Наряду с большими семьями существовали малые, состоявшие из супружеской пары без детей или с детьми, включая взрослых, но неженатых сыновей. Такие семьи состояли из одного или двух поколений: родители и дети. Численность членов в малых семьях обычно не превышала 8-10 человек в зависимости от количества детей.

Характерным признаком крестьянских семей являлась коллективная собственность ее членов на земельный надел, ей принадлежавший, средства производства, коллективный труд и потребление. Земля, скот, дом, хозяйственные постройки, инвентарь и прочее составляли собственность всей семьи.

Каждый член семьи вкладывал свой труд в упрочение общесемейной собственности. Из общесемейных доходов исполнялись подати и повинности, обеспечивалось содержание всех членов семейного коллектива.

---

⁶²⁹ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 6. Л. 3–Зоб.; Д. 32. Л. 3–4.

⁶³⁰ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 6. Л. 2.

⁶³¹ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 6. Л. 3.; Д. 43. Л. 3.; Д. 70. Л. 6–7.

В личном пользовании членов семьи находились лишь предметы индивидуального назначения: одежда, обувь и пр. Однако такие виды одежды, как шубы и тулупы, часто являлись общими⁶³².

Традиционная семья обеспечивала каждому своему члену от рождения до смерти все основные жизненные потребности.

Крестьянская семья на рассматриваемой территории во второй половине XIX в. сохраняла традиционные черты и жесткую авторитарную семейную структуру. Традиционно русская крестьянская семья формировалась по патрилокальному принципу – женатые сыновья оставались в доме родителей, а дочь после замужества переходила в семью мужа. Но если в семье были одни дочери, то для укрепления хозяйства принимали зятя – «примака».

В повседневной жизни все внутрисемейные отношения в русских крестьянских семьях строились на иерархическом подчинении детей родителям, младших членов семьи – старшим, женщин – мужчинам. Мужчинам (если в семье было несколько трудоспособных мужчин) принадлежали дом, сельскохозяйственный инвентарь, лошади, продуктивный скот, рабочая одежда и деньги, полученные в результате их труда. Даже деньги, заработанные кем-либо из членов семьи в «отходе», полностью поступали в распоряжение главы семьи и могли быть использованы только на общесемейные нужды.

Главой семьи являлся старший, зрелый мужчина, обладающий всеми характеристиками полноценного по народным представлениям человека, и имевший семью и детей. Обычно зрелым человеком называли того, кто находился в периоде стабильности, в самой продуктивной стадии развития. Главу семьи (мужчину) односельчане чаще всего называли «большаком», «хозяином», «старшим», «домохозяином»⁶³³.

Домочадцы же чаще всего называли главу семьи «отцом», «папашей», «тятенькой» и другими терминами, определяющими степень его родства с тем или иным членом семьи. На главе семьи всецело лежало руководство семейным хозяйством, он был наделен неограниченной властью как над имуществом семьи, так и над ее членами, в частности, и над своими несовершеннолетними детьми. «Большой в дому,

---

⁶³² Архив СТИ МИСиС. Папка 2. Из беседы с уроженками с. Каплино Старооскольского района Белгородской области.

⁶³³ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 70. Л. 7.

что хан в Крыму», – говорила народная пословица. Хозяин, отец семейства обладал всей полнотой власти до тех пор, пока его сыновья не вырастут – «не придут в пору», тогда бесконтрольную власть отца могли ограничить сыновья-работники. Обязанностью хозяина-отца было обеспечить благополучие семьи, воспитать детей, которых он должен был «поставить на ноги», вспоить, вскормить, женить и долю дать. Все члены семьи в экономическом и правовом отношении были подчинены главе.

Характер его родства с другими членами семьи зависел от ее структуры. В малых семьях, а также в неразделенных отцовских семьях, главой в подавляющем большинстве был отец. В больших сложных семьях, в которых совместно проживали два или несколько женатых братьев, семью обычно возглавлял отец или старший брат. Если в семье все члены мужского пола были равны, то главой становился тот, кто был более распорядительным и не пьяницей, имел хороший характер и большей частью знал грамоту⁶³⁴. Главенство в семье сына при отце или младшего брата при старшем было редким исключением. Управление семьей и хозяйством сменялось лишь со смертью хозяина и допускалось только в случае болезни или старческой дряблости отца⁶³⁵. Когда отец старился настолько, что был не способен заниматься хозяйством и полевыми работами, он в большинстве случаев заявлял об этом перед всем семейством: «Ну, детки, я вспоил, вскормил вас, поднял, на ноги поставил, а у меня уже сила пала, часто прихварывать начал и сметка стала не прежняя. Пусть старший из вас Василий будет “большаком”, я сдаю ему всю “большину”»⁶³⁶. С этого момента он не имел права распоряжаться имуществом и землей. Письменно обряд введения в «большину» не фиксировался, обычно это была устная передача старшинства – «на словах». Сменялся глава семьи и от неумения вести семейные дела, а также от пьянства и других пороков, приводящих к расстройству хозяйства и разбазариванию семейного добра⁶³⁷. Нерадивого хозяина за то, что он растрчивал семейное

---

⁶³⁴ Милогорова И.Н. Распределение... С. 93–94.

⁶³⁵ Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 125.

⁶³⁶ Мужики и бабы... С. 64.

⁶³⁷ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2037. Л. 2.

имущество, наказывала община. Она могла передать управление хозяйством старшему сыну, а если он не достиг совершеннолетия, то хозяйке.

Главенство переходило по старшинству или по завещанию главы семьи. Однако завещать имущество двора он не имел права. Завещание отца могло утвердить во власти даже младшего сына. При этом ему гарантировались те же права, какие имел при жизни родоначальник. При отсутствии завещания к исполнению обязанностей главы семьи приступала или жена умершего, или старший сын⁶³⁸. Иногда главами становились по выбору, по соглашению. В этих случаях предпочтение отдавалось более опытному, сведущему и смышленому в хозяйственных делах мужчине⁶³⁹. Управление могло перейти и к зятю-примаку, но в том случае, если вдова главы семьи давала на это согласие. Однако все его действия находились под контролем тещи⁶⁴⁰.

Главенство женщин являлось редкостью. В случае, если в семье не было взрослых мужчин, главой семьи могла стать жена (вдова) умершего хозяина⁶⁴¹. Однако, когда подрастал сын или вдова выходила замуж, она теряла право на главенство. Случалось, что муж, наблюдая ум и энергичность жены, фактически передавал в ее распоряжение хозяйство и во всем поступал сообразно ее советам. Молодые девушки семьи никогда не возглавляли, ведь их пребывание здесь рассматривалось как временное. Главой изредка могла стать лишь «старая дева» – «вековуха», дочь главы семьи, если после его смерти некому было руководить домом. «Вековуха» жила в семье до конца своих дней, и передача ей главенства и семейного имущества не угрожала благосостоянию семьи⁶⁴².

В жизни больших и малых семей отмечалось безраздельное господство старшего. Основу взаимоотношений членов семьи и хозяина дома определяла традиция безоговорочного послушания и подчинения главе семьи его ближних.

---

⁶³⁸ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 70. Л. 7–8.

⁶³⁹ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 32. Л. 1–2.

⁶⁴⁰ Архив СТИ МИСиС. Папка 4. Из беседы с уроженками с. Никольское Горшеченского района Курской области.

⁶⁴¹ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 51. Л. 2–3.

⁶⁴² См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история... Т. 2. С. 73.

В результате начала действия Положения от 28 декабря 1881 года о переходе с 1 января 1883 г. оставшихся временнообязанных крестьян на обязательный выкуп все бывшие помещичьи крестьяне становились крестьянами-собственниками. Поэтому домохозяин как лицо, ответственное за взнос выкупных платежей, становился теперь собственником усадебного и полевого надела с вытекающими отсюда правами: отчуждать, закладывать, отдавать в наем и проч. свои участки⁶⁴³.

Глава представлял свою семью перед общиной, мог быть избран на сельские должности. Он участвовал в мирских сходах, где решались вопросы о переделах, аренде земли; организации выпаса скота и наймах пастухов; раскладке налогов и сборов; распределении общественных работ⁶⁴⁴.

О принятых решениях глава семьи сообщал ее членам и обеспечивал их выполнение как ответственное перед общиной лицо. Через него осуществлялась связь семьи с общиной в плане регулирования социальных отношений⁶⁴⁵. Крестьянин-собственник вовлекался в систему новых социально-экономических отношений, получал свободу распоряжаться имуществом, предусмотренную законодательно.

В сложных семьях, состоящих из отца, сыновей и внуков, а также в простых семьях, глава мог наказывать детей по поводу и без повода. В народных судах свидетельство с его стороны пользовалось значительно большим весом, чем показания подчиненных ему членов.

Хозяин дома распределял все работы в хозяйстве среди взрослых сыновей, следил за сохранностью орудий труда и домашней утвари, приводил их в порядок, чинил⁶⁴⁶. «Основная работа мужа – главы дома – умело распорядиться рабочей силой и показать пример в работе»⁶⁴⁷. По собственному усмотрению он мог отдать любого члена семьи в работники, послать в отход, не спрашивая на то их согласие. Отправляя

---

⁶⁴³ Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства приобретению ими крестьянами в собственность полевых угодий // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 36. № 3665.

⁶⁴⁴ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1048. Л. 1.

⁶⁴⁵ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1048. Л. 2.

⁶⁴⁶ См.: Мейендорф А.Ф. Указ. соч. С. 6–7.

⁶⁴⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 5. Л. 18–19.

сыновей в отхожий промысел, отец внимательно следил за тем, чтобы сыновья регулярно отправляли домой заработанные деньги. Глава являлся своего рода судьей при разрешении семейных конфликтов (не выходящих за рамки семьи), если конфликт выходил за пределы семьи и становился предметом обсуждения схода, то последний, как правило, занимал позицию отца-домохозяина, а сын мог быть наказан за необоснованную жалобу. В ведении «большака» были и вопросы, связанные с духовной жизнью. Под его руководством проводились утренние, дневные и вечерние молитвы перед началом и после окончания трапезы. Все важные дела традиционно начинали с молитвы, которую читал отец семейства, чье место за столом было под иконами. Он контролировал установленный нормой порядок: что за чем следует, и кто за кем ест, и это стабилизировало благополучие и равновесие в семейном коллективе⁶⁴⁸. Поведение хозяина дома считалось внутрисемейным делом. Его никто не имел права ни осуждать, ни поучать.

Глава дома производил все необходимые по хозяйству расходы из общего имущества. Он следил, чтобы для кого-либо не было преимущества, например, в платье, обуви. У него хранилась семейная касса. Как правило, хозяин постоянно носил на поясе ключ от сундука, где хранились деньги, документы и другие ценные вещи. Он уплачивал все лежащие на семье и на земле повинности. В связи с этим глава семьи назначал каждому ее члену определенные занятия, принимал от них заработанные деньги.

Иногда для обсуждения вопросов о женитьбе сына, замужестве дочери, о приеме зятя в дом, о строительстве новых хозяйственных и жилых помещений и т.п. собирались «семейные советы». Право участия в них предоставлялось взрослым мужчинам, редко к ним привлекались женщины. Обсуждение родственным кругом семейных проблем считалось совершенно секретным, не доступным для посторонних дел. Семейные советы в отцовских семьях играли совещательную роль. Основное решающее слово оставалось за хозяином.

Вместе с тем следует отметить, что эмансипация крестьянства коснулась и внутрисемейных отношений. В результате развития товарно-денежных отношений рушились культивировавшиеся веками единство

---

⁶⁴⁸ См.: Мужики и бабы... С. 64.

и спаянность крестьянской патриархальной семьи, большак терял свои былые позиции.

После «большака» и «большухи» в семье наибольшим авторитетом пользовался старший сын. Он первый выделялся среди других сыновей. К нему всегда обращались по имени-отчеству. Он был первым помощником отцу в хозяйственных делах. Так, например, отец посылал его иногда на ярмарку продавать хлеб и покупать необходимые для семьи товары.

Большие семьи, состоящие из женатых братьев, отличались более «демократическим» характером. В них власть главы семьи контролировалась ее членами. Если глава семьи по каким-либо обстоятельствам (старости, грубости, заносчивости и т.п.) переставал удовлетворять предъявляемым к нему требованиям, то его переизбирали на семейном совете⁶⁴⁹. Семейные советы в этих коллективах родственников представляли собой своеобразный орган регулирования в управлении семьей и хозяйством.

Большие семьи периодически делились. Семейный раздел означал отказ отходящих членов крестьянской семьи работать в данном хозяйстве, вкладывать заработанные «на стороне» деньги в общую кассу семьи и подчиняться ее порядкам. Поводов для раздела было множество: многочисленность членов семьи, теснота помещения, семейные ссоры⁶⁵⁰, контроль над половой жизнью сына с женой⁶⁵¹, излишний деспотизм, поведение отдельных членов семьи⁶⁵² и др. В своих сообщениях корреспонденты Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева сообщали с мест: «Частой причиной раздела служат также бабьи дразги – по пословице “Где черт не сможет, туда бабу пошлют”»⁶⁵³; «Сожительство свекра с невесткой тоже служило причиной семейных разделов»⁶⁵⁴.

---

⁶⁴⁹ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 35. Л. 8 об.–11; Д. 53. Л. 3.

⁶⁵⁰ *Златовратский Н.Н.* Деревенские будни (очерки крестьянской общины) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 283.

⁶⁵¹ *Внуков Р.Я.* Указ. соч. С. 15.

⁶⁵² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 43. Л. 8 об.

⁶⁵³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 6. Л. 8 об.–9 об.; Д. 48. Л. 7 об.–10; Д. 67. Л. 7–10.

⁶⁵⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 32. Л. 65.

Во второй половине XIX века после отмены крепостного права семейные разделы стали в русской деревне обычной крестьянской практикой⁶⁵⁵. Но сельский сход в целом не был заинтересован в дроблении крестьянских хозяйств и определенным способом стремился регулировать данный процесс. Одним из рычагов такого воздействия было предоставление главе семьи (большаку) права по своему усмотрению решать эти вопросы⁶⁵⁶. Несмотря на эти меры, разделы семей продолжались. В 1884 году губернатор Курской губернии в своем Отчете императору сообщал: «Семейные разделы крестьян продолжали и в отчетном (1884 г.) составлять печальное явление в народной жизни, объясняемое падением у крестьян патриархальных нравов»⁶⁵⁷.

Семейные разделы были полные, или общие, и частные. Полные разделы производились одновременно для всех видов членов семьи. Их следствием являлись распад больших семей и раздел имущества между входящими в нее членами. А.Н. Кушкова, исследовавшая проблему конфликтных взаимоотношений в крестьянской семье второй половины XIX в., подчеркивает, что «жесткой связи между разделами и конфликтами не существовало»⁶⁵⁸. Частные разделы совершались постепенно с поочередным выделением членов семьи. На скорость семейных разделов влияло экономическое состояние крестьянского хозяйства⁶⁵⁹. Документы волостных правлений свидетельствуют, что общие и частные разделы совершались и при жизни, и после смерти главы семьи⁶⁶⁰. При разделах обоих видов каждому отделившемуся определялась часть общесемейного имущества. Она носила название выдела, отдела. Оба понятия являлись равнозначными.

Разделы происходили между людьми семейными: отцом и жена-тыми сыновьями или между женатыми братьями. При частных разделах выдел производился главным образом по старшинству: младший

---

⁶⁵⁵ Кушкова А.Н. Конфликт отцов и сыновей: лишение наследства и отцовское проклятие // Мужской сборник. Вып. 2. «Мужское» в традиционном и современном обществе / Сост. И.А. Морозов; отв. ред. Д.В. Громов, Н.Л. Пушкарева. М., 2004. С. 181.

⁶⁵⁶ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 108.

⁶⁵⁷ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4454. Л. 16–17.

⁶⁵⁸ Кушкова А.Н. Указ. соч. С. 179.

⁶⁵⁹ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 43. Л. 6.

⁶⁶⁰ См.: Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство... С. 25.

сын почти всегда оставался в доме родителей⁶⁶¹. Он обязан был содержать отца и мать до самой их смерти, отказаться от этой обязанности он не мог. Если же сын не выполнял эту обязанность, то отец был вправе отдать дом другому сыну. «Иногда случалось, что старики-родители, слыша ругань снохи и видя нежелание сына кормить их, уходили из дома и кормились милостыней»⁶⁶², – пишет один из корреспондентов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Но это было исключением из общих правил. Все имущество – движимое и недвижимое – делилось по числу работников – мужчин, включая сыновей, находившихся в отходе. Каждому участнику раздела выделялась равная доля общесемейного имущества. Земля делилась в соответствии с количеством душ мужского пола в отделившихся семьях.

Семейное имущество обычно распределялось по согласию старшего в семье и в присутствии схода, родственников, которых приглашали из-за частых случаев недовольства разделом⁶⁶³. В практике существовало утверждение результатов раздела сходом задним числом, когда фактический раздел лишь констатировался. Разделение семей большей частью происходило осенью – ближе к храмовым праздникам, хотя могло произойти и в любое другое время. Отец отпускал выбывающего члена семьи с назначенной ему долей, частью урожая. В случае выделения нескольких семей или когда возникали споры и замешательства, применяли жеребьевку⁶⁶⁴. Жребием могли быть самые разнообразные предметы: бумажки, монеты, новый и старый крест, кольца, предметы домашнего обихода. Их помещали в платок или шапку и поочередно извлекали. За каждым символом закреплялась заранее определенная часть имущества, право остаться или уйти из дому.

Усадьба находилась в подворно-наследственном владении и по этому переходила к тому, кто оставался в родительском доме. Исключение составляли случаи, когда после пожара селение все или частично строилось по новому плану. Место для строительства жилых помещений тем, кто отделялся, давалось или на усадьбе отца или на новом

---

⁶⁶¹ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2023. Л. 9, 11.

⁶⁶² См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 67. Л. 17–18.

⁶⁶³ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 6. Л. 11.

⁶⁶⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 43. Л. 6.

месте. «Скот делился по паям, деньги делились поровну, либо прилагались целиком к наименьшему паю. Полевая земля, кроме усадебной, делилась по числу наличных душ»⁶⁶⁵. Почти ничего не получали при разделе отделенные и живущие в зятях сыновья⁶⁶⁶. Выделившаяся семья с момента раздела должна была сама заботиться о хлебе и о своей доле.

Но наряду с этими процессами с середины 80-х годов XIX в. правительство прямо вступило на путь контрреформ, ограничивающих действие Общего положения, задерживающих развитие капитализма в деревне, закрепляющих патриархальные семейные отношения и игнорирующих личные имущественные права крестьянина.

Последовательным защитником патриархального семейного начала в имущественных отношениях крестьян выступал Правительствующий Сенат. Сенатские решения, призванные разъяснять Положение от 19 февраля 1861 года относительно имущественных прав крестьян, фактически свели на нет большинство из них. Сенат проводил линию на закрепление неделимой семейной собственности крестьян. Этой цели послужил и принятый по инициативе министра внутренних дел Д.А. Толстого закон от 18 марта 1886 года об ограничении крестьянских семейных разделов⁶⁶⁷. По этому закону для осуществления раздела требовалось согласие не менее 2/3 домохозяев. Разделы крестьянских семей были затруднены, чтобы сохранить коллективную собственность больших патриархальных семей, которую государство рассматривало как гарантию своих фискальных интересов. Но этот закон заметных последствий не имел. В материалах губернских совещаний за 1894 г. отмечалось, что семейные разделы совершаются по местным обычаям, без ведома схода. Впоследствии этот закон был отменен. Дробление крестьянских семей подрывало их хозяйственную состоятельность.

Аграрная реформа 1861 г. не только освободила крестьян от крепостной зависимости, но и начала разрушение общины. Экономические и социальные изменения, вызванные реформой, стали факторами разрушения патриархального уклада крестьянской семьи, способ-

---

⁶⁶⁵ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 35. Л. 12–13.

⁶⁶⁶ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 67. Л. 12.

⁶⁶⁷ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 6. № 3578.

ствоvalи ускорению процесса раздела больших семей на малые. Когда появилась возможность получить средства к существованию независимо от хозяйства семьи, возникло противоречие между коллективным началом, которое представлял глава семьи, и частным, представленным детьми и внуками, поскольку в распределении продуктов большой семьи существовало стремление к уравниловке (как и в общине), что не могло устраивать всех. При возвращении с отхожих промыслов сын обязан был все заработанные деньги отдавать родителям и ничего не утаить для жены и детей⁶⁶⁸. Данное обстоятельство способствовало тому, что в крестьянском сообществе стали появляться новые ценности, касающиеся прав личности и ее внесемейных интересов, что явно не согласовывалось с авторитарными установками большой неразделенной семьи. Отходничество крестьян, заработки на стороне, личные денежные доходы становились одной из причин семейных разделов и распадов большой семьи. Патриархальный мир сельского социума рушился под напором «власти денег». Заработки сыновей «на стороне» нанесли мощный удар по традиционным порядкам⁶⁶⁹. Молодые члены семьи перестали отдавать заработанные ими деньги на стороне большаку – распределителю семейного бюджета и блюстителю старого семейного уклада. Глава большой семьи терял свое имущественное превосходство и ему не удавалось держать в повиновении домочадцев. Менялись семейные роли и взаимоотношения поколений.

Анализ источников и литературы по истории крестьянской семьи показывает, что сохранившие на протяжении второй половины XIX в. свое практическое значение нормы обычного права закрепляли общность семейного имущества. Эти меры поддерживались и государственным законодательством. Государство в области семейно-имущественных отношений крестьян стремилось сохранить патриархальные традиции, предельно ограничивая имущественные права отдельной личности. Однако объективные условия социально-экономического развития были сильнее консервативного направления официальной правительственной политики. Благоприобретенное имущество способствовало формированию у крестьян частнособственнических отноше-

---

⁶⁶⁸ Внуков Р.Я. Указ. соч. С. 15.

⁶⁶⁹ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 110.

ний. Власть денег подтачивала традиции имущественной общности, вела к распаду больших патриархальных семей. Семья как хозяйственная ячейка, состоящая из мужа и жены, была в новых условиях оптимальной формой организации. Одновременно шел процесс быстрого социального расслоения внутри общины, выделения группы зажиточного крестьянства, заинтересованного в свободе распоряжаться накопленным имуществом⁶⁷⁰, а, следовательно, в ревизии обычных правовых норм и укреплении правового статуса благоприобретенной собственности.

В процессе распада неразделенных семей значительна роль отхожих и кустарных промыслов. Исследователи крестьянской семьи отмечают, что в центральных губерниях, куда относится и Курская губерния, уже в XIX в. у крестьян-отходников превалировала малая семья (до 70%)⁶⁷¹.

Модернизационные процессы в конце XIX – начале XX века, ставшие одним из механизмов разложения общины, привели к распаду неразделенных сложных семей, кризису патриархальных устоев, изменению семейных ролей и взаимоотношений поколений в крестьянской семье, изменению положения женщины. Женщины-крестьянки становились по сути и по факту главами крестьянских домохозяйств на время отсутствия их мужей в доме.

Брачные традиции

Заключение брака – важнейшее звено в общей структуре брачно-семейных отношений. Крестьяне рассматривали вступление в брак как главное жизненное предназначение каждого человека. Считалось, что брак – единственная форма полноценной, добропорядочной жизни, которую благословил Господь Бог. Брак лежал в основе формирования семьи, игравшей основную роль в воспроизводстве населения, организации семейного хозяйства и повседневного быта, в передаче трудовых и культурных навыков от поколения к поколению. Семья обеспечивала преемственность поколений и непрерывность функционирования семейного хозяйства. Полная трудоспособная семья гарантирова-

---

⁶⁷⁰ См.: *Милогорова И.Н.* О праве собственности... С. 31.

⁶⁷¹ *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С. 109.

ла представителям старших поколений «в старости угол и кусок хлеба». От состава и качественных особенностей членов семьи (здоровья, трудолюбия и т.п.) во многом зависело благополучие крестьянского хозяйства. Семейный коллектив представлял основную ячейку сельской поземельной общины. Обычай требовал ценить семью и женитьбу как самое главное в жизни – вступление в брак изменяло общественное положение брачующихся, их роль в семейных коллективах.

Только женившись, крестьянин обретал устойчивое положение в семье и поземельной общине. Он получал право на выдел из состава семьи – право на свое, отдельное и независимое от отца и братьев хозяйство. В случае раздела сын выходил из-под власти родителей, сохраняя с ними лишь родственные отношения. Вступление в брак и выдел делали крестьянина главой семьи, превращали его в полноправного члена сельской общины. Даже если после женитьбы сын оставался в семье отца или братьев, обретенные им в связи с этим событием права значительно повышали его роль в решении вопросов ведения хозяйства и организации быта семьи. Кроме того, появление в семье жениха еще одной пары работающих рук в условиях развития товарно-денежных отношений в деревне имело очень большое значение и давало возможность лучше использовать внутрисемейное разделение труда. «Брак в крестьянском населении для семьи жениха связан ближайшим образом с хозяйственными соображениями, как вводящий в семью новую рабочую силу... Хозяйственные расчеты имеют такое господствующее значение, что все остальные соображения отходят на второй план; и поэтому брак является фактом по преимуществу экономической жизни»⁶⁷².

Брак для девушки имел совсем иное значение. Посредством замужества она стремилась устроить свою жизнь, боясь остаться «старой девой», «вековухой» и обузой для родной семьи. Однако ее судьба и в замужестве могла сложиться по-разному. Не редким явлением было враждебное отношение к невестке, особенно из бедной семьи, «бесприданнице» со стороны свекрови и других членов большой патриархальной семьи.

---

⁶⁷² *Веретенников И.В.* Брачность, рождаемость и смертность среди крестьянского населения. По данным для Землянского и Задонского уездов Воронежской губернии. Тифлис, 1898. С. 47.

Брак и семья в крестьянском сознании выступали как норма жизни, а безбрачие в деревне считалось отклонением от нормы. Холостого мужчину в селе, даже зрелого возраста, называли «малым» и к его голосу не прислушивались. Супружеский союз являлся основой материального благосостояния хозяйства. В деревне говорили: «В нашем быту без бабы невозможно; хозяйство порядком не заведешь, дом пойдет прахом»⁶⁷³.

Процесс формирования семьи сопровождался целым комплексом установок, обрядовых действий. Сложившиеся к середине XIX в. брачные традиции явились результатом длительного исторического взаимодействия обычно-правовых норм, установлений православной церкви и государственного права. Как государственное, так и обычное право выработали ряд общих условий вступления в брак, касавшихся определенного возраста жениха и невесты, отсутствия родства и свойства между ними, согласия родителей и пр.

Согласно постановлению Синода от 19 июля 1830 года, имевшему силу закона, брак допускался лишь по достижении совершеннолетия, которое определялось для девушек в 16 лет, для юношей – 18 лет⁶⁷⁴.

Однако, по мнению земских врачей, «вступление в брак крестьянской молодежи ранее достижения женихом и невестой 20-летнего возраста, было преждевременным. У многих девушек, в 16-17 лет становившихся женами, к этому времени даже не наступала физиологическая зрелость, не было завершено и формирование костной системы организма, что впоследствии тяжелейшим образом сказывалось при родах»⁶⁷⁵.

Достижение совершеннолетия было событием, имевшим важное общественное значение. Появление новых членов трудового коллектива или рода вызывало внимание общины.

В середине XIX в. женились в Курской губернии, как и по всей России, очень рано. Ф. Ильинский в работе «Русская свадьба в Белгород-

---

⁶⁷³ Миронов Б.Н. Вокруг свадьбы // Знание – сила. 1976. № 10. С. 43.

⁶⁷⁴ О брачном союзе, о расторжении брака (развод), о власти родителей, о правах законных, усыновленных и незаконных детей, учреждение опеки и попечительства (права опекунов и попечителей) / Сост. А.З. Соколовский. СПб., 1889. С. 1.

⁶⁷⁵ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 52.

ском уезде» (1888 г.), выполненной по программе исследования Русского географического общества, указывает, что «молодые люди женятся в 18-19 лет, девушки выходят замуж 16-17 лет. Каких-либо общепринятых установлений относительно нижнего предела брачного возраста у крестьян Курской губернии не было отмечено. Крестьяне считали, что к 16-18 годам молодые люди в основном овладевают всеми необходимыми для самостоятельного ведения хозяйства навыками и к этому времени еще не успевают приобрести или закрепить дурных привычек и черт характера. Двадцатилетний неженатый парень был редким явлением среди крестьян, а 20-летняя девушка считалась засидевшейся невестой и выходила замуж за парней, отбывших воинскую службу»⁶⁷⁶. Раннее вступление крестьян в брак подтверждается многочисленными свидетельствами и по другим губерниям России⁶⁷⁷. В соседней Воронежской губернии средний возраст девушек-крестьянок, вступивших в брак, также составлял 16-20 лет; парни женились соответственно в возрасте 18-20 лет⁶⁷⁸. Ранние браки в народной традиции считались не только желательными, но и необходимыми. Этнограф Р.Я. Внуков объяснял это следующим: «Женить стараются помоложе – пока половой инстинкт заглушает в парне все остальные соображения, пока воля послабей, чтобы не женился по собственному желанию, да не выбрал неугодной жены. “Жени помоложе, пока послушен, а уматерееет – не уженишь”, – житейская мудрость стариков. Невесту хотят взять помоложе, попослушней, полудетский характер, слабый организм, неумение работать – хорошее ручательство послушания невестки. Когда войдет в года невестка, окрепнет, задавят дети, поневоле смирится»⁶⁷⁹.

В черноземных губерниях по представлению «крестьян, самое лучшее, если жених и невеста ровесники – ровня. Невеста “обижается”, если жених ее старше года на четыре-пять: “Помрет ране меня”»⁶⁸⁰.

---

⁶⁷⁶ АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

⁶⁷⁷ См.: Афиногенов А.О. Указ. соч. С. 31; Русские: история и этнография / Под ред. И.В. Власовой и В.А. Тишкова. М., 2008. С. 380.

⁶⁷⁸ Веретенников И.В. Указ. соч. С. 31.

⁶⁷⁹ Внуков Р.Я. Указ. соч. С. 25–26.

⁶⁸⁰ Семенова-Тян-Шанская О. Указ. соч. С. 117.

Неравные по возрасту браки в крестьянской среде встречались редко. Отмечаются случаи, когда жених был значительно моложе невесты. Это мотивировалось тем, что в семье мужа будущей жене предстояло выполнять ряд работ, требующих умения и навыков, которые можно приобрести только с родительской помощью, вследствие чего дочери нередко задерживались в семьях. Но основной причиной таких браков, видимо, являлась потребность крестьянских хозяйств в женщинах-работницах, круг обязанностей которых в рассматриваемый период все время расширялся. Чтобы получить крайне необходимую работницу, родители стремились как можно раньше женить сыновей.

Обычай раннего вступления в брак среди русских крестьян поддерживался народными традициями и экономическим состоянием патриархальной семьи.

На раннее заключение брака оказывали влияние и морально-этические факторы. Нередко родители девушки боялись «греха», т.е. добрачной половой связи дочери. Девственность рассматривалась в Центральных губерниях Российской империи как одно из основных качеств невесты и ее сохранение определялось традиционными установками религиозного и морально-бытового характера. Потеря девственности считалась «срамом», «позором». Таковую девушку не брали замуж парни своей деревни, кроме самого виновника; да и он чаще всего старался избежать женитьбы. Если и удавалось выйти замуж такой девушке, то в чужой далекой деревне, да и то больше за вдовца⁶⁸¹.

По народным традициям девушки, лишившиеся невинности, не просто осуждались, а должны были нести определенные наказания за «стыдные» преступления. Позорящие наказания для девушек подробно рассмотрены современным исследователем женской истории Н.Л. Пушкаревой⁶⁸².

Исследования жизни и быта русских крестьян Европейской части России показывают, что добрачные отношения, сексуальный опыт ре-

---

⁶⁸¹ См.: Мухина З.З. «Девка на поре, не удержишь на дворе...» (О девичьей чести в крестьянской среде Центральной России во второй половине XIX – начале XX в.) // Женщина в российском обществе. 2010. № 3 (56). С. 56.

⁶⁸² См.: Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX века // ЭО. 2009. № 5. С. 120–134.

ально существовали и составляли важную часть повседневной жизни крестьянской молодежи⁶⁸³.

Браки принято подразделять на первичные, когда жених и невеста вступают в брак впервые, и вторичные (повторные), когда один или оба брачных партнера уже состояли в браке, который был прерван вследствие смерти одного из супругов или развода. Основную часть всех браков у сельского населения Курской губернии составляли первичные браки. Их доля в общей численности браков достигала 80–85%, а в отдельных случаях была еще выше. Однако доля вторичных браков была также значительной. Вторичные браки в основном были представлены:

- браками вдовых мужчин с не состоявшими ранее в браке женщинами;
- браками холостых мужчин с вдовыми женщинами;
- браками вдовых мужчин с вдовыми женщинами.

Распределение вторичных браков по выделенным группам в рассматриваемый период не было равномерным. Их максимум приходился на браки вдовых мужчин с не состоящими в браке женщинами, а минимум – на браки холостых мужчин с вдовами.

Соотношение долей первичных и вторичных браков не оставалось постоянным. В различные годы оно изменялось то в одном, то в другом направлении. Основная причина повышения долей первичных браков – интенсивное развитие в деревне товарно-денежных отношений, следствием чего были: имущественное расслоение крестьянства и разорение значительной части сельского населения, развитие отходничества, усиление миграционных потоков из сельских поселений в города. Довольно часто овдовевшие крестьяне не вступали повторно в брак, а уходили в отход или переселялись в город. Кроме того, на изменение соотношений между различными группами браков оказывало влияние снижение уровня смертности среди взрослого крестьянского населения, отмечавшееся в конце XIX в.⁶⁸⁴

---

⁶⁸³ Семенова-Тян-Шанская О. Указ. соч. С. 78; Мухина З.З. «Девка на поре...». С. 60, 67.

⁶⁸⁴ Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.

Семейное состояние брачующихся существенно влияло на характер заключения браков и особенно их обрядовое оформление. С соблюдением всех обычаев и обрядов свадебного ритуала заключались первичные браки и браки вдовых мужчин с ранее не состоящими в браке женщинами. Браки вдовых и холостых мужчин с вдовами свадебными обрядами не сопровождалась. Наш информатор Евгения Андреевна Акинина из с. Каплино Старооскольского района сообщала, что «если вдовец женится на девушке, то свадебные обычаи соблюдаются как обычно, если на вдове – не соблюдаются»⁶⁸⁵.

Брачное состояние сельского населения Курской губернии в конце XIX века показано в таблице 2 (при анализе брачного состояния жителей Курской губернии возрастная группа до 15 лет исключена).

Таблица 2. Брачное состояние сельского населения Курской губернии по материалам переписи 1897 г. (в %)⁶⁸⁶

Брачное состояние	Мужчины	Женщины
Холостые и девицы	38,63	26,94
Состоящие в браке	56,07	52,27
Вдовы	5,15	20,60
Разведенные	0,04	0,06
Не указали состояние	0,11	0,13

Материалы Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. свидетельствуют, что до 70 % мужчин и женщин старше 15 лет состояли в браке, т.е. браки были всеобщими.

Материалы исследований свидетельствуют, что во второй половине XIX в. брак у сельского населения основывался на строгом расчете, экономических и престижных соображениях.

Женитьба сына или выдача замуж дочери нормами обычного права возлагалась на родителей. Родители были обязаны содержать детей до совершеннолетия, подготовить их к самостоятельной жизни, организовать их брак и сыграть свадьбу, т.е. роль родителей в браке мо-

---

С. 82–83.

⁶⁸⁵ См.: Архив СТИ МИСиС. Папка 2. Из беседы с уроженками с. Каплино Старооскольского района Белгородской области.

⁶⁸⁶ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 57. Переписные комиссии Курской губернии. Оп. 1. Д. 1–50.

лодых была велика⁶⁸⁷. Если у вступающих в брак (или одного из них) не было родителей, родительские обязанности возлагались на отчима, мачеху, братьев, усыновителей. У круглых сирот в качестве родителей выступали опекуны или крестные отцы и матери⁶⁸⁸.

В селах устойчиво сохранялись традиции предбрачного общения молодежи, служившие в том числе и целям знакомств будущих супругов. Сельское общество ставило перед парнем и девушкой основную задачу – поиск брачного партнера. Русские люди говорили: «Все девушки от мала до велика сватов ждут»; «Парень женится, когда захочет, а девка выходит замуж, когда ей суждено».

Традиционно при заключении браков руководствовались, во-первых, экономическими соображениями, когда хотели получить в хозяйство работницу, и, во-вторых, внутренними, считавшимися predeterminedными свыше и издавна культивировавшимися воззрениями о необходимости женитьбы. Поэтому в невесте ценились «тельность», дородность, здоровье, физическая сила, способность к работе, хорошее приданое, хозяйственный практический ум. Как указывают корреспонденты из разных губерний Российской империи, красота не входила в число приоритетов⁶⁸⁹. «Девка должна быть “умная, здоровая, рукодельная и смиренная”», – отмечает О. Семенова-Тян-Шанская⁶⁹⁰. Невесту обычно подыскивали из того же села, в котором проживал жених, и только в исключительных случаях прибегали к поиску невесты из другой деревни⁶⁹¹. При выборе невесты из другого села имела значение не только оценка семьи, но и деревни в целом.

Парня оценивали по его трудовым навыкам, умениям и мастерству, насмехаясь над теми, кто не умел делать какой-то работы. Он должен был обладать благоразумием, хорошим здоровьем и трезвостью. По представлениям крестьян, жених в будущем должен был стать хоро-

---

⁶⁸⁷ Русские: история и этнография... С. 378.

⁶⁸⁸ Зорин Н.В. Указ. соч. С. 22.

⁶⁸⁹ РКЖБН. Т. 5. Ч. 1. С. 407; РКЖБН. Т. 2. Ч. 2. С. 348–349; РКЖБН. Т. 3. С. 204.

⁶⁹⁰ См.: Семенова-Тян-Шанская О. Указ. соч. С. 76.

⁶⁹¹ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

шим хозяином, заботливым мужем и отцом. Девушки говорили: «С хорошим мужем и на бору хлеба добуду, всегда сыта буду»⁶⁹².

В целом добрачный период был временем трудового и нравственного взросления.

Знакомство и любовь молодых людей далеко не всегда заканчивались браком. В народных представлениях любовь была желательным, но не обязательным условием брака. Как свидетельствуют многочисленные источники⁶⁹³, вопросы женитьбы сыновей и замужества дочерей часто решались родителями, в большинстве случаев отцом. «Родной батюшка» при выборе для дочери мужа на первое место ставил репутацию, т.е. жених должен был быть из хорошей семьи, пользующейся всеобщим уважением, руководствуясь принципами: «Яблочко от яблони недалеко падает» и «От сосны яблочек не родится»⁶⁹⁴. Проверяли всю родословную жениха, «кто чего стоит»⁶⁹⁵. Немаловажное значение имел достаток, т.е. экономическое состояние семьи. Если девушка не желала выходить замуж без любви, то ей обычно говорили: «Слюбится»⁶⁹⁶, успокаивали: «Любовь потом сама придет»⁶⁹⁷. Считалось, что родители лучше разбираются в людях, знают нужды хозяйства, имеют большой опыт его ведения.

Родители в большинстве случаев прибегали к помощи свах⁶⁹⁸ и руководствовались экономическими соображениями, а не симпатиями и желаниями сына, поскольку свадьба – это, прежде всего, определенный хозяйственный акт, прием в семью, в хозяйство работника и продолжателя рода.

Особенно сильно власть родителей проявлялась в отношении дочерей. Согласие родителей являлось важнейшим звеном в заключении брака. Без него молодежь в брак, как правило, не вступала. Отклонение от этой повсеместно распространенной нормы в губернии было

---

⁶⁹² Шангина И.И. Русские девушки. СПб., 2008. С. 220.

⁶⁹³ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 8. Л. 21 об.–22 об.; Д. 23. Л. 19; Д. 40. Л. 3–4.; Д. 47. Л. 4.

⁶⁹⁴ Шангина И.И. Русские девушки... С. 220.

⁶⁹⁵ Бердинских В. Указ. соч. С. 127, 148.

⁶⁹⁶ Новиков А. Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 15.

⁶⁹⁷ Шангина И.И. Русские девушки... С. 211.

⁶⁹⁸ См. : АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

чрезвычайно редким явлением. Самовольный выбор сыном невесты крестьяне воспринимали как недопустимую вольность, нарушавшую вековую традицию и могущую отрицательно повлиять на состояние семейного хозяйства. Несогласие родителей с выбором сына ставило его в тяжелое положение. Он должен был либо оставить семью, бывшую для него основным или даже единственным источником средств существования, и вступить в брак без родительского благословения, либо отказаться от своих планов и подчиниться их воле. Выбор почти всегда останавливался на последнем.

При женитьбе сыновей и, особенно, при выдаче замуж дочерей соблюдалась строгая возрастная очередность⁶⁹⁹. Ее нарушение служило поводом для распространения среди односельчан всевозможных толков, догадок и сплетен. Как правило, они были не в пользу «обойденной» сестры. Ей предписывались различные нравственные пороки и физические недостатки. В тех случаях, когда младшая сестра выходила замуж раньше старшей, последняя нередко оставалась навсегда вне брака. Поэтому, когда сватали младшую дочь при наличии незамужней старшей, сватам обычно отказывали, а в отдельных случаях давали согласие, но подменяли или пытались подменить невесту в день венчания ее старшей сестрой.

Заключение брака приурочивалось к определенным периодам земледельческого календаря. Венчания и свадьбы проводились в свободное от сельскохозяйственных работ время. Определенный отпечаток на их распределение в течение года накладывал и церковный календарь. Во время Рождественской, мясопустной, Пасхальной недель, в дни крупных церковных праздников, также во время постов не венчали и свадеб не играли. Поэтому подходящим для свадьбы считалось время от Покрова, когда заканчивались все сельскохозяйственные работы, до начала Филиппова (Рождественского) поста (с 14 октября по 28 ноября), зимой от Крещения до Масленицы, весной – от Красной горки до начала Петрова поста⁷⁰⁰. Подобный выбор времени был продиктован ритмом сезонных работ, чередованием мясоедов и постов, но в своей основе, уходил во времена языческие.

---

⁶⁹⁹ См.: Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. М., 1990. С. 12.

⁷⁰⁰ См.: Зорин Н.В. Указ. соч. С. 36.

Сельское население Курской губернии, как и в других регионах России, играло свадьбы преимущественно осенью, когда был собран урожай, во дворе подросли живность и скот, в напряженном крестьянском календаре появилось время для отдыха, а плоды земли позволяли устроить обильный свадебный стол, что всегда считалось хорошей приметой и предвещало будущей семье благополучие. На этот период приходилось от 60 до 80% всех свадеб. Об этом свидетельствуют различные источники по данному региону⁷⁰¹.

В прошлом у крестьян существовал целый ряд ограничений брачного выбора. Наиболее серьезным препятствием для вступления в брак было родство. Официальное законодательство и православная церковь запрещала браки родственников до четвертого колена и вменяла священнослужителям в обязанность выяснять перед венчанием степень родства будущих супругов. В некоторых случаях с разрешения главы местной епархии допускались браки троюродных сестер и братьев. Официальные законы запрещали браки между сторонниками разных вероисповеданий⁷⁰².

В основном, в курских селах проживали православные христиане – 90,86%⁷⁰³. Все они являлись жителями уездов. Только 9 % сельских жителей отнесли себя к другим вероисповеданиям, среди которых наибольшее число представляли старообрядцы. Они в основном проживали в нескольких уездах: Фатежском, Щигровском, Льговском, Суджанском. Браки же между старообрядцами и сторонниками официальной православной церкви заключались довольно редко. Для этого либо один из брачующихся должен был отказаться от своего вероисповедания и перейти в веру другого, либо брак заключался при помощи различных ухищрений, направленных против осуждения со стороны единоверцев, например, убогом.

Физические недостатки, чаще всего у женщин, служили также препятствием для вступления в брак, особенно в сельской местности. В город на заработки уходили молодые и физически крепкие люди. Все

---

⁷⁰¹ См.: Беликова Т.П., Емельянова М.И. Указ. соч. С. 183.

⁷⁰² См.: Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. СПб., 1857. Ст. 37.

⁷⁰³ Борщик Н.Д. Указ. соч. С. 159.

«убогие» оставались дома. Это значительно ограничивало возможность вступления в брак⁷⁰⁴.

С пониманием относились сельские жители к монашествующим, тем, кто решил посвятить свою жизнь Богу и давал обет безбрачия. Существовала в деревне и категория женщин, которые не вступали в брак по тем или иным причинам, их называли «черничками».

Вступление в брак считалось почти обязательным, безбрачие резко осуждалось общественным мнением. В глазах крестьян такое поведение воспринималось как неисполнение заповедей Божьих и поругание народных традиций. О тех, кто не обременял себя семейными узами, в народе говорили: «Холостой – полчеловека»⁷⁰⁵. Отрицательное отношение крестьян к безбрачию проявлялось и в том, что полноправным членом сельской общины становился только женатый мужчина, т.е. после заключения брака. На мужчин и женщин, не вступивших в брак в установленное обычаем время, смотрели как на людей безнравственных, уклоняющихся от соблюдения законов крестьянской жизни и обычаев дедов и отцов, давали им обидные прозвища. Неженатых мужчин называли «бобылями», «трутнями», «непутевыми» и т.п.; женщин, оставшихся вне брака, – «старыми девами», «вековушками», «пустоцветами», «сиднями», «пустокормами», зазнайками, перестарками, обойденными. Следует помнить и о том, что без мужа женщина в селе не имела самостоятельного значения, поэтому девичеству она предпочитала самую плохую партию. Положение замужних женщин, согласно нормам обычного права, было выше, чем в браке не состоящих. Так, в решениях волостных судов оскорбление замужней бабы наказывалось строже, нежели вдовы или девицы⁷⁰⁶.

Признание роли семьи в материальном и нравственном благополучии человека отразилось в многочисленных пословицах, касающихся семейного быта: «Семейный горшок всегда кипит»; «Семейная каша погуце кипит»; «Семьей и горох молотить» и пр.

---

⁷⁰⁴ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XX. Курская губерния... С. 13.

⁷⁰⁵ *Даль В.И.* Пословицы... С. 281.

⁷⁰⁶ См.: *Красноперов В.В.* Крестьянские женщины перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 1. СПб., 1893. С. 273.

В крестьянской среде сохранялось понятие святости венца. Жители села осуждали незаконное сожительство, считая это преступлением, поруганием религии и чистоты брачного очага. Невенчаный брак в деревне был редким явлением. Крестьяне с подозрением относились к таким гражданским бракам. Большое презрение в таких случаях падало на женщину – любовницу. Ее ставили в один ряд с гулящими и подвергали всяческим оскорблениям. Осуждая женщину за незаконную связь, общество обращало внимание на хозяйственную способность крестьянки. Умелое ведение хозяйства, в данном случае, выступало важным условием, смягчавшим оценку ее нравственного облика⁷⁰⁷. Главное преимущество брака перед безбрачием состояло в лучших условиях для воспитания детей. Хотя внебрачные дети рождались всегда, они находились в худшем положении из-за отсутствия отцов – кормильцев и воспитателей, незаменимых в социализации сыновей. К ним и к их матерям окружающие почти всегда относились негативно.

В тяжелом положении оказывались и семьи, в которых умер один из супругов. «Вдовы и сироты – самые несчастные существа, по понятиям всех традиционных обществ»⁷⁰⁸. Но в отличие от одиноких матерей, вдов не презирали – они не виноваты в своем несчастье. Широкая распространенность вдовства и сиротства была побочным продуктом высокой смертности, против которой крестьянство было почти бессильно. Но оно негативно относилось к появлению «соломенных вдов» и сирот при живых мужьях и отцах в результате внебрачных рождений или разводов.

В крупных населенных пунктах, где людность была значительной, и родственные, свойственные (свойство – второстепенное родство, группа кровных родственников со стороны жены) и другие связи не охватывали всего населения села или деревни, преобладали браки между односельчанами. В мелких населенных пунктах, где негативные явления брачных ограничений значительно усиливались по причине малолюдности, браки между односельчанами заключались не так часто. Невест здесь, как правило, брали в других селениях.

---

⁷⁰⁷ См.: Милоголова И.Н. Крестьянка... // Вестн. МГУ. 1998. № 2. С. 19.

⁷⁰⁸ Синельников А.Б. Социально одобряемые причины развода в прошлом и настоящем // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 29.

В конце XIX в. возраст вступления в брак, особенно мужчин, в исследуемом регионе несколько повышается. Это было связано, с одной стороны, с развитием в деревне товарно-денежных отношений, с другой – введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности, согласно которой все пригодные к воинской службе мужчины по достижении 21 года обязаны были пройти действительную службу в течение 3–6 лет. Поэтому брачный возраст мужчин в рассматриваемый период достигает 24–27 лет. Изменился и возраст для вступления в брак девушек: «Теперь выходят замуж лет шестнадцати – двадцати пяти», – пишет О.П. Семенова-Тян-Шанская⁷⁰⁹.

Рассмотрим брачное состояние сельского населения Курской губернии. Распределение сельского населения по возрастным группам и семейному состоянию на конец XIX в. по данной губернии представлено в таблице 3.

Таблица 3. Распределение сельского населения Курской губернии по возрастным группам и семейному состоянию по данным переписи 1897 г. (%)⁷¹⁰

Возрастные группы	Характеристики семейного состояния					
	Холостые, девицы		В браке		Вдовы	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
15–19 лет	95,29	86,25	4,70	13,69	0,01	0,06
20–29	27,99	11,47	71,50	87,44	0,51	1,09
30–39	4,16	3,39	94,44	91,94	1,40	4,67
40–49	2,17	2,72	92,89	83,56	4,94	13,72
50–59	1,53	2,50	83,20	67,50	15,18	30,00

По материалам Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. в браке состояло абсолютное большинство взрослого (с 15 лет и старше) сельского населения Курской губернии. Примечательно, что во всем сельском населении доля состоящих в браке мужчин и женщин почти одинакова (соответственно 69,3% и 68,8%).

Но в группе 15–19 лет общая доля состоявших в браке мужчин и женщин сразу повышалась у последних почти в три раза. Это свиде-

⁷⁰⁹ Семенова-Тян-Шанская О. Указ. соч. С. 28.

⁷¹⁰ Подсчитано по: Первая Всеобщая... Т. XX. Курская губерния. С. 11.

тельствует о том, что в конце XIX в. девушки, по сравнению с парнями, чаще выходили замуж в раннем (до 20 лет) возрасте. Ранние браки больше соответствовали нуждам крестьянской семьи. Брак приводил в дом родителей отходника работницу, которая жила с ними и трудилась вместо своего мужа⁷¹¹.

К наибольшему детородному возрасту – 20–29 лет – доля состоявших в браке женщин поднималась до 87,44%, а мужчин – до 71,50% от их общего числа в каждой возрастной группе. Максимальная полнота брачного состояния женщин приходилась на вторую половину репродуктивного возраста – от 30 до 39 лет (91,94%), а затем доля замужних женщин снижалась за счет роста доли вдов. Так, среди 40–49-летних женщин замужних оставалось уже 83,56%, 50–59-летних – 67,50%.

В то же время максимальная доля состоявших в браке мужчин приходилась на возраст – 30–39 лет, и она была практически всеобщей, так как охватывала 94,44% мужчин данной возрастной группы. Причем доля женатых мужчин понижалась не с 40, как у женщин, а позже – с 50 лет. В группе 50–59 лет в браке состояли еще 83,20% мужчин.

Из данных таблицы исключено количество разведенных, так как они составляли лишь 0,017 % от численности всего населения губернии. Столь низкий процент расторгнувших брак, свидетельствует о том, что разводы представляли редкое явление.

Приведенные данные показывают, что в Курской губернии в конце XIX в. сохранялось традиционное брачное поведение. Подобная картина была характерна в целом для сельского населения Европейской России⁷¹². В то же время, как отмечают исследователи народного быта того времени, такое явление, как отходничество мужской части населения приводило к «преобладанию женщин над мужчинами»⁷¹³, нарушая тем самым привычное для сельского населения брачное поведение, способствуя общему упадку «нравственности в женском населении»⁷¹⁴.

---

⁷¹¹ *Энгел Барбара А.* Бабыя сторона // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996. С. 78.

⁷¹² *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С. 68; *Русские: история и этнография...* С. 378.

⁷¹³ *Жбанков Д.Н.* Указ. соч. С. 1.

⁷¹⁴ *Весин Л.П.* Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. 1887. Май. С. 187.

На брачное состояние крестьянского населения Курской губернии, как в целом по России, оказали влияние также социально-политические события начала XX века: русско-японская, Первая мировая и гражданская войны, повлекшие за собой высокие демографические потери, главным образом, среди молодых мужчин призывного возраста.

В конце XIX – начале XX в. в крестьянском социуме в результате разрушения патриархальных устоев, дисбаланса мужского и женского населения брачного возраста, вопреки религиозным предписаниям, меняется и отношение к внебрачным связям парней, а в ряде случаев и девушек. Крестьянство стало относиться к данному явлению довольно либерально. Так, например, к девушке, потерявшей невинность, при людях подруги относились холодно, а сами потихоньку помогали, чем могли; пожилые мужчины в большинстве случаев относились к ней равнодушно, а замужние женщины, выказывая пренебрежение, проявляли бóльшую терпимость, считая, что она заслуживает снисхождения. Обращение с виновной уже не было жестоким, в каждой семье могла найтись такая девушка и не одна⁷¹⁵.

Менялось отношение и к женщинам, согрешившим в результате отсутствия мужа-отходника. Мужья, которые были сами «не без греха», не наказывали «баб». В результате внебрачного сожителства нередко появлялись незаконнорожденные дети. «Обилие таких случаев вынуждало с ними смиряться и даже приводило к изменению взгляда на прелюбодеяние как таковое»⁷¹⁶.

Важнейшей тенденцией в изменении крестьянской жизни явились развитие образования, распространение отходничества, подрывавшие создававшиеся веками традиционные устои. Процессы социализации стали выходить за пределы семьи и общины, которым до этого принадлежала прерогатива в воспитании молодежи.

Главная доминанта жизни крестьянской девушки – замужество, осталась прежней, но изменились сами представления о браке. Если ранее родительское разрешение для брака было необходимым, то

---

⁷¹⁵ Мухина З.З. «Девка на поре...». С. 61.

⁷¹⁶ См.: Кушкова А.Н. Мужское крестьянское отходничество конца XIX – начала XX вв. как опыт экстремального // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации. / Сост. И.А. Морозов; отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М., 2007. С. 224–225.

теперь, в пореформенное время, молодые люди стали нередко вступать в брак не только без согласия родителей, но и против их воли. Личный выбор стал играть более важную роль, чем родительский авторитет⁷¹⁷. Изменились представления о невесте. Если девушка не одевалась по моде, у нее значительно уменьшались шансы выйти замуж. К двадцати годам девушке приобретался полный комплект одежды: ситцевое, шерстяное и шелковое платья, летняя кофта в талию, длинное пальто ниже колен, кожаные башмаки (на которые надевали калоши), шерстяной или шелковый платок, шерстяная зимняя шаль, летняя и зимняя шляпки с перьями, зимнее на вате пальто–«шубка» и т.д. На рубеже XIX–XX вв. одежда приобрела значение одного из маркеров, указывающего место ее обладателя на социальной лестнице.

Неравные браки стали обычным явлением. Изучение материалов АРЭМ по разным российским губерниям показывает, что нередко богатые парни женились на бедных, но красивых девушках, а бедные молодые парни – на богатых некрасивых невестах часто старше их по возрасту⁷¹⁸. «Очень часто богатый парень берет девушку только за ее красоту, не спрашивая с родителей никакого приданого»⁷¹⁹, – сообщает один из информаторов Этнографического бюро. Как уже говорилось выше, повышался брачный возраст, уменьшалось число ранних браков, где главным фактором было стремление получить в хозяйство работницу.

Появились другие представления о том, какие женихи считались предпочтительными. Молодое поколение, получив образование, пожив в столицах и других больших городах, приносило в деревню новые сведения об иной, лучшей жизни. Парни появлялись в деревне в лучшей одежде, «вежливые или игривые...»⁷²⁰, заводили торговлю, соблазняя других новым образом жизни. Девушки-невесты предпочитали таких парней, работавших в городе, имевших деньги и изысканные городские вкусы⁷²¹. Перспектива выйти замуж за такого жениха могла

---

⁷¹⁷ РКЖБН. Т. 1. С. 466–467; РКЖБН. Т. 2. Ч. 1. С. 408–409; РКЖБН. Т. 4. С. 227.

⁷¹⁸ РКЖБН. Т. 2. Ч. 1. С. 409; РКЖБН. Т. 5. Ч. 2. С. 727.

⁷¹⁹ РКЖБН. Т. 2. Ч. 1. С. 404.

⁷²⁰ Семенова-Тян-Шанская О. Указ. соч. С. 83.

⁷²¹ Энгел Барбара А. Указ. соч. С. 81.

дать возможность подняться на более высокий уровень социальной лестницы, «жить в достатке».

Разводы. Глубокая убежденность в том, что брак и семья нерушимы, предполагала прочность крестьянских семей. Православная церковь и крестьяне на развод смотрели как на тяжкий грех, так как, по их мнению, супруги даны друг другу «по гроб»: крестьяне безоговорочно верили, что брак свят и расторгнут быть не может. Лишь в исключительных случаях крестьяне решались на развод, а церковь его санкционировала.

Найти статистические данные по разводам в рассматриваемый нами период по Курской губернии, как и по другим губерниям, сложно. Определенная информация о категории разведенных была дана в материалах Всеобщей переписи населения 1897 г. По мнению О.М. Вербицкой, малое количество разводов «не столько подтверждают крепость и стабильность брака в дореволюционной России, сколько – недоступность разводов для большинства населения»⁷²². М.С. Тольц подчеркивает, что развод был просто недоступен подавляющему большинству населения в силу действовавшего законодательства⁷²³.

Следует отметить, что взгляды крестьян на взаимоотношения супругов, определявшие их повседневное поведение, во многом совпадали с требованиями закона.

Разводы в деревне были большой редкостью. К тому же в XIX в. происходит усложнение бракоразводной процедуры: уменьшение поводов к разводу, прежде всего – в отношении права на него женщин. В крестьянских семьях, где семейная жизнь женщин была особенно тяжелой, расторжение брака становилось почти невозможным. Экономические условия жизни крестьянской семьи диктовали жесткое отношение к разводу.

С.С. Крюкова указывает на причины данного явления в повседневной крестьянской жизни: 1) разлад в семейной жизни, несогласие между супругами; 2) переход одного из супругов в секту раскольников; 3) неспособность мужа выполнять супружеские обязанности; 4) бесплодие жены; 5) неспособность жены к выполнению хозяйственных работ; 6) частые отлучки мужа или его длительное отсутствие.

---

⁷²² Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 74.

⁷²³ Тольц М.С. Брачность населения в России и СССР. М., 1977. С. 145.

Самой распространенной причиной развода, по мнению исследователей русской семьи, была «прелюбодейная жизнь» одного из супругов⁷²⁴. При этом в подавляющем большинстве случаев инициаторами разводов были мужчины. Однако прелюбодейание в обычном праве в отличие от церковно-государственного права не признавалось основанием для развода. Хотя оно считалось «грехом», неверность одного из супругов была довольно частым явлением⁷²⁵. От мужа крестьянский мир в данном случае ожидал не развода с неверной женой, а ее наказания. «Крестьянство в селах, – пишет М.М. Абрашкевич, – продолжает руководствоваться относительно прелюбодейания своими установившимися обычаями, чрезвычайно разнообразящимися по различным местностям»⁷²⁶. При этом неверность супруги осуждалась общественным мнением много строже, чем измена мужа («двойной стандарт»)⁷²⁷.

Отсутствие детей в семье после нескольких лет совместной жизни в глазах крестьян являлось также веской причиной для прекращения супружества. «У кого детей нет – во грехе живет», – говорилось в народной пословице.

Обычно жена выступала как страдающая сторона, покидая дом мужа после развода с имуществом, составлявшим ее приданое. Зачастую, чтобы не возвращать жене ее приданое, муж до тех пор истязал ее, пока не вынуждал уйти в монастырь.

По крестьянским представлениям брак считался нерушимым таинством. По Божьему повелению каждый должен был прожить в первом законе (у крестьян «состоять в законе» означало брачный союз). Кто вступал во второй или третий брак, тот много согрешил, и он должен держать ответ на страшном суде. Хотя второй брак в деревне не осуждался, но вызывал определенный суеверный страх из-за боязни того,

---

⁷²⁴ См.: Freeze G.L. Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia // The Journal of Modern History. Vol. 62. 1990. № 4. P. 733–735.

⁷²⁵ См.: Крюкова С.С. Брачные традиции южнорусских губерний во II пол. XIX в. // ЭО. 1992. № 4. С. 48.

⁷²⁶ Абрашкевич М.М. О прелюбодейании по русскому праву // «А се грехи злые, смертные...» Русская семейная сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века. В 3 кн. Кн. 3. М., 2004. С. 468.

⁷²⁷ См.: Абрашкевич М.М. Указ. соч. С. 469–470; Пушкарева Н.Л. Женщина в русской семье (X – XX века) // Русские... С. 461.

что он будет недолговечным и несчастным. Третий брак по народным понятиям считался недопустимым как страшный грех, неповиновение Божественной воле. В деревне говорили: «Первая жена от Бога, вторая – от человека, третья – от черта». Второй брак был необходим, по мнению крестьян, только в том случае, если у вдовца были малолетние дети, а в семье не было женщины, способной к уходу за ними. В этом случае он старался взять себе в жены вдову как опытную женщину.

Из-за трудностей получения официального расторжения брака, церковного развода в русской деревне второй половины XIX – начала XX в. имели место «самовольные разводы». Однако такие «расходки» не регистрировались. Иногда супруги добровольно прекращали совместное проживание, т.е. юридический развод крестьяне заменили фактическим разводом: супруги заключали «расходки» по инициативе одной стороны или по обоюдному согласию обеих сторон. Таким заключенным актам давали санкцию волостные суды. При расходе по обоюдному соглашению прекращались не только имущественные, но и личные отношения между супругами⁷²⁸. Гражданский развод в селе санкционировался негласно общиной и общественным мнением.

В конце XIX в. разводы стали постепенно проникать и в сельскую среду, что свидетельствовало о кризисе патриархального уклада. В частности, возрастает степень сопротивления женщины по отношению к неуголному супругу. Увеличивается число обращений крестьянок в волостной суд с жалобами на побои. С.В. Пахман отмечает, что волостные суды «весьма энергично защищают жен от деспотизма мужей»⁷²⁹. Это отмечает и И. Тютрюмов: «Волостной суд... почти всегда становится на сторону женщины и наказывает мужей за жестокое обращение с ними; так, за нанесение побоев и дурное обращение с женой, волостной суд присуждает мужа к аресту при волостном правлении до 7 дней или наказанию розгами до 20 ударов»⁷³⁰.

---

⁷²⁸ См.: *Лещенко В.Ю.* Указ. соч. С. 565.

⁷²⁹ *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. 1. СПб., 1879. С. 112–113.

⁷³⁰ *Тютрюмов И.* Указ. соч. С. 142.

Если женщина желала, она могла взять паспорт и уйти от мужа⁷³¹. Возможно, это сигнализировало о «проявлении определенных черт новой морали, проявляющейся как результат реформирования старого патриархального опыта»⁷³². Вместе с тем, Я. Лудмер указывает: «Крестьянская женщина лишь в редких случаях подает жалобы на своего мужа. От жалоб прежде всего удерживает ее безрезультатность их, так как “дурное обращение” не дает еще ей права на развод. Все же остальные меры, выдвигаемые законом против тиранов мужей, именно тюремное заключение (по приговору окружного и мирового суда), “холодная” и телесное наказание (по приговору волостного) вовсе не достигают цели, и непригодность этих мер испытывает прежде всего сама жалобщица, которой муж не простит, разумеется, вынесенного им из-за нее, наказания»⁷³³.

Корреспонденты Этнографического бюро из разных губерний Российской империи приводят много примеров, когда жена уходит от мужа, чаще всего к родителям. Она считала, что ее уход к родителям является более благородным поступком, чем уход к посторонним или выезд с выдачей паспорта⁷³⁴. На такой шаг женщина решалась, если муж был пьяница, не мог содержать семью, часто бил ее, прелюбодействовал и т.п.

В конце XIX в. отмечается некоторое смягчение нравов в семье, наблюдается изменение отношения мужа к жене в результате перехода рассмотрения большей части семейных дел между супругами из общинного в волостной суд⁷³⁵. Однако Я. Лудмер отмечает, что «волостные судьи, сами не хуже других расправляющиеся со своими женами, всегда почти становятся на сторону мужей, почему крестьянки всевозможными ухищрениями избегают этого суда»⁷³⁶.

---

⁷³¹ См.: *Красноперов И.М.* Указ. соч. С. 279; *Пахман С.В.* Очерк народных обычаев Смоленской губернии // Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900. Т. 2. С. 67, 68.

⁷³² *Милогорова И.Н.* Крестьянка... С. 73.

⁷³³ *Лудмер Я.А.* Бабы стоны (Из записок мирового судьи) // Юридический вестник. 1884. № 11. С. 447.

⁷³⁴ См.: РЖБН. Т. 2. Ч. 2. С. 362, 363; РЖБН. Т. 3. С. 90, 92, 95, 318; РЖБН. Т. 5. Ч. 2. С. 359, 360.

⁷³⁵ *Миронов Б.Н.* Социальная история... Т. 1. С. 244.

⁷³⁶ *Лудмер Я.А.* Указ. соч. С. 447.

Репродуктивное поведение

В ходе исторического развития человечества одной из важнейших функций семьи являлось воспроизводство человека. Оно определяло во многом и обрядовый характер традиционного ритуала создания семьи: свадьба буквально была насыщена действиями продуцирующего характера и пожеланиями многодетности. Например, такие пожелания как: «Дай Бог Вам, Иван Иванович, богатеть, а Вам, Марья Ивановна, спереди горбатеть»⁷³⁷, (т.е. беременеть) были обычными в приветствии молодых супругов.

Крестьяне отдавали себе отчет в том, что дети осуществляют связь поколений, поддерживают непрерывность семьи и рода. В их сознании появление младшего поколения воспринималось как неизбежное событие и своего рода божья благодать: «У кого детей много, тот не забыт у Бога», «С детьми горе, а без них вдвое»⁷³⁸. Но тем не менее часто сетовали: «Кабы вы, деточки, часто сеялись, да редко всходили»⁷³⁹.

Бесплодие же воспринималось крестьянами как несчастье для семьи и позор для женщины. Крестьяне верили в предопределенность детородной способности женщины. Они считали, что не только каждая женщина наделена потенциальной способностью к рождению детей, но, более того, в организме у нее как бы заложено количество возможных зачатий и даже пол будущих новорожденных.

Основную причину бездетности при отсутствии видимых нарушений здоровья видели в наказании Божьем за свои грехи, и даже грехи родителей. Очень характерным было высказывание «Бог дал (не дал) детей», поэтому для обретения «чадородия» женщины прежде всего прибегали к средствам, рекомендуемым церковью. Искали помощи свыше и следовали советам церкви – ходили на богомолья, давали обеты, осуществляли паломничество к святым местам. Особенно часто женщины обращались к Божьей матери, к св. Роману чудотворцу, преподобному Ипатию⁷⁴⁰.

---

⁷³⁷ Листова Т.А. Обряды и обычаи... С. 502.

⁷³⁸ Жиров М.С., Жирова О.Я. Указ. соч. С. 76.; Кичигин В.П. Указ. соч. С. 391.

⁷³⁹ Ивановская Т. Дети в пословицах и поговорках // Вестник воспитания. М., 1908. С. 119.

⁷⁴⁰ См.: Листова Т.А. Религиозно-нравственное... С. 36.

Рождение ребенка в крестьянской семье «не было событием исключительным, а только одним в долгой цепи других рождений»⁷⁴¹. Рожали детей в крестьянской семье столько, сколько Бог пошлет. Многодетность для крестьян считалась нормой, но для бедной семьи – бременем. Считалось, что чем больше было детей в семье, тем больше рабочих рук, которые так необходимы в крестьянском хозяйстве, да и – это опора на старости. Количество детей в крестьянской семье зависело исключительно от репродуктивных возможностей женщины. Каждая замужняя крестьянка имела в среднем 10-11 детей, и значит, рожала каждые два года в течение двадцати лет, некоторые имели по двадцать детей и рожали каждый год⁷⁴².

Начиная с середины XIX в. замужние крестьянки начинают осознавать, что многодетность – это не всегда благо. Это получило отражение в народных пословицах: «Без них (детей – З.М.) горе, а с ними вдвое», «Первые детки – соколятки, последние воронятки», «У кого детки, у того бедки», «Хороши ягоды с проборцем, а дети с проморцем»⁷⁴³.

Высокая детская смертность играла роль стихийного регулятора воспроизводства сельского населения. Систематические обследования конца 60-х – нач. 80-х годов XIX в. показывают, что в эти годы в России из числа родившихся детей 42 % умирали, не дожив до пяти лет, а в отдельных губерниях эти показатели превышали 50 % и даже 60 %. Процент умерших в этом возрасте мальчиков был выше, нежели девочек (в среднем по России соответственно 43,2% и 41,0%). Более всего гибли дети грудного возраста (до одного года); в среднем по стране смертность таких детей достигала 27% к числу родившихся, в 24 великорусских губерниях – свыше 30%, по Курской губернии – 22,4%⁷⁴⁴. Доктор Г. Попов, обобщивший обширный материал Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева по 23 русским губерниям (в том числе и Курской), отмечает, что в существовавших условиях деревен-

---

⁷⁴¹ Кабакова Г.И. Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья // Родины, дети, повитухи... С. 120.

⁷⁴² Миронов Б.Н. Вокруг свадьбы... С. 42–45.

⁷⁴³ Даль В.И. Пословицы... Т. 1. С. 295–302.

⁷⁴⁴ Смертность младенцев в Европейской России в 1867–1881 гг. // Временник Центрального Статистического комитета Министерства внутренних дел. Вып. 6. СПб., 1889. С. 4–8.

ской действительности «выживают только сильнейшие и гибнет почти половина детей деревни, едва дожив до пятилетнего возраста»⁷⁴⁵. По данным более поздних обследований (1887–1896), удельный вес умерших детей в возрасте до пяти лет повысился в среднем с 42 % до 43,2 %, а в 15 великорусских губерниях (из 24 губерний) он превысил 50 %, что было связано, видимо, с голодом и эпидемией холеры в начале 90-х годов⁷⁴⁶. Однако уровень детской смертности сохранялся и в начале XX в. Согласно статистике, в то время умирало более половины родившихся детей⁷⁴⁷. Только благодаря тому, что в среднем у крестьянок рождалось по 10-12 детей, обеспечивался сравнительно высокий естественный прирост населения. Шел «естественный отбор» детей на выживаемость: выживали из них только наиболее крепкие и выносливые. По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.) примерно 20% новорожденных не доживали до одного года. Причинами высокой смертности в русской деревне являлось, прежде всего, отсутствие эффективных средств борьбы с родовыми травмами, серьезными заболеваниями младенцев и незнание правил гигиены. Следует отметить, что к смерти младенцев в крестьянских семьях относились спокойно, говоря: «Бог дал, Бог взял». Высокая детская смертность, по мнению О.М. Вербицкой, приводила к тому, что значительная масса биологической энергии женщин тратилась впустую⁷⁴⁸.

Вместе с тем следует отметить, что отношение крестьян к деторождению было неоднозначным. Рождение ребенка в многодетной, бедной семье было явлением обременительным, «обузой». Отношение крестьян к многодетности описала О.П. Семенова-Тян-Шанская: «Если же баба начинает часто родить, то в семье к этому, конечно, относятся неодобрительно, не стесняясь иногда делать грубые замечания по этому поводу: “Ишь ты, плодливая, обклаталась детьми, как зайчиха. Хоть бы

---

⁷⁴⁵ Попов Г.И. Указ. соч. С. 1.

⁷⁴⁶ См.: Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней. СПб., 1901. С. 21, 24.

⁷⁴⁷ Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1909–1911 гг. // Статистический временник Российской империи. Т. 82. СПб., 1914. С. III–IV.

⁷⁴⁸ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 84.

подохли они, твои щенки-то, трясет каждый год, опять щенка отшлепела” и т.п., и т.д. Замечания эти исходят нередко от свекрови»⁷⁴⁹.

На репродуктивное поведение крестьян в конце XIX в. – начале XX в. оказало влияние развитие отхожих крестьянских промыслов, русско-японская война и, как результат, длительное отсутствие мужей. С одной стороны, женщина в некоторой степени освобождалась от тягот непрерывных беременностей и лактации; с другой – «длительные разлуки супругов отрывали женатых крестьян от семьи, существенно сокращали общую продолжительность их брачной жизни, а в конечном итоге – понижали рождаемость и общее число детей в семье»⁷⁵⁰. Врач Д.Н. Жбанков, используя данные за 1866–1883 гг., подсчитал, что в волостях с развитым отходничеством женщины рожали за репродуктивный период 5,3 раза, а в волостях «оседлых» – 9,2 раза, т.е. на 74% больше⁷⁵¹. По подсчетам Б.Ц. Урланиса, уровень рождаемости в России за период с 1893 по 1912 гг. снизился на 5%⁷⁵². Это свидетельствует о том, что в конце XIX – начале XX в. крестьяне начинают регулировать уровень рождаемости, хотя, как известно, он оставался довольно высоким.

Традиционное репродуктивное поведение русских крестьян поддерживалось всем порядком православной жизни. На частоту супружеской близости оказывал влияние церковный календарь, когда в период православных постов, предшествовавших главным церковным праздникам, супругам надлежало воздерживаться.

Всякие попытки избежать или прервать нежелательную беременность рассматривались как тяжкий грех, за который на женщин накладывались суровые наказания, плодоизгнание приравнивалось к убийству⁷⁵³. Наряду с матерью ответственность за грех убийства нерожденного ребенка нес и отец в случае его согласия на производство

---

⁷⁴⁹ Семенова-Тян-Шанская О. Указ. соч. С. 33.

⁷⁵⁰ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 80.

⁷⁵¹ Жбанков Д.Н. Влияние отхожих промыслов на движение народонаселения Костромской губернии по данным 1866–1883 гг. Кострома, 1887. С. 87.

⁷⁵² Цит. по: Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 81.

⁷⁵³ См.: Мухина З.З. Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре Европейской России (вторая половина XIX – 30-е гг. XX в.) // ЭО. 2012. № 2. С. 147.

аборта. Если аборт был совершен без согласия мужа, это могло быть основанием для расторжения брака. Грех ложился и на того, кто произвел аборт. Согласно 91-му правилу VI-го Вселенского собора, «и дающая и принимающая детоубийственные отравы причисляются к вольным убийцам». Исповедникам надлежало каждый раз подробно выспрашивать у прихожанок, «[с]колько убили в себе детей». В духовных христианских книгах плодоизгнание причисляется к грехам, которым «нет покаяния», т.е. в совершении которых нет смысла каяться, ибо им нет прощения. В качестве наказания назначались епитимьи от 5 до 15 лет, штрафы, иногда отлучали от церкви. В русле церковных воззрений в целом находились и традиционные крестьянские представления по вопросам плодоизгнания и контрацепции.

Тяжелейшим грехом считалось уничтожение уже зародившегося ребенка⁷⁵⁴. Крайне негативное отношение к плодоизгнанию сложилось под влиянием религиозного учения о самоценности каждого живого существа, зачатого и рожденного Божьим благословением. Вместе с тем «деревенские бабы не считали большим грехом молиться о смерти нежелательного ребенка»⁷⁵⁵.

Указанный подход к данным вопросам подкреплялся и официальным законодательством Российской империи⁷⁵⁶. По уложению 1845 года плодоизгнание было равносильно детоубийству и каралось каторжными работами сроком от четырех до десяти лет. Аборт допускался лишь по медицинским показаниям, когда роды ставили под угрозу жизнь и здоровье женщины. Во всех остальных случаях плодоизгнание относили к преступным деяниям. По Уложению о наказаниях 1885 г. плодоизгнание стояло в одном ряду с детоубийством, и виновные лишались всех прав состояния и подлежали ссылке на каторгу в Сибирь сроком от 4 до 10 лет. По новому и последнему в истории Российской империи уголовному кодексу 1903 г. наказания были несколько смягчены. Но все равно плодоизгнание было оставлено в разделе «Убийство» и за него мать, виновная в умерщвлении своего плода, наказывалась заключением в исправительном доме на срок не свыше

---

⁷⁵⁴ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 68. Л. 3–4.

⁷⁵⁵ Безгин В.Б. Положение женщины... С. 207.

⁷⁵⁶ Уложение о наказаниях. Ст. 1461 – 1462 // Законы о женщинах. СПб., 1899. С. 97.

трех лет. Виновный в умерщвлении плода беременной женщины наказывался заключением в исправительном доме (Статья 465). Если это был врач или повивальная бабка, то еще следовал запрет на практику от одного до пяти лет с опубликованием приговора⁷⁵⁷.

Непримиримо к абортам было настроено и общественное мнение села. В крестьянских традициях по степени греховности он приравнивался к убийству («загубили ведь душу») и влек за собой самое страшное наказание («в бездну за это пойдешь»).

Несмотря на приверженность христианскому православному мировосприятию, крестьянкам был известен феномен так называемой нежелательной беременности. В опубликованных этнографических источниках не имеется каких-либо определенных данных по этому вопросу. Отмечено лишь небольшое количество фактов обращения женщин российской деревни к определенным способам. Например, наиболее распространенным средством контрацепции являлось длительное, до 3-4 лет кормление грудью. Среди крестьянских женщин существовало убеждение, что в период кормления не может наступить новая беременность⁷⁵⁸. В народной медицине существовали только «зелья» для прерывания беременности, какие-либо гомеопатические контрацептивы, блокирующие овуляцию, были мало распространены. Использование «зелий» (отваров) как формы контрацепции, равно как абортов, крайне отрицательно воспринималось церковью и по церковным законам приравнивалось к детоубийству.

Все же, несмотря на отрицательное общественное мнение, страх наказания со стороны государства и со стороны церкви, женщины шли на аборты. Конечно, на это толкало то, что в крестьянской среде внебрачные дети воспринимались как позор, на это указывают и материалы судов⁷⁵⁹.

До нас дошли описания самых невероятных способов, к которым прибегали деревенские девушки для вытравливания плода. Для этого использовались все доступные средства, которые по крестьянским представлениям могли помочь прервать беременность – от механиче-

---

⁷⁵⁷ Таганцев Н.С. Уголовное уложение. СПб., 1904. С. 627.

⁷⁵⁸ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография... С. 329.

⁷⁵⁹ См., например: Грегори А.В. Материалы по вопросу о детоубийстве и плодоизгнании. Варшава, 1908. С. 17.

ских воздействий и принятия вовнутрь различных химических соединений до магических и ритуальных методов. По мнению А.О. Афиногенова, в конце XIX века «из средств, употребляемых для прерывания беременности», на первом плане стояли механические⁷⁶⁰. К ним относились перетягивание живота полотенцами, веревками, поперечниками от конской сбруи, разминание «нутра» (живота), трясение всего тела; также клали на живот большие тяжести, ставили горшки, били по животу кулаками, скалками, вальками и т.п., иногда наваливались животом на тупой конец кола, упирая острый в землю, парились в печи или жаркой бане. Также поднимали непосильные тяжести, прыгали с высокой лестницы, сеновала, перескакивали через бочку или высокую изгородь⁷⁶¹ – все это было часто практиковавшимися приемами.

Забеременевшие девушки для изгнания плода пили настои «неродихи» (разновидность мака) и медвежьей лапы (лесного лопуха), ели особую полынь-траву, которая не имела корней, также употребляли спорынью по десять рожек в первые дни беременности. Корреспонденты Этнографического бюро писали, что женщины принимают селитру, сулему, киноварь, мышьяк, «живую ртуть», крепкую водку, настой корицы в вине, отвар луковых перьев, серу и т.д.⁷⁶² Самым распространенным средством плодоизгнания являлся прием охотничьего пороха с примесью сулемы с парным молоком или водой. Белый или желтый фосфор (0.2 – 2 мг) принимали с мукой, салом или сахаром. К половым органам ставили пиявки, вливали во влагалище воду с хлором, аммиаком, мылом, древесным уксусом, карболовой кислотой, сулемой, металлическую ртуть, мышьяк, порох на молоке или водке, производили зондирование матки⁷⁶³. Употребление этих средств, в особенности, пороха, сулемы, фосфорных спичек, мышьяка нередко влекло за собой смерть. В периодическую печать от корреспондентов Курских губернских ведомостей приходили следующие сообщения: «8 октября 1870 г. Львовский уезд, с. Н.-Деревеньки. Крестьянка Наталья

---

⁷⁶⁰ Афиногенов А.О. Указ. соч. С. 57.

⁷⁶¹ Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001. С. 202.

⁷⁶² См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 68. Л. 4.

⁷⁶³ Попов Г.И. Указ. соч. С. 371–372; Семенова-Тян-Шанская О. Указ. соч. С. 80; Мужики и бабы... С. 119.

Гончарова, 32 лет, умерла от отравления себя каким-то лекарством, принятым по случаю беременности для изгнания плода»⁷⁶⁴.

В русской деревне не редки были случаи детоубийства⁷⁶⁵. В Курских губернских ведомостях постоянно были сообщения: «Тимский уезд, с. Суволочное. Крестьянка – девица Агафья Агафонова, 21 года, родив ребенка, из чувства стыда умертвила его и труп скрыла»⁷⁶⁶; «Щигровский уезд, д. Кузьминки. 30 мая в реке Тускари найден неизвестно кем брошенный мертвый младенец женского пола»⁷⁶⁷; «Путивльский уезд, с. Пески. 6 августа вдова крестьянина Лукерья Цибульская родила младенца мужского пола, которого задушила и скрыла в собственном доме под полом»⁷⁶⁸. Жертвами этого преступления, как правило, были внебрачные дети, матери которых пытались таким образом спастись от позора и крайней нужды⁷⁶⁹. По утверждению М.Н. Гернет, абортыв были больше распространены в городах, а детоубийства в деревнях⁷⁷⁰. Но надо иметь в виду, что значительная часть работниц фабрик, служанок и горничных состояла из крестьянских женщин. По данным доктора В. Линденберга: «Из обвинявшихся в детоубийстве, ...сокрытии трупа, матерей было ...крестьянок 98%»⁷⁷¹.

Причинами детоубийства девушками-крестьянками были крайняя нужда, позор и страх перед осуждением со стороны односельчан.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. наблюдается снижение рождаемости в крестьянских семьях. На уровень рождаемости оказывали влияние социально-экономические, культурные и психологические факторы. Для регуляции деторождения, особенно в многодетных бедных семьях, женщины пытались прибегать к разным средствам изгнания плода или предохранения от беременности.

---

⁷⁶⁴ КГВ. 1870. № 62.

⁷⁶⁵ Шашков С.С. Указ. соч. С. 49.

⁷⁶⁶ КГВ. 1895. № 268.

⁷⁶⁷ КГВ. 1870. № 51.

⁷⁶⁸ КГВ. 1870. № 68.

⁷⁶⁹ Семенова-Тян-Шанская О. Указ. соч. С. 56–58.

⁷⁷⁰ Гернет М.Н. Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения // Вестн. права. М., 1914. № 3. С. 143.

⁷⁷¹ Линденберг В.Г. Материалы к вопросу о детоубийстве и плодозгнании. Диссертация. Юрьев, 1910. С. 76.

Женщина в крестьянской семье

Исследуя и анализируя различные стороны крестьянской повседневности, можно реконструировать картину положения русской женщины-крестьянки в семье во второй половине XIX – начале XX века.

В целом, отношение к женщине в крестьянской семье во второй половине XIX века регулировалось сложившимися традициями и нормами обычного права и христианской морали. На ее положение в семье оказывали влияние, прежде всего, форма и структура семьи. Во второй половине XIX века, как было отмечено раньше, наряду с малой семьей, состоящей из двух поколений – родителей и детей, еще широко бытовала и неразделенная большая семья, в которой проживало несколько брачных пар и представители нескольких поколений.

Положение женщины, входившей в состав многопоколенной сложной крестьянской семьи, зависело от ее возраста, места и роли мужа в семье, отношения к ней мужа, а также от характера выполняемых обязанностей и ее личных качеств.

В последние десятилетия в современной отечественной науке проблемы половозрастной и социально-семейной стратификации в русском традиционном обществе разрабатываются в работах Т.А. Бернштам⁷⁷², Н.Л. Пушкаревой⁷⁷³, И.Н. Милоголовой⁷⁷⁴, С.Б. Адоньевой⁷⁷⁵ и других авторов.

Какие возрастные и социально-семейные страты женщин можно выделить в большой многопоколенной русской крестьянской семье?

В сложной неразделенной крестьянской семье можно выделить следующие возрастные и социально-семейные страты⁷⁷⁶: 1) жена главы семьи; 2) жены сыновей или братьев главы семьи (снохи); 3) неза-

---

⁷⁷² См.: Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни...

⁷⁷³ См.: Пушкарева Н.Л. Женщины России и Европы...; Она же. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России...; Она же. Женщина в русской семье (X – начало XX в.)... С. 41–54.

⁷⁷⁴ Милогорова И.Н. Распределение хозяйственных функций... С. 93–100.

⁷⁷⁵ Адоньева С.Б. О ритуальной функции женщины в русской традиции // Живая старина. 1998. № 1 (17). С. 26–28.

⁷⁷⁶ Постановка этой задачи была дана Е.П. Бусьгиным, Н.В. Зориним, З.З. Мухиной (См.: Сельская женщина в семейной и общественной жизни. Казань, 1986. С. 12–16.

мужние дочери главы семьи; 4) старые девы; 5) вдовы; 6) солдатки; 7) старухи. Женщины каждой из этих страт были в разном положении, имели неодинаковые права и обязанности, да и отношение окружающих к ним было различным. Переход в иную био- и социовозрастную категорию выражается в изменении половозрастного названия, внешнего облика (одежда, прическа, украшения), поведения, семейных, общественно-трудовых и религиозно-обрядовых функций.

В предыдущей главе нами уже были рассмотрены изменения внешнего облика (в одежде, прическе, украшениях) разных возрастных групп женщин.

Жена главы семьи («большуха»)⁷⁷⁷ в большой неразделенной семье являлась в доме старшей женщиной. Иногда эта роль отводилась матери домохозяина. Обычно она была матерью и свекровью для остальных женщин. Большуха пользовалась уважением и некоторой властью. Она была правой рукой большака. Она обычно следила за порядком в хозяйстве, вела учет продуктов, ставила главу семьи в известность о нуждах в хозяйстве, наблюдала за дочерьми и снохами, распределяла работу между женщинами, занималась обучением домашних работ младших членов семьи и воспитанием внучат⁷⁷⁸. Она была наделена большими полномочиями в отведенном ей кругу обязанностей. Жена главы семьи не только распределяла домашние работы и контролировала их выполнение («выговаривала» в случае нерадивости), но и сама выполняла работы по хозяйству: готовила пищу, заготавливала припасы и др.⁷⁷⁹ На «большухе» обычно лежала обязанность по выпечке хлебов, а в праздничные и торжественные дни она сама готовила пищу. «В хорошей, порядливой семье, когда ставят хлеб, вымешивают и сажают его в печь, хозяйки сами крестятся и на тесте проводят кресты. Так, говорят, велит закон»⁷⁸⁰, – сообщает информатор из Курской губернии. Другие работы в домашнем хозяйстве исполнялись под ее руководством младшими женщинами семьи, которые в этих работах чередовались или по понедельно или по денно, «бабы наблюдают

---

⁷⁷⁷ *Даль В.И.* Толковый словарь... Т. 1. С. 113.

⁷⁷⁸ См.: *Очерки общей этнографии...* С. 124.

⁷⁷⁹ См.: *Быт великорусских крестьян-землепашцев...* С. 182; *Милогорова И.Н.* Распределение хозяйственных функций... // СЭ. 1991. № 2. С. 95.

⁷⁸⁰ РЖБН. Т. 6. С. 39.

между собой очередь»⁷⁸¹. М. Левин отмечает, что вообще среди женщин в семье происходила «борьба за ухват, квашню и кошель»⁷⁸².

Умелое руководство хозяйством и бытом, а также всей женской половиной семьи (мир между членами семьи) было чрезвычайно важно для организации слаженной работы механизма домашней крестьянской экономики: «При хорошей большухе ангелы в семье живут, а при плохой усими нечистый обуяет» – говорили крестьяне. В обязанности большухи входила также организация всех семейных ритуалов: календарных праздников, на которых гостят «по семьям», поминок, свадеб.

В случае смерти большухи ее место, согласно традиции, занимала старшая сноха, но властью свекрови по отношению к другим невесткам она уже не пользовалась, ее обязанность состояла лишь в надзоре за домохозяйством. Однако большухой могла быть не только замужняя крестьянка или вдова, но и девушка. Бывали случаи, когда при большухе-матери исполняла роль большухи по отношению к другим средняя дочь, доверие она получала от матери за свою хозяйственную честность и аккуратность. Иногда дочь становилась большухой при жизни матери, если та «слаба здоровьем, нерасторопна»⁷⁸³.

Деятельность крестьянки в роли хозяйки дома была средством к достижению семейного достатка и одновременно образом жизни женщины в семье. Хотя все вопросы, касающиеся хозяйства, купли-продажи и др. решали мужчины, но в отдельных случаях, когда дело касалось женщины, спрашивали и ее⁷⁸⁴.

Однако в условиях растущего денежного характера хозяйства в конце XIX в. главным для старшей хозяйки становился не возрастной ценз, а личные качества, такие как расторопность, смекалка, инициативность – те, что помогали приспособить домашнюю экономику к рыночным отношениям⁷⁸⁵.

Вторую группу женщин составляли **жены сыновей и братьев главы семьи (снохи)**. Они были поставлены в зависимость от мужей, их

---

⁷⁸¹ Машкин А.С. Указ. соч. С. 19.

⁷⁸² Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М., 1997. С. 86.

⁷⁸³ Милогорова И.Н. Распределение хозяйственных функций... С. 94.

⁷⁸⁴ См.: Быт великорусских крестьян-землепашцев... С. 185.

⁷⁸⁵ Милогорова И.Н. Крестьянка... С. 63.

родителей и прочих родственников, а также от тех, кто был старше их возрастом⁷⁸⁶. Снохи занимали в семье особое положение. Они являлись «чужеродками», были связаны с семьей мужа косвенными родственными узами, поэтому держались в семье обособленно. Сноха, кроме мужа, в значительной степени зависела от свекра и свекрови. Следует отметить, что положение снох было различным. На него оказывало влияние ее умение работать. В зависимости от этого она пользовалась большим или меньшим уважением. На ее положение в семье оказывало влияние наличие детей. Например, многодетные снохи вели себя более свободно.

В больших неразделенных семьях было от двух до пяти снох. Ими управляла обычно свекровь – жена главы семьи, большуха. Снохи обязаны были беспрекословно выполнять все ее распоряжения. В таких семьях между снохами встречались самые различные варианты распределения домашних работ. Они были связаны с семейными традициями, структурой и размерами семьи и другими причинами. Печением хлеба занималась наиболее опытная, чаще всего старшая сноха; готовили пищу и доили коров снохи поочередно. В очень больших семьях различные виды работ выполняли одновременно по две снохи. Зимой между женщинами иногда устанавливалась очередность в выполнении домашних работ, «очередная женщина должна наносить воды, напоить скот и исполнить все другие хозяйственные дела»⁷⁸⁷. Женщин, поочередно выполнявших обязанности по дому, называли «деньщицами»⁷⁸⁸. Деньщица никогда не обедала вместе с другими, а только подавала и принимала кушанья, обедала после одна⁷⁸⁹. Другие в это время работали на себя⁷⁹⁰. Вновь пришедшим снохам, в частности молодым, в некоторых семьях свекровь предоставляла на год, а то и на два льготу – освобождала от обязанностей «деньщицы».

Старшая сноха имела преимущества среди других снох. В случае болезни, отсутствия свекрови она управляла домом или, будучи женой главы семьи (одного из братьев), распоряжалась всеми домашними

---

⁷⁸⁶См.: *Пушкарева Н.Л.* Женщина в русской семье (X – XX века)... С. 460.

⁷⁸⁷ГАКО. Ф. 68. Оп. 4. Д. 68.

⁷⁸⁸См.: *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 19.

⁷⁸⁹Там же.

⁷⁹⁰ГАКО. Ф. 68. Оп. 4. Д. 68.

работами. Старшей снохе должны были повиноваться все незамужние золовки. В то же время, по отношению к другим невесткам она уже всей властью не пользовалась⁷⁹¹.

Самая трудоемкая часть работы по дому и домашнему хозяйству выпадала на долю младшей снохи. Ей нужно было повиноваться не только своему мужу, но и всем старшим родственникам⁷⁹². «Войдя в мужнину семью, – пишет Р.Я. Внуков, – по возрасту чуть не ребенок, она из-под материнского крыла, из “горницы” впрягается в самую тяжелую домашнюю работу. Свекровь и рада на нее взвалить все дела. Невестка ей нужна по ряду причин... 1. Привязать к дому и к работе сына. 2. Заменить себя на домашней работе. 3. Позволить себе сосредоточить внимание на дочери и ее наряде. Золовкам невестка нужна по тем же причинам. ...Прежде всего, невестке предоставляют только работу, а распоряжение продуктами труда берут на себя свекор, свекровь, золовки, деверья. Потребности ее урежут до минимума: она за работу получает только общий стол и больше ничего»⁷⁹³.

В то же время старшие члены семьи старались вводить молодую женщину (молодуха, молодайка)⁷⁹⁴ в новую роль жены и невестки постепенно. Она до рождения первого ребенка могла ходить на хороводы, гулянья, но после рождения первого ребенка «молодуха» лишалась этого полностью и надолго попадала в подчиненное положение.

Положение женщины в неразделенной семье зависело и от того, в какую семью она попадала. Корреспондент Этнографического бюро из Курской губернии приводит разговор с одним из информаторов: «А ты не похожа на свою сестру», – заметила я, глядя на полную, дородную, и моложавую бабу. “Да та похудее будет! Да нешто у ней такая жизнь, как у меня? Я попала в холю, да волю, а ей плохо пришлось. Ведь у ней семь дитенков, а тут свекор пьяница, да муж тоже при случае выпить любит. То все на заработки ходил, а теперь вот как пришел, так никабы (кажется) два раза уже бил ее. Эх, плохое ей житье! Бывало, как были дети наименьше, бывало, целую ночь не заснет, то к одному, то к другому подниматца, а днем тоже некогда спать! А то, бывало,

---

⁷⁹¹ Милогорова И.Н. Распределение хозяйственных функций... С. 97–98.

⁷⁹² См.: Ефименко А.Я. Исследования... С. 84.

⁷⁹³ Внуков Р.Я. Указ. соч. С. 14.

⁷⁹⁴ Даль В.И. Толковый словарь... Т. 2. С. 333.

как свекор напѣтца пьян, придеть в хату, да дрючком ее и колотить. Так она, бывало, как знать, што свекру пора придти, побрасаить дитей у хати, а сама спрячитца на дворе пад сараем, да так целаю ночь и простоит на морозе. Один раз так свекор взял да и повыкидал к ней дитей из хаты прямо на двор. Поверите ли, ночи не проходило, штобы сестра не была бита»⁷⁹⁵. Подобные случаи не были единичными.

В случае ухода мужа на военную службу и ее возвращения с детьми в родной дом, сноха могла требовать выдела. Бездетная сноха требовать выдела не имела права, она могла лишь уйти из дома мужа и взять с собой лично ей принадлежавшее имущество.

В Курской губернии, как и в других регионах России, имело место и такое явление, как *снохачество*⁷⁹⁶. Пользуясь отсутствием сына, а иногда и в его присутствии, свекор принуждал сноху к половой близости. В ход шли все средства: и уговоры, и подарки, и обещания легкой работы. Обычно такая целенаправленная «осада» давала свой результат. В ином случае уделом молодой женщины становилась непосильная работа, сопровождаемая придирами, ругательствами, а нередко побоями⁷⁹⁷. Е.Т. Соловьев отмечал, что «... если сноха восставала против притязаний своего свекра, последний мог жестоко мстить за это: бить ее, держать в подполье, погребу или холодном амбаре»⁷⁹⁸. Женщина, доведенная до отчаяния безвыходностью положения, решалась на бегство или лезла в петлю. Снохачество также служило причиной возникновения ссор между «снохарем» и мужем. Нередко месть сына своему отцу завершалась кровавой расплатой. Исследователи отмечали, что одной из причин этого явления был сезонный отток молодых мужчин на заработки. Хотя эта форма кровосмешения была осуждаема просвещенным обществом, крестьяне не считали ее серьезным правонарушением⁷⁹⁹. Другая из причин – ранние браки. Отцы, склонные к снохачеству, умышленно женили своих сыновей молодыми

---

⁷⁹⁵ РКБЖН. Т. 6. С. 44.

⁷⁹⁶ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп.1. Д. 51. Л. 6.; Там же. Д. 45. Л. 4.

⁷⁹⁷ См.: Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа // Юридический вестник. 1877. № 3–4. М., 1877. С. 46.

⁷⁹⁸ Соловьев Е.Т. Гражданское право. Вып. 1. С. 10.

⁷⁹⁹ См.: Смирнов А. Указ. соч. С. 110, 112.

для того, чтобы пользоваться их неопытностью⁸⁰⁰. Как отмечают исследователи, случаи сожительства свекра и невестки наиболее часты были и в тех местах, где было развито отходничество: «возмутительный обычай “снохачества” получил преимущественное развитие там, где мужья оставляют своих жен...»⁸⁰¹. Крестьяне прекрасно осознавали и оценивали такую связь как большое преступление перед православной верой. Традиционно в селе снохачество считалось самым позорным грехом.

Следует отметить, что положение женщины в семье порой зависело от размера приданого, которое она приносила в семью мужа. Невестка, взятая из состоятельной семьи с богатым приданым, пользовалась бóльшим авторитетом и имела некоторую самостоятельность. Ей реже поручалось выполнение тяжелой работы по домашнему хозяйству. С явной несправедливостью относились к бедной невестке-бесприданнице, взятой в зажиточную семью. Это свидетельствует о том, что положение женщины в семье и обществе определялось не только ролью мужа в семье и его экономическим положением, но и зависело от материального достатка ее родных.

Всегда оставалась значительной роль женщины в семье как основного организатора семейного уклада, уюта, досуга и воспитателя детей⁸⁰², хранительницы семейных традиций и преданий. Вся женская половина была своеобразным оплотом дома. Это подчеркивают корреспонденты Этнографического бюро: «Когда дело касается соблюдения традиции, муж беспрекословно подчиняется воле жены, хотя бы осознавая нелепость оных»; «при женитьбе сына или выдаче замуж дочери почти каждый отец советуется со своей женой»⁸⁰³.

Общими для всех женщин большой патриархальной семьи были порядок наследования, их зависимость от мужчины.

Порядок наследования у крестьян определялся нормами обычного права⁸⁰⁴. Из наследства женщина получала обычно только 1/4 часть

---

⁸⁰⁰ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 2.

⁸⁰¹ *Весин Л.П.* Указ. соч. С. 187.

⁸⁰² См.: *Ботова С.И. и др.* Указ. соч. С. 64.

⁸⁰³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1781. Л. 27; Д. 1808. Л. 6.

⁸⁰⁴ См.: *Мухин В.* Обычный порядок наследования у крестьян. СПб., 1888. С. 31.

имущества мужа, а если у нее были дети, то ее доля в их пользу уменьшалась до 1/8 части.

Если положение замужних женщин зависело от места мужа в семье, то среди незамужних – от возраста: девочка, девушка-невеста (девица, девка)⁸⁰⁵, старая дева.

В связи с тем, что особенности возрастной группы девочек даны в главе IV, здесь мы рассмотрим из группы «незамужние дочери главы семьи» только положение девушки-невесты и «старой девы».

Незамужние дочери главы семьи (девушки) оставались в семье до выхода замуж. По обычному праву дочери при наличии сыновей не имели право на наследство. Но со временем, чтобы обеспечить их существование в случае смерти отца, из имущества братьев им стали «отводить часть»⁸⁰⁶. Если происходил полный раздел семьи, то братья, по возможности, строили незамужней сестре избушку, наделяли ее известным количеством зерновых припасов и прочего, выделяли кое-что из птицы или домашнего скота, а также небольшой участок земли для посева льна⁸⁰⁷.

С раннего возраста девочки начинали выполнять доступные им работы. По достижении брачного возраста они переходили в разряд невест. «17 лет – конец девичьей жизни: осенью в храмовый праздник ей пора выходить замуж»⁸⁰⁸, – пишет А. Новиков.

Девушки-невесты привлекались к выполнению всех видов женских работ. Но они не имели своего очередного дня. «Девушки в работу идут в ряд со снохами...»⁸⁰⁹. Девушки помогали матери и невесткам по дому, стирали на себя и на холостых братьев⁸¹⁰. По сравнению с другими женщинами девушки-невесты пользовались большей свободой, так как считались временными членами в родной семье. До замужест-

---

⁸⁰⁵ *Даль В.И.* Толковый словарь... Т. 1. С. 508.

⁸⁰⁶ См.: *Шашков С.С.* История русской женщины. СПб., 1878. С. 266.

⁸⁰⁷ См.: *Соловьев Е.Т.* Очерки семейного права... С. 16; *Миронов Б.Н.* Социальная история... Т. 2. С. 73.

⁸⁰⁸ *Новиков А.* Указ. соч. С. 15.

⁸⁰⁹ ГАКО. Ф. 68. Оп. 4. Д. 68.

⁸¹⁰ ГАКО. Ф. 68. Оп. 11. Д. 44.

ва они в основном работали на себя, т.е. пряли, ткали, шили, вышивали, готовили приданое и свою девичью одежду⁸¹¹.

Девушкам разрешали посещать гулянья, хороводы, посиделки. Чаще, чем другие члены семьи, они могли ходить в лес за грибами, ягодами. Однако и они во всем должны были подчиняться своим родителям и, в первую очередь, отцу, который имел право всячески наказывать свою дочь, выдать замуж без ее согласия, единолично определять размеры приданого и т.д.

Если дочь оставалась в девушках, то она в доме отца имела преимущество перед невестками, после смерти матери становилась второй хозяйкой. После смерти обоих родителей, по обычаю, она становилась «в один ряд с невестками», работала на всю семью, а не на себя лично⁸¹².

«Вековуха», «старая дева». Несмотря на тяжелое и зависимое положение женщины в семье мужа, замужество было мечтой каждой крестьянской девушки. Девушка старше 20 лет считалась уже засидевшейся невестой, вышедшей из брачного возраста. Девушку, не вышедшую замуж, относили в разряд «старых дев» («вековух», «вековух»). Статус старой девы был близок по ряду признаков к статусу стариков⁸¹³.

В родной семье ее считали «лишним ртом». Односельчане к ней относились как к неполноценной, имеющей физические, нравственные или другие недостатки. «Старая дева» часто становилась предметом насмешек и злословия. Занятия вековух менялись и соответствовали возрасту: сначала она выполняла домашнюю работу, как и другие женщины в семье, посещала посиделки своей возрастной группы, но со временем принимала обязанности старых женщин. Однако в родном доме, как было отмечено выше, она имела преимущество перед невестками, а в отдельных случаях после смерти матери становилась хозяйкой дома – большухой. Женщина, не реализовавшая свою фертильность, считалась обладательницей магической силы, выступающей как в отрицательной, так и положительной роли. Так, например, она как имеющая статус чистоты и непорочности участвовала в обряде

---

⁸¹¹ См.: *Милоголова И.Н.* Распределение хозяйственных функций... С. 97–98.

⁸¹² См.: *Ботова С.И. и др.* Указ. соч. С. 63.

⁸¹³ Мужики и бабы... С. 96.

«опахивания» села или деревни (пропахивание охранительного круга), широко распространенного в южнорусских губерниях⁸¹⁴. Ее привлекали к обрядам обмывания, снаряжения покойников и др. Однако в ритуалах продуцирующего значения участвовать старым девам запрещалось. Им приписывали вредоносные свойства: на них налагали ответственность за «закруты» (завязанные колосья) в поле во время созревания хлебов, способность вызвать засуху, пожары, «порчу».

Вековухи имели в семье особый двойной статус, позволявший им принадлежать сразу к двум категориям – к незамужним женщинам (как социальной группе) и к старым (как к возрастной группе)⁸¹⁵.

Вдова. Следующую группу составляли вдовы – жены, живущие после смерти мужа безбрачно⁸¹⁶. «С мужем мужа; без мужа и того хуже; а вдовой да сиротой – хоть волком вой», «Вдовье дело горькое. Вдовье сиротское дело. Сирая вдова – круглая сирота», «На вдовый плач глядя, и мужик убивается»⁸¹⁷, – говорится в русских народных пословицах. Положение вдов определялось обычным правом и зависело от состава семьи и характера ее членов.

Положение снох-вдов, живших в семьях мужей, было особенно тяжелым. Они жили на правах батрачек, становились «предметом, на котором каждый может срывать свое сердце»⁸¹⁸. При разделе семьи вдова переходила жить к одному из братьев мужа. Вдова, имевшая сыновей, при общем разделе получала в пользование все имущество покойного мужа, «пока дети не вырастут и не захотят делиться»⁸¹⁹. Если вдова, имеющая детей, второй раз выходила замуж, то мальчиков ей обычно не отдавали с собой в новую семью. Они оставались в старой семье и старом доме при «дедке и бабке». Они являлись прямыми наследниками всего того, что осталось от их отца и что теперь фактически находилось в руках их деда. У них в своей деревне и в

---

⁸¹⁴ Там же. С. 98.

⁸¹⁵ Там же. С. 99.

⁸¹⁶ *Даль В.И.* Толковый словарь... Т. 1. С. 173; *Даль В.И.* Пословицы... С. 294–295.

⁸¹⁷ Там же.

⁸¹⁸ *Ефименко А.Я.* Исследования... С. 96.

⁸¹⁹ Там же. С. 97.

своём обществе существовал неотъемлемый надел земли⁸²⁰. Если же вдова имела только дочерей, то при выделе ей давали не определенную часть, а смотря по достатку, приблизительно четвертую-пятую долю. Если у вдовы была не одна, а две-три девочки, то доля выделенного ей имущества бывала несколько больше⁸²¹. О непростой вдовой доле и ее дочерей свидетельствует пословица: «Не купи у попа лошади, не бери у вдовы дочери»⁸²².

Снохи-вдовы обычно старались жить вместе со стариками – его родителями. В ином положении находилась вдова, когда в семье оставался брат ее мужа – деверь. Тут, чаще всего, ей не давали жить вместе, отделяли или доводили до того, что она уходила сама⁸²³ в родную семью, где она уже потеряла свое «естественное место и там ей обыкновенно не лучше, чем в семье покойного мужа»⁸²⁴.

Бездетная вдова, находившаяся в браке недолгое время, обычно уходила к отцу, не получив при этом ничего из имущества семьи мужа, за исключением своего приданого, кое-каких вещей мужа, достоящихся ей по обычаю⁸²⁵. Иногда, если бездетная жена прожила с мужем долго, то после его смерти она продолжала жить в его семье. Она своим трудом зарабатывала право на все имущество мужа⁸²⁶.

Беременная вдова оставалась в доме мужа до родов и в том случае, если в семье, кроме свекра, жил еще и деверь.

Вдова отделенного члена семьи, имеющая детей, получала в полное распоряжение имущество мужа, иногда с долговыми обязательствами на это имущество⁸²⁷.

В малой крестьянской семье бездетная вдова после смерти «кормильца» наследовала всю недвижимость и землю⁸²⁸.

Солдатка. Самым тяжелым было положение солдатки – женщины, оставшейся одной после призыва мужа на военную службу. Один из

---

⁸²⁰ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 778. Л. 11.

⁸²¹ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 778. Л. 9–10.

⁸²² *Даль В.И.* Толковый словарь... Т. 1. С. 173.

⁸²³ См.: *Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР.* М., 1968. С. 125.

⁸²⁴ *Ефименко А.Я.* Исследования... С. 96.

⁸²⁵ Там же. С. 97, 120.

⁸²⁶ Там же.

⁸²⁷ Там же. С. 122.

⁸²⁸ См.: *Пушкарева Н.Л.* Женщина в русской семье (X – XX века)... С. 461.

курских священников отмечал, что «к 21 году солдатки-крестьянки остаются без мужей»⁸²⁹.

В этнографической литературе, периодической печати почти нет материалов о жизни русской крестьянки-солдатки в период между разными войнами. Тем не менее, по имеющимся источникам можно представить, каким было положение этой немалочисленной категории русских женщин-крестьянок.

Солдатки-крестьянки и их «незаконнорожденные дети» после военной реформы 1874 г. не получали поддержки ни от государства, ни от общины, ни от помещика, могли рассчитывать в лучшем случае только на помощь большой семьи или других родственников⁸³⁰. В записках А.Н. Энгельгардта отмечалось, что положение солдаток после призыва их мужей на войну было поистине бедственным: «Прошло уже более года, а деревенским и городским солдаткам не выдавали пособия до сих пор ни от волости, ни от земства, ни от приходских попечительств, существующих большею частью только на бумаге. Частная благотворительность выражается только “кусочками”. Что было распродали и съели, остается питаться в миру, ходить в “кусочки”. Бездетная солдатка еще может наняться где-нибудь в работницы, хотя нынче зимой и в работницы место найти трудно, или *присоединиться* к кому-нибудь – вот и взыскивай потом солдат, что ребенка нажила, – или, наконец, идти в мир, питаться “кусочками”, хотя нынче и в миру плохо подают. Но что делать солдатке с малолетними детьми, не имеющей ничего, кроме “изобки”? В работницы зимой даже из-за куска никто не возьмет. Идти в “кусочки”, – на кого бросить детей. Остается одно. Оставив детей в “изобке”, которую и топить-то нечем, потому что валежник в лесу занесло снегом, – побираться по своей деревне. Ну, а много ли подадут в деревне! Хорошо еще, если деревня большая.

Вот они многострадальные матери!»⁸³¹.

По существу солдаток можно отнести к вдовам. Часто солдатка на протяжении многих лет ничего не знала о судьбе своего мужа. В этнографической литературе нередко отмечалось, что жена, находясь дол-

---

⁸²⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1027. Л. 5.

⁸³⁰ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004. С. 173, 182.

⁸³¹ Энгельгардт А.Н. Указ. соч., С. 236.

гое время без мужа, изменяла ему и имела незаконных детей⁸³². Современный исследователь жизни русской солдатки П.П. Щербинин отмечает, что именно солдатки составляли основной контингент женщин, рожавших незаконных детей. «Регулярность присутствия данной категории среди рожениц свидетельствует о том, что родственники, даже со стороны мужа, не стремились регламентировать поведение солдаток, как, к примеру, поведение незамужних дочерей»⁸³³. Б. Энгел также отмечает, что крестьяне часто терпимо относились к солдаткам, которые, пока мужей не было, сходились с другими⁸³⁴. В то же время П.П. Щербинин указывает, что отношение к солдатке как в семье, так и в целом в крестьянском сообществе, было негативным. «Если женщина – солдатка, значит, она – гулящая и распутная, а все ее дети – незаконнорожденные. Даже если солдатка рожала вполне законного ребенка, это вызывало подозрение. ...Отношение мужей-солдат, вернувшихся со службы и обнаруживших незаконных детей у своих жен, в большинстве случаев было резко негативным. Положение “согрешившей” солдатки становилось невыносимым. Разъяренные мужья могли поступать с такими женами, как им заблагорассудится, истязать и избивать их, унижать и постоянно напоминать о “грехе”»⁸³⁵. Всю оставшуюся жизнь «согрешившая солдатка» должна была помнить о своем «непотребстве и бесстыдстве». Такой женщине запрещалось нарядно одеваться, посещать сельские посиделки, свадьбы и т. п. Поэтому большинство солдаток со страхом ждали возвращения мужа из армии: реакция супруга на повседневную жизнь жены в период его отсутствия дома была непредсказуемой⁸³⁶.

В трудах историков, юристов описываются изуверские способы наказания солдатами своих неверных жен: один из них, оказавшись дома на побывке, в качестве наказания подвесил жену за руки и за ноги к

---

⁸³² Тенишев В. Административное положение русского крестьянина. СПб., 1908. С. 104.

⁸³³ Щербинин П. Плод страсти роковой. Солдатки и их незаконнорожденные дети в XIX – начале XX века // Родина. 2003. № 8. С. 47.

⁸³⁴ Энгел Барбара А. Указ. соч. С. 86.

⁸³⁵ Щербинин П.П. Жизнь русской солдатки в XVIII – XIX веках // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 82.

⁸³⁶ Там же.

перекладине полатей и стал поджаривать ее на огне. пытка закончилась смертью женщины. Другой солдат, недовольный поведением своей жены, бросил ее в колодец, где она утонула⁸³⁷. Даже если муж прощал свою жену за ее «грех», то для общественного одобрения он должен был все равно ее избивать и унижать.

Вернувшиеся со службы солдаты заставляли жен кланяться себе в ноги и разувать себя при всех для того, чтобы показать власть над нею⁸³⁸. А. Новиков в своих «Записках» приводит следующий пример. Два брата, оба бывшие на военной службе, дошли до того, что, «жалая лошадей, заставляли своих жен таскать на себе тележки с навозом на огород», обе их жены умерли; они женились вторично, и с новыми женами обращались подобным образом⁸³⁹.

На положение солдатки, как и вдовы, проживавшей в большой семье родителей своего мужа, оказывали влияние те же факторы: обычное право и отношение к ней членов семьи.

Солдатки, проживавшие в большой семье мужа, полностью зависели от расположения к ним его родственников. Они постоянно испытывали презрительное отношение к себе и к своим детям, их попрекали куском хлеба. Женщины-солдатки являлись объектом для насмешек со стороны всех членов семьи своего мужа. Были случаи, когда безжалостно выгоняли этих женщин, оставляя их с детьми без средств к существованию. Р.Я. Внуков подробно рассматривает, «насколько ухудшается жизнь молодайки, если она остается солдаткой, особенно вдовой»⁸⁴⁰.

Отношение к солдаткам со стороны общины было неоднозначным. В тех общинах, где ценили годных к военной службе «душ», которых рожали солдатки, даже выделяли участки земли для их пропитания.

Понятно, что судьба и положение каждой конкретной крестьянки-солдатки было индивидуальным, но общие тенденции можно определить как негативные, солдатка находилась на одной из низших ступеней в общественной и семейной иерархии.

---

⁸³⁷ Цит. по: *Щербинин П.П. Жизнь русской солдатки...* С. 82.

⁸³⁸ *Щербинин П. Плод страсти роковой...* С. 48.

⁸³⁹ *Новиков А. Указ. соч.* С. 212–213.

⁸⁴⁰ *Внуков Р.Я. Указ. соч.* С. 17.

Старуха, старица. Старуха – «старый человек, поживший уже за полвека», старица – «престарелая, старуха самых преклонных лет»⁸⁴¹.

Рассмотреть положение женщин данной возрастной группы гораздо труднее из-за скудности материалов. В отношении «старух» однозначной оценки их положения и роли в семье нет. Так, например, А. Новиков в своих «Записках», касаясь положения старухи, пишет: «При старике богатом и старуха в почете... Беден старик, забит, – и горе старухе... Если старуха очень уж дорога была детям и семейным, то и по смерти мужа ее слушают и уважают»⁸⁴². В Бердинских в своей книге «Речи немых» приводит рассказ одной из старух: «У нас в доме бабушка жила. Слепела, двадцать лет не видела (до самой смерти!). Так баню истопят, а Афоня все ее носил на себе в баню. Мыли ее. Выводилась, слепая, над всеми ребенками»⁸⁴³. Однако были случаи, когда сыновья «в кровь» избивали свою старуху-мать⁸⁴⁴ или ей приходилось уходить из дома и кормиться милостыней⁸⁴⁵. Приведем любопытный факт: «...вообще старики и старухи предпочитают жить в нищете и побираться, чем подчиняться какой бы то ни было дисциплине...»⁸⁴⁶. Как гласит русская народная пословица: «Старость не радость, не красные дни»⁸⁴⁷.

Что касается наследства, то после смерти мужа все имущество в доме оставалось в распоряжении братьев или сыновей умершего, старухе в «особо исключительных случаях» давали «какую-нибудь корову в ее личную собственность»⁸⁴⁸.

Самым тяжелым было положение безродной старухи, не имеющей взрослых детей⁸⁴⁹.

Жена главы в малой семье была в определенной степени более самостоятельной⁸⁵⁰, чем в большой неразделенной семье. Но ее положение, как отмечает А.Я. Ефименко, и здесь «очень не завидно»⁸⁵¹.

---

⁸⁴¹ См.: *Даль В.И.* Толковый словарь... Т. 4. С. 317.

⁸⁴² *Новиков А.* Указ. соч. С. 19.

⁸⁴³ *Бердинских В.* Указ. соч. С. 113.

⁸⁴⁴ См.: Там же. С. 20.

⁸⁴⁵ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 67. Л. 17–18.

⁸⁴⁶ *Новиков А.* Указ. соч. С. 54.

⁸⁴⁷ *Даль В.И.* Пословицы... Т. 1. С. 278.

⁸⁴⁸ *Новиков А.* Указ. соч. С. 54.

⁸⁴⁹ Там же.

В малой семье женщина подчинялась лишь мужу, но на ее плечи, по сравнению с женщинами из неразделенной семьи, ложились все женские обязанности и, кроме того, она должна была помогать мужу в полевых работах. Женщина избавлялась от содержания незамужних золовок и свекрови, отнимавших на личные потребности значительную долю совокупного дохода большой семьи. В случае ухода мужа на отхожие промыслы или на военную службу на ее плечи переключались дополнительные заботы по хозяйству, она выполняла весь объем полевых работ. Это делало женщину более самостоятельной в решении многих семейных вопросов. К многочисленным хозяйственным обязанностям крестьянки в семье отходника добавлялась и общественная, «мирская». Она принимала участие в сельском сходе, иногда даже с правом голоса, исполняла должность сельского десятского, старосты, иногда сборщика податей⁸⁵². Осуществляя хозяйские права на землю, отвечая за выплату повинностей в отсутствие мужа-домохозяина, крестьянка тем самым включалась в социальную жизнь своей деревни, сельского общества. Так, по словам корреспондента из Владимирской губернии, женщина-вдова «может быть главой семьи, если сын еще не достиг известного возраста»⁸⁵³.

Большую роль в отношении к женщине в семье играла ее способность к деторождению. В случае бездетности супружеской пары обвиняли, прежде всего, женщину и всячески старались выжить ее из семьи, с ней плохо обращались, заставляли выполнять непосильную трудоемкую работу.

***

На положение женщины в семье оказывали влияние также взаимоотношения между мужем и женой, которые зависели от имущественного положения супругов и их отношений с родителями. В крестьянской среде бытовало убеждение, что жена – раба мужа и что он властен над ней. Этот взгляд находил опору в юридическом неравноправии женщины, поддерживался авторитетом церкви. Так, например, в Своде законов Российской империи указывалось, что жена обязана подчи-

---

⁸⁵⁰ *Ефименко А.Я.* Исследования... С. 91.

⁸⁵¹ Там же. С. 90.

⁸⁵² *Милогорова И.Н.* Крестьянка... С. 69.

⁸⁵³ См.: Быт великорусских крестьян-землепашцев... С. 181.

няться своему мужу, пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всяческое угождение и привязанность как хозяйка дома⁸⁵⁴.

Даже в свадебную церемонию русских входил «обряд разувания»: жена в знак покорности и подчиненного положения должна была снять с мужа сапоги. Муж в знак своей власти ударял будущую спутницу жизни по спине плетью, полученной от тестя.

Однако современные исследователи крестьянской семьи XVIII – XIX вв. опровергают устоявшийся тезис о забитости и духовной подавленности русской женщины, в том числе и крестьянки, в досоветской истории. Исследователь русской крестьянской семьи Н.А. Миненко пишет, что основанием для темных красок в описании крестьянской жизни были судебные-следственные дела, которыми пользовались авторы статей о крестьянском быте⁸⁵⁵. Вот о каких разговорах сообщала корреспондент Этнографического бюро из Курской губернии Л.И. Соловьева: «Спросила я однажды молодую бабёнку Татьяну Еремину, недавно только вышедшую замуж “молодайка”, как у нас говорят: “Ну, как ты с мужем дружно живешь?” – “А то как же”, – засмеялась молодая. “А может, ругался когда-нибудь?” – “Ни, Боже мой, николи и словом дурным не обзывался!” – оживилась она. – “Коли же я начну его ругать, мамушка бранится! А как же не ругать, коли за дело”. Все засмеялись. “Вот надите же! – сказал стоявший здесь же неподалеку лавочник. – А у других, скажи только слово мужу, и пойдут тут волосатики и переволосатики (то есть дранье за волосы)”. Молодая парочка живет очень дружно и здесь не только отсутствуют волосатики и переволосатики, но даже заметно преобладание супруги»⁸⁵⁶. В русских фольклорных текстах, представляющих традиционную систему ценностей русского народа, немало песен, в которых упоминаются слова «люблю», «любовь», «милый друг», «голубушка» и др. Конечно, такие взаимоотношения между супругами были крайне редки.

По сексуальной жизни крестьян имеются лишь немногие отдельные данные (по супружеской измене, о любовных чувствах, осо-

---

⁸⁵⁴ СЗ РИ. Т. 10. Ч. 1. СПб., 1857. С. 18.

⁸⁵⁵ См.: *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 123–124.

⁸⁵⁶ РКЖБН. Т. 6. С. 45.

бенно в период интенсивного отходничества крестьян на заработки). А.Я. Ефименко в своих «Исследованиях народной жизни» отмечает, что «любовь... почти не играет никакой роли в жизни крестьян и для супружеских отношений кажется вещью не только не необходимой, но и положительно лишней и даже вредною»⁸⁵⁷.

Как показывают литературные источники и архивные материалы, между мужем и женой существовали определенные имущественные отношения. Жена без согласия мужа не могла ни продать, ни заложить то имущество, которое являлось основой крестьянского хозяйства. В то же время в каждой неразделенной и малой семье у женщины была своя личная собственность, которая складывалась из наследства, главным образом по женской линии, подарков от матери и жениха, доходов (от ткачества, прядения и других промыслов, продажи грибов, ягод и т.д.)⁸⁵⁸. Например, каждая женщина и девушка в семье имела свою долю из урожая льна. Женщине также принадлежал приплод от ее скота. А.Н. Энгельгардт в своих «Письмах из деревни» обращает внимание на любопытный факт. Он отмечает, что женщины в отличие от мужчин не «проводят время в праздности, слоняясь из угла в угол», стараются приумножить свою личную собственность: «Баба всегда копит, уже маленькой девочкой она бегаёт за ягодами и грибами, если есть кому продать их, и копит вырученные деньги на наряды – на платки, крали. Вырастая, она копит на приданое, и деньги, и полотна, и наметки, и вышиванья. Выйдя замуж, баба копит на одежду себе, детям, мужу»⁸⁵⁹.

Приданое (коробь) составляло исключительную собственность жены⁸⁶⁰, без ее согласия никто не мог им распоряжаться. После смерти жены, при отсутствии детей, оно возвращалось ее родителям или другим родственникам, то есть в ту семью, из которой она вышла⁸⁶¹; если же были дочери, то приданое становилось их собственностью. Однако наличие личной собственности у замужней женщины не ослабляло ее

---

⁸⁵⁷ Ефименко А.Я. Исследования... С. 102.

⁸⁵⁸ См.: Левин М. Указ. соч. С. 86; Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 22, 197.

⁸⁵⁹ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 197.

⁸⁶⁰ Ефименко А.Я. Исследования... С. 93.

⁸⁶¹ Там же. С. 94.

зависимости от мужа. Муж, по существу, считался хозяином жены. В семейной жизни мужчины относились к женщинам сурово⁸⁶².

По народным представлениям главное предназначение женщины заключалось в продолжении рода. На женщину смотрели как на «второсортного» члена семейного союза, подчиненного отцу или мужу: «Муж жене закон»⁸⁶³. Корреспонденты Этнографического бюро одной из губерний Центральной России сообщали: «...жена должна знать свое место в доме, почитать мужа как главу семьи и хозяина в доме»; «Мужчины считают себя выше женщин. Женщина должна оказывать мужчине знаки почтения: встречаясь – кланяться и не переходить ему дороги»⁸⁶⁴. Все женщины должны были быть сдержанными и относиться почтительно по отношению ко всем мужчинам семьи.

В литературных источниках⁸⁶⁵ и периодической печати отмечается, что власть мужа над женой была неограниченной и бесконтрольной во всех отношениях. Муж мог выгнать жену из дома, требовать полного повиновения, работы, бить и увечить сколько угодно. По народным представлениям, муж имел полное право учить ее и наказывать: «Люби жену, как душу, тряси ее, как грушу», «Бей жену сильнее, чтобы щи были вкуснее», «Бей жену молотом, будет золотом». Бить ее можно было столько, сколько хочется: «Бей жену к обеду, а к вечеру опять, чтобы щи были горячи, каша масляная, жена ласковая, обходительная». Считалось, что в наказаниях выражается любовь мужа к жене: «Жену не бить, милу не бить», «Кто кого любит, тот того и бьет», «Милый побьет, только потешит»⁸⁶⁶. Объяснение этому явлению супружеской жизни дает исследователь народной жизни А.Я. Ефименко: «Побои для нее не злоупотребление власти, а совершенно законное и естественное ее проявление, до такой степени естественное, что отсутствие этого проявления считается явлением ненормальным, нарушающим гармонию супружеских отношений, и ближайшее объяснение этого ненормального явления жена находит в охлаждении к ней му-

---

⁸⁶² См.: Быт великорусских крестьян-землепашцев... С. 184.

⁸⁶³ Кузнецов Я. Положение членов крестьянской... С. 10.

⁸⁶⁴ Быт великорусских крестьян-землепашцев... С. 262, 93, 184.

⁸⁶⁵ Шашков С.С. Указ. соч. С. 261; Ефименко А.Я. Исследования... С. 81; Новиков А. Указ. соч. С. 16.

⁸⁶⁶ См.: Кузнецов Я. Указ. соч. С. 10–11.

жа»⁸⁶⁷. Жены чаще всего безропотно подчинялись своей доле. Если жена жаловалась, то муж бил ее еще ожесточеннее. Побои, наносимые женщинам, с точки зрения обычного права не считались преступлением, а рассматривались как имеющие «педагогическое значение» – исправить взбалмошную, не желающую слушаться мужа жену. А. Новиков поясняет, что «бить» на крестьянском языке означает «учить»⁸⁶⁸. Священник одного из уездов Курской губернии верно заметил: «Крестьянин сознает, что он глава жены, что жена должна бояться своего мужа, вот он и выражает свое превосходство перед нею, внушает ей боязнь, уважение к себе кулаком, да вожжками»⁸⁶⁹.

Но не всегда женщина соглашалась с подобным положением дел. Женщины выступали в свою защиту. Имеют место пословицы, где жена требует у мужа, чтобы он ее учил не плетью, не обухом, а другими способами: «Учить учи, а бить не бей», «Не всегда хлыстом, инда можно и свистом»⁸⁷⁰.

В традиционных представлениях сельских жителей обязательным условием семейной жизни считалась верность супругов друг другу, повиновение жены мужу. Во всех обстоятельствах жизни жена должна была считать, что ее муж во всем прав. Жена должна была быть верной. Измена жены рассматривалась как тяжкий грех и муж обязан был наказать жену, «в противном случае он сам должен был понести наказание за ее грех»⁸⁷¹. Для удержания супруги в покорности муж имел право применять силу.

В крестьянской повседневности постоянно происходили супружеские конфликты. Причины были разные. В частности, одной из причин была «непомерная ревность со стороны мужа»⁸⁷². Супружеские конфликты получали иногда трагическую развязку. Об этом свидетельствуют многочисленные заметки в «Курских губернских ведомостях»: «28 марта 1870 года в с. Вети Дмитриевского уезда умерла крестьянка Фиона Веникова от побоев, нанесенных ей мужем крестьянином Семе-

---

⁸⁶⁷ Ефименко А.Я. Исследования... С. 81.

⁸⁶⁸ См.: Новиков А. Указ. соч. С. 16.

⁸⁶⁹ См: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 686. Л. 23.

⁸⁷⁰ См.: Кузнецов Я. Указ. соч. С. 16.

⁸⁷¹ Мужики и бабы... С. 203.

⁸⁷² КГВ. 1895. № 1.

ном Вениковым»⁸⁷³; «29 апреля 1870 года в с. Рождественском Щигровского уезда крестьянка Акулина Волкова умерла от побоев, нанесенных ей мужем Федором Волковым»⁸⁷⁴; «20 февраля 1882 года в селе Николаевка Щигровского уезда умерла крестьянка Наталья Бурсукова, 45 лет. Перед смертью Бурсукова заявила священнику, что умирает от побоев, нанесенных ей мужем Иваном Бурсуковым»⁸⁷⁵ и др. Избиение мужьями жен даже «на сносях» было явлением далеко не исключительным в деревне. «22 октября 1882 года крестьянин с. Большое Городище Корочанского уезда Петр Бидин нанес тяжкие побои своей жене Клавдии Васильевне Бидиной, которая будучи беременной, в тот же вечер произвела выкидыш»⁸⁷⁶, – сообщает корреспондент «Курских губернских ведомостей». Хотя уже в первой половине XIX в. был принят закон, по которому запрещалось бить, а тем более увечить жен⁸⁷⁷, сельский мир и в конце века жил, в отличие от официальной России, по неписаному праву. В сельской повседневности поводов для семейного рукоприкладства всегда было более чем достаточно. «...Горе той бабе, которая не очень ловко прядет, не успела мужу вовремя изготовить портянки. Но и ловкую бабу бьют. Надо же ее “учить”»⁸⁷⁸, – пишет А. Новиков. Женщине доставалось за любой проступок, а чаще всего без всякой вины, под пьяную руку. Побои мужа не ставились ему в укор и принимались как должное. Обычно-правовая традиция требовала безусловного подчинения жены мужу. Крестьяне говорили, что если «бабу не учить – толку не видать». Поэтому некоторые волостные суды вовсе не принимали от жен жалоб на мужей, другие признавали право бить жену, если она провинилась. Иные волостные суды вместо удовлетворения жалобы крестьянки на жестокое обращение с ней мужа приговаривали ее к телесному наказанию, потому что, по мнению крестьян, разделяемому судом, жена является собственностью мужа, его рабочей силой, как и лошадь своего хозяи-

---

⁸⁷³ КГВ. 1870. № 34.

⁸⁷⁴ КГВ. 1870. № 41.

⁸⁷⁵ КГВ. 1882. № 33.

⁸⁷⁶ КГВ. 1882. № 137.

⁸⁷⁷ См.: Развитие русского права в первой половине XIX века. М., 1994. С. 154.

⁸⁷⁸ Новиков А. Указ. соч. С. 16.

на. Представление, приравнивавшее жену к рабочему скоту, выражалось в характерном наказании – припряжении ее мужем к лошади⁸⁷⁹.

Исследуя народную жизнь, А.Я. Ефименко приходит к выводу, что «руководящие принципы супружеских отношений, выработанные народной мудростью, не везде применяются и проводятся с одинаковой последовательностью»⁸⁸⁰. Он отмечает, что на супружеские отношения оказывают влияние близость города, степень «развития и благосостояния народа», «в богатстве – жене хорошо, и муж для нее лучше, потому не из чего им ссориться; а как доведется нужду делить, – тут уж не жди добра»⁸⁸¹.

Грубый и откровенный произвол мужей в отношении жен был явлением ненормальным. Беспочинное битье жены в народе осуждалось, и мужа могли привлечь к судебной ответственности. Так, например, в списках дел, назначенных к слушанию в публичных заседаниях Курского окружного суда, открываемых в уездных городах Курского округа в первую сессию 1870 года с участием присяжных заседателей, под № 1 значилось дело крестьянина Грайворонского уезда Кирилла Литвинова, которого обвиняли в жестоком обращении со своей женой⁸⁸². В практике волостных судов существовало наказание мужей розгами за жестокое обращение с женами. Дела о жестоких побоях могли быть начаты волостными судами по жалобе потерпевшей, по заявлению старосты, волостного старшины или крестьян целой деревни⁸⁸³.

Многие женщины, будучи не в силах выносить надругательства, уходили в дом родителей. Однако такое явление рассматривалось как нарушение женщиной обычных норм, и поэтому она через некоторое время возвращалась в семью мужа, а родители, давшие приют дочери, осуждались крестьянами как потворщики «женского своеволия».

---

⁸⁷⁹ Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания... С. 127.

⁸⁸⁰ Ефименко А.Я. Исследования... С. 87.

⁸⁸¹ Там же. С. 87–88.

⁸⁸² КГВ. 1870. № 6.

⁸⁸³ Якушкин Е.И. Обычное право. Вып. 1. Ярославль, 1896. С. 541; Земцов Л.И. Крестьянки в волостном суде / Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Мат-лы междунар. конф. Тамбов, 2002. С. 328.

Конечно, немало было семей, где были «жены любимые мужьями»⁸⁸⁴, признавали ее «первенство в домашнем хозяйстве»⁸⁸⁵. «Но, увы! Все это исключения, исключения настолько редкие, насколько отрадные»⁸⁸⁶, – отмечает А. Новиков.

Вместе с тем, к концу XIX в. в результате эрозии сельской общины в целом в положении женщины-крестьянки происходят некоторые изменения. С одной стороны, в большой крестьянской семье постепенно стала ослабевать власть главы семьи над домочадцами, мужа над женой. Женщины приобретали значительную самостоятельность в хозяйственных делах, в распоряжении своим имуществом. Крестьянка, оставаясь в деревне мужа-отходника, принимала на себя обязанности хозяина, даже участвовала в жизни общины, т.е. возрастала ее активность в сфере публичной жизни – она не только получала право голоса на сельских сходах, но иногда принимала участие в сельском самоуправлении, например, исполняя функции «десятских»; за вдовами без детей сохранялся семейный надел⁸⁸⁷ и т.д. В то же время родители мужа часто считали, что их сын бросил жену по ее вине и притесняли сноху. Порой они заставляли ее работать гораздо больше, иногда даже выгоняли из дома. Негативным следствием отхода мужа были также частые «семейные распри, отсутствие сильной мужской власти и ссоры между остающимися в деревне женщинами – свекровью и снохами»⁸⁸⁸, что вело к разрушению семьи.

Иногда и сами женщины отправлялись на заработки в «чужие люди», что повышало товарность женских занятий, их долю в уплате семейных и общественных податей. Женщины, уезжавшие на заработки, были обычно старыми девами или бездетными вдовами. И хотя процент женщин-отходников возрастал, они все же составляли незначительное меньшинство женского населения по всем российским губерниям⁸⁸⁹.

---

⁸⁸⁴ Новиков А. Указ. соч. С. 18.

⁸⁸⁵ См.: Кузнецов Я. Указ. соч. С. 17.

⁸⁸⁶ Новиков А. Указ. соч. С. 18.

⁸⁸⁷ Жбанков Д.Н. Указ. соч. С. 3–4.

⁸⁸⁸ Там же. С. 91.

⁸⁸⁹ Энгел Барбара А. Указ. соч. С. 88.

Таким образом, на положение женщины-крестьянки в Курской губернии, наряду с центральными и южными губерниями России, в конце XIX – начале XX века оказывали влияние как традиционные элементы патриархального быта – экономическое положение семьи; ее форма (малая или большая); семейное положение (замужняя или незамужняя женщина); место и роль в семье мужа (старшая женщина, старшая сноха, младшая сноха, женщина-мать в малой семье); хозяйственная деятельность женщины; размер приданого; способность воспроизводить потомство, – так и новые условия, связанные с развитием капиталистических отношений в деревне, интенсивностью отходничества. В результате модернизационных процессов в деревне постепенно меняется положение женщины в семье, рушатся обычно-правовые традиции отношения к ней, смягчаются семейные нравы.

ГЛАВА IV. ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ И СОЦИАЛИЗАЦИЕЙ ДЕТЕЙ

Родильная обрядность

Современные исследователи предлагают рассматривать «родильный обряд» как временной континуум, включающий в себя беременность, предшествующие ей элементы свадебной обрядности, роды и весь период младенчества⁸⁹⁰.

Во второй половине XIX в. родильная обрядность русских крестьян представляла собой относительно стройную систему разнородных рациональных, магических народных представлений, церковно-христианских верований и связанных с ними обрядов и обрядовых действий.

В результате анализа архивных, литературных и других источников нами были выделены основные, общие и специфические элементы родильной обрядности русских крестьян Курской губернии. В общей форме их можно разделить на три этапа: 1) беременность, 2) роды, 3) послеродовой период.

Беременность. Во второй половине XIX – начале XX в., как и в доимперский период⁸⁹¹, состояние беременности составляло неотъемлемую часть женской повседневности. Женщина-крестьянка, находясь в браке, беременела постоянно на протяжении всего репродуктивного возраста. В среднем она рожала по 7-8 детей. Некоторые крестьянки рожали 10-11 раз⁸⁹².

В крестьянской среде существовали многочисленные приметы, указывающие на предстоящую беременность: 1) если у женщины, при надевании платья, подол окажется завороченным; 2) если жена наступит на мужские штаны; 3) если у нее будет чесаться в ушах или во сне ей привидятся журавли, то она на протяжении года непременно должна была родить сына или дочь⁸⁹³.

Как женщина-крестьянка узнавала, что стала беременной?

---

⁸⁹⁰ Белоусова Е.А. Предисловие // Родины, дети, повитухи..... С. 6.

⁸⁹¹ См.: Пушкирева Н.Л. Мать и материнство на Руси (X – XVIII вв.) // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996. С. 310.

⁸⁹² Миронов Б.Н. Социальная история... Т. 1. С. 223.

⁸⁹³ Попов Г.И. Указ. соч. С. 373.

У беременности были обычные признаки. Наступление беременности определяли преимущественно по прекращению месячных и в соответствии с этим вычисляли время родов: «Замечают последнее месячное очищение и того дня считают вперед год без трех месяцев и 10 ден»⁸⁹⁴.

Положение женщины в период беременности зависело от разных факторов: отношения к ней со стороны мужа и других членов семьи, экономического состояния семьи, количества рабочих рук, ее личных качеств и др. Обычно беременность не воспринималась в крестьянской среде как повод к изменению привычного образа жизни. Она считалась естественным состоянием женщины, поэтому повседневная жизнь крестьянки во время беременности мало отличалась от повседневности небеременных женщин. Как показывают материалы исследований, беременные крестьянки не пользовались привилегированным положением. Они продолжали выполнять многие виды работ вплоть до наступления родов. Отмечались случаи родов в поле, во время жатвы или во время каких-либо других работ. «Роды нередко заставляли женщину за тяжелой работой дома или в поле»⁸⁹⁵, – вспоминала уроженка пос. Углы Старооскольского района Валентина Тимофеевна Игнатова. В то же время исследователи народной жизни русского населения отмечают, что для нормального течения беременности и здоровья женщины ее старались перевести на более легкие работы. Касаясь положения женщины во время беременности, Г.И. Попов пишет: «Весьма нередко у мужа и домашних является сознание, что беременную надо “поберечь”. Часто и сердитый муж перестает учить бабу стречками и пинками, семейные начинают относиться к ней снисходительнее, жалеют, не упрекают, когда она вздумает отдохнуть за работой, стараются не сердить, не бранить, избавляют от тяжелых работ и, в особенности, наблюдают, чтобы она как-нибудь не “встряхнулась” и не была “зашиблена”»⁸⁹⁶. Свекровь, заставляющая

---

⁸⁹⁴ См.: Мужики и бабы... С. 55; Баранов Д.А. Родинный обряд: время, пространство, движение // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М., 2001. С. 11.

⁸⁹⁵ Архив СТИ НИТУ МИСиС. Папка 1. Беседы с уроженками пос. Углы Старооскольского района Белгородской области.

⁸⁹⁶ См.: Попов Г.И. Указ. соч. С. 375.

молодую беременную сноху выполнять тяжелую работу, могла подвергнуться публичному осуждению односельчан⁸⁹⁷.

Нередко беременная, а затем и родившая женщина, пользовалась уважением в семье и у односельчан, к ней относились с особой теплотой и заботой. Особенно предосудительным считалось отказать женщине в желанной пище. Даже в период религиозных постов ее не ограничивали в этом, понимая, что невыполнение желаний беременной может отрицательно сказаться на развитии плода, потому с ней делились последним, «кусочек послаще завсегда ей отдавали»⁸⁹⁸. По мере приближения родов заботы о беременной увеличивались, желания ее исполнялись беспрекословно⁸⁹⁹.

У русских крестьянок не было специальной одежды для беременных. Традиционный костюм – рубаха и просторный длинный сарафан – были удобны в этот период.

Беременность женщины переносили по-разному. Даже если она протекала нормально, роды все равно в сознании женщин связывались с болью. «Маяться родами», «мучиться родами» – так определяли окружающие состояние рожениц. Согласно христианской концепции болезненность родов определяется женщине в наказание за первоначальный грех («Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей»)⁹⁰⁰.

Беременность крестьянки осмысливалась и с мистической точки зрения. Так, в фольклорных текстах отразились представления крестьян о «счастливом» и «несчастливом» времени рождения человека (сезон, праздник, месяц, день недели, время суток), которое в той или иной степени определяет судьбу человека⁹⁰¹.

Для традиционной русской культуры характерны определенные предписания и запреты для беременных⁹⁰², свидетельствующие о резком сужении их жизненного пространства. Существовал свод неписа-

---

⁸⁹⁷ См.: Листова Т.А. Обряды и обычаи... С. 502–503.

⁸⁹⁸ См.: Жиров М.С., Жирова О.Я. Указ. соч. С. 78.

⁸⁹⁹ См.: Попов Г.И. Указ. соч. С. 376.

⁹⁰⁰ Библия. Бытие, 3:16.

⁹⁰¹ Баранов Д.А. Указ. соч. С. 12–13.

⁹⁰² См.: Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов. СПб., 1993. С. 89.

ных правил поведения беременной женщины. Регламентация поведения роженицы в крестьянских семьях Курской губернии описана в работе М.С. Жирова и О.Я. Жировой⁹⁰³. Считалось, что женщине во время беременности полезно смотреть и любоваться на маленьких здоровых ребят, часто взглядывать на мужа, чтобы дите было на него похоже, нельзя наступать на кривые предметы (дугу, коромысло, кочергу), иначе ребенок горбатым родится, сидеть на пороге, меже, перекрестке дорог, т.е. в местах, пограничных миру живых и миру мертвых. Также нельзя было заранее придумывать имя ребенку, говорить о сроке родов. Последние запреты связывали с возможностью неблагоприятных или преждевременных родов⁹⁰⁴.

В этих же целях беременная женщина старалась накануне родов не показываться перед людьми. «С брюхом ходить – смерть на вороту носить»⁹⁰⁵, – говорили в народе.

Следует отметить, что в период беременности сужались и ее социальные функции: она не могла быть крестной матерью, свахой, дружкой на свадьбе, присутствовать на похоронах и т.д. Д.К. Зеленин отмечает: «В тот момент, когда гроб умершего вносят в дом, все выходят, особенно беременные женщины (последние выходят и при выносе гроба; они не должны также обмывать покойника, иначе будущий ребенок умрет)»⁹⁰⁶. Некоторые из этих обычаев сохраняются в Старооскольском крае и в настоящее время⁹⁰⁷.

Согласно народным представлениям, можно определить пол будущего ребенка: по внешнему виду беременной женщины, ее предпочтениям в еде, форме живота и т.д. Например, если у беременной женщины появлялись на лице желтые пятна и она полнела, то говорили, что родится девочка, а если нет – то мальчик, «если живот острый, то ожидали рождение мальчика, если плоский – девочки»⁹⁰⁸; женщина,

---

⁹⁰³ См.: Жиров М.С., Жирова О.Я. Указ. соч. С. 77.

⁹⁰⁴ Солодовникова Н.В. Семейные обряды // Прекрасна ты, моя сторонка... Народные традиции села Подольхи Прохоровского района: сборник статей и материалов / Ред.-сост. А.В. Кулабухов, Н.В. Солодовникова, И.П. Зотова, Н.В. Кривчикова, В.А. Котеля. Белгород, 2004. С. 25.

⁹⁰⁵ Беликова Т.П., Емельянова М.И. Указ. соч. С. 177.

⁹⁰⁶ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография... С. 348.

⁹⁰⁷ Беликова Т.П., Емельянова М.И. Указ. соч. С. 177.

⁹⁰⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 29. Л. 13–14; Д. 65. Л. 4об.–5.

предпочитавшая во время беременности селедку, беременна мальчиком, а предпочитавшая свеклу, редьку – беременна девочкой⁹⁰⁹.

В последней четверти беременности женщина призывала повивальную бабку, которая осматривала ее и «...начинала править, то есть отирать живот. Правление это учащается по мере приближения родов, от того чтобы дать дитяти надлежащее положение при рождении»⁹¹⁰. После первых напоминаний приближения родов (первые потуги) начинают водить родильницу; прежде всего ее трижды обводят вокруг стола в избе и не дают ей засиживаться до самого времени рождения ребенка. Для усиления потугов «приказывают дуть в бутылку», суют также в рот кончик косы и прибегают к различным другим способам, чтобы вызвать рвоту, кашель и испуг. Женщина также следила за различными приметам. Например, считалось, что если беременная женщина перешагнет через помело, то роды будут тяжелыми, если она не переносит запах ладана, то рожденный ребенок скоро умрет.

Как указывает Т.А. Бернштам, в сознании крестьян роды укладывались в обобщенное понятие случай/слука. Это указывало на непредвиденность результатов события в процессе его свершения (родится ли ребенок живым и здоровым, в каком состоянии будет мать)⁹¹¹. Поэтому в последние сроки беременности, в частности перед родами, беременным женщинам нужно было покаяться и причаститься. Ни одна роженица не считала себя застрахованной от такой смерти. Прежде всего, это исключало страшную опасность умереть скоропостижно без принятия этих таинств. С другой стороны, причащение очищало женщину, «снимая» и невольные грехи. Кроме обращения к святым, роженица просила прощения у всех членов семьи и даже соседей. По представлениям крестьян, чье-то недоброжелательство могло в этот опасный момент привести к осложнениям⁹¹².

Среди крестьянок часты были случаи, когда она не вынашивала ребенка, происходили преждевременные роды, выкидыши. Причинами самопроизвольных выкидышей были тяжелая работа, несоблюдение необходимых мер предосторожности, связанных с ее благополучным

---

⁹⁰⁹ См.: Попов Г.И. Указ. соч. С. 374.

⁹¹⁰ АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 16. Л. 14.

⁹¹¹ Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни... С. 10.

⁹¹² См.: Листова Т.А. Обряды и обычаи... С. 503.

проведением, побои со стороны мужа, отсутствие элементарных медицинских знаний. По народным же поверьям, выкидыши у женщин случались из-за прегрешений матери: несоблюдения постов, нерадивости в молитве, неверности мужу, совокуплении с ним под праздник⁹¹³ и др.

Роды. Роды, как и беременность, были связаны, по представлениям крестьян, со сферой мистического, поэтому они проводились тайно. Вера во влияние «дурного» глаза и «дурной» мысли на состояние здоровья матери и ее будущего ребенка заставляли окружать роды атмосферой «умолчания». Считалось, что чем меньше лиц будет знать о родах, тем благополучнее они пройдут. Наиболее тщательно это скрывали от старых дев, а также хитрых и злых людей, которые могут причинить вред (испортить, сглазить и т.п.). Существовало поверье, что ведьмы могли вынуть ребенка у беременной женщины, чтобы сжарить его и съесть, а вместо ребенка положить в живот хлеб или голик с головешкой. Если бы положили хлеб, то от него женщина начинала полнеть, но беда, если вкладывали голик или головешку – тогда несчастная непременно должна известись.

Родовой период беременной женщины был связан с повитушеством (повиванием), широко бытовавшим среди русского населения России. Исследователи отмечают, что данная традиция была «развита и активно бытовала до 60-х годов нашего века [XX в. – З.М.], а отдельные случаи домашнего родовспоможения встречались и в 80-е годы»⁹¹⁴.

Повитуха входила в группу особо значимых лиц крестьянского социума. В жизни каждого человека повитуха (повивальная бабка) была в числе самых близких людей. Всегда старались приглашать в семью одну и ту же повитуху. По народным верованиям, она могла не только принять роды, но и повлиять на внешность, здоровье и даже судьбу принятого ею ребенка. Она была самым почетным гостем на всех семейных праздниках. В деревне повитуха была одной из самых уважаемых женщин. В случае ее смерти в последний путь проводить ее приходили все женщины, у которых она принимала роды.

---

⁹¹³ См.: Попов Г.И. Указ. соч. С. 370.

⁹¹⁴ Добровольская В.Е. Институт повивальных бабок и родильно-крестильная обрядность (по материалам экспедиций 1994–1997 гг. в Судогодский район Владимирской области) / Родины, дети, повитухи... С. 93.

От умений и знаний повитух зависели жизнь и здоровье будущего поколения, а также женщин-рожениц. Как правило, повитухами были чаще всего вдовы или женщины, вступившие в климактерический период от 40 до 75 лет⁹¹⁵, имеющие много собственных детей, причем обязательно здоровых, удачливых, красивых (полагали, что свойства собственных детей повитухи могут передаваться и принимаемым ею новорожденным). Кроме «профессиональных» встречались и «семейные» повитухи, занимавшиеся повивальным делом только среди своих родственников. Полагаем, что это было связано с экономической заинтересованностью⁹¹⁶.

Помимо умения принимать роды, повитуха должна была быть набожной, доброй, молчаливой, ловкой, трудолюбивой, обладать безукоризненным поведением, как в настоящем, так и в прошлом, и отнюдь не должна была быть замечена в неверности мужу. Большое значение имело такое понятие, как «легкость руки», то есть благополучный исход родов с ее участием. Избегали приглашать таких повитух, у которых свои, а тем более повитые дети, умирали. Их нежизнеспособность свидетельствовала не только о недостаточном знании приемов родовспоможения, но и о том, что у нее «тяжелая рука». Повивание для некоторых из них становилось ремеслом, служившим основным источником семейного дохода. Об одной из них, Устинье Ивановне Кармановой (Грайворонский уезд) в Курских губернских ведомостях писали, что она в совершенстве знала не только весь процесс родовспоможения, но и умела совершить все необходимые процедуры над новорожденным и роженицей, сопровождая их при этом определенными в данном случае магическими действиями и заговорами⁹¹⁷.

Анализ различных источников свидетельствует, что опытная повитуха в Курской губернии, как и в других регионах России, знала множество практических приемов для облегчения родов, используя, в основном, лишь лекарственные корни и травы, усиливающие схватки и кровоостанавливающие. Бабка-повитуха не только принимала роды, но и в совершенстве знала и могла выполнить необходимые с точки зрения населения послеродовые процедуры: обрезание пуповины,

---

⁹¹⁵ Афиногенов А.О. Указ. соч. С. 73; Кабакова Г.И. Отец и повитуха... С. 111.

⁹¹⁶ См.: Кабакова Г.И. Отец и повитуха... С.112.

⁹¹⁷ КГВ. 1870. № 57.

убирание поседа, купание ребенка и мытье матери⁹¹⁸. Повитуха должна была знать весь обряд родов с его приметам, молитвами, суевериями. Несомненно, она должна была быть и хорошим психологом, воздействовать на роженицу словом. В случае крайней необходимости повитуха могла совершить «первоначальное крещение младенца». Все эти действия повитухи среди населения объединялись одним термином «бабить» или «бабиться».

Повивальное искусство – знания и секреты, связанные с принятием родов, хранились повитухой втайне от других, не раскрывались посторонним, тщательно прятались от случайных людей и даже от самих рожениц. Видимо, это было связано не столько с боязнью конкуренции, сколько с опасением, что, как всякое священное, потустороннее знание, знание повитухи, открытое людям не посвященным в это ремесло, уйдет от проболтавшей повивальни. «Заговоры повитухи держат в большом секрете и передают друг другу устно»⁹¹⁹, – сообщали корреспонденты Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Опрос старожилов Оскольского края показывает, что обычно, выбрав одну из своих дочерей, повитуха начинала с подросткового возраста готовить ее к наследованию своего ремесла: такие девочки ходили с матерями на роды, помогали им, смотрели и приобретали необходимые навыки⁹²⁰. Практические знания приобретались также во время многочисленных родов, когда сама роженица оказывалась в опытных руках такой повитухи. Вкупе с природной сметливостью, сноровкой, добрыми человеческими качествами вырабатывалось и ее мастерство. Более того, элементарные знания о помощи роженице передавались из поколения в поколение, обычно от матери к старшей дочери. М.С. Жиров считает, что «понятия о родовом процессе каждая селянка, несомненно, получала ухаживая за домашними животными»⁹²¹. Молодые женщины практически не бывали повитухами, хотя были исключения.

По статистическим данным, собранным Т.И. Вержвицким, на 1892 г. по Курской губернии повивальных бабок имелось: «в Курске – 19, в

---

⁹¹⁸ См.: Жиров М.С. Указ. соч. С. 79.

⁹¹⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 799. Л. 7 об.

⁹²⁰ Мухина З.З., Пивоварова Л.Н. Указ. соч. С. 266.

⁹²¹ Жиров М.С. Указ. соч. С. 118.

уезде – 1; в Щиграх – 2, в уезде – 3; в Тиму – 2, в уезде – 2; в Старом Осколе – 5, в уезде 2; в Новом Осколе – 2; в Короче – 3, в уезде – 2; в Белгороде – 2, в уезде – 4; в Грайвороне – 3, в уезде 3; в Обояни – 3, в уезде 4; в Судже – 3; в Путивле – 1, в уезде – 2; в Рыльске – 4, в уезде 1; во Льгове – 2; в Дмитриеве – 2, в уезде – 3; в Фатеже – 3, в уезде – 1»⁹²². Изучение материалов архива Русского географического общества показывает, что отношение к повитухам было неоднозначным. Например, земский врач В.И. Никольский считал их квалификацию крайне низкой, а действия, приносящими более вред, чем пользу. Другие, напротив, высоко оценивали профессиональные навыки повитух. По их мнению, повивальные бабки при родах действовали достаточно грамотно и обладали умением принимать даже самые сложные роды⁹²³.

По литературным источникам и архивным материалам известно, что о приближении родов жена обычно сообщала мужу или кому-то из ближайших родственников, и тот, стараясь, чтобы об этом никто не узнал, приглашал бабу-повитуху. А.С. Машкин пишет: «Время родов крестьянки тщательно скрывают от всех, из-за глупого предрассудка: чем больше людей будут знать о том, тем труднее будут роды; и потому при счастливых родах женщины часто рожают одни...»⁹²⁴.

Повитуха, взяв с собой все необходимое (целебные травы, коренья, баночку со святой наговоренной водой и т.п.), немедленно торопилась к роженице⁹²⁵. Она тайком, улучая момент, чтобы ее никто не заметил, пробиралась к роженице⁹²⁶. Крестьясь, повитуха переступала порог, читала молитву, перед иконами зажигала восковую свечку, а потом принималась за дело. Баба-повитуха направляла действия женщины в родах, заваривала напитки из трав, делала растирания, окуривала роженицу росным ладаном, окропляла роженицу святой водой. Иногда повитухе помогала самая старая женщина в доме. Она приносила чистые полотенца, тряпки, пеленки, свивальню, подогретую воду, необходимую посуду.

---

⁹²² Памятная книжка Курской губернии на 1892 год / Составлена Т.И. Вержвицким. Курск, 1892. С. 60–61.

⁹²³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2029. Л. 4.

⁹²⁴ Машкин А.С. Указ. соч. С. 19.

⁹²⁵ Жиров М.С., Жирова О.Я. Указ. соч. С. 80.

⁹²⁶ Попов Г.И. Указ. соч. С. 382.

Роды проходили: 1) в бане; 2) в хлеву; 3) в овине; 4) редко в избе⁹²⁷. Рожали крестьянки чаще всего лежа, иногда стоя⁹²⁸. Но случалось и так, что женщине приходилось рожать в поле (это случалось достаточно часто), тогда бабку-повитуху заменяла одна из женщин, уже имевшая детей. Если роженица была в поле одна с мужем, то обязанности бабки-повитухи выполнял муж⁹²⁹.

Как только начинались роды, на стол клали буханку хлеба, ставили солонку с солью и воду⁹³⁰, «чтобы показать, что это от Бога»⁹³¹.

Акушерское мастерство бабки-повитухи было направлено на то, чтобы облегчить роды. Помня, что «всякая замкнутость мешает быстроте родов», роженице расплетали волосы, расстегивали и развязывали все узелки на одежде, снимали пояса, браслеты и серьги. Такие действия относятся, согласно мифологическому тексту родин, по выражению Т.Ю. Власкиной, к «традиционному общеславянскому набору превентивных родооблегчающих приемов», смысл которых состоит в «освобождении» («развязывании») продуцирующих сил, присущих природе»⁹³². Суть этих действий была проста: освободить роженицу от всего, что может помешать в период родов. В доме также открывали все сундуки, ящики, коробка, раскрывали окна, двери, ворота, отмыкали замки, открывали печи, заслонки и т.п. Считалось, что «если все будет развязано и открыто, то и роды развяжутся скорее и у роженицы также свободно откроются все «затворы и запоры», затрудняющие выход ребенка»⁹³³.

Если роды затягивались, затруднялись, повивальная бабка просила пойти в церковь и попросить священника помолиться о роженице и открыть Царские врата. Она и сама читала молитву:

Пресвятой Максим,
Разведи рожательницу

---

⁹²⁷ АРЭМ. Ф. 7 Оп. 2. Д. 39. Л. 7; *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 19.

⁹²⁸ Архив СТИ МИСиС. Папка 1. Из индивидуальной беседы с уроженками пос. Углы Старооскольского района Белгородской области.

⁹²⁹ АРЭМ. Ф. 7 Оп. 2. Д. 52. Л. 2–7.

⁹³⁰ Архив СТИ МИСиС. Папка 1. Из индивидуальной беседы с уроженками пос. Углы Старооскольского района Белгородской области.

⁹³¹ РКЖБН. Т. 6. С. 43.

⁹³² *Власкина Т.Ю.* Мифологический текст родин // Родины, дети, повитухи... С.67

⁹³³ *Попов Г.И.* Указ. соч. С. 384.

На семь аршин, Чтоб наша родительница
Была крепка, здорова, смела...⁹³⁴

В Щигровском уезде при трудных родах муж ложился на пол и роженица переступала через него⁹³⁵.

Роженицу водили по комнате, заставляли перешагивать через кочергу, прикладывали мазь из заячьей желчи, сока пырея, козьего жира, приговаривая: «Распротай, Господи, душу на покаяние, а младенца на крест». Если и это не помогало, тогда при тяжелых родах ей давали пить водку, настоящую на калгане с примесью померанца⁹³⁶, повитуха подвешивала к потолку рушник и заставляла роженицу висеть на нем⁹³⁷.

По исследованиям М.С. Жирова, в Белгородском регионе роженицу помещали в напаренную, устланную соломой печь, «чтобы тело раскрылось и выпустило дитя». Это вполне согласуется с данными о родах в бане. Достаточно вспомнить и о священной магической силе «Государыни Печи», чтобы вне всяких подозрений согласиться с данным утверждением. «Напомним, что печь была вторым по значению «центром святости» в доме после красного Божьего угла, а может быть, даже и первым, что подтверждается повсеместно бытующим выражением «начать от печки»⁹³⁸. Пока не вышло «место» у роженицы, его «вызывали разными словами, чмоканьем и другими приемами»⁹³⁹, – сообщал из Рыльского и Суджанского уездов А. Дмитриюков.

В повседневной жизни крестьян важное значение имели процессы социализации детей. Социализирующие действия начинались сразу после рождения ребенка. Появление новорожденного на свет было физиологическим процессом, он еще не вовлечен в культуру, в социальном плане следовало «создать» человека и эту функцию выполнял ритуал. Действия повитухи были направлены на «доделывание» младенца в первые часы после его рождения⁹⁴⁰. Новорожденные имели внеполовые названия, указывающие на неоформленность их статуса (дитя, мелочь,

---

⁹³⁴ Солодовникова Н.В. Семейные обряды... С. 25.

⁹³⁵ АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 51. Л. 11.

⁹³⁶ Машкин А.С. Указ. соч. С. 454; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 52. Л. 2–7.

⁹³⁷ Солодовникова Н.В. Семейные обряды... С. 25.

⁹³⁸ Жиров М.С. Указ. соч. С. 118.

⁹³⁹ АРГО. Р. 19. Оп.1. Д. 16. Л. 15.

⁹⁴⁰ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре... С. 175.

ребягтя)⁹⁴¹. С другой стороны, половая дифференциация в латентной форме присутствовала в самом начале жизненного цикла в ритуале обрезания пуповины. Обрезание пуповины связывалось с дальнейшей судьбой ребенка, характером будущих его занятий, при этом учитывалось, чья пуповина: девочки или мальчика. Обычно пуповину перерезали на каком-либо специфически женском или мужском предмете. Например, новорожденной девочке пуповину обрезали ножом на прядильном гребне, чтобы девушка хорошо пряла. Пуповину мальчика повитуха подрубала топором, чтобы вырос умельцем и плотником или клала на плуг. «В Корочанском уезде Курской губернии, – пишет Д.К. Зеленин, – новорожденную девочку передают крестной матери через прялку, чтобы она выросла искусной пряхой, а мальчика – через порог, чтобы он стал “хранителем дома”...»⁹⁴², а в Суджанском и Рыльском уездах на книге, чтобы был грамотным⁹⁴³. Видимо, этот обряд идет издревле, когда в средневековой Руси ребенку мужского пола клали в колыбель хлеб, маленький лук и стрелу, а девочке – пряслице⁹⁴⁴. Содержание этих обрядов указывает на их непосредственную связь с земледельческим бытом народа, с существующим разделением труда по полу. В сознании крестьян сохранилось представление о том, что уделом мужчины является земледелие, уделом женщины – домашнее хозяйство и ткачество. Действительно, два вида этих занятий позволяли обеспечивать семью основным – пищей и одеждой, которые важны были еще в период развития натуральных форм хозяйства. В связи с ролью земледелия в жизни людей и возникали обряды, целью которых было магически влиять на судьбу ребенка, в частности, его будущую профессию.

Сразу после родов повитуха перевязывала новорожденному пуповину крученой льняной ниткой или прядями льна, чаще всего свитыми вместе с волосами матери, чтобы «ребенок всю жизнь был привязан к матери, родне». В некоторых местностях после перевязки пуповины нитку и пуповину повитуха «перегрызает зубами, что будто бы предотвращает появление у новорожденного “грызи” [грыжи – З.М.]»⁹⁴⁵.

---

⁹⁴¹ Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни... С. 25.

⁹⁴² Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография... С. 324.

⁹⁴³ АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 16. Л. 15.

⁹⁴⁴ Сумцов Н.Ф. О славянских народных... С. 72.

⁹⁴⁵ Афиногенов А.О. Указ. соч. С. 85.

Родившегося младенца повитуха тщательно осматривала и, в случае необходимости, производила некоторые лечебные действия: вправляла грыжу, вывих, ножки. «Существует обычай править головку новорожденному. Бабка, обмыв ребенка, придает головке круглую форму, надавливая руками со всех сторон»⁹⁴⁶, «...то же самое проделывает она с носом, сжимая ноздри, чтобы они не были слишком плоскими и широкими»⁹⁴⁷.

Большой радостью в семье считалось, если ребенок рождается в «сорочке»: счастье и благополучие ребенку будут сопутствовать всю жизнь. «Сорочка» – это плодная оболочка, в которой в жидкости в утробе матери находится плод. Во время родового акта оболочка разрывается и выходит самостоятельно. Но бывают редкие случаи, когда пленка прилипает к новорожденному, тогда и говорят: «В рубашке родился». «Сорочку» в разных уездах Курской губернии называли «мешок», «капшук», «рубашка»⁹⁴⁸. В народных представлениях, послед в дальнейшем выполнял сакральную функцию для ребенка. Его не выбрасывали, а обмыв его и завернув в чистую тряпочку, закапывали⁹⁴⁹ в самых разных местах: в святом углу; под порог; в угол сарая, чтоб его не переступали; под насест. Послед («рубашку») также высушивали и тщательно «хранили как символ счастья»⁹⁵⁰ или нередко зашивали в ладанку и носили на груди вместе с крестом. Селяне утверждали, что рожденному в «рубашке» на всю жизнь обеспечено счастье и удача⁹⁵¹, «иногда детское место используют в лечебных целях»⁹⁵².

Обращали внимание на внешний вид последа, считая, что «сколько на нем бугорков, столько у женщины будет детей».

После родов обмывали ребенка теплой водой, настоянной на травах: череде, мяте, васильке, душице, сенной трухе, «чтоб красивым и чистым был», сопровождая словами: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

---

⁹⁴⁶ РКЖБН. Т. 6. С. 45.

⁹⁴⁷ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография... С. 321.

⁹⁴⁸ См.: Курский край: культура и культурно-историческое наследие: Научно-популярная серия в 20 т. Т. XV. Курск, 2002. С. 108.

⁹⁴⁹ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 51. Л. 11 об.

⁹⁵⁰ Там же.

⁹⁵¹ Архив СТИ МИСиС. Папка 2. Из беседы с уроженками с. Каплино Старооскольского района Белгородской области.

⁹⁵² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 52. Л. 6.

Амины!». «Когда омывают дитя, то родитель должен класть в воду золото или серебро, – сообщали корреспонденты Этнографического бюро из Фатежского уезда, – а некоторые по своей бедности кладут в воду, назначенную для купания младенца, медное кольцо или даже серьгу, чтобы “озолотить свое дитя”»⁹⁵³. По другой версии, чтобы «очистительная сила» принесла дальнейшую плодovitость роженице, всю воду после обмывания выливали в огороде в то место, где никогда не копали и не ходили люди, чтобы предостеречь мать и ребенка от случайной беды. Такое ритуальное купание проводилось в течение первых дней, в последующие сорок дней купали ежедневно «в череде» и парили⁹⁵⁴.

По народным поверьям считалось, если во время родин в хозяйстве приплод у домашней скотины, то жизнь ребенка будет длинной. В этот день нельзя было ничего отдавать из дома, иначе ребенок мало проживет⁹⁵⁵.

После первого купания ребенка повитуха занималась самой роженицей. Мать ребенка вели в баню, где бабка-повитуха парила и «правила» ее: ставила на место живот, расправляла пуп, поправляла «золотник» (матку), который смещается во время родов. Все это она сопровождала различными ритуальными действиями и приговорами. Повитуха в первые дни после родов выполняла и роль «патронажной сестры», ухаживала за роженицей и ребенком, иногда заменяла ее в крестьянском семейном хозяйстве: топила печь, варила обед, кормила детей, ходила за скотиной и т.п. Повитуха делала все, чтобы временная нетрудоспособность женщины не отразилась на привычном домашнем укладе и женщина быстрее вернулась к исполнению своих повседневных функций.

Нередки были случаи рождения близнецов и тройни: «В деревне Семеновке Щигровского уезда ... в семи верстах от города весьма часто рождаются близнецы – двойни и тройни», – отмечали корреспонденты из Курской губернии⁹⁵⁶. В большой крестьянской семье, если родятся двойни, роженице приходилось выслушивать упреки, часто даже ругань мужа и домашних. Ее одну считали виновницей несчастья

---

⁹⁵³ АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

⁹⁵⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 15. Л. 17–18.

⁹⁵⁵ Солодовникова Н.В. Семейные обряды... С. 25.

⁹⁵⁶ АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

и не жалели обидных слов. Бывали даже случаи, что женщине сразу после родов приходилось переносить побои от мужа за то, что у нее родились двойни⁹⁵⁷. Подобные свидетельства встречаются в рукописях корреспондентов Этнографического бюро из разных местностей⁹⁵⁸.

Послеродовой период. После родов бабка-повитуха отправлялась в дома родных и знакомых и объявляла об этом счастливом событии, приглашая их навестить мать и ребенка. Родственники, соседи, знакомые при проведывании приносили на «зубок» чаще всего всевозможные мучные изделия: хлеб, пироги, блины, калачи, каравай, пышки, коржики, а также деньги, которые клали под подушку. «Зубок» рассматривался в народе как пожелание новорожденному богатства и счастья⁹⁵⁹. Информатор РГО сообщал, что подруги роженицы «приносят так называемый припас, состоящий в водке, в блинцах и вареной курицы, а в постные дни – из рыбы, поздравляя родильницу с животом, т.е. с сыном или дочерью»⁹⁶⁰. К женщине, родившей ребенка, отношение окружающих было двойственным. С одной стороны, она представлялась согласно канонам православной церкви, греховной, казалась источником «скверны», но, с другой – считалось, сама могла пострадать от порчи и сглаза.

В послеродовой период совершались обряды, связанные с нечистым телом женщины. В течение первой недели она считалась особенно опасной, поэтому в это время ее держали либо в той же бане, либо в избе за перегородкой. Роженицу мыли в бане или печи (если не было бани) для восстановления здоровья и очищения от послеродовой нечистоты; эта процедура также сопровождалась различными магическими действиями.

Так как считалось, что роды осквернили весь дом, поэтому приглашали священника для обрядового очищения и чтения особой молитвы «Во внегда родите жене отроча»⁹⁶¹. Женщина, по народным представлениям, являлась нечистой с рождения. Корреспондент Этнографиче-

---

⁹⁵⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 770. Л. 5 об.

⁹⁵⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 415. Л. 1; Д. 676. Л. 8; Д. 928. Л. 26; Д. 1366. Л. 5; Д. 1014. Л. 15; Д. 1716. Л. 46 об.

⁹⁵⁹ АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 16. Л. 15.

⁹⁶⁰ АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

⁹⁶¹ *Жиров М.С., Жирова О.Я. Указ. соч. С. 83.*

ского бюро из Курской губернии сообщал: «Мальчика можно ставить на стол, а девочку нельзя, потому что девочка нечистая»⁹⁶².

Главным содержанием родильной обрядности являлось очищение рожавшей женщины. Обряд очищения совершала бабка-повитуха дома или в бане. Обязательным средством очищения женщины являлась вода, по народным представлениям символизировавшая естественное природное начало⁹⁶³.

Одним из характерных явлений традиционной родильной обрядности в исследуемом регионе практически повсеместно являлся обряд очищения бабы-повитухи и роженицы – «размывание рук», который в большинстве сел проводился через 1-2 недели после родов⁹⁶⁴. Этот обряд заключался в том, что бабка-повитуха и роженица моют друг другу руки над тазом⁹⁶⁵, в котором положены крестообразно нож и венник, и утираются одним полотенцем. После обряда мыло и полотенце, если подарок соответствовал хозяйственному достатку семьи, роженица дарила повитухе⁹⁶⁶. Исполнение этого обряда давало частичное очищение роженице и позволяло повитухе идти принимать следующего ребенка⁹⁶⁷.

По времени этот обряд совпадал с окончанием пребывания повитухи в доме роженицы, поэтому повивальная бабка прощалась с роженицей и получала плату за свой труд обычно «натурой и деньгами, иногда их клали в воду. Местами этот обряд назывался “серебрить бабку”»⁹⁶⁸.

Возникновение вышеописанного обряда относят к древности. Видимо, основан он на воззрении, что роженица и ребенок в течение некоторого времени после родов нечисты. Воззрение это было вызвано послеродовым состоянием женщины. Еще в глубокой древности человек заметил очистительные свойства воды, поэтому «размывание рук» – это,

---

⁹⁶² РКЖБН. Т. 6. С. 45.

⁹⁶³ См.: Курский край: культура и культурно-историческое наследие... С. 108.

⁹⁶⁴ АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

⁹⁶⁵ Жиров М.С., Жирова О.Я. Указ. соч. С. 82.

⁹⁶⁶ См.: Липинский А. Материалы для географии и статистики России. Ч. 2. СПб., 1868. С. 583.

⁹⁶⁷ См.: Жиров М.С. Указ. соч. С. 119.

⁹⁶⁸ Кичигин В.П. Народная культура... С. 78.

скорее всего, гигиеническая мера по очищению рук женщины-матери и бабки-повитухи. Известно, что обряд «размывания рук» под различными названиями существовал почти у всех славянских и других народов⁹⁶⁹.

О бытовании предубеждения о «нечистоте» роженицы свидетельствует и следующий факт: женщине после родов нельзя было месить хлеб, доить корову, сажать что-либо в огороде. Только лишь после молитвы в церкви на 40-й день она считалась очистившейся, с нею возобновляли контакты соседи.

Исследователи крестьянского быта отмечали: «Принудительная изоляция приносила и несомненную практическую пользу здоровью роженицы, вынуждая не имеющих обычно возможности, да и не склонных к долгому лежанию и ничегонеделанию деревенских женщин отдохнуть и набраться сил»⁹⁷⁰.

Роженице после родов полагалось в течение сорока дней воздерживаться от тяжелой работы. Однако подобное ограничение могли позволить себе лишь женщины из зажиточных крестьянских семей⁹⁷¹. Чаще всего крестьянка вынуждена была сразу после родов выполнять все хозяйственные и домашние дела⁹⁷².

Крестины. Среди многочисленных послеродовых обрядовых действий следует выделить обряды крещения, первого подпоясывания и первой стрижки.

В крестьянской среде считалось, что ребенка надо крестить в день «прихода в этот мир». По рассказам крестьянки У.П. Корягиной (с. Беленихино Белгородского района), ребенка, родившегося ночью, утром уже несли крестить: «На некрещенного сглаз и напуск легче находит, вот и старались скорей покрестить. Крестили, пока младенец впервой материну грудь не сосал, некормленный был, так считалось сподобней для него»⁹⁷³.

Если по каким-либо причинам окрестить ребенка в первый день не всегда удавалось, то крестины устраивались в ближайшие дни после родов, так как в рассматриваемый период многие новорожденные дети

---

⁹⁶⁹ См.: *Сумцов Н.Ф.* Культурные переживания. Киев, 1890. С. 183.

⁹⁷⁰ *Листова Т.А.* Обряды и обычаи... С. 510.

⁹⁷¹ *Жиров М.С., Жирова О.Я.* Указ. соч. С. 83.

⁹⁷² См.: *Новиков А.* Указ. соч. С. 16.

⁹⁷³ *Тарасова С.И.* Указ. соч. С. 75–76.

умирали, и родители боялись, что ребенок может умереть некрещеным⁹⁷⁴. В этом случае до крестин, по рассказам крестьянки В.Ф. Булгаковой (с. Подольхи Прохоровского района), «чтобы не опризорили (не сглазили) родившегося младенца, мать оберегала его от чужого сглаза, не подпускала к нему никого, кроме близких родных. А то придет какой гость, глянет на дитя и начнет выхвалять, а потом он не спит, всю ночь кричит, мается»⁹⁷⁵.

Если ребенок рождался слабым, то его старались окрестить как можно скорее, чтобы он не умер некрещеным. В таком случае обряд проводился сразу после родов на дому либо священником, либо бабкой-повитухой, которая окунала младенца в миску с разведенной святой водой со словами: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь!» – и давала имя ребенку.

Крестины здорового ребенка откладывали до воскресенья или какого-либо другого праздника, но промежуток времени между родами и крестинами был, как правило, не больше 8-10 дней. «Крестины назначаются различные: если младенец слаб, то его крестят в тот же день, если же здоровье его надежно, то через несколько дней, чтобы можно было удобнее подготовиться к пиршеству, даваемому при крещении»⁹⁷⁶. Такой факт, видимо, можно объяснить боязнью родителей, что умерший некрещеный ребенок не сможет попасть в мир предков – «родителей» и будет вечно скитаться около дома, вымаливая у домашних крещения. Православные люди верили в то, что крещение снимет с ребенка первородный грех, сделает его невинным перед Богом, поставит под защиту и покровительство Иисуса Христа.

Существенным моментом родильной обрядности был выбор кумовьев перед крестинами. В кумовья приглашали чаще всего родственников: братьев, сестер, племянников и т. д. «Опасение умереть непредвиденно рано, преждевременно, – пишет исследователь материнства Н.Л. Пушкарева, – заставляло родителей брать в крестные матери своим детям совсем юных девочек, зачастую – старших сестер, которые и принимали на себя ответственность за воспитание крестниц

---

⁹⁷⁴ Солодовникова Н.В. Семейные обряды... С. 26.

⁹⁷⁵ Тарасова С.И. Указ. соч. С. 75–76.

⁹⁷⁶ АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 16. Л. 15.

в случае сиротства»⁹⁷⁷. Однако нередко крестными просили быть соседей, близких друзей или просто хороших односельчан, потому что в случае потери родителей они должны были взять на себя все заботы и ответственность за воспитание ребенка. В народе крестные считались вторыми родителями ребенка, его опекунами и покровителями. В свою очередь, крестник должен был заботиться о старых и больных крестных родителях. Важную роль играли они и при решении вопроса о браке крестников. Приглашение в крестные считалось большой честью, отказ от кумовства рассматривался как большой грех⁹⁷⁸.

Вместе с тем, в выборе крестных родителей была еще масса предосторожностей, некоторые из которых соблюдаются и сегодня. Так, крестные не могли быть по возрасту старше родителей ребенка. В противном случае, считалось, что кумовьев ждет худое будущее собственной семейной жизни: девушка выйдет замуж за вдовца, а юноша женится на вдове или женщине старше его. Браки между ними возбранялись. Девушке надлежало в первый раз «оксвить» (окрестить) мальчика, а юноше – девочку. Иначе оба рискуют своим будущим. Девушка могла остаться вековухой, а парень – холостяком⁹⁷⁹.

Если в семье дети часто умирали, то по обычаю в кумовья приглашали первого встречного: отец ребенка рано утром выходил из дома искать кума, считая, что его счастье перейдет новорожденному. Такого крестного считали «божьим кумом», т.е. человеком, которого специально посылает Бог, чтобы он помог новорожденному подольше пожить на земле.

Происхождение института кумовства М.О. Косвен относил к первобытности⁹⁸⁰. В крестном отце он видел видоизмененного дядю со стороны матери, который, по древним представлениям, был ближайшим родственником новорожденного, его покровителем и руководителем в жизни. С распадом родовой и возникновением соседской общины древние традиции начинают нарушаться. Восприемником избирают не обязательно дядю по линии матери. Им мог быть старший родственник, свойственник и т.д., о чем было сказано выше.

---

⁹⁷⁷ *Пушкарева Н.Л.* Материнство... С. 105.

⁹⁷⁸ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 65. Л. 5.

⁹⁷⁹ *Жиров М.С., Жирова О.Я.* Указ. соч. С. 85.

⁹⁸⁰ *Косвен М.О.* Кто такой крестный отец? // СЭ. 1963. № 3. С. 104–105.

В Курской губернии крестильный обряд состоял из нескольких этапов. Прежде всего выбирали крестного и крестную. Крестных приглашал обычно отец новорожденного, взяв с собою хлеб-соль. Войдя в избу приглашаемого, он делал три земных поклона, клал на стол хлеб-соль и звал хозяина в кумовья. Если последний соглашался, то принимал принесенный хлеб-соль, а отцу новорожденного давал свой. С этим хлебом он отправлялся приглашать таким же образом крестную (куму)⁹⁸¹.

Крестили детей в церкви. В некоторых случаях крещение проводилось в доме родителей новорожденного⁹⁸². После крещения устраивался крестильный обед (крестины). На обед приглашались повитуха, священник, кумовья, родственники и знакомые «к младенцу на хлеб, на соль, кашу есть». Холостые парни и девушки (не кумовья) на крестины не ходили.

Крестные на крестины приходили в праздничных одеждах и приносили с собою подарки. Кум дарил матери новорожденного белый хлеб, бублики и т.п.; кума – ситец на кофту⁹⁸³. М.В. Таряников так описывает крестины в Корочанском уезде: «Прежде, чем идти в церковь, крестных угощали водкой. Выпивая не все содержимое рюмок, они делают добрые пожелания новорожденному, а остающуюся в рюмках водку выплескивают в потолок. После угощения ребенка купают и укрывают: если мальчик – в отцовскую рубашку; если девочка – в рубашку матери»⁹⁸⁴. Крестьяне считали, что тогда не пристанет «нечистая сила». Видимо, это объясняется еще и тем, что всякая ткань домашнего изготовления была жесткой и лишь поносившись некоторое время, она становилась более мягкой, что немаловажно для детской кожи. По информации Павла Рождественского, в Курском уезде перед тем как идти в церковь, на стол ставили соль, белый хлеб и стакан чистой во-

---

⁹⁸¹ Таряников М.В. Материалы по этнографии Корочанского уезда (с. Стрелица) // Курский сборник / Под ред. Н.И. Златоверховникова. Вып. 7. Курск, 1912. С. 76.

⁹⁸² АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 16. Л. 15.

⁹⁸³ Таряников М.В. Указ. соч. С. 76.

⁹⁸⁴ Там же. С. 77.

ды. Считалось, что это необходимо для того, «чтобы с хлебом и солью ввести новорожденного в крещеную веру»⁹⁸⁵.

Несли малыша в храм крестные родители, родным матери и отцу при таинстве присутствовать не полагалось, ибо они считались после акта рождения ребенка «нечистыми». Роженице же вообще не полагалось после родов посещать храм сорок дней. «Нате вам некрещеное, принесите нам крещеное», – так обычно говорил отец кумовьям, провожая их в церковь⁹⁸⁶.

В рукав рубашки, в которую был завернут ребенок, завязывали кусочек глины с печки, уголь и мелкую монету. Другой такой же узелок давали куму. По пути к церкви, при скрещении дорог, кум выбрасывал этот узелок, чтобы новорожденный ребенок «вошел в христианскую веру» (глина), был богат (монета) и нескоро умер (уголь). Выкупанного и укрытого в рубашку ребенка передавали на руки куме. Мальчика передавали на пороге («чтобы был охраной дома»), а девочку – через большой гребень («чтобы она была хорошей работницей»)⁹⁸⁷.

В Старооскольском уезде малыша до и после крещения укладывали на шубу, разостланную мехом вверх для того, чтобы была благополучной и счастливой жизнь, поднимали высоко к потолку, приговаривая: «Вот такой большой расти!»⁹⁸⁸.

В церкви при крещении малыша, например, в Фатежском уезде был распространен такой обычай: «...священник подстригал дитя, восприемники принимали эти волосы от него, закатывали в воск и бросали в купель. Если они потонут, то ребенок умрет, если нет, то будет жить долго»⁹⁸⁹. В некоторых случаях крещение проводилось в доме родителей новорожденного⁹⁹⁰. По традиции «...кум приносит для младенца крестик с ленточкой и платит священнику за крещение, а кума дает

---

⁹⁸⁵ АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

⁹⁸⁶ Жиров М.С. Указ. соч. С. 120.

⁹⁸⁷ Таряников М.В. Указ. соч. С. 77.

⁹⁸⁸ См. Архив СТИ МИСиС. Папка 1. Из беседы с уроженками пос. Углы Старооскольского района Белгородской области.

⁹⁸⁹ АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 14. Л. 3; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 52. Л. 4.

⁹⁹⁰ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 16. Л. 16.

сшитую белую рубашку, пояс и ризки – кусок полотна или какой другой материи, в которую принимают окрещенного младенца»⁹⁹¹.

Немаловажное значение имел выбор имени малышу. Имя подбирали родители, но нередко оно давалось священником в честь святого (по церковному календарю дней памяти православных святых) или очень уважаемого в роду человека. Из рассказа крестьянки П.А. Пыриной (с. Песчанка Старооскольского района): «Давали имя на крестины. Брала имя того святого, в какой день родился или поблизости к этому. Родился в Егорьев день – значит Егор, а в Петров день – Петр. А часто бывало и так, что своему ребенку давали имя любимого или особенно богатого родственника, чтобы их дитя таким же богатым и счастливым был. Давали имя в память деда или бабки, называлось это: “по обычаю имя давать”»⁹⁹².

После совершения таинства крещения в церкви в доме родителей новорожденного собирались гости. Крестный отец вносил мальчика в дом, а крестная мать – девочку. Войдя, они направлялись к печи и слегка прижимали к ней ребенка, затем проходили в передний угол и прикладывали его к божнице. Этот ритуал предполагал приобщение ребенка сначала к домашнему очагу и домашним духам, а затем к домашним христианским святыням.

Все остальные гости, войдя в дом, приветствовали родителей, поздравляли с новым членом в семье. Восприемников сажали на самом почетном месте. За столом провозглашались здравицы в адрес роженицы и ребенка. Почет и уважение на торжестве оказывали повивальной бабке.

Обычными угощениями на крестинах были щи, квас с яйцами и мясом, пшеник, лапша с курятиной, пироги и другие блюда по достатку семьи.

Обязательным угощением на праздничном столе было ритуальное блюдо – пшенная каша⁹⁹³, а у более зажиточных крестьян – сладкий пирог. Каша повсеместно воспринималась как символ плодородия и свидетельство единства родильно-крестинных и аграрных циклов, идущих из глубокой древности. Б.А. Рыбаков отмечает на этот счет,

---

⁹⁹¹ Там же.

⁹⁹² Тарасова С.И. Указ соч. С. 78.

⁹⁹³ Солодовникова Н.В. Семейные обряды... С. 26.

что каша готовилась из зерна, рожденного землей, в свадебной обрядности «женщина уподоблена земле, рождение ребенка уподоблено рождению нового зерна, колоса. В этом слиянии аграрного и женственного начала сказывается не только внешнее уподобление по сходству сущности жизненных явлений, но и стремление слить в одних и тех же заклинаниях и благопожеланиях счастье новой семьи, рождение новых людей и урожайность полей, обеспечивающую это будущее счастье. Здесь мы видим тот самый комплекс, который выражался в древней Руси понятием “рожаницы” – покровительницы как рождаемости, так и урожайности»⁹⁹⁴.

Повсеместно был распространен обычай «выкупать кашу» или «продавать кашу». В конце крестинного пира бабка ставила в центр стола горшок с кашею, ударяя его так, чтобы он разбился. Этот момент магически символизировал обновление жизни. Гости, присутствующие на крестинах, начинали бить его по бокам ножами, пока он не обобьется, приговаривая: «Крепок ли у тебя, бабушка горшок? Не худой ли?», потом разбирали ложками кашу, часть ее съедали, а остальное заворачивали в платок, несли домой для своих детей, хотя они и не присутствовали на ритуальной крестинной трапезе, тем не менее, считалось, что они принимали в ней участие⁹⁹⁵. Во время «выкупа каши» повитуха приговаривала:

Кум полтинку,

А кума холстинку.

У кого туп нос – с того рубль.

А у кого нос длинен –

С того семь гривен.

У кого борода широка – четыре рубля⁹⁹⁶.

В этот момент одаривали мать и ребенка – кто чем мог (деньгами, подарками и т.д.). Собрав подарки, повивальная бабка дарила ребенку горсть сахара (для соски). При этом не обходилось и без шуток: отца ребенка обязательно кормили кашей с большим количеством соли, перца и хрена, особенно если рождалась дочь, чтобы он испытал часть страда-

---

⁹⁹⁴ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1987. С. 42.

⁹⁹⁵ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 16. Л. 10.

⁹⁹⁶ Солодовникова Н.В. Семейные обряды... С. 26.

ний, какие перенесла его жена. Эти обычаи были отмечены в Обоянском, Рыльском, Суджанском, Старооскольском и других уездах⁹⁹⁷.

Обрядовость крестильной трапезы была насыщена магическими действиями, цель которых – обеспечить здоровье, благополучие и достаток не только родившемуся малышу, но и всему живому. Наиболее полно это проявлялось в пожеланиях повивальной бабки, крестных родителей, гостей: «Водись на полоке ребятки, под полокой – телятки, под печкой – поросятки, а на полу – цыплятки»; «Чоб хлебушко родился, скотинушка водилась, малец велик да крепкий рос»⁹⁹⁸.

Таким образом, ритуалы, связанные с рождением ребенка, его имянаречение и крещение являлись первыми шагами его социализации.

Древним обрядом включения малыша в жизнь общества является обряд первого подпоясывания младенца. Пояс составлял важнейший элемент одежды. Издавна считалось, что пояс выполнял функцию сакральной защиты от злых сил и способствовал благополучию и удаче. Обряд первого подпоясывания младенца заключался в том, что через шесть недель после рождения ребенка его крестная мать приходила к своему крестнику и приносила ему в подарок пояс, а иногда рубашку и крестик. Она впервые подпоясывала ребенка, приговаривая, чтобы младенец рос здоровым и красивым, и с этого момента он носил пояс. Остальные гости также преподносили подарки младенцу и родителям. Было принято и кумовьям одаривать друг друга. Как правило, «кума дарила куму вышитый платочек, после чего, утерев подарком губы, он целовал ее и одаривал деньгами»⁹⁹⁹. При прощании мать ребенка вручала кумовьям по пирогу, а те в свою очередь одаривали ее. У южнорусских крестьян Обоянского уезда Курской губернии считалось грехом подпоясывать детей в первые 40 дней жизни¹⁰⁰⁰.

Первая стрижка. По обычаю, чтобы ребенок беспрепятственно рос, нельзя было у него стричь волосы и обрезать ногти. До года не

---

⁹⁹⁷ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 29. Л. 26; *Зеленин Д.К.* Описание рукописей архива Императорского Русского Географического общества. Вып. 1–3. Пг., 1914–1916. С. 663, 1000, 1146.

⁹⁹⁸ *Жиров М.С., Жирова О.Я.* Указ. соч. С. 86.

⁹⁹⁹ *Жиров М.С.* Указ. соч. С. 121.

¹⁰⁰⁰ См.: *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография... С. 331.

стригли волос¹⁰⁰¹, даже если волосы стали длинными и мешали ребенку смотреть, ногти ребенку до года откусывала мать. В год младенца подстригали, делали это обычно крестные или родные – отец и мать¹⁰⁰². Данный обряд носил названия: постриги, пострижены, застрижки. На подстриги приглашали крестных родителей, ближайших родственников, знакомых.

Стриг ребенка крестный отец. Крестная мать приносила подарок – рушник. С волосами ребенка были связаны особые поверья. Стриженные волосы детей было не принято выбрасывать. Хранили их за потолочной балкой, а чаще всего сжигали. Считалось, если их подберет птица для своего гнезда, то это может вызвать головные боли и даже слабоумие детей. А если попадут в норку к мышам, то у малыша заболит уши. Когда ребенок болел, то волосы использовали знахари при исполнении магических обрядов и заговоров. В этот день варили пшеничную кашу, пришедшие гости должны были, прежде чем отведать каши, положить подарок на чугунок¹⁰⁰³. Это время было и окончанием первого периода детства – младенчества.

Вообще все самые первые действия с ребенком были окружены специальными «оберегами» и ритуалами. Так, во время сна смотреть на него не полагалось. Чтобы рос «головатый» (умный), целовать надлежало только в голову или лоб. Когда у малыша начинали появляться первые зубы, то на «каждый зубок клали денежку». Начинал малыш ходить, его первый самостоятельный шаг сопровождался разрешением «пут», которые по поверью, мешают его ходьбе. Отец ножом или лучинкой делал между ножками движение, имитировавшее разрезание и говорил: «Путы разрезаю, ходить [имя ребенка – З.М.] пускаю». А чтобы споро (быстро) бегал и не падал, рубашонку на нем спереди разрывали. Иногда путы поручали разрезать бойкому мальчику. То есть подобными действиями стремились обеспечить условия, которые бы помогли ребенку стать на ноги в буквальном смысле слова.

---

¹⁰⁰¹ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 16. Л. 10.

¹⁰⁰² Там же. Л. 11.

¹⁰⁰³ «...Да на нашей стороншке приволья довольно...» // Традиционная культура Яковлевского района. Ч. 1 / Ред.-сост. И.И. Веретенников, Н.В. Солодовникова. Белгород, 2004. С. 10.

Для того, чтобы дети начинали быстрее ходить, их брали во время сева в поле, сажали на землю и перекидывали через них семена. Так же поступали с теми, кто долго не начинал ходить.

Таким образом, процесс рождения ребенка в крестьянской семье сопровождался хорошо разработанным комплексом ритуалов, включавших в себя ряд обрядовых действий, направленных на социализацию ребенка. Причем в этих действиях важнейшее место занимали гендерные различия.

Социализация детей в традиционном обществе

Отношение к полу родившегося ребенка в крестьянской семье было неоднозначным. При довольно ровном отношении к детям в русских семьях, все-таки больше ждали рождения мальчиков, так как на каждого родившегося мальчика община выделяла семье земельный надел – главное богатство крестьянского хозяйства Центрального Черноземья¹⁰⁰⁴. Родители смотрели на сына, как на продолжателя рода. Совершенно иное отношение было к девочке. Она после выхода замуж отделялась от родителей и им не приходилось ждать от нее помощи в старости. В народе говорили: «мальчик родится на подмогу, а девочка – на потеху», «с сыном дом наживешь, с дочкой остатки проживешь», «растить дочку, что лить воду в дырявую бочку». Предпочтение мальчика сказывалось и в том, что в основном все суеверные средства воздействия на пол будущего ребенка были ориентированы на рождение сына, причем рекомендовалось молиться определенным святым о рождении мальчика – Святому Иоанну Воину, о рождении девочки просили Святую Марию Египетскую¹⁰⁰⁵. «Если первый ребенок девочка, отец относится к ней совершенно равнодушно. Дома большей частью говорят об этом с сожалением, разве одна из женщин прибавит: “Ничего, нянька будет”, – и все на следующий же день забывают о девочке»¹⁰⁰⁶. В то же время следует отметить, что родители волновались за судьбу дочерей не меньше, чем за судьбу сыновей. Они мечтали о хорошем, работающем муже для дочери, достатке ее семьи. Данные

---

¹⁰⁰⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 14. Л. 4; Д. 4. Л. 26; Д. 9. Л. 8–9; Д. 28. Л. 60–61.

¹⁰⁰⁵ Листова Т.А. Обряды и обычаи... С. 502.

¹⁰⁰⁶ Семенова-Тян-Шанская О. Указ. соч. С. 33.

мечты ярко отразились в народном фольклоре. Так, например, в Старооскольском уезде Курской губернии в колыбельной песне для девочки мать выражала свои мечты в следующих словах:

Сон да дрема	Чисто серебро носить
По новым сеням брела,	Мамушкам, нянюшкам
Да к Маше забрела:	Обносочки дарить.
– Где Машина Колыбель?	Красным девушкам –
– На высоком тереме,	По ленточке,
В шитом браном пологе:	Молодым молодушкам –
– Кольцы – пробойцы серебряные.	По соборничкам,
Ты вырастишь большая.	А старым старухам –
Будешь в золоте ходить.	По повойничкам ¹⁰⁰⁷ .

Однако в родительском доме на девочку смотрели как на временную гостью. Вся ее добрачная жизнь была подготовкой к замужеству.

Детство начиналось с момента «прихода в этот мир» и заканчивалось в 14-16 лет. Рассмотрим основные периоды в уходе и воспитании детей в русской крестьянской семье Курской губернии.

Родившегося ребенка называли «младенец», главной жизненной задачей младенца являлось закрепление с помощью взрослых на земле. Уход за младенцами осуществлялся на основе сформировавшихся на протяжении столетий народного опыта и рекомендаций религиозно-магического характера¹⁰⁰⁸.

Приданое новорожденному заранее никогда не готовили, боясь накликасть беду. Люльку (зыбку) для будущего ребенка отец делал в тайне от людских глаз, включая и своих домочадцев. Постельку готовили из мягкой сухой травы. С целью оберега новорожденного от «дурного глаза» колыбель окропляли святой водой, на нее привешивали крестик и закрывали пологом из темного холста¹⁰⁰⁹. Люльку подвешивали к матице (потолочной балке). И.И. Шангина считает, что это связано с мифологическими представлениями, согласно которым «младенец,

---

¹⁰⁰⁷ См.: *Кичигин В.П., Кичигин С.В.* Мир текстов детского фольклора // Белогорье. Белгород, 2000. № 2. С. 126.

¹⁰⁰⁸ Русские дети: Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия / Авт.: Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зиминова и др. СПб., 2006. С. 7.

¹⁰⁰⁹ *Жиров М.С., Жирова О.Я.* Указ. соч. С. 77.

уложенный в люльку, подвешенную над полом, как бы отрезан от “ино-го мира”, из которого он прибыл в “наш мир”. Если новорожденного положить в кроватку, стоящую на полу или на земле, то нечистая сила может забрать его»¹⁰¹⁰. Несомненно, такое размещение младенца имело и чисто практическое значение: довольно маленькое пространство крестьянской избы не давало возможности иметь отдельное место для новорожденного.

Смотреть на новорожденного не полагалось до крестин. Так, например, в Белгородском крае к роженице и младенцу до шести недель посторонних вообще не допускали, боясь оговора и дурного глаза¹⁰¹¹.

Кормлению грудью придавалось ритуальное значение. Перед первым кормлением грудь омывали святой водой, осеяли крестом мать и младенца, благословляли их. Чтобы ребенок не был левшой, надлежало ему в первый раз дать правую грудь. Крестьяне верили в магические свойства грудного молока, его связь с жизненной силой.

В крестьянских семьях было принято, чтобы мать только кормила ребенка грудью. В Курской губернии, как и повсюду в сельской России, матери-крестьянки не уделяли большого внимания уходу за детьми, родившимися в летние месяцы. Будучи заняты до предела, они либо пеленали младенцев и подвешивали в люльке на дерево, либо оставляли их под навесом в поле и кормили грудью в свободные минуты¹⁰¹². В связи с тем, что мать обычно плохо питалась, особенно в летнее время, часто материнского молока было недостаточно. Поэтому помимо материнского молока ребенок, обычно с первых дней своей жизни получал еще и прикорм. Для этого использовались соска и рожок. Соска представляла собой жеваный хлеб или кашу, завернутые в кусок редкой материи или бязевую тряпочку; ее совали в рот младенцу. Рожок – это коровий полый рог с предварительно размягченным в солевой воде коровьим соском («коровья титька»), надетым на тонкий конец. В рожок наливали коровье молоко, очень часто разбавленное водой, а иногда вместо молока давали квас или чай. Позже эти рожки стали вытесняться стеклянными бутылочками с резиновой соской.

---

¹⁰¹⁰ Шангина И.И. Русские дети и их игры. СПб., 1997. С. 33.

¹⁰¹¹ Жиров М.С., Жирова О.Я. Указ. соч. С. 83.

¹⁰¹² Энгел Барбара А. Указ. соч. С. 82.

Шестимесячных детей приучали есть гречневую кашу с молоком, сваренный в воде ржаной хлеб (тюрю), а потом и жидкие кушанья, которые ела мать. Дети постарше ели то же, что и взрослые, продолжая, однако, сосать материнское молоко («сосать титьку»).

Материнским молоком кормили до года/полугода лет, иногда дольше. Отлучение от груди осмысливалось женщинами как прекращение органичной связи с ребенком, а поэтому приурочивалось к сакральным дням (чистый четверг на страстной неделе, воскресенье перед Масленицей). Бытовали специальные приговоры: «Господи, возьми мое дитя на свои хлеба!». Как правило, мать давала малышу краюшку хлеба, посыпанную солью, и приговаривала: «Дай Бог, [имя ребенка – *З.М.*] от груди отстать, а к хлебушку пристать!». Чтобы отучить ребенка от груди, матери мазали себе соски горчицей, солью, перцем, дегтем, сажей; иногда клали на грудь колючую щетку для чески льна или кусок меха; нередко уходили на несколько дней из дома.

С первых дней до нескольких месяцев ребенка пеленали, полагая, что он «от этого спать будет спокойнее, и что свитое дитя удобнее матери взять даже ночью впотьмах»¹⁰¹³. Спал ребенок в зыбке, куда клали чаще всего солому, кусок старого кафтана и перьевую подушку¹⁰¹⁴. Зыбку привязывали к концу березового шеста, длиной примерно четыре метра – оцеп. Другой конец шеста упирался в стену или врезался в нее; середина шеста прикреплялась к потолочной балке или же к железному кольцу в потолке или к матице, иногда середина шеста лежала на «грядке» – высокой полке, которая тянулась через всю комнату перпендикулярно шесту. Привязанную к свободному концу такого гибкого шеста колыбель раскачивали в вертикальном направлении, и она еще долго сама раскачивалась снизу вверх. Чтобы при качании ребенка руки оставались свободными, к зыбке снизу привязывали веревочную петлю, чтобы люльку можно было качать ногой. Плохой приметой считалось качать пустую колыбель: ребенок будет страдать бессонницей или другими болезнями, от которых он может даже умереть¹⁰¹⁵. Едва ребенок начинал плакать, старались его скорее укачать и, нередко, если не спал, поили настоем маковых зерен, «заговарива-

---

¹⁰¹³ АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 16. Л. 16 об.

¹⁰¹⁴ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 46. Л. 9.

¹⁰¹⁵ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 65. Л. 5–6 об.

ли»: «Бабка несла ребенка в курник и, качая его, приговаривала: “Криксы, варахсы! идитя за крутыя горы, за темныя ласы ат маладенца”»¹⁰¹⁶. Бывали случаи, когда мать, взяв в кровать плачущего ребенка, крепко засыпала после целого дня работы, «присыпала ребенка» и даже могла задавить его. В Курских губернских ведомостях можно прочесть такие сообщения: «В ночь под 10 января крестьянка деревни Цепляевой Корочанского уезда Марья Григорьевна Дошненкова нечаянно задавила 2,5 месячного младенца, дочь Степаниду»¹⁰¹⁷. «Приспать ребенка» считалось в селе большим грехом. Для того чтобы снять с себя этот грех, женщины шли ночью в церковь. Там, начертив вокруг себя круг от дьявольских наваждений, они усердно молились Богу. В первую ночь Богородица показывала матери ее невольную жертву, всю в крови. На следующую ночь крови становилось меньше. Ночные бдения в церкви продолжались до тех пор, пока ребенок не становился чистым.

Для защиты от насекомых, которых особенно было много летом, зыбку накрывали куском ткани – положком. Как только ребенок становился крепче, его сажали между подушками, а потом просто на пол, позволяя ему кувыркаться и доставать игрушки, разложенные рядом с ним. Первыми игрушками служили простые дешевые побрякушки, красные ленточки, привязанные в зыбке перед глазами ребенка.

Игры с детьми до годовалого возраста были просты и включали в себя подбрасывание, качание ребенка на руке, приплясывание, подпрыгивание, притоптывание, но в то же время учитывали физические и психологические особенности развития ребенка.

Ой, скок, скок, скок
На чужой мосток,
Я свой замощу,
Никого не пущу!¹⁰¹⁸

В этот период взрослые и «няньки» играли с детьми этого возраста в простые потешки и пестушки¹⁰¹⁹. Во время говорения пестушки потягивали ребенка за ручки, за ножки.

---

¹⁰¹⁶ Булгаков Г.И. Указ. соч. С. 121.

¹⁰¹⁷ КГВ. 1882. № 13.

¹⁰¹⁸ Жиров М.С., Жирова О.Я. Указ. соч. С. 92.

Ах, поет, поет соловушка!
Ах, поет, поет молоденький...
Потягунюшки, порастунюшки!
Роток-говорунюшки,
Руки-хватунюшки,
Ноги-ходунюшки¹⁰²⁰.

Но особенно были распространены колыбельные песни, часто начинавшиеся со слов «баю, баюшки, баю...». Или были и такие:

Спи-усни, мой мальчик,
Золотой мой одуванчик...,
Сон, сон, приходи
В дом, дом заходи...
Вдоль скамеечки пройди,
К колыбельке подойди.
Над подушечкой нагнись,
На реснички опустишь.

Во время исполнения колыбельной песни малыша гладили по головке, прикасались пальцами к его спинке, животу.

В крестьянских семьях не было привычки утруждать себя проблемой сохранения здоровья новорожденного. Корреспонденты Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева в своих ответах на разосланную анкету писали о плохом уходе за малолетними, их скудном и нездоровом питании, антисанитарии и отсутствии на селе должной врачебной помощи, как о главных причинах высокой детской смертности в русской деревне¹⁰²¹. О.М. Вербицкая полагает, что подобное отношение объясняется, прежде всего, пониманием невозможности содержать многодетную семью и необходимостью использования основных сил взрослых членов семьи для поддержания хозяйства, которое кормило всю семью¹⁰²².

---

¹⁰¹⁹ *Слепцова И.С.* Народные игры и использование их в воспитании // Русские народные традиции и современность. М., 1995. С. 55.

¹⁰²⁰ *Кичигин В.П.* Указ. соч. С. 264.

¹⁰²¹ РКЖБН. Т. 6. С. 46.

¹⁰²² *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С. 99.

При плохом уходе и жуткой антисанитарии весьма были распространены у детей короста, сыпь, чесотка, лишай¹⁰²³. Чаще всего дети болели дифтерией, кровавым поносом, коклюшем, скарлатиной, корью и др. В ежегодных Отчетах о состоянии Курской губернии губернатор сообщал, что эти болезни приводят к смерти, особенно среди детей¹⁰²⁴. В Курских губернских ведомостях часто публиковали следующие сообщения: «В селе Нижне-Атаманском Старооскольского уезда появился дифтерит. Заболело 14 детей, из них 8 душ умерло»¹⁰²⁵.

Дети, рождающиеся весной, особенно часто болели рахитом и золотухой, поскольку оставались без присмотра матерей, которые в эту пору обычно трудились и редко кормили грудью. Давать грудным детям коровье молоко почему-то считалось вредным¹⁰²⁶.

Больше всего деревенские дети страдали от плохого питания. Летом дети ели незрелые, немывтые плоды и фрукты, пили сырую, порой зараженную бактериями воду, а потому и часто страдали поносом, который буквально косил их. «Дети в жаркое время в массе гибнут от этой болезни благодаря полному расстройству пищеварения», – констатировал земский врач С.П. Мионов¹⁰²⁷. Особенно часто гибли от поноса дети в грудном возрасте.

Наиболее тяжело приходилось грудному ребенку, если заболела его мать. «На родившегося ребенка мало обращают внимания, когда мать больна и не может за ним ухаживать. Тельце его опревает и делается красным. Он кричит благим матом от малейшего к нему прикосновения. В случае смерти матери редко такой ребенок доживал до года, если не брали его к себе сестра умершей или ее мать»¹⁰²⁸.

На детей расходовались минимальные средства. Их одевали в обноски, в основном, они донашивали одежду своих старших братьев и сестер – рубахи, порты, зипуны. Нередко, как указывалось ранее, им шили рубахи из старых отцовских и материных¹⁰²⁹. Многие дети не

---

¹⁰²³ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1503. Л. 8.

¹⁰²⁴ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4720. Л. 4.; Д. 4858. Л. 6.

¹⁰²⁵ КГВ. 1895. № 268.

¹⁰²⁶ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–6.

¹⁰²⁷ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1503. Л. 7.

¹⁰²⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1168. Л. 47–49.

¹⁰²⁹ См.: *Беликова Т.П., Емельянова М.И.* Указ. соч. С. 231.

имели зимней одежды, обуви. «В одной рубашонке – единственном детском костюме – без шапки, босиком, они (деревенские дети) – пишет В.А. Федоров, – проводят дни своей жизни и в нестерпимую жару, валяясь в пыли на дороге, и в осенний холод, под дождем бегая по лужам, болотам и грязи, и в зимние морозы, выбегая посмотреть на простор снегов»¹⁰³⁰. «Обуви с ранней весны до поздней осени дети не знают. Только в зажиточных семьях покупают сапожки или башмаки на холодное время»¹⁰³¹. Материальные заботы родителей о своих детях расценивались старшим поколением как расточительство.

Корреспонденты Этнографического бюро писали о фактическом отсутствии присмотра за малолетними детьми. Если до года ребенок был обычно с матерью, которая брала его с собой в поле, то после года дети выхаживались с помощью стариков и подростков-детей или ребенок рос «сам по себе», ибо взрослым было не до них, особенно летом. Едва только ребенок начинал ходить, как его оставляли «без присмотра на волю Божию», и нередки были случаи увечья и смерти от недосмотра. Так, Курские губернские ведомости пестрели такими сообщениями: «4 июля 1870 года в деревне Букреевой Курского уезда утонула в колодце крестьянская девочка Ефросинья Беседина, 3 лет от роду»¹⁰³²; «25 мая в слободе Козьмодемьянской Корочанского уезда утонула в реке крестьянская девочка Ульяна Ефимова, 5 лет от роду»¹⁰³³; «11 июня в д. Теплой Грайворонского уезда крестьянский мальчик Федор Черкашин 1,5 года упал в кадку с квасом и залился»¹⁰³⁴; «14 июня в с. Ивановское Льговского уезда утонул в копани и захлебнулся крестьянский мальчик Корней Челухин, 3 лет от роду»¹⁰³⁵; «14 июня в с. Белый Колодезь Корочанского уезда крестьянский мальчик Матвей Шестопалов, 10 месяцев от роду выпил селитряной кислоты и через час умер»¹⁰³⁶.

---

¹⁰³⁰ Федоров В.А. Мать и дитя... С. 20.

¹⁰³¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 800. Л. 42–44; Д. 1144. Л. 9; Д. 1897. Л. 53–55.

¹⁰³² КГВ. 1870. № 51.

¹⁰³³ Там же.

¹⁰³⁴ КГВ. 1870. № 56.

¹⁰³⁵ Там же.

¹⁰³⁶ КГВ. 1870. № 5.

В жаркую летнюю пору в деревне часто бывали пожары и малолетние дети нередко становились их причинами и жертвами. Корреспонденты Курских губернских ведомостей сообщали с разных мест: «В с. Поповка Корочанского уезда от шалости детей со спичками сгорело 9 крестьянских дворов с находившимся в них имуществом, убытков на сумму 1728 р.»¹⁰³⁷; «Вследствии шалости детей с огнем в с. Скородном Старооскольского уезда в первой половине августа пожаром было уничтожено 16 крестьянских изб, убыток составил 3200 р.»¹⁰³⁸; «В д. Окунях Новооскольского уезда сгорели 11 крестьянских дворов, хлеб и сено; убытков 5720 р., причина пожара, как предполагают – баловство детей с огнем»¹⁰³⁹.

После года постепенно начиналась целенаправленная социализация детей, главной целью которой было постепенное включение детей в упорядоченную жизнь крестьянской семьи. В народе говорили: «Умел дитя родить, умеи и научить». Прежде всего, учили малыша пользоваться ложкой. Вручение ложки ребенку означало, что он уже подросток и встал на новую ступеньку жизни. Малыша учили быстро ходить, используя для этого приговорки «топ-топ-топ...». Обучали первым азам счета, забавляясь пальчиками:

Большаку дрова рубить (большой палец),
А тебе воды носить (указательный палец),
Тебе печку топить (средний палец),
Тебе кашку варить (мизинец),
Песни петь да плясать,
Родных братьев потешать¹⁰⁴⁰.

Социализация детей в крестьянской семье включала передачу положительных традиций ведения крестьянского хозяйства, что давало возможность полноценного социокультурного воспроизводства класса земледельцев. Однако социализация будущих крестьян имела целью не только обучить детей всем хозяйственно-трудовым навыкам, но и привить необходимые качества характера и религиозно-нравственные

---

¹⁰³⁷ КГВ. 1895. № 171.

¹⁰³⁸ КГВ. 1895. № 183.

¹⁰³⁹ Там же.

¹⁰⁴⁰ Жиров М.С., Жирова О.Я. Указ. соч. С. 94–96.

устои, а также передать мировоззренческий комплекс, включающий все ответы на вопросы о себе и окружающем мире.

Основным способом жизнедеятельности крестьян был труд. Поэтому приучение к труду начиналось очень рано. В процессе трудовой деятельности старшие передавали детям свой опыт, мастерство, привычку постоянно трудиться. Труд помогал выработке у детей четкой организации жизни, воспитывал дисциплинированность, заставлял приобретать новые знания, умения, навыки, наблюдать явления окружающего мира.

Спецификой обучения крестьянских детей была равная для мальчиков и девочек необходимость овладения многими видами сельскохозяйственных и домашних работ, причем постоянно усложняющихся с возрастом. Крестьянские дети выполняли до 85 видов работ¹⁰⁴¹. Крестьяне считали, что «маленькое дело лучше большого безделья». Трудовое воспитание органично входило в хозяйственную жизнь крестьянской семьи. Приобщение к труду обычно происходило под руководством матери или отца, бабушки или дедушки, старших сестер или братьев.

В крестьянских семьях традиционно существовало половозрастное исполнение детьми тех или иных видов работ. Трудовое воспитание начиналось рано. С трехлетнего возраста ребенок «мог выполнять разовые поручения: мести пол, отыскивать отцовский кушак, собирать в чашку рассыпавшийся горох, выгонять кур с огорода»¹⁰⁴².

В четырехлетнем возрасте дети начинали помогать взрослым в работах по дому, на дворе и огороде.

С 6–7 лет дети (мальчики и девочки) принимали участие в работах в поле и на току: таскали и переворачивали снопы, убирали обмолотки. Во время созревания ягод и сбора грибов под присмотром старших они ходили в лес.

---

¹⁰⁴¹ См.: Ботова С.И. и др. Указ. соч. С. 62.

¹⁰⁴² См.: Глотова В.В. Трудовое воспитание детей в крестьянской семье в пореформенный период (на примере Курской губернии) / Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: сб. науч. тр. V Междунар. науч. конф. / отв. ред. И.Т. Шатохин (г. Белгород, 23–24 января 2009 г.). Белгород, 2009. С. 219.

С 10-12 лет, а иногда и раньше, мальчики начинали постигать мужские работы – рубить дрова¹⁰⁴³, управляться с лошадьми и ездить верхом, пасти лошадей, ездить во время жатвы за водой, вместе со старшими мужчинами начинали жать, молотить, боронить, пахать, возить сено, хлеб, дрова¹⁰⁴⁴.

В 12 и 13 лет мальчики нанимались «в работники и в пастухи к помещикам или богатым мужикам, если скот последних ходит отдельно от деревенского стада, пасомого общественным пастухом»¹⁰⁴⁵. Корреспондент Этнографического бюро из Курской губернии сообщает, что «тринадцатилетние школьники и даже один одиннадцатилетний иногда не являются в класс в учебные дни. “Почему ты не был?” – спрашиваю его. “Родители не пустили”, – отвечает он. “Что ж ты делал?” – “Молотил”. А весной мальчики этого возраста пашут. Девочки начинают прясть, шить, полоть с девятилетнего возраста, редко с восьмилетнего. Няньками же они становятся, если нет старших сестер, и с пятилетнего возраста»¹⁰⁴⁶. Девочки, едва подрастая, становились няньками младших братьев и сестер, «7–8 летних девочек оставляли играть с малышами и укачивать их»¹⁰⁴⁷.

С 13-14 лет дети помогали взрослым почти во всех видах работ, даже молотили хлеб¹⁰⁴⁸. С 15-17 лет они начинали выполнять работы наравне со взрослыми¹⁰⁴⁹. К 17-18 годам парень становился полноценным работником в доме¹⁰⁵⁰.

Девочки с 5-6 лет начинали помогать матери носить воду, дрова, мыть посуду и полы, полоть в огороде, присматривать за домашней птицей. Девочки также нянчили младших детей¹⁰⁵¹. Иногда, если не хватало рабочих рук, приходилось работать в поле. Как вспоминает жительница Курской области: «Лет с семи боронила. В 4 часа разбу-

---

¹⁰⁴³ *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 15.

¹⁰⁴⁴ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 739. Л. 3–4.

¹⁰⁴⁵ РКЖБН. Т. 6. С. 27.

¹⁰⁴⁶ Там же.

¹⁰⁴⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 995. Л. 30; Д. 1654. Л. 10.

¹⁰⁴⁸ РКЖБН. Т. 6. С. 27; 45.

¹⁰⁴⁹ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 739. Л. 3–4.

¹⁰⁵⁰ *Шангина И.И.* Русские дети... С. 56.

¹⁰⁵¹ См.: *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 15.

дят, на лошадь посадят. Упаду с лошади, отец шлепнет и опять посадит»¹⁰⁵².

Однако на первом месте у девочек стояло обучение домашнему мастерству. Поэтому уже в 7-8 лет девочки часто помогали матери ткать, наматывая нитки на берестяные трубочки для челнока. К 8 годам они овладевали навыками прядения¹⁰⁵³, и отец делал им личные прялки маленького размера. Вместе с матерью дочери трепали, пряли, ткали, шили и т.д. с 9-летнего возраста¹⁰⁵⁴. «В южно-русских губерниях девочки-подростки не только пряли, но и чесали шерсть. В 10–12 лет девочки белили холсты. Во многих местах с 10 лет девочки начинали ткать пояса»¹⁰⁵⁵, учились шитью и кройке. Корреспонденты Этнографического бюро из Центрально-Черноземных губерний сообщают, что в 12 лет маленькая мастерица могла изготовить себе наряд. К завершению подросткового периода девочка была уже способна готовить себе приданое¹⁰⁵⁶.

С 10-11 лет дочь помогала матери жать в поле¹⁰⁵⁷, для чего ей изготавливали маленький серп. Чуть позже, по мере накопления физических сил, она могла уже копать картошку.

К 15 годам девочка-подросток приобретала все знания, необходимые крестьянской женщине, будущей хозяйке дома¹⁰⁵⁸.

Как видим, этапы взросления детей в крестьянской семье связывались с формированием основных трудовых навыков. Степень овладения детьми трудовыми навыками способствовала и формированию индивидуальных репутаций в окружающей крестьянской среде. Известный исследователь крестьянского быта М.М. Громыко отмечает, что «над теми из подростков, кто не овладел мастерством, соответствовавшим, по местным представлениям, возрасту, начинали насмехаться. Существовали насмешливые прозвища для неумелых, прочно

---

¹⁰⁵² Краеведческие записки. Вып. 2. Курск, 1963. С. 180.

¹⁰⁵³ Новиков А. Указ. соч. С. 14.

¹⁰⁵⁴ РКЖБН. Т. 6. С. 27.

¹⁰⁵⁵ Мужики и бабы... С. 170.

¹⁰⁵⁶ Там же. С. 171.

¹⁰⁵⁷ Жиров М.С., Жирова О.Я. Указ. соч. С. 90.

¹⁰⁵⁸ Там же.

вошедшие в речевой оборот»¹⁰⁵⁹. Среди крестьянских детей считалось позором, если о двенадцатилетней девочке говорили, что она непряха, а о мальчике десяти лет – что он «только и может гонять бабки»¹⁰⁶⁰.

В крестьянских семьях при распределении нагрузок, особенно когда работников было много, учитывались физические возможности детей и подростков. Об этом свидетельствуют многие источники, в которых описывается трудовая жизнь крестьянской семьи. В обычной крестьянской семье родители никогда не заставляли детей выполнять слишком трудоемкие работы, оберегая их здоровье, старались поддерживать в ребенке желание помочь семье и обязательно похвалить его за выполненную работу. В отчетах корреспондентов Этнографического бюро В.Н. Тенишева отмечается, что «лишь в тех семьях, где работников много, в труде малолетних не особенно нуждаются, подростков дольше не принуждают к тяжелой работе, почему они выглядят сильнее и здоровее сверстников»¹⁰⁶¹. Крестьяне хорошо понимали, что ребенок должен работать в меру своих сил и возможностей и что ему надо давать, как они говорили, «каждой трудности по разу». В противоположном случае у ребенка можно было отбить охоту к труду, воспитать отношение к работе как к тяжелой повинности.

В крестьянских семьях стремились воспитывать в детях самостоятельность, расторопность, наблюдательность, хозяйственную сметливость. Так, корреспондент из Обоянского уезда Курской губ. сообщает: «С пеленок привыкнув к самостоятельности, он не боится ничего. Ему нипочем сбегать и в соседний лес за орехами, грибами и ягодами, баранчиками и щавелем – даровым деревенским лакомством, которое так любят крестьянские ребятишки. Он несколько раз сбегает и к реке, чтобы освежить свое здоровенькое, зудящее от пыли и жары тельце»¹⁰⁶².

Родители старались не только научить детей выполнению различных видов работ, но и непосредственно включать их в хозяйственно-экономическую жизнь семьи. С детства ребенок начинал понимать, что благополучие семьи, в том числе и его собственное, зависит от своевременного и постоянного труда всех членов семьи, поэтому дети как

---

¹⁰⁵⁹ Громько М.М. Мир русской деревни... С. 108–109.

¹⁰⁶⁰ Русские дети... С. 12.

¹⁰⁶¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 799. Л. 9; Д. 1366. Л. 13–14; Д. 1714. Л. 47–48.

¹⁰⁶² РКЖБН. Т. 6. С. 46.

должное воспринимали четкую организацию семейного труда с характерным распределением старшими работ и строгим повиновением остальных главе семьи. В связи с этим следует отметить, что в крестьянских семьях сравнительно небольшим детям давали возможность самим «заработать себе на жизнь», что создавало индивидуальную материальную заинтересованность в труде и являлось важным психологическим фактором взросления. Так, например, с двенадцати лет мальчики-подростки нанимались на лето в подпаски. Все более типичным в Курской губернии, как и в других южно-русских губерниях, становился и отход девочек в «няньки»¹⁰⁶³, т.е. в чужую семью нянчиться с младенцем. Пока взрослые работали, «нянька» целый день не отходила от ребенка – играла с ним, пела ему песни, кормила и одевала его. В местностях с развитым промысловым отходом детей отдавали в наемные работники. В конце XIX века практика «отхода» детей на заработки получает все большее распространение.

Воспитание любви к труду как одной из главных черт характера, которая уже не даст пропасть в дальнейшей жизни, крестьяне считали едва ли не самой главной своей задачей. С раннего возраста детям внушали: «Будешь трудиться – будешь кормиться». По крестьянским нормам лень и недобросовестность в работе относились к числу позорящих человека качеств.

В трудовом воспитании детей и подростков в крестьянских семьях учитывали влияние коллектива сверстников. Труд в коллективе, среди своих сверстников уже не казался таким скучным и однообразным, каковым он был при выполнении трудовых обязанностей в кругу семьи. Так, например, с двенадцати лет мальчики-подростки выезжали пасти лошадей в «ночное»¹⁰⁶⁴ вместе с группой сверстников. Это происходило в свободное от полевых работ время, преимущественно после пахоты – в «межупарицу», и вплоть до сенокоса. Почти каждый вечер, особенно под праздники, мальчики-подростки, забрав полога и старые шубенки, навьючивали их на лошади, по одиночке или гурьбою, с веселою песней, отправлялись на заранее условленное место – в луга или на выгон – ночевать. Сбросив привезенные вещи в общую кучу, они спутывали лошадей и пускали их пастись, а сами, несмотря

---

¹⁰⁶³ См.: *Пушкарева Н.Л.* Материнство и материнское воспитание... С. 112.

¹⁰⁶⁴ РКЖБН. Т. 6. С. 46.

на трудный рабочий день и короткую летнюю ночь, играли и развлекались почти до рассвета. «Приедешь в поле – соловьи, – вспоминает крестьянин Константин Останков из Обоянского уезда Курской губернии. – Мы сядем вокруг огня у кружок – распеваем (то есть поют молитвы, песни же они “кричат” или “кажут”). Иные есть прадувные, усю ночь ни заснуть. А иной, как приехал, глядишь, – спать, особливо из маленьких»¹⁰⁶⁵. В данном случае семья получала нужный для нее приработок, а для самого подростка это была своего рода школа, где он учился соблюдению взятых на себя обязательств и дисциплинированному выполнению дела. Однако походы «в ночное» заканчивались иногда несчастными случаями. Так, корреспондент Курских губернских ведомостей в разделе «Хроника» сообщает, что в Новооскольском уезде «... крестьянские дети возвращались из ночного на лошадях. Уже подъезжали к деревне, но чем-то напуганные лошади понесли детей (их было 15 человек) бешеным галопом. Многие из них, свалившись с лошадей, получили ушибы, а сын крестьянина Овсянникова – Семен, двенадцатилетний мальчик, падая с лошади, запутался в поводах ногами. Лошадь притащила его домой мертвым»¹⁰⁶⁶.

Для выполнения домашних работ объединялись и девочки. Хорошо известны девичьи «вечорки» с работой и разные виды помочей.

Русские крестьяне стремились привить детям чувство хозяина, бережное отношение к земле, внимание к окружающему миру. Земля была основным богатством крестьянской семьи, фундаментом крестьянской жизни. В крестьянском мировосприятии «земля олицетворяла материальное, жизненное начало», представляла собой источник пищи и пропитания, а также объект приложения трудовых усилий: «Господь повелел от земли кормиться», «Мать кормит детей, как земля людей», «Земля – тарелка, что положишь, то и возьмешь», «Кто землю лелеет, того земля жалеет»¹⁰⁶⁷. С раннего детства взрослые внушали детям: «Почитай землю, дающую человеку возможность жить, серьезно относись к защите своих земель, бережно относись к окружающему миру».

---

¹⁰⁶⁵ РКЖБН. Т. 6. С. 26.

¹⁰⁶⁶ КГВ. 1895. № 109.

¹⁰⁶⁷ Реутов Е.В. Земля как ценность в русских пословицах // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 116.

В крестьянских детях проявлялась любознательность по отношению к окружающей их природе: «И ум его также не дремлет: пасет ли коров в поле, скучно ему, растянется ничком на траву и высматривает здесь разных козявок да букашек, подметит здесь такие черты их жизни, что не досмотреться и ученому!.. А сколько забавок, разных и нужных вещей понаделает он из травы, соломы, ветвей!.. Многому и у других поучится, а до чего и сам доберется!»¹⁰⁶⁸. А.Н. Энгельгардт в «Письмах из деревни» обращает внимание на то, что у крестьянских детей «сообразительность, память, глазомер, слух, обоняние развиты... неизмеримо выше», чем у городских детей¹⁰⁶⁹.

В русской деревне сложились традиционные представления о родительских обязанностях. Они включали в себя требования к родителям содержать, одевать и кормить своих детей, учить их страху Божьему и грамоте, приучать к работе по дому и в поле, женить или выдать замуж. Интересный пример: «Несколько лет тому назад был случай, – сообщает корреспондент Этнографического бюро, – где приговорили волостным судом выпороть отца за взрослого сына, который в чем-то провинился. Когда он спросил, за что его будут пороть, то ему сказали: “За то, что не учил добру своего сына”»¹⁰⁷⁰.

Уважение к старшим, особенно к родителям, считалось важнейшей составляющей воспитания.

Крестьянские дети получали в семье и основы духовного воспитания. Привить ребенку основные нормы христианской жизни, воспитать в нем чувство веры считалось святой обязанностью родителей. Детей приучали к тому, что обращение к Богу, молитва с просьбой о помощи на все добрые дела – это составная часть жизни русского народа. В русских крестьянских семьях приучение к молитве начиналось рано, обычно с 2-3 лет. Ребенок видел ежедневно отца и мать, молящихся перед иконами-образами. Как только он начинал понимать, мать приучала его складывать пальцы для крестного знамения и молиться. При этом слова детской молитвы произносила сама мать, пока ребенок не заучивал этих слов. Первыми молитвами ребенка были «Отче наш» и «Богородице Дево, радуйся». Из рассказа крестьянки Е.С. Шляховой

---

¹⁰⁶⁸ РКЖБН. Т. 6. С. 46

¹⁰⁶⁹ См.: *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 221.

¹⁰⁷⁰ РКЖБН. Т. 6. С. 32.

(с. Толстое, Губкинского района): «Маленького ребенка красиво убирают и в церкву на руках во все праздники несут. А научится говорить, так молитвам учили. В первую очередь, учили молитве “Отче наш”, потому что она пелась перед едой, перед обедом»¹⁰⁷¹. Детей также обучали молитвам, в которых благодарили за Божью милость, обращались к Спасителю и Божьей матери с просьбой о здоровье родных, о помощи в беде и защите от нечистой силы. Но по некоторым данным семейное обучение не всегда давало желаемый результат. По словам одного из корреспондентов Этнографического бюро, детей учат «молиться с шестилетнего возраста, но без всякого прилежания, только для видимости, дети в 6-10 лет не знают никаких молитв»¹⁰⁷².

В сопровождении взрослых дети примерно с 5 лет посещали церковь каждый праздник. Родители ребенка приучали к вере в Господа, внешнему смирению, наставляли вести себя в церкви чинно, степенно, благопристойно и молиться с усердием. В 7–8 лет крестные родители отводили ребенка к исповеди и первому причастию. При этом они старались подготовить ребенка к этому важному событию, рассказывали о необходимости очищения грехов и поясняли смысл причащения святых даров. Своевременная исповедь и причащение становились нормой жизни. Детей приучали и к соблюдению христианских постов, что включало, прежде всего, распространение пищевых запретов. Для соблюдения этих норм применялись как принудительные меры, так и шуточные угрозы, воспринимаемые маленькими детьми как вполне реальные.

Православные знания приобретались ребенком на протяжении всего детства, особенно в тех семьях, где мать и отец или крестные родители были людьми глубоко верующими. В таких семьях взрослые вслух читали псалтырь, молитвенники, рассказывали христианские предания, знакомили с житиями особо почитаемых в той местности святых, рассказывали о чудесах, которые они совершали, обучали детей религиозным стихам, предлагали участвовать в церковном хоре.

Повышению уровня религиозной грамотности детей способствовали и церковно-приходские школы, обучение в которых предусматривало, прежде всего, просвещение религиозное, т.е. усвоение детьми

---

¹⁰⁷¹ Тарасова С.И. Указ соч. С. 75.

¹⁰⁷² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 215. Л. 38.

христианского вероучения в очищенном от «грубых суеверий» виде, что включало и знание канонических молитв, и знакомство с христианской историей, и четкое представление о христианских основах нравственности. Но в конце XIX в. церковно-приходские школы постепенно вытесняются земскими школами, в которых был и другой набор изучаемых дисциплин, и другая форма обучения детей.

Большое внимание в крестьянских семьях уделялось привитию нравственных качеств. Крестьяне старались воспитывать в детях уважительное, почтительное отношение к родителям и старшим. В народе говорили, что воспитывать надо, а не наказывать, как воспитаешь, так и будет. Христианская нравственность, все нормы поведения жителей села требовали безусловного уважения и почитания родителей на протяжении всей жизни. Дети обязаны были во всем слушаться родителей, они считались кормильцами и «пропитателями» состарившихся родителей. В этом плане эффективным средством воспитания были в руках родителей пословицы и поговорки, сказки, предания, былины и др. «Дети обязаны родителей во всем слушать, покоить и кормить во время болезни и старости»¹⁰⁷³, – пишет М.М. Громько о преданиях крестьян Орловской губернии в конце XIX века. По устоявшимся нормам поведения, уважения были достойны не только родители, но и все старшие вообще. «Обязательно полагалось почтительно поприветствовать старших при встрече; уступить место и не сидеть в присутствии старших; в семейном застолье старики сидели на почетном месте; нельзя перечить пожилым людям, а нужно терпеливо их выслушивать; просить прощения за свой проступок не только у родителей, но и у стариков общины на сходе и т.д. Дочь или сын вообще не имели права противоречить отцу»¹⁰⁷⁴. Но разрушение патриархальных устоев деревни по всей России, падение авторитета главы семьи в конце XIX в., возросшая мобильность сельского населения ломали иерархию привычных ценностей крестьянского мира. Новые веяния в первую очередь захватили сельскую молодежь. За чисто внешними проявлениями: показным безбожием, щегольством, критикой власти угадывалось

---

¹⁰⁷³ Громько М.М. Мир русской деревни... С. 143.

¹⁰⁷⁴ Латышина Д.И. История педагогики. (История образования и педагогической мысли). М., 2003. С. 112.

большее – возникший нравственный изъян. Чаще стали встречаться случаи пренебрежительного отношения к родителям со стороны детей.

Одним из факторов воспитания детей в крестьянских семьях было их участие в календарной обрядности. Участие детей в традиционных обрядах было обусловлено, с одной стороны, необходимостью включения их в жизнь взрослых, с другой – представлением о том, что участие детей в ритуальных действиях обладает большей силой воздействия и усиливает «результативность» обряда.

Дети исполняли роль помощников фактически во всех обрядах годового цикла, действия которых были направлены на стимулирование природы, увеличение урожая, благополучие семьи, сохранность животных. Например, в святочные дни, детям доверялось «покормить Коляду» – мифическое существо, которое приходит под окна крестьянских домов. Мать пекла блины и просила сына или дочку бросить первый блин на улицу для Коляды. Примечательным святочным обрядом было славление Христа, в котором главным образом участвовали дети и подростки. Например, на Белгородчине «христославцы ходили со звездой, которая делалась из палок, цветной бумаги, фольги. Внутри нее укрепляли свечку, а саму звезду прикрепляли на длинной палке. Рано утром 7 января они обходили дома и пели духовные стихи»¹⁰⁷⁵. В Масленицу детям выпадала честь встречать «широкую, веселую боярыню Масленицу». На Егорьев день (23 апреля / 6 мая), когда в первый раз после зимы выгоняли скот на пастбище, женщины поручали детям обежать стадо, держа освященную вербу в руках, чтобы коровы всегда возвращались с выпаса, а вербу воткнуть в землю на ржаном поле, чтобы был высокий урожай. На страстной неделе (в чистый четверг) детям поручалось на заре обежать дом с колокольчиком, чтобы различными магическими действиями защитить свой дом от нечистой силы и колдунов. Особо любимым детьми был праздник Ивана Купалы – праздник благодарения солнца, зрелости лета и зеленого покоса. Его языческий характер сохранялся на протяжении многих веков и дошел до наших дней¹⁰⁷⁶.

---

¹⁰⁷⁵ Беликова Т.П., Емельянова М.И. Указ. соч. С. 123.

¹⁰⁷⁶ См.: Коринфский А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Самара, 1995. С. 248.

Особая роль отводилась детям в тех праздниках, которые символизировали обновление природы, начало календарного цикла. Так, дети выступали главными действующими лицами во встрече весны, связанной с прилетом первых перелетных птиц, в день «сорока святых» (9 марта). В каждой семье, независимо от ее материального достатка, на Сороки непременно пеклись «жаворонки» или «кулики» из теста в виде небольшой птички, с ягодками или просто горошинками вместо глаз. Дети в этот день поднимались рано и с нетерпением ждали появления жаворонков из печи. Едва они были готовы, как дети буквально схватывали их, не дав им остынуть, и бежали с ними во двор, забрасывали их на стог сена и пели песни-веснянки¹⁰⁷⁷. С последними словами, перевернувшись несколько раз кувырком, дети спускались вниз. Затем бежали к товарищам или подругам, собирались небольшой группой в зимнем пригоне для скота и, уже совместно, вновь призывали жаворонков и весну. На Семик девочки 12-14 лет совершали обрядовые действия с куклой-кукушкой¹⁰⁷⁸.

В процессе воспитания детей важна была роль стариков: бабушек и дедушек. Учительница из деревни Шелковка Медвенковской волости Обоянского уезда так описывает свою беседу с девушкой Акулиной Агеевой: «Бывало батюшка уедить в город, останемся мы детишки одни с мамушкой, нам и страшно. Жита много было тогда, неравен час недобрый человек залезет или еще что. Вот мы и позовем бабушку Акулину к себе ночевать. Ну и хорошая же старуха была!.. Бывало взберемся все детишки на печку и пристанем к ней: “Расскажи, бабушка, да расскажи пра што-нибудь”. Вот и начнет она рассказывать. Бывало и пра звезды и пра небо – все расскажет. – “Что ж она вам рассказывала про звезды?” – Да говорила, што, когда Господь рассивал по зимле диревья и траву, так рассеял по небу и звездочки, и што, коли гром гремит, значит Божичка сердитца. Уморитца бывало, говорить, она удушлива была (удушьем называется долголетняя чахотка), обопреться об руку и сидить, а мы опять пристаем к ней: “Расскажи, да расскажи” – “А мне вадицы дайте испить!” – скажет бывало бабушка Акулина. Мы побожим, принесем ей кружечку вадицы и ана апять начнет гаварить. – “Что же она Вам говорила?” – “Да про все гаварила, и

---

¹⁰⁷⁷ См.: *Солодовникова Н.В.* Народные календарные праздники... С. 13.

¹⁰⁷⁸ См.: Там же. С. 17.

про Иисуса Христа гаварила. Гаварила будто Он хадил по зимле, а жиды гнались за им, хотели Его пилатить а Он прятался от них то к каровам, то к лашадям у ясли, но везде Его находили”»¹⁰⁷⁹. Особо любимыми сказками у детей, например Обоянского уезда, были: «Иван-царевич», «Лягушка», «Коза-дереза», «Коза», «Кочеток и курочка», «Три брата», «Катериночка», «Три сестры», «Чувилька», «Олечка», «Иванушка»¹⁰⁸⁰.

Следующим фактором, выполняющим роль механизма первичной социализации, были игры¹⁰⁸¹. Воспользуемся классификацией игр, которую дает Е.А. Андрусенко: 1) общие игры для мальчиков и девочек; 2) игры для девочек; 3) игры для мальчиков; 4) игры с участием взрослых; игры на природе (подвижные, командные); 5) игры в закрытом помещении; 6) игры с игровым инвентарем; 7) игры ролевые¹⁰⁸².

С четырех-пяти лет дети вовлекались в игры, где требовалась быстрота, активная роль. По мнению И.С. Слепцовой «строгого разделения на игры мальчиков и девочек не было (за исключением сравнительно небольшого числа игр, требовавших значительной физической силы)»¹⁰⁸³. Среди них были такие игры, как «кошки-мышки», «гуси-лебеди», догонялки, прятки, жмурки, горелки, лапта и др.

Круг игр детей шести-семи лет был значительно шире. В большинстве своем это были сюжетные игры с твердыми правилами, которые не полагалось нарушать, и ритмизованным традиционным текстом:

- Кочережка – дуда,
- Идее ты была?
- Свиной стерегла.
- Ше ты выстерегла?
- Коня с седлом.
- А где твой конь?
- За воротами стоит.

---

¹⁰⁷⁹ РКЖБН. Т. 6. С. 46–47.

¹⁰⁸⁰ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–83.

¹⁰⁸¹ Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М., 2000. С. 176.

¹⁰⁸² Андрусенко Е.А. Детские игры в городской культуре Старого Оскола в 20–30-е годы XX века // Оскольский край: Научный альманах. Вып. 3. Старый Оскол, 2008. С. 19.

¹⁰⁸³ Слепцова И.С. Указ. соч. С. 62.

- А где ворота?
- Вода снесла.
- А где вода?
- У гору ушла.
- А где гора?
- Травой заросла.
- А где трава?
- Гуси выклевали.
- А где гуси?
- В трястник заплыли.
- А где трястник?
- Девки выломали.
- А где девки? и т.п.¹⁰⁸⁴

В социализации детей и подростков важное место занимали ролевые игры, отражавшие семейно-бытовые отношения, трудовую деятельность родителей и других старших членов семьи. Игры способствовали выработке в себе новых качеств, необходимых для будущей жизни, приобретению детьми навыков труда.

Именно в играх начиналось знакомство детей с крестьянскими работами, семейными и общественными отношениями. Дети постоянно наблюдали за занятиями старших и имитировали многие трудовые процессы¹⁰⁸⁵. Мальчики пахали и бороили каким-нибудь сучком или гвоздем землю, запрягали в тележку деревянного конька и т.д. Самой распространенной игрушкой в каждом крестьянском доме была кукла. Игрушке-кукле отводилась большая роль в воспитании и обучении детей. С малых лет, играя с куклой, дети познавали жизнь. Об играх девочек в куклы А.Ф. Можаровский писал: «Кукла-женщина у девочки выполняет все женские крестьянские работы: прядет пряжу, ткет холсты, стряпает около печки и ходит в поле на жнивье. Кукла-мужчина ходит в лес и рубит дрова, ездит пахать и косить, нередко напивается пьян и бьет свою жену. Для куклы-невесты девочка шьет хорошее приданое»¹⁰⁸⁶. Корреспондент Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева отмечает, что «девочки в своих играх создают подобие семейных

---

¹⁰⁸⁴ Жиров М.С., Жирова О.Я. Указ. соч. С. 99.

¹⁰⁸⁵ Громько М.М. Мир русской деревни... С. 106.

¹⁰⁸⁶ Можаровский А.Ф. Из жизни крестьянских детей. Казань, 1882. С. 17.

отношений – стряпают пироги из глины и песка и зовут друг друга в гости, играют в свадьбу, а зимой в куклы; мальчики, начиная с 5 лет, гуляют отдельно от девочек и играют в городки, деревянные шары. Изабражая верховых урядников, ездят на палках верхом, подражают в своих играх причту на церковной службе»¹⁰⁸⁷. Как отмечают исследователи Белгородчины, «больше всего в народе игр на самую волнующую тему – выбор жениха и невесты»¹⁰⁸⁸. Например, популярными играми в Грайворонском уезде были игры: «Маринонька», «Конопелька»¹⁰⁸⁹.

Игрушек было немного. В основном, это были деревянные, глиняные и тряпичные игрушки. Наиболее распространенной игрушкой в селах Курской губернии была глиняная. Так, например, в Старооскольском уезде, поскольку залежи гончарной глины встречались повсеместно, гончары, а иногда и их жены, дети, лепили разнообразные игрушки¹⁰⁹⁰. Тематика старооскольских игрушек была традиционной – это фигурки животных (петух, козел, баран, корова, конь), а также всадников и барышень. Фигурки раскрашивали в яркие тона: красный, зеленый, синий, желтый. Каждая игрушка еще могла и свистеть¹⁰⁹¹, что представлялось очень важным качеством. По народному поверью детские игрушки должны обязательно греметь, свистеть, шуметь, то есть издавать громкие звуки. Эти звуки должны были отпугнуть нечистые силы от дитя и сохранить его.

Широко была распространена среди крестьян лоскутная (тряпичная) «кукла-закрутка». На территории России существовало большое количество видов тряпичных кукол. Такую куклу делала своему новорожденному ребенку каждая будущая мать. Женщина, когда подходило время родить, уединялась и, бережно скручивая ткань, создавала свою куклу, вкладывая в нее любовь и ласку к своему ребенку. Куклы часто сохраняли до замужества, брали с собой в приданое, а потом передавали по наследству своим детям. Делали такие куклы и сами

---

¹⁰⁸⁷ Быт великорусских крестьян-землепашцев... С. 266.

¹⁰⁸⁸ См.: «Да на нашей стороншке приволья довольно...»... С. 67.

¹⁰⁸⁹ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 21. Л. 10.

¹⁰⁹⁰ См.: *Беликова Т.П., Емельянова М.И.* Указ. соч. С. 56.

¹⁰⁹¹ *Бородина М.Б.* К возрождению промысла Старооскольской глиняной сувенирной игрушки. Молодые ученые – производству. Сборник научных трудов региональной конференции. Старый Оскол, 2005. С. 233–234.

дети. Девочки-подростки делали такие куклы себе, младшим сестренкам и братишкам.

За изготовлением кукол присматривали старшие женщины, наблюдая, насколько умело и аккуратно девочка делает «куклу-закрутку», подбирает для нее одежду. По мастерству изготовления куклы и кукольной одежды судили о готовности девочки к обучению настоящему ремеслу у мастериц. Девочек, не проявлявших старания в выполнении в изготовлении куклы и в другой домашней работе, считали неумехами. Кукла рассматривалась как эталон рукоделия, часто на посиделки вместе с прялкой девочки-подростки брали повозку с куклами. По ним судили о мастерстве и вкусе их владелицы. В кукольных играх дети произвольно учились шить, вышивать, прясть, постигали традиционное искусство одевания. Красивая кукла, с любовью сделанная своими руками, была гордостью девочки и ее верной подругой. Кукол разрешалось брать в гости, их клали в приданое¹⁰⁹².

Среди крестьянских детей были распространены и подвижные игры, которые помогали им в физическом развитии, выработке твердой воли, сильного характера и выносливости. В зимнее время дети катались с горок, играли в снежки, мальчики строили крепости. Летом мальчики играли в «городки», «мяч», «лапту», «бабки», «чижа», «шар», устраивали гонки на лошадях¹⁰⁹³, а у девочек были свои игры: в «молчанку». Зимой любимой забавой детей было катание на «крыгах» (смерзшаяся глыба из соломы), строительство из снега крепостей и снеговиков¹⁰⁹⁴. Были у девочек и мальчиков и общие игры: «У квасики», «У шшуку», «Суседи», «Жуды», «Жмурки», «Булки», «Таня-баня» и др.¹⁰⁹⁵. Среди крестьянских детей очень популярными были игры в

---

¹⁰⁹² См.: *Никишина Н.Н.* О роли и значении куклы в крестьянской семье // Феномен семьи в ракурсе видения социальных и гуманитарных наук: Материалы Международной научной конференции, посвященной завершению Года семьи в Российской Федерации. 18–19 декабря 2008 г. (г. Старый Оскол). Ч. I. Старый Оскол, 2008. С. 177.

¹⁰⁹³ См.: *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 112; АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 33. Л. 7.

¹⁰⁹⁴ См.: Фольклорные традиции села Мощное Яковлевского района. Белгород, 1998. С. 7.

¹⁰⁹⁵ См.: *Булгаков Г.И.* Указ. соч. С. 110–111; «...Да на нашей сторонушке приволья довольно...»... С. 67–71.

животных: «Коршун», «Заяц», «Ворон», «Волк и гуси», «Гуси – гуси»¹⁰⁹⁶ и др. Видимо, «игры в животных демонстрировали значительное сходство с переходными обрядами, прежде всего с обрядами совершеннолетия, а также с волшебной сказкой. Детские игры в животных являлись и прологом к будущей взрослой жизни, в которой с помощью ритуала устанавливались гармонические отношения с социумом, природой и космосом»¹⁰⁹⁷.

Таким образом, в играх были отражены все стороны жизни людей. Они включали высокие требования к честности, справедливости, доброте. Игры способствовали физическому, духовно-нравственному, трудовому развитию крестьянских детей.

В крестьянской среде существовала народная педагогика, которая включала в себя различные способы воздействия на детей, в том числе и наказаний¹⁰⁹⁸. Во многих литературных источниках и архивных материалах отмечается, что пока ребенок был мал, его чаще всего не наказывали, а пугали «всякими страстями, причем наряду с букой, домовым и лешим пугают доктором и попом»¹⁰⁹⁹. Но по мере взросления требовательность родителей возрастала. За нежелание работать, небрежное отношение к своим обязанностям, недобросовестность в работе, в случае грубостей или дерзостей, высказанных отцу или матери, дети могли быть и выпороты¹¹⁰⁰. Из опасения, что мать может избаловать ребенка, отец старался себя поставить так, чтобы дети его «боялись». Иной раз он узнавал о шалостях детей не от матери, а от соседей. Мать редко наказывала детей, а если и накажет слегка, так тотчас и приласкает. Действенным и влиявшим на формирование социальной сущности ребенка считалось отцовское применение силы. Отец не давал «повадки» ребенку: мог и за уши подергать, и за волосы потянуть «для его вразумления», и прутом выпороть. Крестьяне считали, что наказание идет всегда на пользу, а наказывая искренне полагали,

---

¹⁰⁹⁶ См.: Традиционные Белгородские игры и забавы. Белгород, 2003. С. 11.

¹⁰⁹⁷ См.: Мазалова Н.Е. Детские игры в животных у восточных славян // Народные игры и игрушки. Сборник статей. СПб., 2000. С. 91.

¹⁰⁹⁸ См.: АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 33. Л. 8 об.

¹⁰⁹⁹ См.: Быт великорусских крестьян-землепашцев... С. 266.

¹¹⁰⁰ См.: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2. М., 1890. С. 56.

что они обходятся с детьми ласково и балуют их¹¹⁰¹. Именно для сыновей физическое наказание признавалось особенно важной мерой воспитания: «Жалеть сына – учинить дураком»; «Ненаказанный сын – бесчестье отцу»; «Материн сын – отцов пасынок»¹¹⁰², – гласят народные пословицы. Порой, если мать была не в состоянии унять детвору, то она непременно говорила: «Постойте, отец придет с поля, пожалуюсь ему, он вам даст «баню». Более мягкое материнское воспитание, по сравнению с отцовским, отмечали и информаторы АРГО¹¹⁰³. Корреспонденты Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева сообщали: «До семилетнего возраста к детям относятся мягко, на проступки и шалости смотрят сквозь пальцы – предоставляют их самим себе; по достижении детьми названного возрастного рубежа к ним относятся много строже и требовательнее. После 7 лет с детей за шалости взыскивают строго: бьют, ругают (употребляя при этом эпитеты: “собаки”, “окаянные”, “подлые”), применяют для наказания плети-двухвостки и шелеп»¹¹⁰⁴. Плачущего, раскаивающегося ребенка старались простить. Наказание применялось в самых критических случаях, чаще всего в крестьянских семьях применялось словесное осуждение плохих поступков. Самым страшным наказанием считалось общественное осуждение. Родители укоряли своих детей: «Что скажет народ, ты об этом подумал?»¹¹⁰⁵.

При всей строгости норм воспитания в большинстве случаев отношение родителей к детям отличалось любовью и заботой, что выразилось в русских пословицах: «Дети – благодать Божья», «У кого детей много, тот не забыт от Бога» и др. Особой любовью взрослых пользовались первые сыновья и «одинокшки» – единственные дети в семье. Совершенно иное

---

¹¹⁰¹ См.: *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. Ч. 1. М., 1877. С. 162.

¹¹⁰² *Некрылова А.Ф., Головин В.В.* Роль отца в традиционной народной педагогике // *Мир детства и традиционная культура*. М., 1995. С. 22; *Богданов А.И.* Пословицы, поговорки, загадки. М.; Л., 1961. С. 33.

¹¹⁰³ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1139. Л. 40.

¹¹⁰⁴ Там же; *Холодная В.Г.* Отцовское наказание в воспитании мальчика-подростка у восточных славян в конце XIX – начале XX вв. // *Мужской сборник*. Вып. 2. «Мужское» в традиционном и современном обществе / Сост. И.А. Морозов; отв. ред. Д.В. Громов, Н.Л. Пушкарева. М., 2004. С. 174–175.

¹¹⁰⁵ См.: Архив СТИ МИСиС. Папка 2. Из индивидуальной беседы с уроженками с. Каплино Старооскольского района Белгородской области.

отношение в семье было к «незаконнорожденным» (внебрачным детям). Внебрачные дети считались незаконными, если рождались у девицы или вдовы и не были узаконены через последующий брак. В конце XIX века в среднем по России число внебрачных детей составляло 3 % от всех рождений. Положение их было незавидным, к ним относились презрительно и неприязненно. «Крапивник», «подзаборник» «найденыш»¹¹⁰⁶ – такие прозвища давали этим детям. Они получали фамилию матери, а отчество крестного отца. Кормить внебрачного ребенка должна была его мать. Настоящий отец, даже если факт отцовства был известен в деревне и им самим не отрицался, не был обязан давать что-либо на содержание ребенка и жениться на его матери.

Внебрачные дети в семьях терпели всяческие унижения. «Незаконнорожденные вырастают частью без присмотра, на произвол судьбы, и когда такой ребенок захворает, то его не лечат, а даже радуются, когда Господь Бог берет его к себе и избавляет семейство от лишней обузы»¹¹⁰⁷. Один из корреспондентов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева пишет, что соседи часто наделяли такого ребенка «пинками», а то и серьезными побоями, говоря: «законные дети умирают, а этому смерти нет!»¹¹⁰⁸. Если мать заступалась за него, то ей кричали: «Чего орешь! Недорого достался, еще добудешь!». Особенно тяжело было незаконнорожденным детям до 12 лет. Лишь когда ребенок подрастал и принимался за работу, с ним обращались мягче. В редких случаях такого «добытчика», к тому же если он был «примерного поведения», могли усыновить, но чаще всего деревенский остракизм доводил его до того, что «он либо спивался, либо становился конокрадом»¹¹⁰⁹. Внебрачный ребенок, как свидетельствуют корреспонденты Этнографического бюро В.Н. Тенишева, «в семье как чужой, ему нет доли, он постоянно терпит попреки, его посылают за милостыней, не кормя его дома, выросши он уходит в батраки»¹¹¹⁰. Семья, где родился внебрачный ребенок, старалась отдать его на воспитание «в приемы-

---

¹¹⁰⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 48. Л. 16; Д. 68. Л. 1.

¹¹⁰⁷ Там же.

¹¹⁰⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 805. Л. 45–46.

¹¹⁰⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1109. Л. 18.

¹¹¹⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 697. Л. 30–31.

ши» бездетным или сдать в воспитательный дом, «редкий из них может вырасти, чаще всего умирают в детстве»¹¹¹¹.

* * *

Воспитание детей в крестьянской среде не замыкалось рамками семьи. Так как эта проблема слишком обширна, мы решили коснуться только некоторых аспектов обучения детей грамоте в сельской местности Курской губернии. Прежде всего, интересно выяснить отношение самих крестьян к необходимости образования и предъявляемые ими требования к результатам обучения. Родители особо не видели в школьном образовании нужды и не всегда позволяли детям посещать школы даже там, где они были. Число учащихся было незначительным, часто ученики бросали школу. Для большинства крестьян учение представлялось делом бесполезным, если не вредным. Существовала тесная связь между хозяйственными возможностями крестьянского двора и намерениями родителей учить детей. Крестьяне считали, что учитель «развращает детей», отрывая их от крестьянского труда (учебный год начинался в августе и заканчивался в июне, когда много было работы по хозяйству); к тому же за услуги приходилось платить (например, несколько пудов зерна в год).

Самой массовой формой обучения во второй половине XIX в. были церковно-приходские школы. К 1889 г. в Курской губернии насчитывалось 163 церковно-приходские школы¹¹¹². Земские деятели 60-х годов видели в церковно-приходской школе упрощенную и дешевую школу, отвечающую потребностям народа¹¹¹³. Основное внимание в таких школах уделялось религиозно-нравственному воспитанию. Следует отметить и вопиющие факты отношения учителей церковно-приходских школ к ученикам. Корреспондент Этнографического бюро Е.И. Резанова из Обоянского уезда Курской губернии сообщала, что в д. Саломыковой Медвенской волости учитель бил учеников «по щекам, если они плохо разбирали слова или забывали вновь показанную букву; плохо пишущих бил по затылку так, что они ударялись лбом о пар-

---

¹¹¹¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1726. Л. 42–43.

¹¹¹² Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности в Курской епархии за 1898–1900 учебный год. Курск, 1891. С. 3.

¹¹¹³ См.: *Веселовский Б.Б.* История земства за 40 лет. Т. 1. СПб., 1908. С. 467.

ту; за шалости и невнимание драл за уши и так сильно, что одному мальчику, по выражению детей, “ухо оторвал”. Экзаменов при нем не было. Учащихся бывало до сорока, но многие с половины зимы переставали посещать школу»¹¹¹⁴. Однако и таких школ было недостаточно.

После реформы 1861 г. наблюдается значительный рост числа земских школ. Увеличение числа этих школ способствовало распространению школьного образования. В земских школах был и другой набор изучаемых дисциплин, и другая форма обучения детей. В 1871–1875 гг. из 34 губерний Курское губернское земство по ассигнованию средств на начальное образование стояло на третьем месте в России¹¹¹⁵. Земские школы видели свою задачу в том, «чтобы выработать у ученика навыки самостоятельных занятий посредством чтения, чтобы привить привычку наблюдать и делать выводы, обобщать и рассуждать, чтобы заставить их чувствовать и переживать, что облагораживает человека»¹¹¹⁶. Благоприятное влияние на детей земских школ, которые «стремились привить крестьянским детям любовь к серьезному чтению, научить понимать явления природы и окружающую среду» отмечают и сами крестьяне¹¹¹⁷.

Интересен следующий факт: в Путивльском уезде Курской губернии, где крестьянские наделы были разбросаны по хуторам, крестьянские общины или отдельные группы крестьян приглашали «ходячих» учителей, нанимали избу под школу, покупали детям учебники. Так, например, в Атыковской волости большая часть грамотных была обучена «нахожими» учителями¹¹¹⁸. Статистическое обследование форм обучения в таких школах показало довольно высокий уровень грамотности крестьян по сравнению с другими школами уезда¹¹¹⁹. Доля гра-

---

¹¹¹⁴ РКЖБН. Т. 6. С. 27.

¹¹¹⁵ *Лепская Л.А.* Новое о крепостных школах конца XVIII – начале XIX в. в вотчинах Шереметевых // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1987. С. 71.

¹¹¹⁶ Из жизни русского народного учителя // Русская школа. 1911. № 10. С. 75.

¹¹¹⁷ См.: *Столяров И.* Указ. соч. С. 55.

¹¹¹⁸ Сборник статистических сведений по Курской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Вып. VII. Курск, 1884. С. 350.

¹¹¹⁹ *Бережная С.В.* Эволюция образовательного уровня сельского населения Курской губернии в конце XVIII – XIX веках // Юг России – Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: сб. науч. тр. V Междунар. Науч.

мотных мужчин на хуторах достигала 15%, а вне их – 9,5% (с колебанием от 4,3 до 17,7%)¹¹²⁰.

Учителями в таких школах были одинокие люди: крестьяне, отставные солдаты, бывшие дворовые, монахи и даже священнослужители. На такого учителя в мелких курских хуторах приходилось по 5-6 учеников. Плата за обучение составляла здесь 30-60 копеек в месяц за ученика. Так, в с. Гамалеевка Николаевской волости Путивльского уезда до 60 детей учила дочь местного священника, с платою по 30 коп. в месяц, сначала в своем доме, а затем «крестьяне отвели для школы съезжую», а в с. Новая Слобода Новослободской волости этого же уезда до 15 мальчиков обучал дьяк, с платою 50 коп. в месяц, по церковным книгам¹¹²¹. Любопытный факт: «В с. Корени, Шалыгинской волости, наряду с земской школой, учит ребят один отставной солдат, начавший свою педагогическую деятельность еще задолго до ее открытия. В продолжении двух первых лет существования школы солдат оставался совсем без учеников, но потом, вследствие ли несовершенства организации школы или каких-либо других причин, крестьяне к школе охладели и начали снова приводить детей “в науку” к солдату; в первый год было 10 человек, теперь – 20; земская школа в нынешнем году закрывается, так как крестьяне платить на содержание отказались, а на одни земские средства школа существовать не может»¹¹²².

В дальнейшем данный опыт временных школ был распространен и на другие уезды. Так, законоучитель начальной школы священник Мажаревский предложил хуторским крестьянам Белгородского уезда «на основе опыта бродячих учителей» создать подвижные школы. Осенью 1884 г. такие школы – на 27–41 человек – были открыты в хуторах Казачеве и Дубинине. В них учили чтению, письму, элементарному счету и основным молитвам. Школа оставалась в одном хуторе до тех пор,

---

конф. / отв. ред. И.Т. Шатохин (г. Белгород, 23–24 января 2009 г.). Белгород, 2009. С. 212.

¹¹²⁰ Сборник статистических сведений по Курской губернии. Курск. 1885. Т. 1. С. 4; Кисляков Н. Странствующие учителя и подвижные школы в Курской губернии // Северный вестник. СПб., 1888. № 3. С. 49.

¹¹²¹ Сборник статистических сведений по Курской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Вып. VII. Курск, 1884. С. 352–353.

¹¹²² Там же. С. 353.

пока дети не осваивали намеченный курс, обычно 3-4 месяца. Затем все перевозили в другой хутор.

Учителями в этих передвижных школах были подростки 14-15 лет из местных крестьян, окончившие Томаровское училище и дополнительно подготовленные к преподаванию Маляревским. Он же руководил их преподаванием, приезжая по воскресным дням: проверял пройденный материал, давал советы на следующую неделю. Занятия велись с раннего утра дотемна, с несколькими перерывами для отдыха и обеда. Длительность ежедневных занятий определялась задачей усвоенного освоения грамоты и счета¹¹²³.

В соседнем Новооскольском уезде Курской губернии такие же «подвижные» школы были открыты на средства земства, а не крестьянских общин¹¹²⁴.

С 1873 г. комплексную подготовку кадров для школ начала осуществлять Курская учительская школа. Но ввиду небольшого числа выпускников этой школы учителями в земских школах оставались выпускники прогимназий, гимназий, духовных училищ, а также лица, получившие домашнее образование и сдавшие экзамен на звание народного учителя.

Следует иметь в виду, что в дореволюционной России с невысоким уровнем школьного образования грамотными считались лица, обученные только азам чтения, письма и счета.

По результатам переписи 1897 г., число грамотных среди населения Курской губернии достигало 387 401 чел (включая лиц обоего пола городского и сельского населения), что составляло 16,3 % от общего числа. Среди сельского населения систематическое и массовое обучение грамоте начиналось в 8-9-летнем возрасте, тогда как в городах – в 7 лет. Школьный возраст в селах Курской губернии колебался от 8 до 13 лет (т.е. в одном классе могли учиться дети 8, 9, 10 лет и т.д.).

Если сравнить уровень грамотности среди сельских мальчиков и девочек, то среди последних он был крайне низким. Так, по статистическим материалам Обоянского уездного земства в 1882 г. обучалось

---

¹¹²³ Кисляков Н. Странствующие учителя и передвижные школы в Курской губернии // Северный вестник. 1888. № 3. С. 48–50.

¹¹²⁴ Там же.

992 мальчика и (!) 91 девочка¹¹²⁵, по Путивльскому уезду 2066 мальчиков и 47 девочек¹¹²⁶. По материалам «Первой Всеобщей переписи населения Российской империи» в 1897 г. из 323 913 девочек-крестьянок (до 10 лет) Курской губернии были грамотными 3185 (менее 1%), в то время как в такой же возрастной группе из 320 667 мальчиков грамотными были 8157 (2,5%); в возрастной категории с 10 до 19 лет у крестьянских юношей процент грамотных достигал 45,5%, у девушек – 9,6%¹¹²⁷. Следует отметить, что количество девочек, желающих обучаться, к концу XIX века возрастает. Так, например, учительница из д. Саломыковой Обоянского уезда сообщала, что «в первый год моего учительства обучалось 45 учащихся, в том числе восемь девочек, во второй год – 48, девочек четырнадцать, желавших поступить в школу было больше, но им пришлось отказать за недостатком места»¹¹²⁸.

Причины таких очевидных разрывов в уровне грамотности между девочками и мальчиками были разные, прежде всего, экономические: девочки-крестьянки нужны были в домашнем хозяйстве для выполнения работ по дому или в поле, многие девочки помогали также матерям в уходе за младшими детьми, часть девочек отдавалась на работу по найму. Значительную роль играло и существовавшее предубеждение против необходимости обучения девочек грамоте. Это объяснялось в значительной степени тем, что грамотность девочек в глазах основной массы населения не была связана с ближайшей практической пользой, как это наблюдалось при обучении мальчиков (лица, окончившие двухклассное училище имели льготы по отбыванию воинской повинности: по закону 1874 г., срок службы для них сокращался с 6 до 4 лет). Поэтому именно рост грамотности девочек может служить показателем того, как постепенно укреплялось среди крестьян осознание необходимости обучения детей.

Кроме нехватки школ была еще одна трудность – частые пропуски детьми занятий: даже малолетние дети в крестьянском быту, как отме-

---

¹¹²⁵ Сборник статистических сведений по Обоянскому... С. 137.

¹¹²⁶ Сборник статистических сведений по Курской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Вып. VII. Курск, 1884. С. 339.

¹¹²⁷ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. XX. Курская губерния... С. 64.

¹¹²⁸ РКЖБН. Т. 6. С. 27.

чалось выше, имели слишком много обязанностей, и семья не могла обойтись в хозяйстве без их помощи. «Как только растает снег и покажется молодая травка, учеников в школе с каждым днем становится все меньше: родители оставляют их дома пасти овец, если нет в семье других мальчиков не учащихся»¹¹²⁹, – сообщает информатор из Курской губернии. Нередко забирали детей из школ и народных училищ матери-солдатки, так как им нужны были помощники в работе на участке и по дому, которые заменили бы по возможности ушедших на службу отцов¹¹³⁰.

О принудительном же, обязательном посещении школы не могло быть и речи.

На низкий процент грамотности среди детей оказывали влияние и другие факторы: отсутствие средств у родителей, а также удаленность места жительства крестьянской семьи от школы. В тех селах, где имела своя школа, число грамотных детей составляло 7,2 %, а если школа располагалась далее 4 км от населенных пунктов, численность грамотных детей падала до 2,4 %. Так, например, в Муромской волости в с. Д. Лозовая грамотных совсем не было. Это было связано, с одной стороны, с тем, что школа находилась далеко, а с другой, как отзывались сами крестьяне, «народ у нас бедный (земли до 3,5 десятин на двор), учиться некогда»¹¹³¹. А в с. Ивановка Масловской волости грамотных было только двое на все 54 двора. Причина заключалась в том, что школа находилась далеко (за 3 версты) и крестьяне считали, что «зимой ребятенка снегом занесет»¹¹³².

Уровень грамотности детей, как и взрослого населения, отличался в земледельческих и промысловых центрах Курской губернии. В последних уровень грамотности был более высоким. Так, в Шебекинской волости, где основное занятие крестьян составляло земледелие, грамотность составляла всего 3,95 %, а в Томаровской, где население занималось кустарными промыслами, – 9,2 %. Подобная тенденция увеличения числа грамотных в районах с кустарными промыслами

---

¹¹²⁹ РКЖБН. Т. 6. С. 28.

¹¹³⁰ *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни... С. 178.

¹¹³¹ Курский сборник. Издание Курского губернского статистического комитета. Вып. 3. Курск, 1902. С. 27.

¹¹³² Там же. С. 111.

была связана, видимо, с большей самостоятельностью крестьян и пониманием необходимости образования.

Значительное влияние на колебания процента грамотности оказывало и расположение населенных пунктов относительно железных дорог. Например, вблизи железнодорожной ветки в Старгородской волости грамотность среди населения составляла 10 %, в то время как в отдаленной от железной дороги Никольской волости лишь 3,3 %¹¹³³.

Трудности в обучении детей грамоте заключались и в том, что во многих селах, как было указано выше, отдельных помещений для школ не было: обучение велось в наемных крестьянских избах или частных домах, были сложности и с педагогическими кадрами. Обращение с учениками в школах зачастую было ужасным: повсеместно и в самых широких размерах была распространена порка розгами, лозою, битье линейками и даже палками.

Учащиеся нередко бросали школу, не сдав экзамена: «Перед экзаменом многие бросают школу, и не из-за боязни перед экзаменом, а потому что домашние не пускают или отдают ученика в работники, или дома необходимо нужен...», – пишет корреспондент Этнографического бюро В.Н. Тенишева¹¹³⁴. Крестьяне говорили: «На что нам этот знамян – то? Ай, он хлебом будет кормить малого? Ведь выучился читать, писать, рихметики немного и довольно с него...»¹¹³⁵.

Но коренные изменения во всех сферах жизни страны существенным образом коснулись и народного образования. Вовлечение крестьянства в рыночные отношения, распространение отхожих промыслов способствовало тому, что крестьяне начинают ценить грамотных людей, видя в этом пользу. «Уходя каждое лето на заработки и шляясь по чужой стороне, сталкиваясь со всевозможными людьми и обстоятельствами, промышленник (отходник – З.М.) прежде всего привыкает высоко ценить “умственность” в людях, грамотность... Поэтому первым долгом по приходе домой он считает отдать своего мальчугана в школу, если имеется к тому хоть какая-нибудь возможность»¹¹³⁶. Особенно

---

¹¹³³ См.: Глотова В.В. Крестьянская семья... С. 147.

¹¹³⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 60. Л. 6.

¹¹³⁵ КГВ. 1903. № 90.

¹¹³⁶ Добротворский Н.А. Указ. соч. С. 49.

это было характерно для сел с большим удельным весом отходников. Здесь доля грамотных колебалась от 5,5 до 8%¹¹³⁷.

В конце XIX в. губернское земство стало уделять серьезное внимание проблеме всеобщего образования. В связи с принятием в 1907 г. Закона о введении всеобщего начального образования количество земских школ начало расти. Так, например, только по Старооскольскому уезду в 1908 г. их было 132, в 1910 г. – 161, в 1912 г. – 180, к 1 января 1914 г. – 188 с 249 комплектами. Общее число учащихся в школах достигло 8745, из которых – 5839 мальчиков и 2906 девочек¹¹³⁸.

В условиях модернизации развитие образования выступало для крестьян важнейшим каналом проникновения новаций, формой адаптации к новым условиям жизни. Старшее поколение интуитивно ощущало, что образование подрывает создававшийся веками привычный уклад сельского быта.

Таким образом, в повседневной семейной жизни крестьян во второй половине XIX – начале XX века в основном сохранялись сложившиеся в течение столетий традиционные формы воспитания. С самого раннего возраста упор делался на трудовое воспитание. Воспитание детей в крестьянской семье заключалось и в формировании у ребенка таких качеств, как любовь к Родине, преданность семейному очагу, религиозность, послушание. Большое внимание уделялось подготовке к семейной жизни, уважительному отношению к старшим. Именно в семье формировались нравственные установки, складывалась система межличностных отношений, вырабатывался взгляд на все окружающее. Здесь ребенок готовился к своей будущей взрослой роли, а поскольку среда была цельной и замкнутой, дети легко усваивали влияние и склад жизни старших поколений.

Отдельно надо сказать о ремесленном образовании девочек. Девочки 10-15 лет, обычно окончивших курс в начальной школе, отдавали для обучения кройке и шитью или в городские магазины¹¹³⁹.

---

¹¹³⁷ *Бережная С.В.* Эволюция образовательного... С. 211.

¹¹³⁸ Краткий очерк деятельности Старооскольского земства за 50 лет... С. 12.

¹¹³⁹ *Золотарев Я.* Пригородная слобода Казацкая // Курский сборник. Вып. 2. Курск, 1902. С. 115.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В пореформенное время ускорилась эрозия экономической и культурной замкнутости деревни; изменилась ориентация шкалы ценностей. Все эти изменения материализовывались посредством явлений повседневной жизни.

Основу крестьянской жизни составляла семья. Обширный социальный опыт накопился в организации хозяйственной деятельности семьи как малого трудового сообщества.

Крестьянское землепользование базировалось на наделных землях, но в конце XIX в. обострилась проблема малоземелья основной массы крестьянства. Таким образом, благополучие крестьянской семьи в Курской губернии, как и в других российских губерниях, находилось в полной зависимости от размера крестьянского землевладения.

Примитивная трехпольная система, низкая техника земледелия, несвоевременное выполнение сроков полевых работ, изменение природно-климатических условий влекли за собой невысокую урожайность сельскохозяйственных культур и поэтому побуждали крестьян искать пути рационализации своей хозяйственной деятельности, совершенствовать традиционные орудия труда и приемы обработки земли.

Во второй половине XIX – начале XX в. основными видами деятельности русских крестьян Курской губернии были земледелие и промыслы.

Крестьяне в хозяйственной деятельности учитывали как календарные аграрные циклы сельскохозяйственных работ, так и народные приметы и трудовые возможности семей. Повседневная семейная жизнь крестьян была ритмичной. В ней точно устанавливалась оправданная для труженика-земледельца последовательность праздников и будней, работы и отдыха, постов и дней неумеренного приема сытной еды.

Четкий отработанный ритм каждодневных работ сочетался с разумным их распределением. Характер будущих занятий и загрузка каждого члена крестьянской семьи были строго ориентированы на естественное половозрастное разделение труда между мужчинами и женщинами, с одной стороны, и лицами разных возрастных категорий – с другой. Следует отметить, что четкое распределение работ в основном соблюдалось в больших семьях. В малых же семьях некоторые виды работ выполняли все члены семьи вместе.

Распорядок дня в крестьянских семьях Европейской части России, включая Курскую губернию, был почти одинаковым. Многочисленные обязанности заполняли весь день, менялся он лишь в предпраздничные и праздничные дни.

Практически вся жизнь крестьянина-земледелца протекала в рамках семьи. Именно в семье сохранялись и передавались от поколения к поколению производственные навыки, этические нормы, традиции.

Повседневная жизнь семьи тесно связана с жилищем. На рассматриваемой территории во второй половине XIX – начале XX века вместо основного типа сельского жилища – четырехстенной срубной избы с традиционной, из дома в дом повторяющейся планировкой – начинают строить пятистенные дома. Сравнительно небольшое пространство избы было организовано таким образом, что в нем с большим или меньшим удобством располагалась довольно большая крестьянская семья. Это достигалось тем, что каждый член семьи знал свое место в общем пространстве. Формирование жилищно-бытовых условий крестьян определялось социально-экономическим положением, историческими традициями населения каждой местности.

Историю повседневной жизни крестьян отражает одежда, которая кроме своего основного назначения – защищать человека от отрицательных воздействий окружающей среды – выполняет важные религиозно-магические, символические, эстетические и др. функции. В силу этого ей принадлежит значительная роль в семейных и общественных обрядах. К концу XIX века наметилась тенденция, характерная для одежды в России на рубеже веков – смена старинных форм на новые в связи с доступностью и дешевизной мануфактурных изделий. Под воздействием урбанизации все большее распространение в семейном обиходе получали покупные вещи.

Повседневную жизнь крестьян характеризуют предметы домашнего быта и утварь. Среди основной массы крестьянства во второй половине XIX века предметы домашнего обихода оставались почти без изменения. Кухонный инвентарь был прост, изготовлялся он большей частью в домашнем хозяйстве или приобретался на рынке у местных кустарей. В конце XIX века в связи с усилением товарно-денежных отношений в деревню начали проникать предметы городского быта. Но они были достоянием лишь зажиточной верхушки крестьянства,

сельской интеллигенции. Их появление в доме означало повышение статуса крестьянской семьи.

Одной из составляющих повседневной жизни крестьян было питание. В крестьянских семьях питались, ориентируясь во времени по солнцу, три-четыре раза в день. Набор потребляемых продуктов в сельских семьях был примерно одинаковым. Достаток пищи носил сезонный характер. Состав употребляемой пищи находился в прямой зависимости от сельскохозяйственных культур, выращиваемых в данном регионе, и церковного календаря. Питание крестьянской семьи выступало отражением хозяйственной состоятельности двора.

В повседневной жизни крестьян Курской губернии во второй половине XIX в. чередование труда и отдыха определялось в соответствии с сезонностью сельскохозяйственных работ. Это послужило основой формирования особых видов посиделок с учетом будничного и праздничного времени (будничные и праздничные посиделки); половозрастная обособленность, характерная для крестьянства изучаемого периода, явилась причиной существования таких форм посиделок, как молодежные посиделки, женские посиделки, посиделки крестьян среднего и старшего возраста.

Особое место в повседневной жизни крестьян занимали праздники. Следует отметить, что по данным исследования с праздниками связана традиция употребления спиртного в сельском быту. Пьянство среди сельских жителей носило преимущественно обрядовый характер, и было обусловлено социальными, хозяйственными и иными причинами. В то же время следует отметить, что данные душевого потребления алкоголя в сельской местности в конце XIX в. не дают никаких оснований говорить о поголовном пьянстве жителей деревни. Традиции общинного уклада, консерватизм крестьянской жизни, интересы собственного хозяйства – все это факторы, которые удерживали крестьянство от повального пьянства.

В основе формирования семьи, игравшей основную роль в воспроизводстве населения, организации семейного хозяйства и повседневного быта, в передаче трудовых и культурных навыков от поколения к поколению лежал брак. Семья обеспечивала преемственность поколений и непрерывность функционирования семейного хозяйства. Вступление в брак изменяло общественное положение брачующихся, их роль в семейных коллективах. Только женившись, крестьянин обретал

устойчивое положение в семье и поземельной общине, поэтому характерным явлением был высокий уровень брачности в русской деревне. Изменился брачный возраст девушек и парней: у девушек наблюдалось снижение, а у парней, наоборот, повышение брачного возраста. Условия крестьянского труда и быта вместе с нормами церковного устава делали расторжение брака практически невозможным. Разводы в конце XIX – начале XX в. представляли редкое явление.

Процесс формирования семьи сопровождался целым комплексом установок, обрядовых действий. Сложившиеся к середине XIX века брачные традиции явились результатом длительного исторического взаимодействия обычно-правовых норм, установлений православной церкви и государственного права. Как государственное, так и обычное право выработали ряд общих условий вступления в брак, касавшихся определенного возраста жениха и невесты, отсутствия родства и свойства между ними, согласия родителей и пр. По материалам исследования в конце XIX – начале XX в. брак у сельского населения основывался на строгом расчете, экономических и престижных соображениях, а семейное состояние брачующихся оказывало существенное влияние на характер заключения браков и особенно их обрядовое оформление. С развитием капитализма крестьянская семья претерпела существенные изменения, все большее распространение получали малые семьи. Немалую роль в этом процессе сыграл отход крестьян на промыслы.

В пореформенное время, несмотря на проникновение в деревню капитализма, семейные разделы, развитие отходничества, внутрисемейные отношения в русских крестьянских семьях в целом оставались в рамках традиции. Государство также с помощью законов старалось сохранить коллективную собственность и традиции больших патриархальных семей, рассматривая их как гарантию своих фискальных интересов. Консерватизм проявлялся в большей степени среди представителей старшего поколения и женщин. Наиболее восприимчивой к изменениям была молодежь. Новшества старались применить в первую очередь те, кто жил, служил или работал какое-то время за пределами деревни.

Особое значение в повседневной семейной жизни крестьян имеет положение женщины. На ее положение в семье оказывали влияние как традиционные элементы патриархального быта: экономическое положение семьи; ее форма (малая или большая); семейное положение

(замужняя или незамужняя женщина); место и роль в семье мужа (старшая женщина, старшая сноха, младшая сноха, женщина-мать в малой семье); хозяйственная деятельность женщины; размер приданого; способность воспроизводить потомство, так и новые условия, связанные с развитием капиталистических отношений в деревне. В целом положение женщины-крестьянки в Курской губернии, как и в других российских регионах, во второй половине XIX в. продолжало регламентироваться обычно-правовыми традициями.

У русских крестьян, как и у других народов, существовал целый комплекс обычаев, обрядов и представлений, связанных с беременностью женщины и рождением ребенка. В основе их лежало стремление сохранить здоровье женщины-матери и обеспечить нормальное развитие ребенка в дородовой период, повлиять на благополучный исход родов, сберечь здоровье матери и ребенка в послеродовой период. Это свидетельствует о нравственной ответственности предков за рождение здорового поколения. При довольно ровном отношении и любви к детям в русских крестьянских семьях все-таки больше ждали рождения мальчика. Девочку же рассматривали как временную помощницу матери в домашнем хозяйстве.

Рождение и первый год жизни ребенка в крестьянской семье были самым трудным периодом. Более половины детей в этот период умирали. В жестких условиях естественного отбора выживали наиболее физиологически сильные младенцы. Крестьяне интуитивно сознавали, что в таких условиях нормальное воспроизводство семьи может быть достигнуто посредством рождения максимально возможного числа детей.

В крестьянских семьях во второй половине XIX в. в основном сохранялись сложившиеся в течение столетий традиционные формы воспитания. С самого раннего возраста акцент делался на трудовое воспитание. Отличительной стороной воспитания детей в крестьянской семье было их приобщение с раннего детства к православию. Большое внимание уделялось подготовке к семейной жизни, уважительному отношению к старшим. Именно в семье формировались нравственные установки, складывалась система межличностных отношений, вырабатывался взгляд на все окружающее.

Неотъемлемой частью крестьянского образа жизни была религиозность. Поведение православного человека, как в повседневной жизни,

так и в особо значимые дни подчинялось определенным религиозно-нравственным законам. В то же время во второй половине XIX века со стороны крестьянского населения заметно увеличились нарушения церковного законодательства. В это время возрастает число случаев венчания без родительского благословения, отдельного проживания супругов, когда женщины не желали терпеть унижений со стороны мужа и его родственников.

Можно выделить следующие пути проникновения новаций в деревню: 1) развитие отхожих промыслов в города, 2) влияние сельской интеллигенции, 4) рост грамотности, чтение книг, журналов и газет. Наиболее значимым являлся первый канал – отхожие промыслы.

Таким образом, семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии во второй половине XIX – начале XX века, как и в более ранний период, были тесно связаны с земледельческим календарем и хозяйственной деятельностью ее членов, с традиционными нормами, обрядами и обычаями. Реформы второй половины XIX – начала XX в., развитие товарно-денежных отношений, возросшая в результате этого мобильность сельского населения, модернизация страны в целом вели к ломке традиций крестьянского мира. Вместе с новыми веяниями, изменением предметного мира возникали новые отношения, поскольку они выражали сопричастность к иной культуре, прогрессу, ставшим главной доминантой пореформенного времени. Происходила эрозия основ традиционного быта. Несмотря на сильный консерватизм крестьянства, приверженность к веками устоявшимся представлениям в его жизнь ворвался новый мир со своими ценностями, иным пониманием добра и зла, должного и справедливого, предприимчивостью, стремлением к успеху, иными стандартами жизни.

Процессы модернизации со всеми своими следствиями затронули не только Курскую губернию, но и всю страну в целом (по крайней мере, ее европейскую часть)¹¹⁴⁰. Только надо учитывать, что в данном временном разрезе степень преобразований, их глубина была различной для разных районов.

---

¹¹⁴⁰ Миронов Б.Н. Социальная история... Т. 1. С. 461–486.

Список использованных сокращений

- АРГО – Архив Русского географического общества
АРЭМ – Архивохранилище Российского этнографического музея
ГАКО – Государственный архив Курской области
КГВ – Курские губернские ведомости
КОКМ – Курский областной краеведческий музей
ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
РКЖБН – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы
СОКМ – Старооскольский краеведческий музей
СТИ МИСиС – Старооскольский технологический институт (филиал) Московского государственного института стали и сплавов (технологического университета)
СЭ – Советская этнография
ЭО – Этнографическое обозрение

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивные материалы

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 1290. Экономические примечания.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 1263. Комитет Министров.

Ф. 1284. Департамент общих дел Министерства внутренних дел.

Архив Русского географического общества (АРГО)

Ф. 19. Курская губерния.

Архив Российского этнографического музея (АРЭМ)

Ф. 7. Фонд Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева.

Государственный архив Курской области (ГАКО)

Ф. 1. Канцелярия Курского губернатора.

Ф. 4. Курский губернский статистический комитет.

Ф. 57. Переписные комиссии Курской губернии.

Ф. 68. Курское губернское по крестьянским делам присутствие.

Ф. 153. Курская палата государственных имуществ.

Ф. 1555. Фонды коллекций документов.

Архив кафедры гуманитарных наук Старооскольского технологического института (филиала) Московского института стали и сплавов (технологического университета)

(Архив СТИ МИСиС)

Папка 1. (пос. Углы Старооскольского района Белгородской области).

Папка 2. (с. Каплино Старооскольского района Белгородской области).

Папка 3. (с. Федосеевка Старооскольского района Белгородской области).

Папка 4. (с. Никольское Горшеченского района Курской области).

Архив Курского областного краеведческого музея (КОКМ)

КОКМ. Резанова Е. Меню граждан деревни Владимировки бывшего Обоянского, ныне Белгородского уезда, 1925. Рукопись.

Архив Старооскольского краеведческого музея (СОКМ)

СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед.хр. 40. Л. 16.

Опубликованные источники

Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. (На примере Владимирской губернии). СПб.: Изд-во Европейского дома, 1993.

Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004.

Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 2: Ярославская губ. Ч. 2: Даниловский, Любимский, Борисоглебский уезды. СПб., 2006.

Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 3: Калужская губ. СПб., 2005.

Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 4: Нижегородская губ. СПб., 2006.

Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Т. 5: Вологодская губ. Ч. 2: Кадниковский уезд. СПб., 2007.

Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб., 2008.

2. Периодическая печать

Курские губернские ведомости. – 1869, 1870, 1882, 1895, 1903.

3. Библиография

Абрамов И.С. Обряд повивания в Курской губернии // Живая старина. Вып. 1. Отд. V. 1906. С. 1–2.

Абрашкевич М.М. О прелюбодеянии по русскому праву // «А се грехи злые, смертные...» Русская семейная сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века. В 3 кн. Кн. 3. М., 2004.

Абрегова Ж.О. Повседневная жизнь сельского населения Кубани (конец XIX – первая треть XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2004.

Адоньева С.Б. О ритуальной функции женщины в русской традиции // Живая старина. 1998. № 1 (17). С. 26–28.

Азаревич Д.И. Семейные и имущественные отношения по русскому праву // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. № 4. С. 33–46.

Александров В.А. Черты семейного строя у русского населения Енисейского края XVII – начала XVIII вв. // Сибирский этнографический сборник. Т. III. М.; Л., 1961.

Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII – начало XIX в. М., 1984.

Александров В.А. Семейно-имущественные отношения по обычному праву в русской крепостной деревне XVIII – начала XIX вв. // История СССР. 1979. № 6. С. 37–54.

Александров В.А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 78–96.

Андрусенко Е.А. Детские игры в городской культуре Старого Оскола в 20–30-е годы XX века // Оскольский край: Научный альманах. Вып. 3. Старый Оскол, 2008.

Андрусенко Е.А., Мухина З.З., Пивоварова Л.Н. Праздничная женская одежда на территории Белгородской области во второй половине XIX – нач. XX веков / Народный костюм и обрядность на Русском Севере. Материалы VIII Каргопольской научной конференции. Каргополь, 2004. С. 284–292.

Аничков Е.В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. Ч. 1–2. СПб., 1903–1905.

Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.

Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977.

Антипов М. Ткацкий промысел в Курской губернии // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1885. № 8. С. 294–308.

Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1861–1904. М., 1980.

Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962.

Астров Н. Крестьянская свадьба в с. Загоскине Пензенского уезда (Бытовой очерк) // Живая старина. 1905. Вып. 3–4. С. 415–458.

Астырев Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1898.

Афиногенов А.О. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. Медико-статистическое исследование. Дисс. на степень доктора медицины. СПб., 1903.

Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурный словарь). Т. 3. М., 1991.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов. СПб., 1993.

Балов А. Проституция в деревне // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1906. № 12. С. 1864–1868.

Балов А. Следы древних верований в народном иконопочитании // Живая старина. 1890. № 3. С. 218–231.

Баня и печь в русской народной традиции / отв. ред. В.А. Липинская. М., 2004.

Баранов Д.А. Родинный обряд: время, пространство, движение // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М., 2001.

Безгин В.Б. Детоубийство и плодоизгнание в русской деревне (1880–1920-е гг.) // Право и политика. 2010. № 5. С. 972–977.

Безгин В.Б. Крестьянская повседневность. (Традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов, 2004.

Безгин В.Б. Положение женщины в крестьянской семье конца XIX в. // Семья в ракурсе социального знания: Сборник научных статей. Барнаул, 2001. С. 204–212.

Безгин В.Г. Скрытая повседневность (половые отношения в русской деревне конца XIX – начала XX в. // Клио. № 3 (26). 2004. С. 103–107.

Беликова Т.П., Емельянова М.И. Живые родники Староосколья. Старый Оскол, 2003.

Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010.

Беловинский Л.В. Изба и хоромы: из истории русской повседневности. М., 2002.

Белоусова Е.А. Предисловие // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. М., 2001. С. 5–8.

Белоусова Е.А. Социокультурные функции имянаречения // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. М., 2001. С. 275–302.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

Бердинских В. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011.

Бережная С.В. Народная культура русского и украинского населения Курской губернии в конце XVIII – XIX веках: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000.

Бережная С.В. Эволюция образовательного уровня сельского населения Курской губернии в конце XVIII – XIX веках // Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: сб. науч. тр. V Междунар. науч. конф. / отв. ред. И.Т. Шатохин (г. Белгород, 23–24 января 2009 г.). Белгород, 2009. С. 210–215.

Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.

Благовещенский Н.А. Крестьянская грамотность и образование Центрального района Курской губернии // Промыслы и грамотность Центрального района Курской губернии. Курск, 1885. С. 1–178.

Бломквист Е.Э., Ганцкая О.А. Типы русского крестьянского жилища середины XIX – начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 131–165.

Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

Богданов А.И. Пословицы, поговорки, загадки. М.; Л., 1961.

Богданов В. Из истории женского южновеликорусского костюма // Этнографическое обозрение. 1914. № 1–2. С. 127–155.

Богданов П. К статистике и казуистике болезней половых органов у крестьянок Кирсановского уезда. Тамбов, 1889.

Бойко В.В. «Культура питания» как элемент культуры быта // Культура труда, быта и человеческих отношений. Уфа, 1980. С. 58–91.

Бойков М. Краткое обозрение Курской губернии в географическом и историческом отношениях. Пособие для изучения географии в учебных заведениях Курской губернии. Белгород, 1879.

Болотов И.В. Песни старожилов Курского края. Курск, 1997.

Бородаевский С. Незаконнорожденные в крестьянской среде // Русское богатство. 1898. № 10. С. 233–251.

Бородина М.Б. К возрождению промысла Старооскольской глиняной сувенирной игрушки. Молодые ученые – производству. Сборник научных трудов региональной конференции. Старый Оскол, 2005.

Борщик Н.Д. История первой Всеобщей переписи населения 1897 г. (на примере Курской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2003.

Ботова С.И., Приставкина Т.А., Рябчиков А.В. Рукотворная краса земли Белгородской. Ч. 1. Белгород, 2000.

Бржеский Н.К. Очерки аграрного быта крестьян. Земледельческий центр России и его оскуднение. СПб., 1908.

Бронзов А.А. О крестьянской семье и связанных с нею вопросах. СПб., 1901.

Булгаков Г.И. Схематический обзор Курского края в этнографическом отношении // Курский край. Сб. по природе, истории, культуре, экономике Курской губернии / Под ред. С.В. Иванова, Е.К. Введенского и др. Вып. 1. Курск, 1925.

Буромская Е.Д. Свадебные песни и обычаи в Рыльском и Льговском уездах Курской губернии. Харьков, 1916.

Бусьгин Е.П., Зорин Н.В., Мухина З.З. Сельская женщина в семейной и общественной жизни. Казань, 1986.

Васильчиков А.А. Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб., 1881.

Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М.; Тула, 2009.

Веретенников И.В. Брачность, рождаемость и смертность среди крестьянского населения. По данным для Землянского и Задонского уездов Воронежской губернии. Тифлис, 1898.

Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. Т. 1. СПб., 1908.

Весин Л.П. Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. 1887. № 2. С. 102–124.

Власкина Т.Ю. Мифологический текст родин // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М., 2001. С. 61–78.

Внуков Р.Я. Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929.

Вопросы истории и краеведения / Под ред. проф. А.Ю. Друговской. Курск, 1994.

Волкова Н.А., Бабичева С.Г. Крестьянское подворье южных районов Курской области // Культура Курского края (лингво-этнографические очерки). Курск, 1995. С. 58–84.

Воронина Т.А. Пост в жизни русских // Православие и народная культура. Кн. 5. М., 1995. С. 5–89.

Воронов Д.Н. Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 г. Пенза, 1913.

Воронцов В.П. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892.

Восточные славяне. Очерки традиционной культуры. М., 1987.

Ганцкая О.А. Семья: структура, функции, типы // СЭ. 1984. № 6. С. 16–28.

Гернет М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М., 1911.

Гернет М.Н. Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения // Вестн. права. М., 1914. № 3. С. 133–238.

Глотова В.В. Крестьянская семья во второй половине XIX века (на материалах Курской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003.

Глотова В.В. Трудовое воспитание детей в крестьянской семье в пореформенный период (на примере Курской губернии) / Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: сб. науч. тр. V Междунар. науч. конф. / отв. ред. И.Т. Шатохин (г. Белгород, 23–24 января 2009 г.). Белгород, 2009.

Головин В.К. Община в литературе и действительности. СПб., 1887.

Грегори А.В. Материалы по вопросу о детоубийстве и плодизгнании. Варшава, 1908.

Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991.

Громько М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000.

Громько М.М., Кузнецов С.В., Буганов А.А. Православие в русской народной культуре. Направление исследований // ЭО. 1993. № 6. С. 60–68.

«...Да на нашей сторонуще приволья довольно...». Традиционная культура Яковлевского района / Ред.-сост. И.И. Веретенников, Н.В. Солодовникова. Ч. 1. Белгород, 2004.

Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. Т. 1–2. М., 1984.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1–4. М., 1978–1980.

Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.

Дмитрюков А. Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде Курской губернии // Московский Телеграф. 1831. № 10. С. 255–271; № 11. С. 359–377.

Добровольская В.Е. Институт повивальных бабок и родильно-крестильная обрядность (по материалам экспедиций 1994–1997 гг. в Судогодский район Владимирской области) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. М., 2001. С. 92–106.

Добротворский Н.А. Кустарные промыслы Курской губернии. Курск, 1886.

Добрынкин Н. Вязниковский уезд Владимирской губернии // Труды Владимирского статистического комитета. Вып. 7. Владимир, 1868.

Докучаев В.В. Из истории культуры Курского края. Сборник документов и материалов. Курск, 1965.

Докучаев В.В. Русский Чернозем. Отчет Вольному экономическому обществу. Изд. 2-е. М., 1952.

Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М., 1978.

Дубровский С. Крестьянский двор и семейно-имущественные разделы. М., 1926.

Дынин В.И. Когда расцветает папоротник... Народные верования и обряды южно-русского крестьянства XIX – XX вв. Воронеж, 1999.

Емельянова М.И. Эволюция русской народной одежды Оскольского края (2-я половина XIX – начало XX века). Старый Оскол, 2008.

Естественные и производительные силы Курской губернии и экономическая деятельность населения. Курск, 1912.

Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884.

Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Обычное право. Изд. 2-е. М., 2011.

Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. Ч. 1. М., 1877.

Жбанков Д.Н. Бабья сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома, 1891.

Жбанков Д.Н. Влияние отхожих промыслов на движение народонаселения Костромской губернии по данным 1866–1883 гг. Кострома, 1887.

Жегалова С.К., Шмакова В.Т., Попова И.А. Разложение крестьянства в Курской губернии // Историко-бытовые экспедиции 1951–1953. Материалы по истории пролетариата и крестьянства России конца XIX – начала XX века / Под ред. акад. А.М. Панкратовой. М., 1955. С. 159–176.

Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. Белгород, 2000.

Жиров М.С., Жирова О.Я. Традиционные народные праздники и обряды Белгородчины. Белгород, 2002.

Зверев В.А. Роль семьи в закреплении и передаче опыта хозяйственной деятельности русских крестьян Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. Новосибирск, 1985. С. 114–122.

Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма. Историко-демографический анализ. Новосибирск, 1991.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Зеленин Д.К. Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.

Земцов Л.И. Крестьянки в волостном суде / Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Мат-лы междунар. конф. Тамбов, 2002. С. 228–239.

Златоверховников Н.И. Кустарные и другие промыслы населения Курской губернии за 1899 г. и краткий обзор их за предшествующее время // Курский сборник / Под ред. Н.И. Златоверховникова. Вып. 1. Курск, 1901. С. 203–213.

Златоверховников Н.И. О кустарных и отхожих промыслах населения Курской губернии (Краткий обзор за 1900 г.) // Курский сборник / Под ред. Н.И. Златоверховникова. Вып. 2. Курск, 1902. С. 179–185.

Златовратский Н.Н. Деревенские будни (очерки крестьянской общины) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987.

Золотарев Я. Пригородная слобода Казацкая // Курский сборник. Вып. 2. Курск, 1902. С. 115–132.

Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. М., 2001.

Зотова И.П. Ремесла и костюм // Прекрасна ты, моя сторонка... / Народные традиции села Подольхи Прохоровского района: сборник статей и материалов / Ред.-сост. А.В. Кулабухов, Н.В. Солодовникова, И.П. Зотова, Н.В. Кривчикова, В.А. Котеля. Белгород, 2004. С. 33–42.

Ивановская Т. Дети в пословицах и поговорках // Вестник воспитания. 1908. № 2. С. 112–162.

Из жизни русского народного учителя // Русская школа. 1911. № 10. С. 66–86.

Из истории культуры Курского края. Сборник документов и материалов. Курск, 1965.

Историко-бытовые экспедиции. 1951–1953: материалы по истории пролетариата и крестьянства России конца XIX – начала XX века / Под ред. акад. А.М. Панкратовой. М., 1955.

Итоги статистического исследования. Курск, 1887.

Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.

Кабакова Г.И. Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. М., 2001. С. 107–129.

Кабытов П.С. О некоторых характерных чертах духовного облика русского крестьянства начала XX в. // Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX – начале XX в. Куйбышев, 1986. С. 60–70.

Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX в. Куйбышев, 1990.

Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988.

Кисляков Н. Странствующие учителя и подвижные школы в Курской губернии // Северный вестник. 1888. № 3. С. 48–50.

Кичигин В.П. Народная культура Юга России: Белгородская область. Опыт систематизации этнофольклорного материала. Белгород, 2000.

- Кичигин В.П., Кичигин С.В.* Мир текстов детского фольклора // Белогорье. Белгород, 2000. № 2.
- Коринфский А.А.* Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Самара, 1995.
- Косвен М.О.* Кто такой крестный отец? // СЭ. 1963. № 3. С. 104–105.
- Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.
- Краеведческие записки. Вып. 2. Курск, 1963.
- Краинский В.Е.* Сравнительная организация хозяйства Курской губернии Белгородского уезда, Тульской губернии Богородицкого уезда и Смоленской губернии Дорогобужского уезда. СПб., 1878.
- Красноперов В.В.* Крестьянские женщины перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 1. СПб., 1893.
- Краткий очерк деятельности Старооскольского земства за 50 лет (1864–1914 гг.). Курск, 1914.
- Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX – XX в.) Определитель / отв. ред. А.А. Лебедева. М., 1971.
- Крестьянское хозяйство, его быт и правовое положение. М., 1916.
- Кретов Ф.* Деревня после революции. М., 1925.
- Круглый год. Русский земледельческий календарь. М., 1991.
- Крюкова С.С.* Брачные традиции южнорусских губерний во II пол. XIX в. // ЭО. 1992. № 4. С. 41–50.
- Крюкова С.С.* Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994.
- Кузнецов С.В.* Вера и обрядность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996. С. 284–292.
- Кузнецов С.В.* Религиозно-этические взгляды крестьян на землю и труд // Русские. М., 2005. С. 189–197.
- Кузнецов С.В.* Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских (XIX – начало XXI в.). М., 2008.
- Кузнецов Я.* Положение членов крестьянской семьи по народным пословицам и поговоркам. СПб., 1909.
- Культура Курского края (лингво-этнографические очерки). Курск, 1995.

Курская губерния. Итоги статистических исследований. (Материалы подворной переписи 1882–1885 гг.) Курск, 1887.

Курская губерния. СПб., 1904.

Курский край в период развития капитализма в России. Воронеж, 1965.

Курский край: культура и культурно-историческое наследие: Научно-популярная серия в 20 т. Т. XV. Курск, 2002.

Курский сборник / Под ред. Н.И. Златоверховникова. Издание Курского губернского статистического комитета. Вып. II. Курск, 1902; Вып. III. Курск, 1902; Вып. V. Курск, 1907.

Курцев А.Н. Миграция сельского населения Центрального Черноземья в конце XIX века // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. М.; Курск, 1994. С. 121–136.

Кустарные промыслы Старооскольского уезда, Курской губернии / Сост. Ф.И. Заикин. Курск, 1904.

Кушкова А.Н. Конфликт отцов и сыновей: лишение наследства и отцовское проклятие // Мужской сборник. Вып. 2. «Мужское» в традиционном и современном обществе: Константы маскулинности. Диалектика пола. Инкарнации «Мужского». Мужской фольклор / Сост. И.А. Морозов; отв. ред. Д.В. Громов, Н.Л. Пушкарева. М., 2004.

Кушкова А.Н. Мужское крестьянское отходничество конца XIX – начала XX вв. как опыт экстремального // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации: Психофизиология экстремальности. Грани экстремального. Культурно и этнически маркированные категории «экстремального». Экстремальное: жизнь и текст. Территории экстремального / Сост. И.А. Морозов; отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М., 2007.

Лаврентьева Л.С. О платке // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. СПб., 1999. С. 39–52.

Лазовский В.С. Личные отношения супругов по русскому обычному праву // Юридический вестник. 1883. № 6–7. С. 358–414.

Лантев Р.А. История кожевенно-обувной отрасли российской индустрии: конец XVIII – начало XX веков (на примере Курского региона): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005.

Латышина Д.И. История педагогики. (История образования и педагогической мысли). М., 2003.

Лебедев В. Подлинная история // Вопросы философии. 1996. № 11. С. 137–142.

Лебедева Л.В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М., 2009.

Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. / Н.И. Лебедева, Г.С. Маслова // Русские: Историко-этнографический атлас / Под ред. В.А. Александрова и др. М., 1967. С. 193–268.

Лебина Н.Б. Повседневная жизнь города. 1920–1930 годы. СПб, 1999.

Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. Вып. 2. М., 1997. С. 84–127.

Лелеко В.Д. Эстетика повседневности. СПб., 1994.

Лепская Л.А. Новое о крепостных школах конца XVIII – начала XIX в. в вотчинах Шереметевых // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1987. С. 71–76.

Лещенко В.Ю. Русская семья (XI – XX вв.). СПб., 2004.

Линденберг В.Г. Материалы к вопросу о детоубийстве и плодизгнании. Диссертация. Юрьев, 1910.

Липинская В.А. Пища (XII–XX века) // Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук / Серия «Народы и культуры» / отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 2005. С. 354–397.

Липинский А. Материалы для географии и статистики России. Ч. 2. СПб., 1868.

Листова Т.А. Кумовья и кумовство в русской деревне // СЭ. 1991. № 2. С. 37–51.

Листова Т.А. Народный православный обряд создания семьи // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 7–35.

Листова Т.А. Народные представления о душе, связанные с деторождением // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках. М., 2002. С. 10–37.

Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год жизни // Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук / Серия «Народы и культуры» / отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 2005. С. 500–516.

Листова Т.А. Религиозно-нравственное отношение к деторождению в русской семье // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 36–52.

Листова Т.А. Ткачество и вышивка в некоторых районах Курской и Белгородской областей // Полевые исследования института этнографии. 1977 г. М., 1979. С. 19–28.

Листова Т.А. Трудовое воспитание в крестьянской среде // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 182–201.

Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр 1861–1895 гг. М., 1972.

Лудмер Я.А. Бабы стоны (Из записок мирового судьи) // Юридический вестник. 1884. № 11. С. 446–467.

Львов А. «Вот тебе бог, а вот и порог...» // Родина. 1994. № 5. С. 118–122.

Мазалова Н.Е. Детские игры в животных у восточных славян // Народные игры и игрушки. Сборник статей. СПб., 2000. С. 94–115.

Мальхин П. Быт крестьян Воронежской губернии Нижнедевицкого уезда // Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом. Вып. 1. СПб., 1853. С. 203–234.

Мамаева Т.П. Курское губернское земство и народное образование в губернии во второй половине XIX – начале XX века. Старый Оскол, 2008.

Маслова Г.С. Одежда // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / отв. ред. К.В. Чистов. М., 1987. С. 259–290.

Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 1. СПб., 1903.

Материалы по крестьянскому и частному землевладению в Курской губернии. Курск, 1908–1909.

Машкин А.С. Быт крестьян Курской губернии, Обоянского уезда // Этнографический сборник. Вып. V. СПб., 1862.

Мейендорф А.Ф. Крестьянский двор в системе русского крестьянского законодательства и общинного права и затруднительность его применения. СПб., 1909.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

Милогорова И.Н. Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1998. № 2. С. 61–76.

Милогорова И.Н. О праве собственности в пореформенной крестьянской семье. 1861–1900 гг. // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1995. № 1. С. 22–31.

Милогорова И.Н. Распределение хозяйственных функций в крестьянской семье // СЭ. 1991. № 2. С. 93–100.

Милогорова И.Н. Семейные разделы в русской пореформенной деревне (На материалах центр. губерний) // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1987. № 6. С. 37–46.

Милогорова И.Н. Экономика пореформенной крестьянской семьи // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1997. № 5. С. 32–49.

Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979.

Миронов Б.Н. Вокруг свадьбы. Представление русского крестьянина о семье, браке, детях // Знание – сила. 1976. № 10. С. 42–45.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб., 1999–2000.

Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: Сб. Ст. / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 1977. С. 83–104.

Миронова Т.П. Политическое сознание советского доколхозного крестьянства в обществоведческой литературе 70–80-х гг. // Проблемы историографии и истории культуры народов СССР. М., 1988. С. 115–127.

Можаровский А.Ф. Из жизни крестьянских детей. Казань, 1882.

Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX – XX вв.). М., 2004.

Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия / Авт.: Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб., 2005.

Мухин В. Обычный порядок наследования у крестьян. СПб., 1888.

Мухина З.З., Пивоварова Л.Н. Некоторые аспекты хозяйственной деятельности крестьян Курской губернии в конце XIX века // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: в 2 т.: сб. науч. тр. IV Междунар. науч. конф. / отв. ред И.Т. Шатохин (г. Белгород, 8 декабря 2006 г. Т. 2. Белгород, 2007.

Мухина З.З. «Девка на поре, не удержишь на дворе...» (О девичьей чести в крестьянской среде Центральной России во второй половине

XIX – начале XX в.) // Женщина в российском обществе. 2010. № 3 (56). С. 61.

Мухина 3.3. Обретение социо-культурного опыта как структурообразующего фактора повседневной жизни девушки-крестьянки европейской России (вторая половина XIX – начало XX века // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 19 (90). Вып. 16. 2010. С. 118–127.

Мухина 3.3. Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре Европейской России (вторая половина XIX – 30-е гг. XX в.) // ЭО. 2012. № 2. С. 147–160.

Мухина 3.3., Пивоварова Л.Н. Институт повивальных бабок и родильная обрядность во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Курской губернии) // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: в 2 т.: сб. науч. тр. IV Междунар. науч. конф. / отв. ред. И.Т. Шатохин (г. Белгород, 8 декабря 2006 г.). Т. 1. Белгород, 2006.

Мухина 3.3., Шестакова С.В. Традиционные женские промыслы в Курской губернии в конце XIX – начале XX в. // Образование, наука, производство и управление: сборник научных и научно-методических докладов международной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов. Старый Оскол, 2010.

Народные судебные обычаи по указаниям судебной практики // Сборник народных юридических обычаев / Под ред. С.В. Пахмана. Т. 2. СПб., 1900. С. 301–337.

Народы Европейской части СССР. М., 1964.

Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994.

Некрылова А.Ф., Головин В.В. Роль отца в традиционной народной педагогике // Мир детства и традиционная культура. М., 1995. С. 7–26.

Нижник Л.Д., Петрова Р.Н. По следам этнографической экспедиции // Краеведческие записки. Вып. 3. Воронеж, 1968.

Никишина Н.Н. О роли и значении куклы в крестьянской семье // Феномен семьи в ракурсе видения социальных и гуманитарных наук: Материалы Международной научной конференции, посвященной завершению Года семьи в Российской Федерации. 18–19 декабря 2008 г. (г. Старый Оскол). Ч. I. Старый Оскол, 2008.

Николаева Е.В. Исторические традиции в культуре повседневности: Россия на рубеже XX–XXI веков // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. М., 2001.

Никулов А.П. Старый Оскол (Историческое исследование Оскольского края). Курск, 1997.

Новиков А. Записки земского начальника. СПб., 1899.

Новикова Н.Л. Культура повседневности: теоретический аспект: Учебник. Саранск, 2004.

Новикова Н.Л. Повседневность как феномен культуры. Саранск, 2003.

Обзор Курской губернии за 1890–1899 гг. Курск, 1891–1900.

О брачном союзе, о расторжении брака (развод), о власти родителей, о правах законных, усыновленных и незаконных детей, учреждение опеки и попечительства (права опекунов и попечителей) / Сост. А.З. Соколовский. СПб., 1889.

О кустарных промыслах Курской губернии. Курск, 1885.

Овчинников В.В., Тройно Ф.П. История Белгородчины. Краеведение. Белгород, 2003.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1993.

Озеров И.Х. Алкоголизм и борьба с ним. Вып. VII. М., 1914.

Олихов С. К вопросу о плодовитости крестьянок Кинешемского уезда // Земский врач. 1890. № 52. С. 142–153.

Орглет А.И. Медико-топографическое и статистическое описание сл. Головчины, с. Антоновки и д. Тополей Грайворонского уезда Курской губернии. СПб., 1898.

Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности в Курской епархии за 1898–1900 учебный год. Курск, 1891.

Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М., 1968.

Памятная книжка Курской губернии на 1890–1894 гг. / Сост. Т.И. Вержбицкий. Курск, 1891–1894.

Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. М., 1990.

Панькова И.С. Южнорусский народный костюм // Роль народной культуры в духовном возрождении России. Курск, 1995. С. 41–49.

Пармон Ф.М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М., 1994.

Пархоменко И.Г. Белгородская губерния. Белгород, 2001.

Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. 1. СПб., 1879.

Пахман С.В. Очерк народных обычаев Смоленской губернии // Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900. С. 51–96.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XX. Курская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904.

Первушин С.А. Влияние урожаев в связи с другими экономическими факторами на потребление спиртных напитков в России. М., 1909.

Пермиловская А.Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века). Архангельск, 2005.

Плаксин И.М. Торговля Курской губернии во второй половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1997.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. Т. 6. № 3578.

Полное собрание законов Российской империи. Т. X. Ч. I. СПб., 1857.

Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства приобретению ими крестьянами в собственность полевых угодий / ПСЗ. Собр. 2. Т. 36. № 3665.

Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 125–132.

Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина. Репринт. Рязань, 2010.

Попова А.Д. «Правда и милость да царствуют в судах» (Из истории реализации судебной реформы 1864 г.). Рязань, 2005.

Потехин А.А. Крестьянские дети // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века. М., 1986.

Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001.

Привалова Т.В. Быт русской деревни (медико-санитарное состояние деревни Европейской России) 60-е гг. XIX – 20-е гг. XX в. М., 2000.

Привалова Т.В. Питание российского крестьянства на рубеже веков // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1998. С. 128–146.

Прокопович С. Крестьянское хозяйство (по данным бюджетных исследований и динамических переписей). Ростов-на-Дону, 1905.

Промыслы и грамотность центрального района Курской губернии. Промыслы и внеземледельческие занятия населения центрального района Курской губернии / Сост. Н.А. Добротворский. Курск, 1883.

Сборник статистических сведений по Курской губернии. Промыслы и грамотность Центрального района Курской губернии. Курск, 1885.

Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.

Прыжов И.Г. История кабаков в России. М., 1992.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 6. № 3578.

Пушкарёва Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 93–112.

Пушкарёва Н.Л. Женская история в России: приоритеты, направления, методы // Женщина в российском обществе. 1996. № 4. С. 11–24.

Пушкарёва Н.Л. Женская история: итоги и перспективы развития в России // Российская академия наук. Труды отделения историко-филологических наук. 2006. М., 2007.

Пушкарёва Н.Л. Женщина в русской семье (X – начало XX вв.) // Русская народная культура (история и современность). М., 2000. С. 41–54.

Пушкарёва Н.Л. Женщина в русской семье (X – XX века) // Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук / Серия «Народы и культуры» / отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 2005. С. 456–465.

Пушкарёва Н.Л. Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме: Перспективы сравнительного подхода // ЭО. 1995. № 3. С. 14–21.

Пушкарёва Н.Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996.

Пушкарёва Н.Л. «Живя и трудаясь в подивление окольным людям» (Женский труд и женские занятия в российской повседневности X – XVII вв. // Женщина в российском обществе. 1996. № 2. С. 18–27.

Пушкарёва Н.Л. Материнство и материнское воспитание в российских семьях XVIII – начала XIX в. // Расы и народы. Вып. 25. М., 1998. С. 104–124.

Пушкарёва Н.Л. Мать и материнство на Руси (X – XVIII вв.) // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996. С. 311–347.

Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX века // ЭО. 2009. № 5. С. 120–134.

Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // ЭО. 2004. № 5. С. 3–19.

Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. М., 2002.

Пушкарева Н.Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в.: невеста, жена, любовница. М., 1997.

Пушкарева Н.Л. Частная жизнь и повседневность: глазами историка // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Научная конференция 27–28 февраля 2002 г. Тезисы докладов / Ред. А.Г. Вишневский. М., 2002. С. 44–46.

Рабинович Е.Г. Риторика повседневности: Филологические очерки. СПб., 2000.

Развитие русского права в первой половине XIX века. М., 1994.

Резанов В.И. Материалы по этнографии Курской губернии. Курск, 1902.

Реутов Е.В. Земля как ценность в русских пословицах // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 115–117.

Русская повседневность. 1921–1941. Новые подходы. СПб., 1995.

Руднева А.В. Народные песни Курской области. М., 1957.

Русская изба, внутреннее пространство, мебель и убранство. СПб., 1999.

Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук / Серия «Народы и культуры» / отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 2005.

Русские дети: Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия / Авт.: Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб., 2006.

Русские: история и этнография / Под ред. И.В. Власовой и В.А. Тишкова. М., 2008.

Русские: историко-этнографический атлас / Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – начало XX в.) / Под общ. ред. В.А. Александрова. М., 1967.

Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.

Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия / Авт.: О.Г. Баранова, Т.А. Зими́на и др. СПб., 2002.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1987.

Сабурова Л.М., Торэн М.Д. Системы земледелия и сельскохозяйственной культуры у русских крестьян в середине XIX – начале XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 17–32.

Савченко Л.А. Социология повседневности. Ростов-на-Дону, 2000.

Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М., 2000.

Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. II–III. М., 1890–1891.

Сборник статистических сведений по Курской губернии. Вып. X. Курск, 1885.

Сборник статистических сведений по Курской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Вып. VII. Курск, 1884.

Сборник статистических сведений по Обоянскому уезду (Курской губернии). Земская сельско-хозяйственная статистика. М., 1884.

Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. СПб., 1857.

Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958.

Семейный быт народов СССР. М., 1990.

Семенов С.Т. Из истории одной деревни // Русская мысль. 1902. № 1. С. 20–37.

Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Л., 1982.

Семенова-Тян-Шанская О. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. Репринт. М., 2010.

Синельников А.Б. Социально одобряемые причины развода в прошлом и настоящем // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 27–38.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002.

Славянский К.Ф. К учению о физиологических проявлениях половой жизни женщины-крестьянки // Здоровье. 1874–1875. № 10.

Слепцова И.С. Народные игры и использование их в воспитании // Русские народные традиции и современность. М., 1995.

Словарь иностранных слов. 17-е изд., испр. М., 1988.

Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1909–1911 гг. // Статистический временник Российской империи. Т. 82. СПб., 1914. С. III–IV.

Смертность младенцев в Европейской России в 1867–1881 гг. // Временник Центрального Статистического комитета Министерства внутренних дел. Вып. 6. СПб., 1889.

Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа // Юридический вестник. 1877. № 1–2. С. 43–74; № 3–4. С. 98–128.

Смирнова Н. Классическая парадигма социального знания и опыт феноменологической альтернативы // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 127–137.

Снегирев И. Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках. Кн. 1–4. М., 1831–1834.

Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848.

Соболевский А. Обряды и обычаи при рождении младенца и колыбельные песни Владимирской губернии (Труды Владимирского общества любителей естествознания). Прилож. к Т. 3. Вып. 2. Владимир, 1912.

Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар) // Отечественная история. 1992. № 5; 1993. № 2, 6; 1994. № 2, 4–5, 6; 1995. № 3, 4, 6; 1996. № 4.

Соковнин П. Длинноземелье и чересполосность крестьянских наделов в Курской губернии // Сельское хозяйство и лесоводство. 1902. № 11. С. 27–38.

Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней. СПб., 1901.

Соколов Н. К характеристике половой деятельности женщины-крестьянки // Протоколы заседаний и труды IV Московского губернского съезда женщин-врачей. М., 1880.

Соловьев Е.Т. Гражданское право. Очерки народного юридического быта. Вып. 1. Казань, 1888.

Соловьев Е.Т. Очерк семейственного права русских крестьян Мамадышского уезда. Казань, 1878.

Соловьев К.А. Жилище крестьян Дмитровского края. Вып. 6. Дмитров, 1930.

Соловьева Л.И. Свадьба (быт) // Курский сборник / Под ред. Н.И. Златоверховникова. Вып. 7. Курск, 1907. С. 31–43.

Солодовникова Н.В. Народные календарные праздники и обряды // Прекрасна ты, моя сторонка... Народные традиции села Подольхи Прохоровского района: сборник статей и материалов / Ред.-сост. А.В. Кулабухов, Н.В. Солодовникова, И.П. Зотова, Н.В. Кривчикова, В.А. Котеля. Белгород, 2004. С. 7–23.

Солодовникова Н.В. Семейные обряды // Прекрасна ты, моя сторонка... Народные традиции села Подольхи Прохоровского района: сборник статей и материалов / Ред.-сост. А.В. Кулабухов, Н.В. Солодовникова, И.П. Зотова, Н.В. Кривчикова, В.А. Котеля. Белгород, 2004. С. 24–32.

Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. Губернии черноземной области. СПб., 1880.

Степанов В. Сведения о родильных и крестильных обрядах в Клинском у. Московской губернии // Этнографическое обозрение. 1906. № 3–4. С. 221–234.

Столяров И.Я. Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма / Сост. М. Вострышев. М., 1989. С. 323–484.

Стоюшкина В.А., Нижник Л.Д. Крестьянский быт (этнографическая экспедиция по сбору материалов о быте крестьян Курской губернии середины XIX – начала XX вв. // Краеведческие записки. Вып. 2. Курск, 1963. С. 179–187.

Сумцов Н.Ф. Досветки и посиделки // «А се грехи злые, смертные...» Русская семейная сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века. В 3 кн. Книга 2. М., 2004.

Сумцов Н.Ф. Культурные переживания. Киев, 1890.

Сумцов Н.Ф. О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1880. № 11. С. 68–94.

Таганцев Н.С. Уголовное уложение. СПб., 1904.

Тарасова С.И. Духовное воспитание детей в русской народной педагогике: Дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 2003.

Таряников М.В. Материалы по этнографии Корочанского уезда (с. Стрелица) // Курский сборник / Под ред. Н.И. Златоверховникова. Вып. 7. Курск, 1912.

Тенишев В. Административное положение русского крестьянина. СПб., 1908.

Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. Изд. 2-е. М., 2010.

Терещенко А.В. Быт русского народа. СПб., 1848.

Тинякова Е.Л. Курский вариант народного костюма // Культура Курского края (лингво-этнографические очерки). Курск, 1995. С. 23–57.

Тинякова Е.Л. Народные промыслы в Курской губернии (Исторический очерк) // Культура Курского края (лингво-этнографические очерки). Курск, 1995. С. 85–97.

Токарев С.А. Ранние этапы развития советской этнографии (1917 – середина 1930-х годов) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971. С. 111–120.

Тольц М.С. Брачность населения в России и СССР. М., 1977.

Топорков А. Хлеб да соль // Родина. 1994. № 9. С. 118–119.

Топорков А.Л. Структура и функции сельского застольного этикета у восточных славян // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 196–301.

Традиционные Белгородские игры и забавы. Белгород, 2003.

Третьяков А.В. Низшая сельскохозяйственная школа России в конце XIX – начале XX веков. Курск, 1998.

Третьяков А.В. Низшая сельскохозяйственная школа России в конце XIX – начале XX веков: историография, источники, методология. Курск, 2001.

Труды VII съезда земских врачей и представителей земств Курской губернии 28 мая – 4 июня 1899 г. Курск, 1900.

Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 19. Курская губерния. СПб., 1903.

Тульцева Л.А. Община и аграрная обрядность рязанских крестьян на рубеже XIX – XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 45–62.

Тютрюмов И. Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Июль. С. 123–156.

Уложение о наказании. С. 1461 – 1462 // Законы о женщинах. СПб., 1899.

Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.

Успенский Г. Крестьянские женщины // Русская мысль. 1890. № 4. С. 137–154.

Успенский Д.И. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным. (По материалам, собранным в Тульском, Веневском и Каширском у. Тульской губ.) // ЭО. 1895. № 4 (кн. 27). С. 71–95.

Федоров В.А. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX вв.) // Вестн. МГУ. 1994. № 4. С. 3–21.

Федоров В.А. Падение крепостного права в России. Документы и материалы. Вып. II. М., 1967.

Феникс. Историко-этнографический вестник: Традиционный костюм Белгородчины. Вып. IV. Белгород, 2000.

Филиппов А. Женщина в крестьянской семье // Русское богатство. 1880. № 3–4. С. 59–107.

Фольклорные традиции села Мощное Яковлевского района. Серия «Народная художественная культура Белгородчины». Белгород, 1998.

Фурсов В.Н. Крестьянское движение в Воронежской губернии в 60 – 70-е гг. XIX века (социально-психологические аспекты). Воронеж, 1984.

Фурсов В.Н. Крестьянское землевладение и землепользование Центрально-Черноземных губерний во второй половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья. Липецк, 1991. С. 21–31.

Харламова И. Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 3–4. С. 59–107.

Харузина В.Н. Несколько слов о родильных, крестинных обрядах и об уходе за детьми в Пудожском уезде Олонецкой губернии // ЭО. 1906. № 1/2 (кн. 68/69). С. 88–95.

Холодная В.Г. Отцовское наказание в воспитании мальчика-подростка у восточных славян в конце XIX – начале XX вв. // Мужской сборник. Вып. 2. «Мужское» в традиционном и современном обществе: Константы маскулинности. Диалектика пола. Инкарнации «Мужского». Мужской фольклор / Сост. И.А. Морозов; отв. ред. Д.В. Громов, Н.Л. Пушкарева. М., 2004.

Чижикова Л.Н. Развитие жилища в селах Белгородской области // Полевые исследования института этнографии. 1979. М., 1983. С. 3–12.

Чижикова Л.Н. Свадебная обрядность сельского населения Курской губернии в XIX – начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 171–197.

Чижикова Л.Н. Традиционная женская одежда русских в Белгородской области // Полевые исследования института этнографии. 1977. М., 1979. С. 9–18.

Чижикова Л.Н. Этнические аспекты материальной культуры населения юго-западных районов Курской области // Советская этнография. 1978. № 4. С. 76–88.

Чижикова Л.Н. Этнические традиции в современной свадебной обрядности сельского населения этноконтактной зоны (на примере Белгородской области) // СЭ. 1980. № 2. С. 10–25.

Чичеров С. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI – XIX веков: Очерки по истории народных верований. Тр. института этнографии. Новая серия. Т. 40. М., 1957.

Шабалина Л.П. Современная семья народов Среднего Поволжья: традиции и новации, этнические взаимовлияния. Ульяновск, 2002.

Шангина И.И. Русские девушки. СПб., 2008.

Шангина И.И. Русские дети и их игры. СПб., 1997.

Шангина И.И. Хмельные напитки // Русский праздник. СПб., 2001. С. 615–621.

Шанина Л.Ф. Ковроткачество – гордость Курских мастеров // Культура Курского края (лингво-этнографический очерк). Курск, 1995. С. 98–110.

Шаповалова С.П. Досуг крестьянской женщины Курской губернии в пореформенный период // Белогорье. Краеведческий альманах. Белгород, 2006. № 5. С. 64–68.

Шаповалова С.П. Крестьянская женщина Центрального Черноземья в 60–90-е годы XIX века (исторический портрет): Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003.

Шаповалова С.П. Развод в судьбе крестьянской женщины Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Материалы международной научно-практической конференции «Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура». Белгород, 2006. С. 164–171.

Шаповалова С.П. Цветовая символика, сюжеты и мотивы орнамента женской одежды в Курской губернии в конце XIX – начале XX вв.

// Межнациональные отношения в южнорусском порубежье. Материалы областной научно-практической конференции. Белгород, 2006. С. 73–76.

Шашков С.С. История русской женщины. Изд. 3-е. М., 2011.

Шингарев А.И. Вымирающая деревня. СПб., 1907.

Шингарев А.И. Положение женщин в крестьянской среде // Медицинская беседа. 1889. № 19. С. 280–284.

Шмелева М.Н. Русская одежда // Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук / Серия «Народы и культуры» / отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 2005. С. 316–353.

Щапов А.П. Значение народной женщины в антропологическом и социальном развитии русской народности // Щапов А.П. Соч. Т. 2. СПб., 1906.

Щербина Ф. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900.

Щербинин П.П. Плод страсти роковой. Солдатки и их незаконнорожденные дети в XIX – начале XX века // Родина. 2003. № 8. С. 47–51.

Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004.

Щербинин П.П. Жизнь русской солдатки в XVIII – XIX веках // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 79–92.

Энгел Барбара А. Бабыя сторона // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996. С. 75–91.

Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. М., 2010.

Энгельс Ф. Большие города // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 2. С. 263–310.

Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987.

Яковлев Н. Наша деревня в новом и старом. М., 1925.

Якубенко Л.В. Женская рубашка Белгородского региона // Белгородский краеведческий вестник. Вып. 2. Белгород, 2002. С. 59–61.

Якушкин Е.И. Обычное право. Вып. 1. Ярославль, 1896.

Янкова З.А. Городская семья. М., 1979.

Freeze G. L. Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia // The Journal of Modern History. Vol. 62. 1990. № 4. P. 733–735.

Научное издание

Мухина Зинара Зиевна

Семейный быт и повседневность
крестьян Курской губернии:
традиции и динамика перемен
в пореформенной России

*Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая*

Компьютерная верстка: *Е.А. Юрина*
Редактор: *О.Л. Милова*
Художник: *Е.В. Орлова*

Подписано к печати 5.07.2012
Формат 60x84 1/16. Усл.-печ. л. 17,5
Тираж 200 экз. Заказ № 21

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991 Москва, Ленинский проспект 32а